Presented to the
LIBRARY *of the*
UNIVERSITY OF TORONTO
by

Canadian Institute of
Ukranian Studies

B. of E.
CANCELLED
OCT. 1914

РУ́СКА ЧИ́ТАНКА

ДЛ́Я

НИ́ЖШОИ ГУ́МНИ́ЗІИ.

ЧАСТЬ I.

СОСТА́ВИЛЪ

ВАСИ́ЛІЙ КОВА́ЛЬСКІЙ,

ц. к. министе́ріальный конципи́стъ при министе́рствѣ правосу́дія и реда́кторъ Вѣ́стника зако́новъ-держа́вныхъ и правительства.

Цѣна́ экземпля́ря опра́вного въ полотно: 41 кр. м. к.

Тископеча́тано на́кладомъ правительства.

въ ВѢ́ДНИ 1852.

PG
3826
K65
1852a

1.

Правило житѧ.

Все съ Бо́гомъ начинай
И съ Бо́гомъ поступай
А на ко́нцѣ узрѣшь,
Що дѣло совершѣшь.

В. К.

2.

Д о́ б р а м а́ т и.

(по́для Гёбля.)

Въ ро́кѣ 1796, коли́ францѣзка а́рмїа по во́зворотѣ изъ Нѣмéччины по тамто́мъ бо́цѣ надъ Ре́номъ долѣ́къ розло́жена была, тѣ́жила одна́ ма́ти въ Швайца́рїи за сво́имъ сы́номъ, котры́й оставáлъ при а́рмїи и о котро́мъ она́ чере́зъ до́лгое вре́мя не могла́ ся нѣчо́го довѣ́дати и заспокоїти свое́ ма́тернѣе се́рдце. „Онъ мáе быти при ре́нскій а́рмїи,“ казáла до се́бе, „а Го́сподь Бо́гъ, котры́й менѣ его́ да́лъ, заведѣ менѣ до не́го,“ и быхавши поштовы́мъ во́зомъ чере́зъ пра́мъ св. Іоа́нна въ Базиле́и, и переѣхавши ко́ло виногра́довъ до Ѳндга́въ, почáла въ свое́й простодýшности и цеветли́вости, въ ко́й звыча́йно сѣтъ всѣ ѹмы́слы трево́жїи совча́стїа и надѣи, а ки́хъ ме́жи

На тóе не могла̀ сѧ онà оу҃жѣ дóлше вздéржати ôтъ внѣ́трешнего волнóванѣ чѣ́вствъ и сказа́ла: „Онъ то есть мóимъ сы́номъ, котрóго ѩ́ шѣ́каю,“ и ей чéстне шкайца́рске лицѣ́ выглáдало въ тôй хвúли за нáдто простодѣ́шно зъ несподѣ́ванои тои рáдости, любкѣ́ и изъ встыдъ; понéже сѧ встыдáла, що мáла бы́ти мáтерïю енерáла, перéдъ тáкъ мнóгими людьмú, а прéцѣнь не могла̀ тóго затаúти. Но господáрь сказáвъ: „Єслú рѣчь сѧ такъ мáе, дóбрам Пáне, то позвóльте, абы́ Вáшiи пáкѣнки вы́ложено зъ пошто́вого кóза, и менѣ́ тóго неотъкажѣ́тъ, абы́мъ зáѣтра рáно казáвъ запрагчú карѝткѣ, и Васъ повéзъ до Вáшого Сы́на до тáворѣ.“

Рáно, колú прибы́ла до тáворѣ и обáчила енерáла, пôзнала въ сей часъ въ немъ сы́на своéго, а молодà женщúна, котрà днѧ вчерáйшого сѧ нимъ говорúла, бы́ла то ей невѣ́стка, а дѣтúна ей внѣ́чокъ. Енерáлъ пôзнáвши свою́ мáтерь, сказáвъ до свóи сѣпрѣги: „Се онà!“ по чѣмъ онú сѧ поцѣловáли и поголѣ́вили, — а любóвь мáтернѧ и дѣтúнача, такъ ѩ́къ высóчество и крóтость спакúли до кѣ́пы въ одно́ чѣ́вство и проникáли сѧ рáдостнымú слёзáмú; — мáти зôстала черёзъ долгúй часъ въ надзвычáйнôмъ взрѣшенiю, и то неомáло мéньше черёзъ тóе, що нúнѣ своúхъ найшлà, ѩ́къ изъ за тóго, що ихъ оу҃жѣ вчéра вúдѣла.

Гостúнникъ повернѣ́вши до мѣ́ста мóвилъ: не падѣ́тъ, прáвда, грóши кóмнома до хáты, однáкожъ радúбнѣйше обы́шóлкы ôнъ сѧ былъ безъ двóхъ сотъ фрáшкóвъ, ѩ́къ колúвы не мáлъ вáчити тóго, колú дóбра мáти пôзнала своéго сы́на, и сы́на цáстье; а оповѣ́датель сего́ прилючéнѧ

замѣча́е: „Есть то найкра́шше сво́йство лю́дского се́рдца, що оно́ так рад̀о са́ придивла́е, сли прїятелѣ́ ли́ свояки́ непадѣ́йно зновъ са́ сзи-дѣ́тъ, и що оно́ тогды́ хотячи́ ли́ нехотячи́ не мо́же ина́кше, йкъ са́ ино́ о҃смѣха́ти або́ о҃тъ взрѣше́на ра́зомъ съ ни́ми пла́кати."

В. К.

3.

Пчолки́ и ихъ ма́ти.

Изъ у́лїя лета́тъ пчо́лки;
Во́скъ и мѣ́дъ сбера́ти;
Якъ пове́рнутъ о҃тъ робо́ты,
Вита́е ихъ ма́ти.

Що ма́ти повелѣ́ва́е,
Все чи́нятъ дѣ́точки,
Ко̀жде несѐ свою̀ пра́цю
До сво́и хи́жочки.

Такъ праці́ютъ чере́зъ лѣ́то,
Якъ зима̀ наста́е
И дѣ́тоньки и ихъ ма́ти
Досы́ть ѣ́сти ма́е.

Ра́зомъ ро́бятъ, ра́зомъ ѣдя́тъ,
И ра́зомъ ся тѣ́шатъ,
Щастли́вѣи суть, докóли ся
Ма́тере не ли́шатъ.

Чарнянъ Маковѣ́цкій.

4.

Байки Лессинга.

I.

Добродѣтельство.

„Ци маешь ты межи звѣрами болшого добродѣтелм надъ насъ?“ пытала пчола чоловѣка. — „„О, маю!““ отповѣлъ той же.

„А кого?“ — „„Овцю! понеже ей волна есть для мене потрѣбна, а твой мѣдъ лишь пріємный. Хочешь ли еще одну причину знати, для чого ю овцю за моего болшого добродѣтелм оуважаю, яко тебе пчолъ?““

„Дъже радамъ знати!“ — „„Овца дае менѣ свою волну безъ найменшои трудности; сли же отъ тебе хочъ польчити медъ, то всегда менѣ еще трева опасати см твого жала.““

II.

Левъ и зайцъ.

Левъ дозволилъ одномъ смѣшномъ зайцеви ближе см съ союю познакомити. Пользуючи см тою ласкою, запытался одного разъ зайцъ свого короля: „Ци правда то есть, що льва, котрого мы называемъ королемъ, може когось такъ легко перебудити?“ — „„Такъ есть, отповѣлъ левъ; и тое оуже не одинъ мудрецъ замѣтилъ, що мы великои звѣрѣ маемъ невну маленькъ слабость. Такъ н. пр. малъ есь чути, що слонъ, скоро хроканьке свинѣ зачуе, перелякае см чрезвычайно.““

„Ци такъ?“ перервалъ ему зайцъ и додалъ: „а то и ю теперь такожъ понимаю, для чого то мы зайцѣ такъ дъже боимо см псовъ!“

III.

Кѡнь и вѹкъ.

На дѣрзкѡмъ кѡнѩ гонѝлъ мовь вѣтеръ жвáвый хлопáкъ. Дѝкій вѹкъ поглáнѹвши на тóе клѝкнѹлъ до кѡня: „Встыдáйсѧ! Хлопчѝною прѣцѣнь не дáлъвымъ сѧ покодѝти!“

„„Но ѭ““ ѡтповѣлъ кѡнь, „„рáдо сѧ даю; но и ѧкà вы то для мéне вѹла чéсть, хлопчѝнѹ скѝнѹти изъ сéве?“

IV.

Орéлъ и гѹска.

Одногó рáзѹ запытáла сѧ гѹска ѡрлà: „Для чóго ты твоѝ молодѝ ѡрлáта питáешъ такъ высóко въ воздѹсѣ?“

Орéлъ ѡтповѣлъ: „„Я цѝжъ вы ѡнѝ порóсши въ нѣрье, могли сѧ ѡтважити пѡдлетáти до сóнцѧ, еслѝвымъ щѹ питáлъ при земли?““

V.

Вóлкъ и ѡвчáрь.

Пѡдчасъ морóкого повѣтрѧ вѹгинула одномѹ ѡвчарéви цѣла чередà овéцъ. Довѣдавши сѧ о тѡмъ вóлкъ привѹлъ оказáти своѐ сожалѣнье.

„Ѡвчáрю,“ сказáлъ ѡнъ, ци прáвда то, що тобѣ велѝке непáстье сѧ приключѝло? Тобѣ мáла цѣла чередà овéцъ вѹгинѹвши? Тáм люцéзна, смирéнна, толстà чередà! Менѣ жаль тебѣ, а самóмѹ свирáе сѧ на плáчъ!“

„„Дѧкѹю за сожалѣнїе пáне мáйстеръ ѡвчелáко,“ ѡтповѣлъ ѡвчáрь, и додáлъ: „„ѭ вѝджѹ, що ты дѹже чѹствѝтельного сéрдцѧ!““

„„„О! ѡнъ дѫже чѧвствйтельного сéрдца,““““ сказáлъ вѣрный волкогрызъ, лежáчїи оу̑ нóгъ ѡвчарѧ, „„„„скóро при нещáстю дрѫгого и сáмъ терпи́тъ.““““

VI.

Хлопчи́на и гáдина.

Разъ вáкнулъ сѧ хлопчи́на съ осквéною гáдиною, и кáже до нéи: „не вáкнувшымъ сѧ ѿ съ тобóю такъ рáдо, еслибысь не вы́ла везъ ѣди. Вы гадины̀ естѣ найлютѣйшими, невдячнѣйшими ствóрами! О! ѿ читáлъмъ, ѿкъ то сѧ однóмѫ вѣдномѫ селянúновн повелò, котрúй найшóвши въ корчѝ полѫзамéрзлѫю гáдинѫ, вúти мóже однѫ изъ твóихъ прародúтелей, пѫднáлъ ѣ зъ милосéрдїѧ и сухáлъ за пáзѫхѫ. Но залéдво прїйшлà злáѧ до себе, ѿтвдáчила сѧ скóмѫ довродѣтелевн такъ, що дóврый, жичлúвый человѣкъ черéзъ ей ѣдъ помéрлъ.“

„Чѫдю сѧ,““ ѿтповѣла гáдина, „„„ѿкъ сторóнными сѫть вáшн дѣвнсáтелѣ! во нáшн цѣлкóмъ шáкше тóе совúтїе оповѣдáютъ: Тóй довросердéчный человѣкъ дѫмалъ, що гáдина дóйстно замéрзла; а попéже то вы́ла однà изъ сорокáтыхъ гáдинъ, то сухáлъ ѣ колò сéве, авы̀ мóглъ въ дóмѫ крáснѫ шкóркѫ зъ ней знáти. Я цúжъ вы́ло тóе краснò?““

„Отъ молчѝ!“ ѿтповѣлъ хлопчúна. „Кóждый неблагодáрный знáе сѧ извинáти!“

„„„„Такъ есть, мóй скúне!“ перекáлъ емѫ отéцъ, котрúй присѫхувáлъ сѧ цѣлóй розмóвѣ. „Однáкожь, еслн вы сѧ товѣ придáрило колн чѧти о ѿкóй чрезвычáйнóй неблагодáрности, то испы-

тай все докладно, закимъ могли быть дозволити, аби на кого такъ нами кинено. Правдивій добродѣтель рѣдко коли сановказали собѣ неблагодарныхъ, наветь смѣло могъ въ честь людскости сказати, нѣколи . . . Але добродѣтель, которыхъ при свѣдченю добродѣтелькствъ цѣлію есть корыстолюбіе най самолюбіе, тій заслугуютъ, мой сыне, аби замѣсть ѳузнанъ неблагодарностъ въ лучѣ дознавали."

VII.

Лисъ.

Просвѣдоканый лисъ вкратовалъ са на мъру; но аби могчи на друге сторонъ са достати, загадалъ затримати са на корчи тернекомъ. Щасливо спустилъ са на тойже, однакожъ терне не мало его покололо. „Ождѣнній помочнику!" воскликнувъ лисъ, „котрій не могутъ помогчи, аби заразомъ и не покредили!"

В. К.

5.

Яка страка, така заплата.

Пекный вѣдный чоловѣкъ, котрого залѣдко на тое стало, аби собѣ могъ какалокъ чорного засухлого хлѣба кунити — пшолъ разъ по передъ гостинницю, изъ котрои запахи зъ розличныхъ стравъ выходячій въ его носъ такъ мило ѳударили, що онъ мимоволько справилъ са тудъ. Я вкило то въ самое полудне, где и емъ былъ часъ вкинати изъ торбы свой полуденокъ и трохъ поснити са. Мимодучій коло кухнѣ, стае на порозѣ, придивлае са всякой ксичцѣ и каже до себе:

„ай, ковѣто вѣти кѫхарёмъ! Оу҃жѣ самóю пáрою можъ вы жúти.“ . . . Зачѧвши тїи послѣдніи словà одúнъ зъ кѫтôвъ кáже до нéго съ смѣхóмъ: „„Я ктóжъ товѣ воронúтъ пáры? — еслú хóчешъ, годú тѫ вúжше, стáнь тѫ зъ вóкѫ, и живú съ „пáрою“, во онà и такъ за дáрмо кóминомъ выхóдитъ.““ — Поклонúвши съ за тóе, приближúлъ съ вѣдúный человѣкъ до óгнища, а вúнявши свôй хлѣвъ прóситъ, абы емѫ позвóлилъ кѫта тóйже надъ пáрою потрúмати. Кѫта и томѫ съ не супротивлáе, а вѣдúный отсѣжúвши свôй хлѣвъ, спожúлъ его смачнô ѩкъ мóже нѣкóли. Въ тôмъ надшшóлъ и гостúнникъ, котрúй изъ далéка все тóе вúдѣлъ и кáже, абы емѫ за пáрѫ заплатúлъ, во ôнъ въ тóе невхóдитъ, ктô и прô и ѩкъ оу҃ нéго спожúлъ;— за все емѫ налéжитъ съ заплáта! Вѣдúный сталъ говорúти и толковáти, що пáра и везъ тóго вúлавы везъ хôснà дла нéго кóминомъ оу҃летѣла; но все вúло надáрмо; гостúнникъ не ôтстѫпúлъ ôтъ своóго требóванà. На пóслѣдкѫ стáлъ просúти съ; и то вездѣ: и такъ онà стáли съ коробóдити ажъ на конéцъ вúшли на подвôрке, где надшшóлъ ѩкúйсь незнаéмый подорóжный. Онà призвáли его за розсѫдцà ихъ спрáвы, и оповѣли все изъ самóго почáткѫ. Розсѫдецъ вúсѫвавши все подрóбно, далъ такúй вúроку: що гостúнникови за кóждѫ стрáвѫ налéжитъ съ заплáта; и кáже до вѣдного: „Давáй невóже, що мáешъ!“ Той послѣдный вúнявши изъ кешéня два трóчкы подáлъ до рѫкъ розсѫдцеви, котрúй прихопúвши съ дô оу҃хà гостúнника завренькалъ трóчкáми и ôтдáлъ ихъ оу҃вóгомѫ назáдъ. На тóе пытáе съ

звѣмѣлый гостíнникъ: „„Щожъ то мáе значúти?““ — Розсѣдецъ: „Кà стрáка“ кáже, „такà запалáта! Онъ знáе, ѣкíй твоѣ пáра смáкъ мáе, а ты знáешь ѣкíй звѣкъ егò грóши мáютъ.“ Оўтѣшникши сѧ пойшóлъ къ дáлышѣ своѣ дорóгѣ, а корыстолювúвый гостíнникъ засоромúлъ сѧ, но всѣ вúсмѣяли егò лáкомство.

В. К.

6.

Зáгадка*).

Знáешь ли ты, ѣкъ ся óный
Прибóръ называ́е,
Що христíанъ краснò, глáсно
До цéркви съзывáе?
Ходѝ въ цéрковь, мóль ся Бóгу,
Гучúтъ и завóдитъ,
Але самъ, хоть му близéнько
До цéркви не хóдитъ.

А. Духновúчь.

7.

Баíки И. Балагѵра:

I.

Рáкъ и корóна.

Злокúла корóна рáка и несла̀ по надъ вóдѣ къ клюóвѣ. Рáкъ хотѣлъ вúхопити сѧ и задѣмалъ здѣрúти корóнѣ, цюкы клюóкъ розздѣвúла и кáже до нéи: „Корóно, голѣнко! ковъ товѣ сѧ молодѝ

*) Рѣшенье слѣдѣе на послѣднóмъ листѣ.

лѣта вериѣли!“ — Я воронѣ жалко са зровило, тай зачуѣла и вимовила: „Ба! ба!!“ — Я въ тотъ часъ рякъ вишалъ изъ роззѣвленого клюва.

II.

Вовкъ и телята.

Пасли са телята въ огороді на опони, а вава градкій полола. Вовкъ зайшовъ тоди, и взявъ на око телята; спераъ са на плотъ, хотячій перескочити въ огороді — ажь вава озрѣвши наровила крикѣ. — Я вовкъ нѣвыто онъ на телята и гадки не малъ, кажe: „Пекъ товѣ! черезъ вавиніи телята не можъ са и въ огороді подивйти.“

III.

Пчола.

Жаловала са пчола передъ Богомъ: „Господи, Боже! ёка ё непастайва, вѣднаъ мѣшка; роблю тяжко цѣлѣ лѣто — а въ осенй прійде завидный ворогъ, чоловѣкъ, всю мою працю, мѣдъ заверѣ, а менѣ вижене, що потомъ изъ голодѣ гинѣ.“ — „Щожъ вы ты хотѣла зровйти чоловѣкови, авы онъ тевѣ лякаъ са, та не напастоваъ?“ вопросйлъ ё Богъ. — Я она кяже: „Оуъ Боже! дай менѣ такѣ сйлѣ, щовы кождый чоловѣкъ отъ мого жалѣ згйвъ, товы оужѣ менѣ никто не рѣшилъ.“ — „Яка мала мѣшка, а колько злости оу нен! И за тебе, мизерна мѣшко, малъвы велитъ чоловѣкъ гинѣти!“ сказаъ Господь — „не онъ згйне, но ты згйнешь, скоро его оужалйшь. — И отъ того то часѣ пчола, скоро оужалйтъ кого, такъ зразъ и гйне.

IV.

Жмѣлъ и пчола.

На веснѣ со́лнце пригрѣло, але ещѣ ни за́морозк до́вре не пѣсти́ла, ни снѣгй не стаѧли, отъ лишк цо ле́дки лоза̀ та йка попѣкала; сухо́пилъ сѧ жмѣлъ, та до пчолы, — крѣтитъ сѧ долго̀ а нара́зъ загѣдѣ: „женѣмъ сѧ“ — Пчо́лка славе́нька, звычайно йкъ зъ весны, кымовла́е сѧ: „Най но“ — ка́же „въ осенй, йкъ сѧ доро́бимъ!“ —

Наста́ла о́сѣнк: жмѣлъ жикйлъ сѧ, где попа́ло черезъ лѣто, а про зймѣ не гада́лъ; — прййшло̀ въ осенй, сидѣтъ въ норѣ, бо нема̀ где пожикйти сѧ.

Пчола̀ наскера́ла въ лѣтѣ досыть ме́дѣ и на зймѣ, та и весе́ла совѣ прилѣта́е на кытришки до жмѣла̀ и ка́же: „Йѣ! повернѣмъ сѧ!“ — Я жмѣлъ голоденъ ледви о̀тъзва́лъ сѧ: „Оу̯мира́ю!“ И не долго̀ дыхалъ.

8.

О̀вца̀ и Ґазда̀. Байка.

Но разъ дру́гій въ одно̀мъ ро́цѣ
Зъ о̀вцѣ ру́но ґазда̀ бра́лъ;
Ти́хо лежа́ла на бо́цѣ —
Но йкъ съ во́лною никоры у̀дра́лъ,
Йкъ Валаа́ма о̀сли́ця
Зъ бо́лю чу́домъ прорекла̀:
„Чоловѣче! йѣ не кри́ця,
„Отъ! зъ ме́не кро́вь потекла̀!
„Не му́чь же мя такъ безъ мѣры,
„Тому́, щомь бы́для про́сте,
„Йкъ не ста́не на мнѣ никоры,
„На чѣмъ во́лна поростѐ?“

——— *Лука̀ зъ Ра́кова.*

9.

Прѝповѣ́дка на́родна.

До́брй дѣ́ти
Ро́дичамъ вѣне́цъ
А зл҃й дѣ́ти
Ро́дичамъ коне́цъ.

10.

Ѝпо́ньска роди́на.

(Изъ Цимерма́на.)

Пе́вна ѥпо́ньска вдовѝца, ма́ти трѣ́хъ сынѡ́въ, жѝла въ вели́ко́мъ недоста́тк҃. Рѣ́чна ро́ба́та ей дѣ́тій не бѣ́ла доста́то́чна къ о҆́дѣ́ржаню роди́ны. Кла́сѣ, коли́ она́ въ то́мъ прѝкро́мъ со́стоа́нію сѧ находи́ла, овѣ́щено дѣ́кретъ правѝтельства, котрѣ́мъ овѣ́щано зна́чнѣ нагоро́дѣ ко́ждомѣ, кто́вы зло́дѣ́ѧ ѥпко́го о҆тда́лъ до рѣ́къ справедлѝвости. Сыно́ве вдовѝцѣ о҆́мо́кнли сѧ безъ вѣ́домости ма́тери, цовы́ дла о҆́дѣ́ржанѧ ма́тери пожертвова́лъ сѧ одѝнъ зъ нѭ́хъ за злочѝнцѧ, про́чѝй же она́ ма́ли бѣ́ти допо́счнкали; жре́вѝй малъ означѝти зло́дѣ́ѧ. Наймоло́дшого, поне́же на не́го вѣ́пала тѧ́жкѝй то́й жре́вѝй, о҆тпрова́дили бра́тѧ до сѣ́дѝ. Овжа́лованый призна́лъ сѧ за́разъ до сѣ́дѣ́лного злочѝньства и зо́ста́лъ та́жко о҆́вѧзне́ный, а вшѝтелѧмъ вѣ́пла́чено о҆́тъ правѝтельства приреченѣ сѣ́ммѣ. Го́лосъ бра́тнѣи любвѐ о҆тъзва́лъ сѧ одна́кожъ къ нѭ́хъ сѝлно, а на нѭ́хъ про́сьвы и чере́зъ по́дкѣ́нстко дозволе́но нмъ, посѣ́цѝати мнѝмого злочѝньцѧ. О҆́зрѣ́вши его́ изнѣ́ра́ли онѝ свой чѣ́вства и пролнва́ли го́рькѝи сле́зы безъ всѧ́кого воздержа́нѧ, во дѣ́ма́ли, цо нѭ́хъ

никто́ не по́дслухъ. Но темни́чникъ, котрый тайно приглядалъ съ тому́ осовли́вшому́ дѣ́йствію, и не съ малы́мъ у́дивле́нѣемъ слы́шалъ голосны́й пла́чъ и рыда́нье, слѣ́дилъ, ско́ро они́ изъ темни́цѣ вы́йшли, за ни́ми аж до ихъ помешка́нъ. Якже дъ́же изъ́мѣлъ съ ни́хъ тъ́, почъ́вши, съ ни́мъ невымо́вимымъ жалёмъ ве́ргла о́тъ се́бе нещастли́ва ма́ти гро́ши, котрїи она́ про́чїи бра́тїя́ ко окъ́нъ кри́ ей принесли́: „И скорше колю́ зъ го́лодъ у́мерти," кликну́ла она́, „ня́къ у́тримъ́вати житьѣ́ моѐ за невинны́ кро́вь сы́на мо́го!" —

Темни́чникъ глъ́боко тронъ́тый тимъ новы́мъ прошика́ючимъ дѣ́йствїемъ, повѣ́глъ до сѣдїи́. Тако́жъ и то́го перена́ло подивле́нье и сожалѣ́нье. Оу́казне́ного приве́дено въ сей часъ пере́дъ не́го, и изтяза́но его́ зъ по́ка. Посто́янно зо́ставалъ о́нъ при ско́емъ пе́рвомъ созна́нію; ско́ро однако́жъ пересвѣ́дчилъ его́ сѣдїя́, що емъ́ есть свѣ́дома цѣ́ла таємница́. Тако́жъ призва́но и про́чихъ ово́хъ бра́тїй, но чѣ́мъ всю рѣ́чъ ня́къ найдокладнѣ́йше вы́яснено. Всѣ́хъ трёхъ изъне́но въ то́й уви́лли на во́лю, а похвала́ючи ихъ особли́въ сыно́вню любо́вь приповѣ́щано имъ нагоро́дъ. Сѣдїя́ звѣсти́лъ то́е великодъ́шне дѣ́ло Царе́ви, а то́йже вы́значилъ бра́тїямъ ро́чнъ пла́тъ на часъ ихъ всего́ житя́.

О́тъ то́го дня не зна́ла та́м родина́ жа́дного недоста́тку, а всѣ́хъ трёхъ сыно́въ вы́ло тое найбо́льше щастьемъ же не ви́дѣли о́ужѐ нѣко́ли, якъ ихъ ма́тери въ чѣ́мъ о́увыва́ло. Она́ же благодари́ла Бо́га, що ей далъ таки́хъ до́брыхъ сыно́въ. — Я такъ ста́ла съ та́м родина́ для числе́нныхъ ни́ньскихъ родинъ примѣ́ромъ ня́къ що до ко-

спѣтáнѫ дѣтѣй, такѫ и цю до дѣтѣннои любвѣ. Многїи видячй тѣю колйсь найвѣдинѣйшѫ родйнѫ стáкшѫю сѧ нарáзѫ найзасовинѣйшою вѫ цѣлѣй окрéстности, повторáли часто:

Кто енѣ съ Бóгомъ живѣ,
И рóдичѣвъ любитъ,
Тому щáстье плывѣ —
Онъ ся не загýбитъ!

В. К.

11.

Прáпорѫ.

Одйнѫ кравéцѫ, котрый ѫорокáлѫ разѫ дѫже невеспéчно, малѫ такйй сóнѫ: Видѣлѫ надѫ свóєю головóю повѣвáючйй прáпорѫ чрезвычáйнои велйчинѣ, складáючйй сѧ изѫ многéства кѫскóвѫ розлйчныхѫ матéрйй, котрыхѫ накрáлѫ черéзѫ сóрокѫ лѣтѫ, óтѫ колй занимáлѫ сѧ свóймѫ ремеслóмѫ. Ангелѫ смéрти держáлѫ вѫ однóй рѫцѣ той велйкій прáпорѫ, а дрѫгою рѫкóю, вѫ котóрой находйло сѧ предóлгое кóнїе, дотыкáлѫ сѧ его кóкѫ, вѫ котрóмѫ ѫкѫ дѫмалѫ кравéцѫ, мáла его сóвѣстѫ своѣ свѣтлице. Провѫдйвши сѧ зрокйлѫ кравéцѫ овѣтѫ: сóвѣстно исполнáти всѣ порѫчéнїѧ, ѫкїнвы полѫчйлѫ на вѫдѫчнóсть óтѫ свóихѫ знаéмыхѫ, еслйвы повернѫлѫ до прéжного здорóвѫ. И вѫ йстѣ вѫздоровѣлѫ по ѫкóмѫсь врéмени, но понéже не довѣрáлѫ постоянности свóихѫ засáдѫ, наказáлѫ однóмѫ изѫ свóихѫ челáдникóвѫ, авы приходйлѫ емѫ на пáмять „прáпорѫ“ кóждого рáзѫ, колй лйшь овачитѫ его краючого ѫкѫ матéрїю. Каждѫ кравéцѫ слѫхалѫ черéзѫ досыть дóлгое

крѣма точно напоминанїй скоро вачного челадника, — но коли одного раз ѣкїйсь богатый Панъ келѣлъ его до себе заклйкати, авы смъ изъ дъже дорогои матерїи зровилъ одѣжъ, выла довродѣтель того чѣстного чолокѣка выставлена на занадто келйке искъшенїе, авы са не розвйла о тъю скалъ. Прикройвши сѣкно на речѣнъ одѣжъ приложилъ ножицѣ до выкросна одноп еще камѣзельки; но перервалъ паразъ его въ той роботѣ памятный челадникъ словами: „а прапоръ пане майстеръ!“ На тое сказалъ старый практикъ: „Сей ночи присилъ са менѣ повторно прапоръ, и менѣ са видитъ, що въ немъ межи прочими и такого еще сѣкна, ѣкъ се подъ моею рѣкою, пестакало, отъже авы прапоръ былъ достаточно розноцвѣтымъ, то не могъ залишити сей хорошои способности, авымъ симъ къскомъ не причинилъ са до его оу̂совершена.“

Такъ то кажѣтъ: На все найде са вымовка; а кто хоче пса оу̂дарити, то найде и костъръ.

В. К.

12.

Два спѣваки.

До лѣведя промовлялъ величаючій са шпакъ: „о моцъ пѣснѣ̂ъ пълъ свѣта говоритъ; таже во и есмь не оу̂томимымъ и спѣваю свѣтъ о̂тъ рана ажъ до поздноп ночи.“ —

Лѣведь только молчкомъ далъ отвѣтъ погордѣнїа на тъю самохвалькъ. Выкъ однакожъ годйна смерти лѣведя скапжйла са, заспѣвалъ онъ свою пѣрвъ и послѣдню пѣсоньку, але такъ жалостно, такъ чъвствйтелно, же са на вѣчнъ

пáмать втискáла въ сéрдца всѣхъ, котрй го слꙋхали. Давнò загйнꙋло въ пáмати славóльне щебетáньe шпáка, ѩкъ ещѐ вспоминáно всюды чꙋвствйтельнò о тôй однôй крáснôй пѣсни оꙋмирáючого лéбедя.

Не мнóжество — но совершéньство дѣлъ рóбитъ такóжъ и чоловѣка благороднымъ.

——— *В. Зборóвскій.*

13.

Лисъ и когꙋтъ.

(Бáйка.)

Съ западáючимъ змрóкомъ занáли кꙋры свой сѣдалá и лáгодили ся на нóчлáгъ, ѩкъ нарáзъ лйсъ голóдный прййшóлъ до нйхъ съ такóю новйною: „Прихóджꙋ прóсто изъ лѣса, где птйцѣ и звѣрѣ такꙋ рáдꙋ рáдили, авы мéжи всѣми животнами ôтъ нкнѣ всáка несгóда ся закôнчйла а мѣсто нéи вѣчный мйръ настáлъ — Цѣлѐ собранїе оꙋзнáвши тóго всеконéчнꙋ потрéбꙋ оꙋхвалйло, авы предксёмъ колкй съ ôцáми а лйсы съ кꙋрьмй ся о тôмъ порозмѣлй; и на мéне выналъ той щастлйвый жрéбій васъ о тôмъ завѣдомити — а ѩ нéрвый хóчꙋ тóе дѣломъ ствердйти, же ôтъ сéи годйны вꙋдꙋ съ вáми миролюбно жйти. Єслй вамъ оꙋгóдно éсть о тôмъ ся переспѣдчити, то лйшь зъ вáнтôвъ вáшихъ до мéне злетѣтъ, а ѩ васъ братолюбно притйснꙋ до мóго сéрдца, ѩкъ ещѐ нѣкóли не видáлисте анѣ чꙋвáлисте.“ — Кꙋры рáдꙋючи ся изъ тóи новйны стáли нарáзъ кодкодáкати; но одйнъ когꙋтъ похвалáючи тꙋю всеóбщꙋ оꙋхвалꙋ пôднесъ гóловꙋ до горы и стáлъ ся въ одинꙋ стó-

ронѫ цюсь дѫже дивйти. Побачивши тое сердéчный лйсъ конросйлъ когѫтà: „а чогò ты брáте за éдно такъ гóловѫ до горы задирáешь?“ На тóе кáже когѫтъ: „И выглядáю стрѣлцà съ псáми, котрїи ôтъ и óгѫжѐ надѣгáютъ; но рáдъ вымъ, аѣы са и онй тóю новйною потѣшили и съ товóю початóкъ тóго вѣчного мйра дѣломъ ствердйли.“ Скóро шò лйсъ за псы óгѫчѫлъ, ѣкóсь мѫ са нарáзъ зровйло не дóверѣ; тай перекáнымъ гóлосомъ, мовь зъ перепѫдѫ, кáже до кѫрїй: „Бывáйте здорóвй!“ Я когѫтъ на тóе: „Але заждй, брáте; сáмъ до тéбе залѣзѫ — во псы óгѫжѐ и тѫтъ.“ Лйсъ залéдво ещѐ сказáлъ: „Псамъ о тôй óгѫкáлѣ зъ лѣса ещѐ ничъ не овѣщéно“ и дрáпнѫлъ, цо са за нймъ ажь закѫрйло.

Незадóлго потóмѫ опамятáли са и кѫры зъ своóго одѫрѫ и сказáли когѫтóви: „такóй то, цо голова, то и рóзумъ!“

Не вѣрь лéгко сéму, тому;
Звѣдай на самъ передъ: „кому?“

В. К.

14.

Побѣждéньке зла.

Трудй са непрестáнно, цобы та óгнйлость не докелà до нѫжды.

Подвергáй себѐ закóнамъ общества, въ котрóмъ жїёшь.

Нѣкóли не ôтходй ôтъ прáвды.

Обходй са съ всѣми людьмй чéстно и справедлйво.

Постѫпáй и говорй всегдà йскренно.

Бѫдь óгслѫжлйвъ кóждомѫ человѣкѫ.

Обходи́ сѧ съ всѣ́ми по лю́дски.

Не дѣла́й нѣчо́го, що́бы ти встыдъ, пока́нье и неоу́довольство приспори́ти могло́.

Встыдайсѧ само́го себѣ́ бо́льше, я́къ и́ныхъ люді́й, а сохрани́шь невинно́сть дꙋ́шѝ.

Слѣдꙋ́й чꙋ́вствію, котро́е Сотвори́тель въ се́рдцѧ на́шѝ вклада́лъ, а оно́ не заведе́ тебѣ́ на вездоро́жа.

Испы́тꙋ́й себѣ́ само́го ко́ждого ве́чера, за ко́лько чере́зъ цѣлы́й день въ до́брѣмъ постꙋ́пилъ есь на пере́дъ.

Быстерѣга́й сѧ прїйти́ въ исповѣ́нье и не довѣра́й си́ламъ тво́имъ.

В. Во́лянъ.

15.

Спо́ръ звѣ́рѣвъ о превеньство́.

(По́для Лессі́нга.)

Одно́го ра́зꙋ повста́лъ ме́жи звѣра́ми вели́кій споръ о первеньство́. Яко́ то́йже зала́годити, ка́же ко́нь: „Закли́чмо чолове́ка за розсꙋ́дца то́го спо́рꙋ! Онъ не належитъ до жа́дной спо́рной стороны́ и мо́же про то́е вы́ти безстороннымъ въ то́й спра́вѣ.“

„Ма́ежъ ли о́нъ ро́зꙋмъ къ то́мꙋ потре́бный?“ замѣти́лъ кре́тъ. „Смꙋ́ трѣ́ба я́къ найпроницли́вшого, яко́ мо́гъ розпо́знати на́шѝ ча́сто глꙋбо́ко оукры́тїи совершѣ́ньства.“

„Дꙋ́же мꙋ́дро ска́зано!“ окрикну́лъ сѧ хома́къ.

„Въ и́стѣ!“ додалъ тако́жъ ёжъ. „Не хо́че сѧ вѣ́рити, яко́ чолове́къ доскы́ть быстроꙋмнымъ былъ въ то́й спра́вѣ.“

„Молчѣ́ть!“ росказа́лъ ко́нь. „Мы о́ужѣ зна́емъ: же кто наймѣ́ньше свои́ спра́вы есть пѣ́вный, той за́кседы е́сть гото́въ соминѣва́ти сѧ взгля́домъ ро́зумѹ свого́ сѫдѣ́нь.“

На то́мъ ста́ло, що чолов҃ѣ́ка зроблѣ́но розсѫдцемъ. —

„Только ещѣ́ сло́ко позво́ль менѣ“ сказа́лъ величествѣ́нный лѣ́въ, „за́кимъ дасѣ́ кы́року! Но ѥ́кому́ прави́лъ, чолов҃ѣ́че, хо́чешъ на́шъ ка́ртость оцѣни́ти?“

„Но ѥ́кому́ прави́лъ? Безъ сомнѣ́нѣя по́дла-стѣ́пена“ о́тповѣ́лъ чолов҃ѣ́къ, „ѥ́къ вы менѣ́ бо́льше або́ мѣ́ньше о́ужито́чными есте́.“

„Такъ!!!“ замѣ́тилъ о́ураже́ный лѣ́въ. „Но, товы́ менѣ́ прїи́шло доскы́ть далѣ́ко за о́сломъ сто-а́ти! Ты не мо́жешъ спо́рѫ на́шого кы́ти розсѫдцёмъ, чолов҃ѣ́че! Онѣсти́ на́ше совра́нье!“

Чолов҃ѣ́къ о́тъишо́лъ. — „Я ви́дишъ“ сказа́лъ рѕга́ючїи сѧ кре́тъ, а съ нимъ о́тъзва́лъ сѧ хома́къ и ѣ́къ къ такїи́же самъ то́нъ: „а ви́дишъ, ко́нко! и лѣ́въ такъ са́мо дѫмае, ѥ́къ мы, що чолов҃ѣ́къ не мо́же кы́ти на́шимъ розсѫдцёмъ.“

„Но цѣлако́мъ зъ и́ныхъ и кажнѣ́йшихъ при-чи́нъ ѥ́къ вы!“ сказа́лъ лѣ́въ и подникну́лъ сѧ на нихъ съ презрѣнїемъ. Потѣ́мъ продолжа́лъ свою рѣчь такъ: „Спо́ри о первенькство́, если то́е до́вре розка́жѫ, не ведѣ́ до нѣчо́го до́вроно. Держѣ́ть менѣ́ за пе́ршого или за послѣ́дного, то менѣ́ одна́ко, — Но ѣ́ самъ себѣ́, зна́ю!“ И съ ти́мъ онѣсти́лъ совра́нье.

За ни́мъ кы́йшолъ мѫ́дрый сло́нъ, во́дрый ти́гръ, пова́жный медвѣ́дь, хи́трый ли́съ, благоро́дный ко́нь, коро́тко всѣ, котрїи, себѣ́ и свою

вáртôсть пôзнавáли, абò здавáли ся тѣю пôзнавáти. Межи ты́ми, що на конéцъ вы́йшли и дѫже ся погры́зли тимъ совráнïемъ, бы́ли мáлпа и óселъ. —

В. К.

16.

Молодый́ зáяцъ.

Попáжнымъ крóкомъ,
Якъ бы велúкій зýхъ
Повернýлъ змрóкомъ
Домôвъ молодый́ сплюхъ:
Нôсъ му скрвавлéный,
Чолò бы́ло збúте
Рóтъ розвалéный . . . .
„Подивýй ся свѣте!
„И бýдь справедлúвъ
„Въ назы́ваню звѣрѣвъ —
„Зáяць не трусли́въ!
„Одúнъ изъ стà примѣрôвъ
„Дáлъемь нынѣ всѣмъ,
„Дѣломъ т и мъ моймъ!!“

„„Та якúмъ, якúмъ?““
Вопроси́лъ егò дѣдъ,
„„Велúкимъ? новы́мъ?
„„„Мсти́лъ есь ся за свôй рôдъ!
„„„Ци на стрѣльцѣвъ выпрáва?
„„„Ци съ псáми бы́ла спрáва?““
„Нѣтъ! я сп бúлъ,
„Що стáло сúлъ . . . .
„Съ м ы́ш ію въ дѣрѣ,
„Где жáдній звѣрѣ
„Не мáлибы охóты
„Выробля́ти ей псóты!“

В. К.

17.

Левъ.

Левъ есть одинъ изъ найстрашнѣйшихъ звѣрѣвъ. Онъ мае поважный и величественный видъ и для того называютъ его въ баснахъ царёмъ всѣхъ звѣрѣвъ. Надзвычайна сила соединае са въ нѣмъ съ удивительною легкостію. Зубы его такъ сильні, що легко може роздровити и найтвердшій кости. Очи его свѣтатъ са въ темности такъ ѡкъ отъ кота; онъ и въ ночи добре видитъ. Страшный рёвъ есть его звычайный голосъ, который дуже далеко розлагае са. Онъ мало коли спитъ и легко провуджае са; ходитъ гордо и покажно. Онъ потребуе для годенного поживленя надъ 15 фунтовъ мяса. Иѣ мало, но лекше може стерпѣти голодъ ѡкъ жаждъ. Всѣ звѣрѣ его боятъ са, для того часто причаюесь и ховае, щобы зловити ѡкое нивудь животно. Постерегши свою довчинъ, мече са на нио внезапно изъ свои заседки, роздирае оно назорами и рве зубами, потрасаючи при тому своею долгою гривою, которою голова его и шыя сутъ покрити, и мае хвостомъ съ великою силою. Онъ любитъ лучше мясо большихъ звѣрѣвъ ѡкъ малыхъ, особливо телятъ и молодыхъ слоновъ, которі не маютъ еще зубовъ и не могутъ боронити са.

Въ Европѣ и Америцѣ львы не родятъ са. Отечестномъ ихъ сутъ розлагаи африкански степы и горачи азіатски стороны. Чимъ горачейшій климатъ, въ которомъ они жіютъ, тимъ сильнѣйшіи, отважнѣйшіи и свирѣпшіи бываютъ. Въ большихъ степахъ и въ овце въ всѣхъ необитае-

мыхъ частѣхъ южной Азіи и Африки находятъ ся ихъ досыть много. Будучи еще молодыми живутъ лишь по степахъ и пустарахъ; но скоро начинаютъ ся старѣти и стаютъ ся неспособными къ ловли дикихъ звѣрѣвъ, привлажаютъ ся къ обитаемымъ мѣстцемостѣмъ и бываютъ опасными для людій и для домашного скота, хотя и рѣдко нападаютъ на перыхъ, если тіи не роздражаютъ ихъ.

Левъ бываѣ 8 до 9 стопъ долгій и 4 до 5 стопъ высокій. Львиць меншій есть ѣкъ львы, и тѣмъ отличаютъ ся отъ послѣднихъ, що не маютъ гривы, есть такожъ свирѣпій, особливо коли ся находятъ при львятахъ. Изъ всѣхъ животенъ не боятъ ся льва лишь носорогъ, тигръ и слонъ. Левъ войтъ ся змій; но васнѣ голосати, ѣковы они мали ся страхати цѣлаго корста.

Львовъ ловятъ часомъ великими привчеными до того собаками. Ихъ кожа есть грѣба, однакже можно ю легко клею прострѣлити або копіемъ провости, хотя они отъ одной раны не скончаютъ ся. Раненый левъ мече ся съ всею встеклостію на свого гонителя. Ловятъ ихъ такожъ къ выконанію гадокій ѣмы, которіи зъ легка хворостомъ прикрываютъ. Коло ѣмы кладѣтъ ѣкое нивѣдь животно, которое левъ оузрѣвши мече ся на него цѣлою силою и оупадаѣ къ ѣмѣ. Такимъ способомъ зловленый левъ на дармо шибае ся по ѣмѣ и теряѣ свою водросты. Тѣтъ заразъ приспѣшаютъ чатьючіи зъ далека ловцы, кладаютъ зъ горы цѣны на него, накладаютъ на мордѣ каганецъ, и отпроваджаютъ кѣда имъ оугодно. Есть такожъ отважніи люде, що оупосатъ

молодѣи лькáта, а еслѝ за нѝми гóнитъ лькѝца, то онѝ мéчетъ ей одно́ левáтко, а колѝ она́ тóе занóситъ назáдъ въ свою́ печéрѣ, оу́дае́ сѧ тимъ чáсомъ оу́йтѝ дерзкимъ лóвцамъ.

Хотѧ́ тотъ звѣ́рь такъ есть свирѣ́пый, однáкожъ мóжно его́ оу́кротѝти; о́нъ за мóлодѣ звлокáный и мéждѣ домáшнымъ скóтомъ вы́хованый, привыкáе до человѣ́ка. Въ їстóрїи придыкѣемъ, що въ дрéвныхъ временáхъ запрягáли чáсто лькóвъ до трѣмфáлныхъ колесѝцъ. Такожъ въ їстóрїи находимъ примѣ́ры, ѩкъ тїи звѣрѣ́ пáкеть въ дúкости своей памѧтáютъ того, кто имъ разъ ѩкѣ́ добрó сдѣлáлъ.

В. Волянъ.

18.

Найденїи óслы.

Три пѣстаковáтїи исóтники надыкали одного рáзъ жидкá споко́йного, котрóмѣ хотѣли досадѝти скóпымъ дотѣпнымъ концéнтомъ. „Дóбрый день, óтче Авраáме!“ мóвилъ пéрвый.

„Дóбрый день, óтче Ісаáкѣ!“ крычáлъ вторый.

„Дóбрый день, óтче Якове!“ додáлъ трéтїй.

„Ошивáете сѧ, мої Панóве“ отповѣлъ сѧ смѣхомъ жидóкъ; „ѩ не называю сѧ анѣ Авраáмъ, áнѣ Ісаáкъ, áнѣ Якокъ; но Сáлъ, сынъ Кúса, котрый выйшолъ гладѣти óслóвъ своего отцá, и вáчѣ . . . се, онѝ сѣть здѣ.“

В. К.

19.

Самохвáльство.

Два кѫпцѣ стáли сѧ одного рáзъ скарѝти, при чѣмъ одѝнъ дрѣгомѣ, авы его́ ѩкъ глѣпца

вѣставити, сказа́лъ: „И бымъ тебѣ скорше сто ра́зъ продалъ, за́кимъ бы ты менѣ одинъ разъ!“

„О то́мъ ѿ на́вѣть сѧ и не сомнѣва́ю“ сказа́лъ дрꙋгій; „поне́же за те́бе не далъ бы нѣкто́ зло́маного гроша́.“

В. К.

20.

Гордаѧ гꙋска.

„Кто вы́рѣкнѣе менѣ въ возду́сѣ, на мо́ри?“ крича́ла го́рдаѧ гꙋска: „Не ѹ̑мѣю ли ѿ пла́кати? лѣта́ти? Кто, ѿкъ не мои́ пре́дки вы́ратовали Ри́мскій Капїто́лъ?“

„Въ и́стѣ“ перерва́лъ мꙋдрый корꙋтъ цѣветли́вой самохва́лицы, — ты ѹ̑мѣешь лѣта́ти, одна́кожъ ѹ̑дара́ешь кри́лами о зе́млю; а смотрѝ но на о̑рла̀, ци долети́тъ твой зра́къ до не́го, не мо́влю ѹ̑жѐ, ци взнесе́ешь сѧ ты сама̀ такъ высо́ко; ты ѹ̑мѣешь и пла́кати, одна́кожъ наймѣ́ньша ры́вка лꙋ́чше о̑тъ те́бе пла́ѧе; — отъ, всего̀ ѹ̑мѣешь по тро́ха, а нѣчо́го до́вре, а тимъ мѣ́нѣе совершѣ́нно!

Не то́е „що“, но „ѿкъ“ кто що зна́е и ѹ̑мѣе, чи́нитъ его̀ сла́внымъ.

В. К.

21.

Сре́дство проти́въ сме́рти.

Зъ пѣ́кного малѣ́нького мѣстѣ́чка, въ которо́мъ кра́йна нꙋ́жда мѣ́шкала, прїйшо́лъ дꙋ́же вѣ́дный чолов҃ѣкъ до головно́го мѣ́ста, и просилъ одно́го жестокосе́рдого богача̀, абы ѹ̑милосер-

дѝлъ сѧ надъ нимъ и далъ емꙋ мѝлостиню. Но богáчь хотѧчѝ егѡ ѿправѝти сѧ нѣчѝмъ, ꙋказáлъ емꙋ двéри, въ котрыхъ оверѝвшисѧ жевракъ сказáлъ: „Дáйте менѣ що нивдь, а ѿкрыю вамъ спóсобъ протѝвъ смéрти.“ Тѝи словá взвздѝли въ богачѝ цѣкавóсть, и дарѝлъ вѣдного цéдрою мѝлостинею, котóрꙋ полꙋчѝвши жевракъ ѿтвѣчáлъ: „срéдство есть тóе: Вы естѐ богáчь; перемѣстѣть сѧ въ нáше мѣстéчко, въ котрóмъ еще нѣкóли богáчь не ꙋмéръ.“ — Богáчь лéгко тое ѿтгадáлъ: „но егѡ ꙋ васъ мóже нѣкóли и не вылo“ но замóлкъ.

В. К.

22.

Крéчный человѣкъ.

Запытáно разъ óвире знáного крéчного человѣка, где ѡнъ сѧ навчѝлъ такóи чéмности и крéчности — на що ѡнъ ѿповѣлъ: „ѩ жилъ по вóльшóй чáсти мѣжи нечéмными и некрéчными людьмѝ; но изъ всегѡ тóго, що онѝ дѣлáли, ровѝлъжмъ протѝвное, а такъ ѩ цѣлкóмъ ѿтъ нихъ ѿтродѝлъ сѧ.“

В. К.

23.

Вóлъ и оселъ.

Бáйка.

Разъ вóлъ съ ослóмъ на пáствиску
Зайшлáй, собѣ въ свáръ:
Котрóму зъ нихъ бóльшiй рóзумъ
Дáли бóзи въ даръ?
„Мудрѣйшiй ѩ“, кáже вóликъ;
Но óселъ: „„ба! ѩ““
„Мой прáвда!„ тамтóй кáже,
Но сей: „„нѣ, мокѝ.““

И та́къ ся ва́дили да́льше
Зубъ за зубъ засно́лъ;
Волу́ неуступи́лъ о́селъ,
Ни о́слови во́лъ.
Ажь на коне́цъ сгоди́ли си
На то́е оба́:
„„„Здаймо спо́ръ нашь на розсу́дцѣвъ —
Отъ! ходѣмъ до. льва̀.
То па́нъ мо́жный и уче́ный
Зна́е всему́ стро́й
Онъ пра̀ву намъ ска́же щи́ру
Ци твой верхъ, ци мо́й!““““
Прійшли́ предъ льва̀ — склони́лися,
Вы́точили рѣчь.
Той зи́ркнулъ на ни́хъ зъ укоса
Не ре́къ зъ ра́зу ни́чъ;
Но наконе́цъ по роспра́вѣ . . . .
Вы́далъ судъ такій:
„„„На що сва́рки? коли́ оба̀
Єстѐ дураки́!““““
Такій отвѣ́тъ взя́вши — пойшли́
Спусти́вши но́съ въ до́лъ.
Котры́йже зъ нихъ вы́гралъ спра́ву?
Ци о́селъ? ци во́лъ?
То не зна́ти; либо́нь жаденъ — —
Тому́ то ещѐ
Ви́дно зъ гу́ста, що во́лъ съ осло́мъ
За ро́зумъ си прѐ.

24.

Штѫчка.

Одно́го ра́зѫ, коли́ Лю́довикъ XIV., коро́ль францѫзскій пересмо́трѫкалъ во́йско, ова́чилъ пе́вный селяни́нъ, що на его́ ни́кѣ, котрѫ засѣ́калъ горо́хомъ, стоя́лъ цѣлый по́лкъ, котры́й такъ потопта́лъ горо́хъ, же изъ него́ и слѣдѫ не вы́ло.

Селянинъ, который съ многими иными зрѣтелями вышолъ на мѣстце пересмотрѣ войска, не могъ са зъ разъ опаматати очичкши ничь чорнѣ землю тамъ, где еще передъ увилею зеленѣлъ са рѣстый горохъ. Отамкнши са однакожъ оуложилъ совѣ штѣчкѣ, котра емѣ вынагородила понесенѣ шкодѣ. Скоро слѣчаемъ король сближилъ са къ немѣ, почалъ оньзъ цѣлого горла кричати: „Чѣдо! чѣдо!“ — „„Я чого такъ кричишь?““ вопросилъ его проѣзджаючій порѣчникъ; — Но селянинъ не даючи емѣ жадного отвѣта кричалъ еще голоснѣйше: „Чѣдо! чѣдо!“ Той неоустанный крикъ дойшолъ на конецъ аж до короля, который запытался селянина о причинѣ его крикѣ. „Ваше Величество, милостивѣйшій Пане!“ сказалъ селянинъ: „Я посѣялъ на сей ролѣ горохъ, а тепер зъ него са сталo чѣдо, но повыростали самѣ вожкѣ!“ Тая дотѣшность селянина подобала са королеви дѣже, а селянинъ хотя не сбиралъ горохъ изъ своѣ ролѣ, малъ однакожъ зъ ласки свого короля полнѣ мѣхи горохъ.

B. K.

25.

Любa днина.

Сонце всходитъ,
Днѣнка мила,
Пташки встаютъ
И гукаютъ
По дубинѣ,
А въ долинѣ
По подъ гаѣ
Солоденько
Милесенько
Приспѣвае
Изъ травочокъ
Скакуночокъ.
Любѣ цвѣты,
Весны дѣти,
Оужѣ встаютъ,
Свой личка

Отвера́ютъ,
До со́ненка
Оберта́ютъ.
То взлѣта́е
То нуря́е
То цвѣто́чкомъ пригра́ваѐ —
То закипи́тъ, забулькоти́тъ
То съ камѣнцёмъ ся посвари́тъ,
То запла́че, то щось ще́пче,
То съ собо́ю ся сколо́титъ
То зно́въ спо́чне, подума́е,
То зно́въ прудко оу̑тѣка́е.

Жавро́ночокъ
По воздусѣ
А пото́чокъ
Ге́нъ, ге́нъ въ лузѣ

Люба дни́но! ѩ̑кжесь ми́ла!
Якъ все тѣшитъ ся тобо́ю!
Якъ всёсь житьёмъ пристройла
Щастьёмъ, ми́ромъ и любво́ю!

И. Наумо́вичъ.

26.

Богъ зна́е, чимъ чолокѣка карати ма́е.

Былъ оди́нъ госпо́дарь замо́жный, и до́вре замо́жный; малъ вздки́нко̀къ доста́ткомъ, ви́ло где и съ чимъ дѣти ся. Малъ о̑нъ оу̑ се́ве едно́го ра́зъ го́стѣ, та сказа́лъ до ни́хъ: „Ковы мои вздки́нки погорѣли, ѩ̑ вымъ зна́лъ, где и ѩ̑къ ста́вити ся.“ — Но о̑нъ дзфа́лъ ихъ гро́ши, а ма́лъ ихъ тако́й хоро́шихъ. — Рѣкъ, и ста́ло ся . . . коли́ такъ ся го̀стьми завакла́е, ажъ ви́йшолъ кто́сь на дво̀ръ, а ещѣ ско́рше верну̑лъ ся и мо́витъ: „Горитѣ!“ — Я господарь: „Най тами, во ѩ̑ такъ хо́чу̑.“ — И са́мъ не гаси́лъ и дрзгимъ не да́лъ гаси́ти, и такъ спопелѣло все, що̀ мѣстце ся лиши́ло. Я о̑нъ ва и дзже и не жзритъ ся; а

мѣ́шкалъ надъ водо́ю, та въ верѣ́ захова́лъ свої́ гро́ши, то совѣ́ и безпе́чный былъ. Неба́вкомъ спа́ла велика́ по́вѡдь, и за́кимъ огля́нѡвъ ся, вода́ ѹ́жѣ верѣ́ подмы́ла, та и понесла́. — И тогда́ ста́лъ о́нъ вѣ́днымъ, що прійшло́ ся емѣ́ дрѣ́гимъ слѣ́жити: мѣ́сѣлъ пана́мъ лі́сты носи́ти.

Прида́ло ся разъ, що пшо́лъ съ лі́стомъ и заско́чила его́ но́чь въ доро́зѣ; що́ж тѣ́ръ робі́ти? про́ситъ ся до одного́ чолові́ка на но́чь, а вки́лъ то́тъ чолові́къ до́вре ся маю́чій, былъ и лю́дяный, такъ ка́же: „До́вре, тажь менѣ́, чолові́че, ха́ты не перелѣ́жишь.“ — За тымъ ча́сомъ жѣ́нка зварила вечеря́ти, а повечеря́вши Бо́гъ ся помоли́ли, и за́кимъ спа́ти полага́ли, то о то́мъ то о сѣ́мъ балака́ли совѣ́. И ста́лъ подоро́жный розка́зовати, ѩкъ то и самъ былъ замо́жный, ѩкъ погорѣ́лъ, и на вѣ́дь прійшо́лъ. „Малъ ѩ, ка́же, еще́ тро́ха гроша́ и схова́лъ мы былъ въ верѣ́, але надъ́йшли́ велі́кій [во́ды, подмы́ли верѣ́, а мої́ гро́ши пійшли́ ся водо́ю! — Такъ ѩ ся ничи́мъ оста́лъ ся, а тепе́рь прихо́дитъ ся не разъ проси́ти хлѣ́ба ѹ́ люді́й.“

Ско́ро госпо́дарь то́е почу́лъ, гля́нѡлъ на свою́ женѡ́, во та́ верба́ прилы́ла вы́ла подъ ихъ сто-до́лъ, а коли́ взя́ли ю рѡбя́ти, поскы́пали ся изъ не́и гро́ши. — Вки́йшли они́ ове́ въ комо́рѡ, и ста́ли ра́дити, ѩкбы то емѣ́ тіи гро́ши ѳтда́ти, що́въ о́нъ и не зна́лъ, зъ ѳтки то ся они́ ѹ́ не́го взя́ли. Ра́дять; але́ ка́же госпо́дарь: „Отъ що зро́бимо? ѳткро́ймо въ хлѣ́вѣ спо́дъ, вкы́веремъ мягкѡ́шкѡ, вло́жимо гро́ши, и зновъ закры́емъ шкѡ́ркою, а ѩкъ ѳтходи́ти вѣ́де, дамо́ емѣ́ нѣ́бы то на доро́гѡ.“ — Такъ и зробили́: на дрѣ́гій день,

колѝ бра́лъ ся да́льше итѝ, даю́тъ емꙋ̀ вохонѣ̀ хлѣ́ба и ка́жꙋтъ: „Возьмѣ́тъ! здасть ся въ доро́зѣ.“ — Взя́лъ, склони́лъ ся, и по̀йшо́лъ въ свой пꙋ́ть. По доро́зѣ срѣ́тили его̀ кꙋ́пцѣ, сто̀яники, котрі̀ то не ра́зъ бывало и до не́го заходи́ли, и пыта́ютъ то за сесѣ̀ то за тото̀, за чимъ ходи́лъ, а о̀нъ о̂тповѣда́е: „Колись то и о̂ мене́ было! найшло̀ на мене́ нещастье, — погорѣ́лъмъ и тепе́рь дрꙋ́гимъ слꙋ́жꙋ. — Колѝ то́е мо́вилъ, торкнꙋ́лъ зъ пеня́чка по то́рбѣ, тай ка́же: „Отъ кꙋ́пѣтъ совѣ́ хлѣ́ба, й а̂ко́сь не голо́денъ, а та́жко менѣ́ его̀ нестѝ; бо́рше здасть ся въ доро́зѣ а̂кій гро́шъ.“ — То́ргъ въ то́ргъ — сходи́ли ся, кꙋ́пцѣ за хлѣ́ба а о̀нъ за гро́ши, и розышлѝ ся.

Зайшлѝ кꙋ́пцѣ до то́го само́го села̀ и̯ вестꙋ́ли до то́го само́го госпо́даря, о̀тки тої̀ хлѣ́ба былъ и ста́ли о̂ не́го звѣ́довати ся за своѐ дѣ́ло. — „Не й̃, по Бо́гъ ма́е!“ каже о̀нъ, „са́дьте за тимъ ча́сомъ, и спо́чи̯нѣтъ“ — и посла́лъ за почѐстнымъ. Я оні̀ емꙋ̀ ка́жꙋтъ, най ся̯ не трꙋ́дитъ; по доро́зѣ кꙋ́пиньскомо во́хонецъ хоро́шого хлѣ́ба о̂ а̂ко́гось чоловѣ́ка, що съ ли́стомъ ишо́лъ. — Госпо́даря ажъ̀ за се́рдце тронꙋ́ло, догада́лъ ся — а ско́ро кꙋ́пцѣ вкинали и положи́ли хлѣ́ба на столѣ́, о̯зрѣ́лъ тотъ самкі̀й хлѣ́ба, що далъ подоро́жномꙋ; зи́ркнꙋ́лъ про то́е на жѣ́нкꙋ, и ка́же до го́стей: „За́кимъ що въде, ходѣ́мъ оглядати, мо́же що и кꙋ́пите. — Ходѣ́мъ!“ и вкі̀йшли изъ ха́ты, а о̀нъ на жѣ́нкꙋ мо́ргнꙋ́лъ, и она̀ о̯жѐ зна́ла, що о̀нъ хо́че. Колѝ оні̀ вкі̀йшли за сво́имъ дѣ́ломъ, господи́ня внесла̀ дрꙋ́гій хлѣ́ба и положи́ла на столѣ́, а тотъ спра́тала. — Вер-

нѣли са, поснѣдали — чи сгодили са чи нѣ, и пойшли.

За ѩкійсь часъ идѣ знóвѣ той чолов'ѣкъ съ лúстомъ и зайдúтъ знóвъ до тóго госпóдаря на нóчь óжѣ ѩкъ до знакóмого. Прúймили его, рáды емѣ были, но дѣмали, чи не óдасть са тепéрь ѩкúмъ спóсобомъ óтдати емѣ грóши. Погодовáли, переночовáли, и ѩкъ вúйшолъ былъ изъ хáты, завúвши грóши въ платóкъ, положúли емѣ въ тóрбѣ, дáли поснѣдати и óтпúстили. Пóйшóлъ óнъ, а идучú стéжкою черéзъ сáдъ, подѣмалъ совѣ: „Óхъ! ѩкій ѩблока крáсній! óдрѣ совѣ трóха на дорóгѣ.“ — Знялъ тóрбѣ и повѣснилъ на дéревѣ, щобы мѣ не закаджáла, а самъ спшáе са за ѩблоками. — Ажъ тóтъ госпóдарь идѣ — óнъ óзрѣвши его, чѣмъ бóрше въ тéки, и óтвѣгалъ тóрбѣ на дéревѣ. Госпóдарь óзрѣвши тѣ тóрбѣ, ѩкъ на сучкѣ вúситъ, щось стáлъ дѣмати, а дáлей и кáже: „Налякáлъ са невóрокъ, та и о тóрбѣ завкúлъ.“ — Знялъ тóрбѣ и мóвитъ: „Дорóга емѣ на кладкѣ, завѣгнѣ онъ тѣды лозáми, щобъ мнѣ не óувúдѣлъ, и положѣ на кладкѣ, а óжѣ тамъ то ю нéвно вóзьме.“ — Такъ и зробúлъ. Овѣгалъ вокáми, положúлъ грóши на кладкѣ, а самъ за корчёмъ не дѣже нóдалекѣ присѣлъ, пáзорцёмъ наглядáлъ, що са стáне.

Невáвкомъ надýдитъ и подорóжный надъ кладкѣ и спѣстúвши óчи дѣмае — а потóмѣ и кáже: „Дóбре, що еще уотъ свѣтъ вáчѣ, та могѣ въ дорóгѣ годúти; та совѣ ѩкóсь на улѣвъ заровúти! Щобъ ѩ ровúлъ, колúвъ ѩ былъ отемúлъ, ѩкивы ѩ черéзъ сю кладкѣ перейшóлъ? Отъ новáчѣ, цúвы са óдало?“ — Та зажмурúвши óчи,

ст҃кѫ ст҃кѫ по кла́дцѣ па́личкою, ст҃па́е пра́мо, перест҃пи́лъ гро́ши, и по́йшо́лъ — Я госпо́дарь ажь зѫ҃мѣ́лъ ся, тай ка́же въ го́лосъ: „Прогнѣ́вилъ Бо́га!“

Мих. Ти́мякъ.

27.

Весно́вка.

Цвѣ́тка дро́бная
Моли́ла не́ньку,
Весну́ ране́ньку:
— „Не́не ро́дная!
Въволи́ ми во́лю,
Дай мнѣ́ до́лю;
Щобъ ѭ зацви́ла,
Весь лугъ скраси́ла;
Щобы ѭ бу́ла
Ѩкъ со́лнце ѭсна,
Ѩкъ зоря́ кра́сна,
Щобы́мъ сгорну́ла
Весь свѣ́тъ до се́бе!“ —
— „До́ню голу́бко,
Жа́ль мнѣ́ тебѣ́,
Га́рная лю́бко.
Бо ви́хоръ сви́сне,
Моро́зъ потя́сне,
Бу́ря загудѣ́;
Краса́ змарнѣ́е,
Ли́чко зчорнѣ́е;
Голо́воньку скло́нишь,
Ли́стоньки зро́нишь,
Жаль се́рдцю будѣ́.“ —

М. Р. Шашкевичь.

28.

Деревцѣ́. — Ба́йка.

Видячи́, же соки́рꙋ па́ровокъ несе́, деревце молоде́ньке до не́го ся обизва́ло: „Люве́зный па́ровче, вы́рꙋбай въ кро́гъ мене́ лѣ́съ той подстаре́лый, бо ѭ не могꙋ рости́ свобо́дно, вза́ти по́длѫ во́лѣ. Ани́ кореньке моѥ́ про́сторꙋ не ма́е, ани́ ве́теръ ко́ло ме́не до́вре не протя́гне, все менѣ́ завадя́е. — Оли́вы въ около не тѣ́ дере́ва ври́дкы, ѭ́кымъ росло́ по́дъ небеса́, а за ро́къ за два цѣ́ла та доли́на мно́юсы ся ра́довала, мно́ю ꙋкраси́ла,

и невѣ́комъ свѣ́тъ вы не о҃у҃вѣ́рилъ, же и ѿ колѝсь вы́лаемъ хворости́на."

Взялъ па́ровокъ за сокѝрꙋ, тай ста́лъ рꙋба́ти, и невѣ́комъ изъ всѣ́хъ сторо́нъ сте́жкꙋ протина́ти; а закимъ зазда́лъ заковала́, простóръ былъ къ окóло — но о҃у҃тѣ́хъ дереви́ны не вы́ла до́лга! — То со́лнце деревцѣ́ пече́, то гра́дъ, то до́ждь его́ бѣ́, аж ви́хоръ на коне́цъ розлю́тившисъ зломи́лъ го ѿ кѣ́ковы тростинꙋ. — „Премꙋдро!" сказа́ла тꙋ́тъ до не́го стара́ сѣсѣда, ѿ лѝца! „всѣ́ де́рева товѣ́ заваджа́ли, проси́лось, абы ихъ подта́ти, о҃тжесь совѣ́ догоди́ло, а тепе́рь тре́ба товѣ́ къ разъ съ ни́ми лежа́ти. Вѣда́ твоя́ вы́родила са лишь зъ вѣ́ды чꙋжо́й, о котрꙋ ты па́ровка такъ красно́ проси́лось. — Сли́ высь ме́ждꙋ мно́гими де́ревами хотѣ́ло вы́ло возраста́ти, товы́ заверꙋла и ви́хоръ товѣ́ не вы́ли докꙋчили, во здоро́вїи сѣсѣды вы́лывы тебѣ́ хорони́ли. Я сли́вы и съ часо́мъ ихъ вы́ло не ста́ло, и по лѣта́хъ чась вы самъ ихъ повали́лъ, а ты тонкѣ́ деревцѣ́ о то́лько вы́ло по́дросло́ и зрꙋвѣ́ло, силъ наврало́ и во́лыше са о҃у҃крѣпи́ло: то ни́чѣшнѣи сѣдывы тывысь не было до́зна́ло и въ́рю ни́чѣшнꙋ не́вно вы́держало!" — — — — Я пото́мъ дода́лъ еще́ до того стары́й дѣ́въ:

„О! не суть то пусти́ кри́ки,
Бо насъ тов ꙋ́чатъ вѣ́ки:
Же кто по́дъ и́нымъ ка́мы кона́в,
Самъ найчастѣ́йше въ тїи впада́в!
Кто́же нѣкого́ не ла́в,
Но ко́ждому честь о҃тда́в,
То́го бꙋ́дутъ всѣ́ щиро любйти
И о҃нъ съ ни́ми многи́ лѣ́та жйти."

Вас. Зборо́вскїй.

29.

Молодый Вѣкасовичъ.

Цѣсарева Марїа Тереса посѣтила разъ домъ кадетовъ, и копрошала при той случайности директора: который изъ питомцевъ на найвольшѣ заслѣгѣе похвалѣ?

„Ваше Величество!“ былъ отвѣтъ, „ѣ хотѣ не могѣ о жадномъ зле сказати, однакожъ молодый Вѣкасовичъ есть отличнѣйшій.“ Тое само потвердили и инїи наставники, которїи тѣю похвалѣ предсемъ на роблење орѣжјемъ стагали.

„Славно, молодый Даламато!“ сказала Цѣсарева, „ѣ быми однакожъ желала, его видѣти роваго орѣжјемъ, возьми до рѣки шадѣ.“ —

Ики покорно и спокойно молодый Вѣкасовичъ прежде передъ Монархињею стоялъ, таки отважно и смѣло поглѣдалъ, скоро почѣлъ въ своей рѣцѣ шадѣ — и поставилъ се. Съ многими провоялъ се и оказалъ таки велики звиншость и вправѣ, же годѣ было ему вкировати. — Цѣсарева овдарила его данадцатьма черноцами.

Въ колька дней посѣтила она знова домъ кадетовъ и копросила зараз за молодымъ Вѣкасовичемъ.

Призвано его, но коли се ставилъ, выглядалъ возлайко и весь дрожалъ. — Ласкаво и съ оусмѣхомъ копрошала его Цѣсарева, „пронѣстилъ есь спадь оужѣ дароваши гроши? Чого дрожишь; мовъ, гдѣсь ихъ подѣлъ?“

„„Ја,““ мовилъ онъ трѣслайкымъ голосомъ, „„послалъземь тїи гроши моемѣ отцѣ.““ — „А ктожъ есть твой отецъ?“ „„Мой отецъ былъ по-

рѣчникомъ, полѣчилъ однакожъ навсегдашный отпѣскъ, и жіе теперь безъ жалованя въ недостатку въ Даллмаціи. И не знаемъ лѣчшій зровити обжитокъ зъ ласки Вашого Величества, якъ подаючій моцъ вѣдномѣ, старомѣ отцѣ помочь.““

„Хорошо молодче!“ сказала Цѣсарева, и погладила его по лицю, „козьмій“ продолжала, „черніло, перо и папѣръ, и пиши.“ — Кадетъ зровилъ якъ емѣ сказано было, а Цѣсарева слѣдѣючое емѣ велѣла писати:

„„Любезный Отче!““

„„Листъ, который пишѣ, показовала менѣ Цѣсарева. Моє справованьке са, моя пильность а особенно моя сыновня любовь подобали са Цѣсаревой такъ, же Вы, любезный отче, отъ сей годины маете полѣчати рочного жалованя по 200 зол. р. а й що шо теперь зновъ полѣчаемъ подароку 24 червонцевъ.““

Цижъ не исполнили са тѣ слока письма сватого а именно четвертого приказаня: „Чти Отца твоего и Матерь твою, а добро ти буде на земли?“

B. K.

30.

Загадка *).

Черезъ ширину и пространьство
Говорю съ тобою;
Чтобъ услышалъ кто мой голосъ,
Того ся не бою —
Хоть й нѣмый, то вѣсть мною
Все порозумѣешь;

---

*) Рѣшенье слѣдуе на послѣднѣмъ листѣ.

Гдеколѝ го̑рько запла́чешь,
Або̀ ся засмѣешь —
Хоть никóмумъ не побожи́лъ,
Та́йну держ҃ го̑дно,
И то̑лько то́му ѩвля́ю
Кому̀ зна́ти здо̑бно.

———— *А. Духно́вичъ.*

31.

Ива́сь въ цра́стю.

(По̑для Гри́мма.)

Ива́сь слⷭ̃жи́лъ сѣ́мъ лѣ́тъ о҃ бога́того госпо́даря, до котро́го разъ промо́вилъ: „о҃ жѐ менѣ̀ и часъ вы́йшолъ, тепе́рь радъ бы ѿ̃ знова́ повернⷭ̃ти до до́мⷭ̃ до ма́тери, а за мою̀ слⷭ̃жбⷭ̃ про́шⷭ̃ о заслⷭ̃женню́ⷭ̃.“ Госпо́дарь сказа́лъ на то́е: „Слⷭ̃жи́лъ есь Ива́сю менѣ̀ вѣ́рно и о҃чти́во, ѩкà твоя̀ вы́ла слⷭ̃жба, така̀ ма́е вы́ти и запла́та,“ и пода́лъ емⷭ̃ грⷭ̃дⷭ̃ зо́лота такъ вели́кⷭ̃, ѩкъ Ива́ся голова́. Ива́сь вы́довⷭ̃лъ свою̀ плати́нⷭ̃, завйⷭ̃лъ грⷭ̃дⷭ̃, взя́лъ ю на пле́чи и вы́правъ ся въ доро́гⷭ̃ до до́мⷭ̃. Идⷭ̃чомⷭ̃ та́къ и ле́дво но́ги за собо́ю влекⷭ̃чомⷭ̃ впа́лъ въ о́чи ѣзде́цъ, котрый жва́во и весе́ло на дѣрзко́мъ ко́ньку проѣзджа́лъ. „Ухъ,“ сказа́лъ Ива́сь го́лосно, „ѣха́ти верхо́мъ, ѩкъ то есть красно̀! сѣдѣ́ти ся ѩкъ на сто̑лцѣ, не зава́дишь ногою̀ о жа́дне камⷭ̃е́нье, чо́бо̑ть мо́жно опадѣ́ти, а человѣ́къ постⷭ̃па́е да́лькше, са́мъ не зна́е ѩкъ.“ Ѣзде́цъ, котрый то́е чⷭ̃лъ, овязва́лъ ся до не́го: „Ива́сю, а чого́жъ ты вѣжи́шь тако́жъ нѣ́шки?“ „О! ѿ̃ ма́ю тⷭ̃ю грⷭ̃дⷭ̃ домо̑въ нестѝ, хотя̀ то есть зо́лото, но ѿ̃ не могⷭ̃ при то̑мъ головы́ про́сто держа́ти, тако́жъ гнетѐ менѣ̀ той тага́ръ въ пле́чи.“ „Зна́ешь

ли цю,“ сказа́лъ ѣзде́цъ и ста́лъ съ коне́мъ „замѣна́ймо са: ѿ да́мъ тобѣ мо́го ко́ника а ты да́й менѣ твою грѣдь.“ „Дѣже ра́до,“ отвѣтилъ Ива́сь, „но ѿ Ва́мъ мо́клю напере́дъ, цю Ва́мъ ста́не той тага́рь го́рько.“ Ѣзде́цъ зазъ́въ зъ коня́, прїймилъ зо́лото, и помо́гъ Ива́сёви на коня́ са всадоки́ти, втиснѣлъ ему́ въ рѣки по́воды и сказа́лъ: „Сли хо́чешъ ворзе́нько сади́ти, то потребѣешъ лишь ѣзыкомълоскнѣти, и го́пъ, го́пъ кри́кнѣти.“

Дѣшя са ра́довала Ива́сёви, ѣкъ о҃тже́ на ко́ника сѣдѣлъ и выго́дно та́й свобо́дно ѣхалъ. За хвилькѣ одна́кожъ захотѣло са ему́ поскори́ти, почалъ про то́е ло́скати ѣзыкомъ и го́пъ, го́пъ кли́кати. Ко́никъ посадилъ ско́рымъ ско́комъ, а за́кимъ са ещѣ Ива́сь до ко́ника приложи́лъ, злетѣлъ зъ не́го и покоти́лъ са въ ро́въ, котры́й передъ нимъ о́рне по́ле о҃тъ гости́нца. Ко́никъ вылизы не зна́ти кѣда́ по́гналъ, слизы его́ не спини́лъ селяни́нъ, котры́й надъишо́лъ и предъ собо́ю гна́лъ коро́въ. За хвилю Ива́сь прїйшо́лъ до се́бе и вста́лъ на но́ги — но ѣко́сь ему́ не было въ ла́дъ, про то́е сказа́лъ до селяни́на: „О! ѣзда́ то не фѣрда́, если ещѣ до то́го патра́фитъ кто на такъ шканъ, ѣкъ се са, цю лю́бить скида́ти — та то не та́жко ка́рку скрѣти́ти; о о҃тже́жъ ѿ не всада́ъ на ню нѣко́ли. Отъ Ва́ша коро́ка, то цю и́ншого; за не́ю мо́жно повольно тай веспе́чно собѣ постѣна́ти, же ажъ лю́бо, а при то́мъ достае́ са о҃тъ не́и цю де́нь и молоко́ и ма́сло и сы́ръ. Ей! цо́вы то ѿ да́лъ, цовы́мъ лишь такъ коро́вицю ма́лъ.“ „Та,“ о҃тповѣлъ селяни́нъ, „если Вы та́къ дѣже за ти́мъ, то ѿ радъ мѣна́ти съ Ва́ми коро́въ

за конѧ." Ивась надъ звычай оутрадованый склонилъ сѧ до оутоды: селянинъ всѣлъ на конѧ и пустилъ сѧ мовъ стрѣлѧ.

Ивась гналъ спокойно передъ собою коровъ и задумалъ сѧ надъ пластывымъ торгомъ: „Скоро вздъ мати ксенъ хлѣба, а на тойже чей менѣ стане, то моглъ, колиж сухочъ, до того мати зразъ омастъ; а сухоче менѣ сѧ пити, то потревъю шо подойти мою коровцю, тай маю молоко. И чогожъ менѣ трева больше?" И томъ сталъ передъ корчмою, зъ великои оутѣхи поѣлъ все, що при собѣ малъ, до крыхты, и напилъ сѧ посла того пола стклянки пива, котръ за посадный шелюгъ совѣ купилъ. Потомъ гналъ коровъ передъ собою далыше дорогою до села, где мешкала его мати. Онека однакожъ стала сѧ коло полъдня незносимою, а Ивасёви треба было ити полемъ дорогъ еще миля. Разъ зровило сѧ емъ такъ горячо, же и слина подъ языкомъ высхла. „На таке лихо" погадалъ Ивась, „есть оу мене способъ и порада; а корока на що? подою ю трохи, тай закропию сѧ молокомъ." Оуказалъ коровъ до сухого корча и подставилъ подъ ню свой шкораный каскетъ, однакожъ мимо его всякого оусилованя сѧ не показала сѧ анѣ капля молока; а понеже не зналъ обходити сѧ съ товарною, то зворохлена ударила его задными ногами такъ сильно въ голокъ, що ажъ покотилъ сѧ по земли и не могъ черезъ долгій часъ розпознати, где сѧ находитъ. На пастьке надышолъ тою дорогою рызникъ, котрый везъ на тачкахъ подсвинка. „А то що за приключка?!" сказалъ онъ и помогъ Ивасёви встати. Ивась роз-

розповѣлъ все, ѣкъ са-дѣло. Рѣзникъ подалъ емѫ на тое флашкѫ и мовилъ: „Напійте са и покрѣпѣть са! корова знати не хоче давати молока? Божк то и ѹже стара ходовина, хиба ещѐ потягнѫти здовна або лишь на зарѣзь.“ „Дивѣть же са“ ѿтъзвалъ са Ивась и почѫхралъ са къ чѫпрінѫ, „и комѫжкы тое прійшло на ѹмъ? Та то правда не зле бы было, ковыто такѫ товаришѫ можк дома зарѣзати, прові то было маса! но ѣ за масомъ зъ коровы не кончє; но то оно не маѥ доскіть вкѫса и не сочіште. Що йного, ковъ то мати такого подсвинка! масо его цѣлакомъ йный маѥ смакъ, а при тѡмъ ещѐ колбасы!“ — „Знаєте що Ивасю!“ сказалъ на тое рѣзникъ, „отъ ѣкъ для Васъ, то хочѫ мѣнати, и оставлаю Вамъ свиню за коровѫ.“ — „Най Вамъ Богъ дасть все добро за Вашѫ пріязнь!“ сказалъ Ивась, далъ емѫ коровѫ и казалъ подсвинка зъ тачокъ ѿтказати, а посторонокъ, на котрѡмъ тойже былъ ѹказаный, совѣ до рѫкъ подати.

Ивась продолжалъ свою дорогѫ и погадалъ, ѣкъ то прецѣнь все такой по его желанію са дѣе; а еслибы и тамъ са емѫ що приключило, то оно ѣкось са борзо залагодить. Потѡмъ прилучилъ са до него ѣкійсь хлопакъ, котрый несъ подъ пахою краснѫ вѣлѫ рѫкѫ. Якы са имъ не кѫпило, почалъ Ивась оповѣдати емѫ о своемъ щастю, и ѣкъ то онъ все мѣналъ съ хоснѡмъ для себе. На тое кінѫлъ хлопакъ слово, а потѡмъ зганѫлъ, що онъ тѫю рѫкѫ несѐ на крестіны. „Поднесѣть но ю“ продолжалъ онъ, „ѣка она тажка! но тое не дивъ, бо́жк то и самыми каренйцями

годовáли ѿ сѫ пóлна ôсьмѫ нéдѣль. Но! кто тѣю печéню вѣде кѣшáти, той овѫтрè самѣ тóлстôсть зѫ овóхѫ стороúѫ.“ „Вѫ йстѣ“ сказáлѫ Ивáсь и вáжилѫ на рѣцѣ гѣскѣ, „онà вáжитѫ богáто; алéжь во и мôй пôдсвинокѫ не сгôршйй.“ На тóе задѣмáлѫ сѫ нѣвыто хлопáкѫ, потрáслѫ мóже при тôмѫ и головóю, тай сказáлѫ: „Та... но менѣ сѫ вйдитѫ, що Вáша свинà навáвитѫ Васѫ мóже не мáло клóнотѣ. Слѣхайте; вѫ селѣ, черéзѫ кокрè що нинѣ переходйлисемь, ѿкрáдено ѿ самóго вôйта свиню. Незнáю, незнáю, чи Вы ѿ не тримáете тѣтѫ на посторóнкѣ; но тóговы Вамѫ и трéба, ковѫ Вáсѫ сѫ нéю зловлéно. Я знáете чимѫ то пáхне? Дѫкáми тай темнйцею!“ Ивáсéви зровйло сѫ ажь не дóврѣ. „Бôйте сѫ Бóга“ сказáлѫ, „ратѣйте вѫ тôй вѣдѣ! Вы ачéйже знáете совѣ лѣчшѣ дáти рáдѣ, возьмéть мою свиню, а оставéть менѣ Вáшѣ гѣскѣ.“ — „Но вáжѣ, перевáжѣ, не знáю,“ ôтповѣлѫ хлопáкѫ, „однáкожь не хóчѣ вѫйти причйною, авѫйсте самохôть внáли вѫ вѣдѣ.“ Взáлѫ посторóнокѫ до рѣкѫ и погнáлѫ повóчною стéжкою свиню дáлыше; а Ивáсь отрѣпавши сѫ зѫ клóнотôвѫ продолжáлѫ сѫ гѣскою пôдѫ пахóю своюо дорóгѣ. „Еслй дóвре роздѣмаю“ мóвилѫ самѫ до сéве, „то при тôй замкéнѫ такôй мôй зйскѫ; ѿжè самà печéнѫ, потôмѫ тóе мнóжество тóлстости, та, то вѣде омáсти до хлѣва мáло що не на пôлърóкѣ; а потôмѫ тóе крáсне вѣле нѣрье, ѩкà то вѣде зѫ нéго пóдѣшка; тóжто вѣде дóвре на нéй спáти! Я мáтери, ѩкáжь то вѣде ѿтѣхá!“

Идѣчй черéзѫ послѣдне село минáлѫ шлióфѣра, котрúй при своéй роботѣ совѣ приспѣвавалѫ:

Все тупѣ, щерба́те,
Ржа́вѣле, зуба́те,
Ѧ о́стрю и гла́джю
И всѣ́му пора́джю;
Тай жію та́къ въ свѣ́тѣ
Зимо́ю и въ лѣ́тѣ;
Нѣчи́мъ ся не жу́рю
Сли люльку заку́рю —
Такъ всѣ дни збыва́ю,
Шлюфу́ю, спѣва́ю:
Все тупѣ щерба́те, и про́ч. и про́ч.

Ива́сь ста́лъ, придивла́лъ и присл҃ха́лъ ся ем҃, потѣ́мъ промо́вилъ до не́го: „Оу҃ Ва́съ гара́здъ, но есте́ весе́лый при робо́тѣ.“ „Та́же!“, сказа́лъ на то́е шлю́фѣрь, „ремесло́ л҃чше о҃тъ зо́лота. До́брый шлю́фѣрь то совѣ́ чолов҃ѣкъ; потрев҃е лишь до кешенѣ сагн҃ти, тай гро́шій оу҃ не́го по́лна жме́ня. Ѧ Вы зъ о҃тки ма́ете так҃ кра́сн҃ г҃ск҃? гдѣ́сте ѳ҃ к҃пи́ли?“ „Ѧ ѳ҃ не к҃пи́лъ, но замѣня́лъемъ за мо́го по҃дсвинка.“ — „Ѧ по҃дсвинка?“ — „Пол҃чи́лъемъ за мою́ коро́к҃“ — „Ѧ коро́к҃?“ — Пол҃чи́лъемъ за коня́.“ — „Ѧ коня́?“ — „За коня́ да́лъемъ гр҃д҃ зо́лота, такъ вели́к҃, ѩкъ моя́ голова́.“ — „Ѧ зо́лото?“ — Ѧ! то́е зо́лото пол҃чи́лъемъ въ запла́т҃ за сѣ́мъ лѣ́тъ сл҃жвы.“ — „Но! то ѩкъ ви́джю, Вы зна́мисте за́всѣды совѣ не сгорш҃ъ ра́дити,“ сказа́лъ шлю́фѣрь, „ковъ ли́шъ ещѣ Вамъ ся оу҃да́ла така́ шт҃ка, все ма́ти по́лн҃ кешенѣю гро́шій, то оу҃же́къ не тре́ба вы Ва́мъ нѣчо́го бо́льше до Ва́шого ча́ст҃а.“ — „Ва! ѩкжевы менѣ ся до то́го бра́ти?“ о҃тповѣ́лъ Ива́сь. „Вамъ ѩкъ сто́й тре́ба ста́ти ся шлю́фѣрёмъ; а до то́го не тре́ба бо́льше нѣчо́го, ѩкъ едно́го точи́лца, а все про́чое само́ оу҃же ѩко́сь прі́йде. От҃, т҃ ма́ю одно́, хотя́ тро́ха церва́те, но за то́е не дасте́ менѣ бо́льше ни́чъ, ѩкъ лишь Ва́ш҃ г҃ск҃; сго́да?“ — „И цѣ́жъ мо́жете ся о то́мъ сомнѣва́ти,“ о҃тповѣ́лъ Ива́сь, „та такѣ ча́стье

не ходитъ пѣшки; сли ѿ могъ мати гроши кождого разъ, скоро сагнъ до кешенѣ, то менѣ жърити съ не треба?“ и подалъ емъ рѣскъ. „Колн такъ“ сказалъ шлюфферъ и подналъ звычайный, неовдѣланый камѣнь, котрый случайно коло него лежалъ, „то маете до того ещѣ одинъ добрый камѣнь; о! рѣчю Вамъ, що его не спотребѣете. Возьмѣтъ сн его и захованте ѣкъ съ належитъ.“

Ивась поправилъ съ, взялъ камѣнь на плечи и потащилъ съ съ нимъ далыше; его очи ажъ свѣтили съ ѿтъ радости. „И нѣкно въ ченцѝ ѻуродилъ съ!“ казалъ жывo до себе, „все, що лишь зажелаю, то съ исполнае, ѣкны все по моемъ нти мало.“ Но понеже ѿтъ досвѣта все ныкъ на ногахъ, то и ѻутомилъ съ не мало; такожъ и голодъ почалъ докучати, понеже весь запасъ зъ ѻутѣхи про замѣнанъ короѵъ парази снѣлъ. Ужѣ ледко съ могъ волочи, що крокъ трева ныло ѿтпочнкати, а при томъ и тяжели камѣнь не мало съ емъ дакали въ знакн. Не могъ ѿнъ лишити съ гадки, ноны то дже добре ныло, слиы власне тепѣрь ѿнъ не потреновалъ ихъ дыгати. Моны слимакъ залѣзъ ѿнъ ѣкось до колодязя, при котромъ хотѣлъ трохя нѣпочати, и зимною водою съ закропити; анъ одакожъ при сѣданю на землю камѣнь ѿтъ шкоды захоронити, поклалъ тн съ намысломъ коло себе на цимврынъ колодязя. Потомъ оверилъ съ и хотѣлъ съ согнѣти, анъ зачерклѣти водъ; но ѣкось не ѻуважалъ, потрѣтилъ, а ова камѣнь лишь болкилъ тай пропали. Ѻувидѣвши Ивась ѣкъ онн въ глѣбинѣ съ рѣнли, подскочилъ зъ ѻутѣхи, плеснулъ въ долинѣ а потомъ ѻупалъ на колѣна и

дѧковалъ Бо́гъ, що емъ такъ зробилъ ла́скъ, же тимъ спо́сомъ оу҃вольнилъ его̀ о҃тъ каме́нїй — во лишь ещѐ емъ то́го не става́ло, аны мо́гъ назва́ти сѧ совершѐнно щасли́вымъ. „О, тако́го щасли́вого“ вы́кликнѣлъ, „ещѐ въ свѣ́тѣ не бывало.“ Съ цѣлако́мъ ле́гкимъ се́рдцемъ и свобо́дный о҃тъ всѧкого тѧгаръ поскорилъ и не опинилъ сѧ ажъ оу҃ свои́ ма́тери.

В. К.

32.

Ко́минъ и воро́на.

(Байка.)

На бѣ́лый ко́минъ воро́на сѣ́ла;
А о҃нъ до нея́! „Какась ми бѣ́ла!“
Поколысáлась, въ нѐго зазрѣ́ла,
Три ра́зы кра́кла, тай о҃тповѣ́ла:
„„Бѣ́лый есь зъ ве́рха — вчера́ та нынѣ́,
А въ середи́нѣ? . . . .
Ѧ не ка́жу, що ѧ́ бѣ́ла.““ —
Ещѐ кра́кнула и злетѣ́ла.

Л. зъ Ра́кова.

33.

Хо́дъ до пи́санои кирни́цѣ.

(Уры́вокъ.)

Бы́ло то въ о҃рѣ, передъ Велико́дными сва́ты. Сне́гъ не знайшо́лъвысь бы́лъ о҃ужѐ и на лѣ́кахъ въ го́рахъ, хиба̀ на Держа́вѣ та Чорного́рѣ. Трава̀ засѣ́ла сѧ мовь цвѣ́ть по свато́й земли́ци и о҃вцѣ попъска́ли вы́ли всѧ́гды. Весе́ло дѣли верхо́вински́и молодцѣ́ въ трѣмбе́ты, що ажъ верхи́ ходи́ли, а го́лосъ сопѣ́лки колысáлъ сѧ по возду́хахъ, ѧ́къ рыбка по широ́ко́мъ дѣна́ю, и о҃тви-

вáлъ сѧ мúло и прина́дно о го́ры и бо́ры. Со́нце сѣ́ло сѧ зъ полу́дня къ за́падови и несло́ всѣ свои́ лѣ́чи къ полони́нѣ, по́дъ котро́и самы́мъ верхо́мъ стреми́тъ огро́мна скала́, сягаючи чоло́мъ высо́ко въ воздухи. Въ скалѣ́ нахо́дитъ сѧ широ́ка пеще́ра, здо́вна бо́льше двадцатѝ хло́па помѣ́стити въ со́бѣ, и прихорони́ти о́тъ дождю́ и вѣ́тра; а зъ го́рла пеще́ры довѣва́е сѧ кришта́льна вода́ овы́лными стру́ями, и такъ студе́на, що лѣ́томъ не возмо́жно ей малю́ чáрку дорáзъ вы́пити. Всѣ сте́ны пеще́ры попúсанїи сѣ́ть всáкими знака́ми. Найдешъ та́мъ на́писы кре́стико́въ, топо́рцѣ́въ, пѣ́въ и цѣлы́хъ и́менъ ты́хъ осо́въ, що колúсьто слу́чайно або наро́комъ сюда́ приходúли, и чарю́чимъ по всѣ́хъ верхо́винахъ ви́домъ наслаждáли сѧ зъ о́тты, або прохолоджáли пу́темъ и сквáромъ со́нца зимже́нїи сúлы, че́рствою во́къ пе́рвшїй де́нь ма́рта водо́ю. — Есть то о́ва пúсана кирни́ца, кото́ра въ да́вныхъ часа́хъ вы́ла едны́мъ изъ ты́хъ весне́чныхъ привѣ́жищъ опры́шко́въ, где маючи по́дъ сво́имъ о́комъ всю про́сторонь о́тъ за́пада, сѣ́вера и ма́йже цѣ́лого восто́ка, спокóйно могли́ они́ розкладáти сѧ тавóромъ на кóлька днúй. Цѣлáя окре́стность вы́ла ймъ тóгъ по́дъ рóкою, а се́ла сѧ двóрищами лежáли пере́дъ нúми во́къ на долóни. — Кирни́ца та́мъ зове́ сѧ еще́ по днесь „пúсана кирни́ца,“ але полони́на сама́, на котро́и верхъ она лежúтъ, привра́ла по минувшихъ на не́й слу́чаяхъ прóзвище Дóвошокон горы́, или впростъ Довошóвки, и называ́е сѧ такъ до сихъ по́ръ въ цѣлóй окре́стности. —

——— *Н. Устіяновичъ.*

34.

Надгробникъ сварливой женѣ.

Ту мóи жены, небóжки могúла;
Допóки жúла, нóты ся сварúла! —
Читáтелю, не медлúзъ óтты уходúти,
Бо встáне и съ тобóю бýде ся сварúти.

——— *М. Козанóвичь.*

35.

Стáрый пéсъ.

(Подля Грímма.)

Пéкный селянúнъ малъ старóго пса, котрúй ся называлъ Сатанъ, и той постáрелъ ся такъ, що не мóгъ óжé кúсати. Селянúнъ не маючи изъ собáки дóброи óслúги сказáлъ разъ до своúи жены: „Зáстра, скóро день, розстрелáю тóе старе стéрвище, нáшого Сатана, бо и що менé по нéмъ.“ Женé зровúло ся жáлко и про тóе рекла: „Онъ намъ óтъ такъ дáвна слúжитъ, що ны годúло ся емý ласкáвый хлéбъ дáти.“ „Пúста твоя бéсѣда,“ сказáлъ мúжъ, „óт нéго óжé нема и одного úва, а злóдѣеви лишь такúхъ сторóжѣевъ потрéба; ся рéштою за тóе, що намъ слúжилъ, не мáло ся нажéръ, а колú тенéрь зъ нéго шкóди óслúги, то и не кóнче намъ его потрéба.“

Песъ, котрúй не далéко óтъ того лежáлъ, чúлъ кóжде слóво, — перелáкъ ся не мáло и былъ неспокóйный, якúй то зáстрешный день для нéго бúде. Наразъ пригадáлъ собé, же мáе дóброго дрúга, а тимъ былъ вóлкъ. До того заколéвъ ся вечерóмъ до лéса и оповéлъ емý, яка сúдьба его ожидáе. „Не жúри ся,“ сказáлъ на тóе вóлкъ,

„й̃ тобѣ пораджю. Завтра досвѣта выйде твой господарь съ господиńею до сѣна, и они возмутъ свою маленькъ дѣтиńъ съ собою, котрѣ полóжатъ въ тѣни за корчёмъ, а тобѣ выпадáе положúти са кóло нéго и оубакáти стóрожа. Потóмъ прúйдѣ й̃ изъ лѣса и похищѣ дѣтиńъ, а ты тогды сверú всѣ твой сúлы и скóчь за миóю й̃коúсь хотѣлъ менѣ отънáти. И лúшѣ дѣтиńъ, а ты ю̃ знóвъ затащúшь нóдъ кóрчь, що они оубúдѣвши, не схотáтъ къ извавúтелю свóи дѣтúны выти такъ неблагодáрными, акы са надъ нúмъ звытковáли; но за тóе ты прúйдешь до лáски и на ничёмъ ти не вѣде звáти.

Тáм гáдка сподóбала са псóви и нóдлъ нéи стáло са. Селянúнъ скричáлъ зъ цѣлóго гóрла, оузрѣвши вóлка оуходáчого съ похищéною дѣтúною; но скóро тóе старúй Сатанъ назáдъ принѣсъ, былъ ôнъ знóвъ весéлый, гладилъ пса и мóвилъ: „О! тобѣ ничъ злóго са не стáне, вѣдешь ѣсти хлѣбъ ласкáвый, нóки жúти вѣдешь!“ Потóмъ сказáлъ до свóи жены: „Идú но до дóмъ и накарú старóмъ Сатановú лемѣшки, до нéи не трéва емъ звóвъ, а мою старъ нóдъшкъ такóжъ емъ дарю, акы емъ выло мáгко лежáти.“

Ôтъ тóго часъ малъ Сатанъ такúй гаразд, й̃коúго совѣ лúшь желáти мóгъ. Вóлкъ посвятúлъ его̀ разъ и не мáло са рáдовалъ, що ихъ пáнъ такъ дóбре са оудáлъ. „Слухай но врáтчикъ!“ казáлъ ôнъ, „ты ачéйже прижмúришь óко, слúвымъ й̃ хотѣлъ тóлстъ ôвцю вúнести? во вѣрь менѣ, що менѣ такъ щóсь оужѣ отъ дáвна млоúть.“ — „Нѣтъ!“ отвѣтúлъ пéсъ, не ино тóлстон не дамъ тобѣ вúнести, но такóй нй̃кон, во й̃ мóмъ госпо-

дíнѕ єсмь предъ всѣмъ вѣ́рный, а хотя́ тов҃ѣ за твою́ ѻ҃слу́гѕ єсмь вдя́ченъ, то однáкожь не допу́щѹ тебѣ́ до нѣ́кои нсóты!“ Волкъ же дѕмаа, що пéсъ тóлько жартѹ́е, прїйшóлъ въ ночи́ по присмáчокъ; но ошúвъ ся гóрько, во вѣ́рный ѻ҃лтанъ всё сказáлъ своѝмѕ господúнови, котрúй чатѹ́вáлъ, ажь пóки вóлка не привитáлъ. Селянúнъ догоджáючи своѝмѕ ѻ҃лтанови ещѐ бóльше, чáсто говорúлъ: „нема́ то, ѭкъ старúй и вѣ́рный слу́га!“

В. К.

36.

Знамена́ погоды.

Изъ Перемышлянúна.

Хорóшѕ погóдѕ предскáзѹютъ óблаки, єслú лéгкїи и клочковáтїи выдаю́тъ ся, и єслú онú синь нéба ѭкивы тонéнькою ткáнїю покрыва́ютъ, або́ и свобóдно въ воздухъ розхóдатъ ся; єслú вѣлїи ѭкъ мрáки въ долинáхъ стоя́тъ; єслú при захóдѣ сóлнца червóно опарлéнúй сѹ́ть; єслú въ нúхъ дзга́ повúвáе ся, котрóи сúна и жóлта вáрва що разъ крáшше провúва́е ся; єслú воздухъ есть дзже ѭсный и прозрáчный; єслú мнóго росы спадáе и на дóлше остáе ся; єслú мгла́ нúзко стойтъ, роздúвáе ся, або по дождúи въ долинáхъ встаѐ и стойтъ, або́ по надъ рѣ́ки, и розхóдитъ ся.

Злѣ погóдѕ ѻ҃кáзѹютъ клочковáтїи óблаки, котрúй що разъ въ бóльшїи скѹплáютъ ся и чорнѣ́йшими стаю́тъ ся; чóрнúй, червóнúй и водонáрвнúй хмáры по огнúстóмъ захóдѣ сóлнца; єслú по дóлгóй посѣ́ѣ въ передъ, зáкимъ начнѐ дож-

дѝти, дѕгà покáже сѧ; еслѝ жáдна росà не спадáе, авѡ̀ еслѝ спадáюча ѿкѫ дóжджь скóро высыхáе; еслѝ зѫ низѝнѫ мрáка взнóситѫ сѧ, авѡ̀ прéдѫ всхóдомѫ сóлнца облакообрáзно розхóдитѫ сѧ, то спадáе вѫ вéчерѫ ѿкѫ дóжджь снѣгѣ на зéмлю; но осѣнна мрáка, котрà предѫ пéрвымѫ морóзомѫ встае и розстéлюе сѧ, пришóситѫ звычáйно ажь слѣдѣючого днѧ дóжджь; дѣже смердáча, авѡ̀ вѫ воздѣсѣ шѣмáча мрáка, зѝмный вѣтерѫ по корóткóмѫ дожджѝ; еслѝ предмéты чрезѫ воздѣхѫ видѝмѣи повóльшаютѫ сѧ, то знáкѫ, цо есть мнóго пáры вѫ немѫ, и тóе предскáзѣе дóжджь такѫ ѿкѫ и тогдѣ, еслѝ шѣмѫ рѣкѫ авѡ̀ ѝншихѫ звѣкóвѫ, котрúхѫ ѝнымѫ рáзомѫ не чѣти на пр. звóненье звóнами, дóвре слы́шитѫ сѧ.

Сѣверніи вѣтрѣ, котрѣи предѫ полѣднёмѫ при ѣснóй погóдѣ вѣяти начинáютѫ, предвозвѣщáютѫ дóжджь бли́же на перéдѫ. Еслѝ ю̃жніи вѣтрѣ вѣютѫ и зарáзомѫ дóжджь падѐ, то погóда не змѣнáе сѧ, хотáйбы и вѫ зáпадный вѣтерѫ перейшóлѫ; еслѝже сѣверный вѣтерѫ вѣяти начáлѫ, то дождѝтѫ мáло.

Сѝльно вѣючіи ю̃жніи и зáпадніи вѣтрѣ сѣть предвозвѣстѝтелями дождѣ.

Славоки́тіи лю́де авѡ̀ такіи, котрúмѫ рáнѣ не дáвно загоéно, авѡ̀ котрѣи пóслѣ недѣги вы́здоровѣлѝ авѡ̀ вѫ прóчемѫ мáютѫ дѣже дражлúвіи нéрвы, чѣствѣютѫ далéко напередѫ вилúвѫ перемѣнѝвои погóды, зáкимѫ тáм настáне. — Запáдто напрѣжéнымѫ нéрвамѫ стае сѧ колгкà погóда докѣчлúвою, а ослáвленіи бѫтомлáютѫ сѧ ещѐ бóльше, еслѝ тáженькѐ воздѣхѫ перемѣнáе сѧ.

Ещѐ бо́льше предчу́вствуютъ тѣю перемѣ́ну живо́тна (ско́ты, звѣ́рѣ), а до́лгіи о҃тважа́нїа подаю́тъ лю́демъ возмо́жность, зъ предчу́вствїа ти́хъ же ко́ждо перемѣ́ны пого́ды съ бо́льшою або́ ме́ншою пе́вностію предсказа́ти.

Хоро́шо пого́до предска́зуютъ зеле́нїи жа́бки, коли́ по́дъ о҃тве́рстымъ возду́хомъ высо́ко сѣда́ютъ и рѣ́каютъ; ли́пки (петопы́рѣ), коли́ вечеро́мъ къ мно́жествѣ ле́таютъ; о҃вцѣ, коли́ къ ве́черу ещѐ весе́ло и жи́во то тудъ то сю́дъ прыка́ютъ и розвѣва́ютъ съ; жа́кроп҃ки, коли́ спѣ́шаючи долго́ высо́ко къ воздусѣ заде́ржуютъ съ; соловѣ́ѣ, ско́нмъ прїа́тнымъ и непереста́нымъ пѣ́нїемъ; гно́йнїи жу́ки и свѣтля́ки (свѣтоно́сцы мушки), коли́ на около ле́таютъ.

Зло́ пого́до пророкуютъ лю́де зъ того́, коли́ псы траву́ сѣда́ютъ и кача́ютъ съ, а ко́ты ча́сто ли́жутъ съ и мы́ютъ съ; коли́ кертѝцѣ надзвыча́йно высо́ко могилки парыва́ютъ; сви́нѣ игра́ютъ и свой ко́рмъ розмѣту́ютъ, коли́ рога́тый ско́тъ горѣ къ воздусѣ вѣтритъ и свои́ но́здри вылизу́е; о҃вцѣ скачу́тъ и голова́ми межи собо́ю тыцкаютъ съ, завча́су на на́шу пашра́ютъ съ, идучи до до́му зъ на́ши частѣйше траву́ зпаса́ютъ и неохо́тно до кошары захо́дятъ; тако́жъ коли́ мы́ши пищатъ; завали́цѣ преды вехо́домъ со́нца даю́тъ съ сы́пати; воро́ны по надъ высо́кїи вздо́вѣ, скалы и де́рева ле́таютъ, го́лосы къ по́летѣ къ гору́ держа́тъ, кра́каютъ и къ во́ду запра́ютъ съ; коли́ пернаты́й пти́цѣ запо́рнуютъ съ къ по́росѣ и къ не́му ма́ютъ съ; коли́ ласто́вкы ни́зу стѣнъ або́ где ни́зко земѣ и по надъ во́ды ле́таютъ; коли́

жѫравлѣ, коршѫны (сѫпы) и ѝныѩ хѝщныѩ птѝцѣ ещѐ за хорóшои погóды сѝльно вѫ воздѫсѣ верецѝятѫ, а свôйскѝ надзвычáйно кѫпáютѫ сѧ; еслѝ кѫзькы молодѝи кѫзьчата вѫ гнѣздѣ прыкрывáютѫ; гóлѫбы сѧ кѫпáютѫ и пôздно вѫ вéчерѫ домôѫ прылѣтáютѫ; корѫткѝ не вѫ звычáйноѫ часѣ пѣютѫ; кѫркѝ печáльно хóдятѫ и пéра сѝ пригладжѫютѫ, а то послѣдне найвôльша часткѫ птѝць предѫ дожджéѫ дзѣлáе; еслѝ жáбы и зéмныѩ гáйсты (чéрвы, хрóвы) выпáзятѫ, а дóчкѫ и ѝнчéркѝ вѫ скóныѫ притѫлѝцыѫ óкрываютѫ сѧ; еслѝ зелéныѩ жабкѝ пôдѫ отвéрстыѫ нéроѫ пѝзко сѣдáтѫ и рѣкаютѫ; еслѝ жѫкѝ рáно лѣтáютѫ; комаркѝ вѫ зáпадовѝ сóлнца вѫ тѣни грáютѫ и мѫшы жалéнѩмѝ скóныѫ на людѝи и скóты нападáютѫ. Продолжѝтелькыи дóждж предскáзѫютѫ старѩ кѫркѝ, еслѝ не зáразѫ зѫ початкѫ, ѩкѝ дóждж настáе, пôдѫ дáхѫ скрывáютѫ сѧ.

Но помéжи тѝми всѣми жывóтнами сѣть наѫкѝ найневѝнѣйшѩ ворожѝтькы погóды и ѫх предѫкáлéнѩ óтжѐ кóлька днѩ або годѝны предкарáютѫ, зáкыми погóда перемѣнáе сѧ. Вéдам спóсобѫ спóванѩ скóн наѫчѝны дѣлáтѫ сѧ они на вѝсáчѩ або óтгалóвѩ наѫкѝ, а óтѫ призѝáкы, котрѫ гдекóтрѝ мáютѫ тôлько вѫ лѣтѣ ровѝти, а вѫ зымѣ вѫ дремлѝвоѫ (сóнноѫ) перóстѣ перевывáти, назывáютѫ сѧ тѩ лѣтныкми, ѝныѩ же, котрѝ и вѫ зымѣ не сѣть безѫ дѣла, зимокымѝ.

Вѝсáчѩ наѫкѝ, до котрыѫ такóж нашѫ крестовѝкѫ належѝтѫ, сѫюютѫ всѣ для свóѝ лóкѣ колесообразѫ сѣть и остаютѫ сѧ пôдѫ от-

кѣ́рстымъ воздѫхомъ о҃тъ весны̀ до Жо́лтна, где онѝ тогды̀ за недостáтокъ лóвлѣ въ сно́пъ о҃тлúкаютъ хокáютъ сѧ и безъ ѣ̃ствы зимѫ́ютъ. Онѝ про то́е пригóдніи сѫ́тъ ѣ̃ко кѣпѣ́ны погóды тóлько къ лѣ́тѣ и слѣдѫ́ючіи зъ нúхъ мáемъ предсказáнїа погóды:

Хорóшѫ погóдѫ предвѣщáютъ намъ писáчіи нaѣ́ки, если къ мнóжествѣ повúкáютъ сѧ; если нúлно и нестомúмо спѫ́ютъ свою нaѣчúнѫ; если и къ ночѝ не перестаю́тъ своею сѫ́тъ о҃тповлáти, покъ̀ оснóкъ и то широко одинъ̀ о҃тъ дрѫгоѝ затягáютъ, гóловѫ сп кздирáютъ и ѣ̃йца несѫ́тъ: то погóда долго̀ быва́е крáсна. — Если онѝ съ всѣ́мъ нaѣчúны не спѫ́ютъ, ано̀ если жáднаго зъ нúхъ некидáти, то настѫ́питъ вѣтеръ и зла погóда; однáкожъ если нно̀ гдѣ́ѣ̃кіи покáжѫтъ сѧ и спѫ́ютъ на малúхъ сѣтѣ́хъ, то вѫдѣ погóда взмѣ́нна. Если же онѝ ещѐ на дождж̀ дóлгіи оснóкніи ниткѝ затягáютъ, и всѐ то́е шлкнѣ́нько дѣлáютъ, то незадóлго кúпогодúтъ сѧ. Для то́го то не трѣ́ба сѧ дáти звестѝ единúмъ ано̀ дрѫгúмъ полосóвымъ дождѣ́мъ, слѝ онѝ на хорóшѫ погóдѫ покáзѫютъ, но въ о́вще прѣ́цѣ нúхъ кѣпáньке е́сть правдúвое.

Если нaѣ́ки напрáсно вóлькѫ ано̀ мѣ́ньшѫ чáсть свóи нaѣчúны о҃трывáютъ, то мáе настѫ́пити кúхоръ, предъ котрúмъ онѝ хотѣ лúвы; крáсна погóда знóкъ прихóдитъ. — Оугловáтіи нaѣ́ки спѫ́ютъ сп на о҃тлáхъ мѫ́рѣхъ и о҃кóпъ лѣ́дво не коравлекúдѫ сѧ землѣ́ю рѣвнолáгаѧ ткáнь (нaѣчúнѫ) съ ѣ̃мнною въ задѫ̀ затканою, котрà нмъ за притѫ́лúще и мѣ́стце сухóкѫ слѫ́житъ. То сѫ́тъ властúвіи знмо-

вѣи пазкй, и могѫтъ ѿко вѣщѫнѣ погóды въ зимѣ и въ лѣтѣ оу҃жйтыми быти.

Познаменованїа ѿсноп и сѫхóи погóды подаю́тъ оу҃галóки пазкй, еслй изъ скрытыхъ мѣстцъ своúхъ выла́зятъ; а еслй та́ погóда ма́е трвáти дóлше, то пока́зюютъ гóловѫ, и выставля́ютъ такóжъ и нóги изъ своú ѿмины, и чимъ дáльше вытагáютъ, тѣмъ дóлше вѫде крáсна погóда. Часóмъ надчинáютъ онй въ ночй своюо тканйнѫ йшюою новóю пачйнюою, а тогдѣ мóжна на двана́дцать до четырна́дцать днёй хорóшон погóды нáдѣати са, и то тѣмъ певнѣйше, еслй они до тóго свой ййца кладѫтъ, що при горáчихъ лѣтáхъ до семй разъ дѣе са. Еслй онй въ своéмъ притвáйри оверѫтъ са, и починáютъ намѣсть головкы показовати тылъ, тогдѣ съ пéвностїю дождѫ нáдѣати са, и то на такъ долгó, дóки онй въ тóмъ состоáнїю остаю́тъ са.

Мáемъ ещѐ за предвѣстники дождѫ, авò настáти маючон непогóды слѣдѫючое, ѿко: кѫренье са соломяныхъ дахóвъ по дождй съ грозóю, славѣ и дрѣмлйве горѣнье огнѣ на огнйщи, трѣщанье лáмнъ и свѣчъ, ихъ йскрсканье йскръ, тéмне и не ѿсне горѣнїе, многовáрвный блéскъ коло ихъ пóломѣни; такóжъ колй въ кóминахъ дымъ запираé са, колй вода коротко и везъ шѫмъ кипúтъ, колй сѫхѐ дерéво и кáмѣнь потáтъ са, сóлъ мокрѣе и смрóдъ зъ нѫжникóвъ и канáлóвъ выхóдитъ.

37.

Цвѣткѝ до вѣнкà чести и бра́тнѣи любве.

Нѣко́го не лай,
Ко́ждому честь дай,
То бу́деш съ всѣма жи́ти,
Всѣ бу́дутъ тя люби́ти.

Будь терпли́въ,
Не сквапли́въ,
Бо ко́жда рѣчь ма́е свои́
чà́съ,
Про то́в не всѣ́го на ра́зъ!

Все лишь пра́ву говорѝ
За дру́гихъ ся не журѝ;
Ко́ждый за се́бе,
Нѣкто́ за те́бе
Не отвѣча́е,
И спра́ву здаѐ.

Робѝ но небо́же,
Богъ тобѣ́ помо́же —
Ско́ро загне́шь ру́ки,
Не дока́жешь шту́ки.

Будь бережли́въ,
Ужива́й твои́ си́лы;
Бу́деш щастли́въ,
Бу́дутъ тя люби́ли.

Всѣхъ людѝи ся ра́дь
Съ нѣки́мъ ся не ва́дь;
Сно́й ро́зумъ ма́й,
О се́бе два́й.

Люби́ всѣхъ,
На́веть злы́хъ;
Бу́де гара́здъ то́бѣ
По́мнять тя и въ гро́бѣ.

Прости́ всѣмъ
Ѩкъ грѣшны́мъ;
Бо, до ли́ха
Чей безъ грѣха
Нѣко́го нема̀
И ме́жи на́ма.

Кто не ле́гко вѣ́ритъ,
Лишь сто разо́въ мѣ́ритъ —
Най ся не лека́е —
Нара́зъ противна́е! —

Ле́кше кому́ сто радъ да́ти,
Ѩкъ само́му разъ дѣла́ти.

Ле́кше все дру́гихъ га́нити,
Ѩкъ само́му що зроби́ти.

Кто всѣмъ хо́че догоди́ти
Той не зна́е свѣ́тъ цѣни́ти.

Не всѣ Ангели въ не́бѣ,
Они́ суть и на земли́.

Предвсѣмъ потрѣба, абы кóждый зъ насъ памятáлъ на свой обязáнности и повíнности: Пéрвый есть Бóгъ а потóмъ свѣтъ!

Старáй сѧ твоíй повíнности погодíти сѧ твоéю чéстїю, понéже пéрвшїи мáютъ бы́ти всегдà для насъ святы́ми, а тáк ненарꙋшéна.

Не одíнъ чоловѣкъ провáдилъ бы житьѣ щастливéйше, еслíбы мѣсто грóшїй посѣдáлъ изъ áщїи и полéзнїи нáуки; во тóй есть найбогатéйшїй, котрóмꙋ ни прилáдкꙋ сказáти мóже: все моѣ сѧ минóю, а тóго менѣ докóлько нѣде.

Оу̑чи сѧ все основно и пи́лно въ шкóлѣ, то вѣдешъ и пóздней́ше въ обращенїю знáлъ мнóго — а кто себѣ ошꙋкꙋе за мóлодꙋ, той выкáе ошꙋканый и на стáрость. Лéнивый лишь кáже:

Кобы́то азбýка,
Вся бы́ла наýка;
Тобы́мъ ся не мýчилъ:
Всѣ никóлы выýчилъ!

В. К.

38.

Слóнъ.

Слóнъ есть найвóлькшїй изъ всѣхъ зéмныхъ звѣрéкъ. Онъ мáе велúкꙋю гóловꙋ, дóлгїи и тóлстїи оу̑хa, малéнькїи óчи, овúслое чéрево, сорнꙋ́стый хребéтъ и толстїи незоврáзнїи нóги. Но изъ всего найзнаменúтшїй есть оу̑ нéго нóсъ или хобóтъ, и зꙋбы. Хобóтъ подóбный есть до трꙋбы, а слóнъ мóже его не шкодúти и згинáти, но такóжъ стягáти и выпрягáти, скривлáти и по вóли на всѣ стóроны нимъ махáти. Онъ оу̑потреблáе его въ мѣсто рꙋкъ, вередъ нимъ жúвнóсть

и по҃дно́ситъ ѭ къ ро́тъ҃, скꙋ҃пае тракъ҃, розка́зде ꙋ҃злы, замыка́е и ѳтмыка́е засꙋ҃кѝ и проч. По҃дъ хоно́томъ вла́зько грꙋ҃дїй нахо́дитъ са его́ ро́тъ съ дво́ма дꙋ҃же до́лгими кла́ками, зъ котры́хъ ма́емъ изв҃ѣстиꙋ҃ слоно́къ ко҃сть. Що три го́ды тра́титъ ѳнъ тѣи кла́ки, а намѣ҃стъ стары́хъ выраста́ютъ ему҃ новїи. Ко́жа его́ такъ грꙋ҃ба и помо́рщена, же не мо́жна ѭ кꙋ҃лею простр҃ѣлити.

Сдинъ сла́вный испыта́тель приро́ды зропи́лъ то́е примѣ҃чѐнье: сло́нъ ма́е не нно́ понатли́ко҃сть во́вра, иску҃ство ма́лы и чꙋ҃ствѝтелнно҃сть иса́, но еще́ перевышша́е къ всемъ тѣи живо́тна. Кро́мѣ сѐго ма́е сла҃ ѳтнов҃ѣдно҃ его́ велїкости. Онъ живѐ дꙋ҃же долго́. Кла́ками своїми нов҃ѣжда́е ѳнъ лѣса; земла́ дрожи́тъ по҃дъ его́ стꙋ҃па́ми; хоно́томъ кырыка́е ѳнъ дере́ва съ кор҃нѐмъ; розка́люе та́жестїю сво́го ст҃ѣла ка́менныи ст҃ѣны. Онъ са́мъ дви́гае во҃лышїи ма́шины и но́ситъ на со́нѣ такїи тагары, котры́хъ шѣ҃сть си́лныхъ конїй зъ мѣ҃стца не подвигнꙋ҃тъ. Онъ есть ѳтважны́мъ, посла҃шны́мъ, а нꙋ҃дъчи роздрочѐнъ по҃знае то́го, кого́ лю́битъ, хота́й и не оставла́е безъ ѳтмще́нья, если его́ кто ѹ҃разѝтъ. Онъ жи́витъ са рослѝнами, про то́е всѣ живо́тна не ма́ютъ причѝны боа́тиса его́ и всѣ его́ лю́ватъ.

Сло́нъ живѐ къ ю҃жны́хъ сто́ронахъ Азїи и Африки. Азїа́тскїи сло́ны сꙋ҃ть во҃лышїи и сильнѣ҃йшїи ѳтъ африка́нскихъ — они́ быва́ютъ де́сать до четырнадцати́ сто́нъ высо́кїи. Къ о́нцне такъ ро́стъ ихъ ѭкъ и ста́ро҃сть зави́сатъ ѳтъ по҃дсо́нья, жи́вности и состоа́нья; на во҃лности быва́ютъ во҃лышими и жїю́тъ сто пятьдеса́ть до дво́хъ сотъ лѣтъ а наветь и до́лше.

Дикіи слоны не сѣть жаждніи крви и свирѣпіи, но кроткіи и оу̑потребляются силы свои лишь для оборонѣ. Они ходятъ по вольшой части стадами; одиихъ изъ найстаршихъ идѣ на передъ а другіи изъ задъ такого стада, молодіи остаютъ въ середиихъ; матери носятъ малѣнькихъ слонове держачи ихъ хоботами. Но такіи порадокъ заховьютъ они лишь тогды, коли выходятъ на оу̑праженіи полѣ и подверженіи быкаютъ опасностѣмъ.— Въ лѣсахъ и степахъ ходятъ они съ меншою осторожностію; однакожъ не отдалѣе са одиихъ отъ другого, якъ въ потребѣ скорше сокоупити са могли. Случае са, що часомъ поединоки далеко остаютъ са изъ задъ отъ цѣлого стада, и такихъ только люде ловити осмѣляются са; нападати во на цѣлии стада слонове не быловы порадно и самомъ воорьженомъ войскъ. Они идъть прямо на слоны непріятелевъ, и кромѣ тяжкости ихъ тѣла, могъть так скоро вѣгчи, що оу̑вѣгнути передъ ними трудно. Они любьютъ совѣ ходити по надъ береги рѣки, во везъ водъ долго вытримати не могъть; часто кънаютъ са и плаваютъ превосходно, готай сѣть так тяжѣлии и везъобразнии. Но полягъ робятъ велико шкодъ, и точъть больше погами, ниж съѣдаютъ, готай едѣнъ слонъ продѣнно около 150 фунтовъ травы для пожывѣня потребъе.

Слоновъ ловятъ только черезъ хитрость. По середъ лѣсовъ, въ которыхъ они находятъ са, обставляютъ мѣстце грубыми столпами, связьютъ тии докупы поперечными платями оставляючи межи ними только мѣстца, щобы лишь человѣкови перейти было можно. Въ той загородѣ

оставля́ютъ едѣ́нъ бо́льшій отво́ръ подо́бный до коро́тъ, котры́мъ бы сло́нъ мо́гъ перейти́, а ѣ́мъ скоро́ посере́дъ то́го отво́ра нахо́дитъ ся, спѣ́шитъ ся на не́го нечаю́нно за́лонка, зъ котро́й ни въ пере́дъ ни въ за́дъ осводи́ти ся не мо́же. Оу́томлёному вкладаю́ютъ на хово́тъ и но́ги ланцу́хи; пото́мъ прико́дятъ до не́го дво́хъ или трёхъ осво́ёныхъ сло́но́въ, спрага́ютъ его́ съ ни́ми и въ бо́лькохъ днехъ дае́ ся хи́тростію, мѣ́ками и ла́скою осво́йти. Въ ни́хъ же слу́чаю, хотячи́ сло́на зловы́ти, выко́нѣютъ глу́бо́кіи и широ́кіи ямы по дорога́хъ, котры́ми сло́ны найчастѣ́йше хо́дятъ, покрыва́ютъ тіи ямы дро́бными галу́зьемъ и присы́пютъ земле́ю. Ёсли́ слонъ попа́де ся въ таковю́ яму́, то не мо́же самъ зъ не́й бо́льше вы́йти, а тогды вы́ка́е ле́гко его́ оукроти́ти (осво́йти). Осво́ёный сло́нъ оужѐ нѣко́ли бо́льше не дичѣе, но́ъ стае́ ся смі́рнымъ и послу́шнымъ звѣрёмъ. Въ коро́тко́мъ часѣ́ навчитъ ся понима́ти всѣ́ знаки, розлича́ти го́лосъ и робі́ти, що ему́ роска́же ся. Они́ нѣко́ли не ошіе́ ся въ розу́мѣніе го́лоса сво́го Па́на, и испола́е его́ прика́зы тща́тельно, зъ вели́ка и розу́мно. Мо́вятъ, що они́ дуже люблятъ носи́ти на сво́ѣ ваприя́чій оувъ́ръ и хоро́шій покры́вала.

Привче́ніи сло́ны запрага́ютъ ся до возо́въ, и иду́тъ поволо́кными и ро́вными кро́ками. Въ Индіи просыла́ютъ ся всѣ та́жкіи токары зъ едно́го мѣ́стца на дру́гое на сло́нахъ. Погоничъ сѣдитъ звычайно сло́нови на карку́, трима́ючи въ рцѣ́ желѣ́зный молото́къ, котры́мъ его́ часо́мъ въ го́лову бье́, скоровы става́ти хотѣлъ; но ча́сто доси́тъ едно́го го́лоса, аби его́ подгна́ти, осовли́во

если слóнъ давнó привы́къ къ своéмъ погóничю. Óнъ его тáкъ лю́битъ, що нѣкóго крóмѣ нéго не слы́шае. Быва́ли примѣ́ры, що слóны оу҃би́вши въ гнѣ́вѣ свóего погóнича, потóмъ сами́ оу҃мира́ли зъ тóски. —

Въ нѣкото́рыхъ азїа́тскихъ ста́тахъ сы́ть вѣ́лїи слóны въ велúкóй пóчести; тамъ трима́ютъ ихъ въ великолѣ́пныхъ зави́дова́нїяхъ, призна́чаютъ для нихъ осо́бли́въ слу́жбу, котра́ ихъ обхóдитъ, кóрмлятъ ихъ изъ золоты́хъ сосу́дóвъ найкыворнѣ́йшою па́шею; покрыка́ютъ ихъ бога́тыми оу҃бóрами; и не запряга́ютъ ихъ до жа́дной пра́цѣ.

Изъ їстóрїи зна́емъ, що въ дрéвныхъ часа́хъ въ Азїи а на́вѣть и въ Єгóптѣ дýже ча́сто слóновъ въ войнахъ оу҃потребля́но, и нынѣ еще́ гдекóтрїи їндїйскїи влады́тели оу҃дéржуютъ воéннїи слóны не тóлько для ви́да, но въ самóмъ дѣлѣ ихъ на вóйнѣ оу҃потребля́ти тепéрь при изъовръжéнню пóроху стрѣ́льного и орýжїа на́льного не мóжно; они́ во дýже вóлкъ сѧ огня́. По бóльшóй ча́сти оу҃потребля́ютъ ихъ для лóвлѣ ди́кихъ слóновъ.

Сѣдѣ́ти на слóнѣ есть весéлно, но óни нѣкóли не потыка́ютъ сѧ, но не выгóдно. — Óнъ ма́е дýже любúти ара́къ, горѣ́лкы и прóчїи спїрїтýсóвїи напóи. Въ найбóльшóй ярости вздýчи ладúтъ óни ты́хъ людéй, котрїи нича́ зло́го емý не зровúли. Изъ слѣдýючого примѣ́ра мóжно вúдѣти, як то́е живóтно памята́е добро́, котóрое емý сдѣла́е сѧ: Въ Пондишéри пойлъ едéнъ вóлкъ тамóчнои залóги слóна кóлька разъ горѣ́лкою. Єдного ра́зу тотъ вóлкъ въ па́нóмъ состоя́нїю былъ щóсь провинúлъ и оу҃тѣка́лъ, — но стра́жъ войскóва гна́ла за нимъ; óни оу҃вúдѣвши того́ слóна, котро́го

колиѣ напáлъ горѣлкою, сховáлъ ся пôдъ нéго и засн8лъ. Выслана за кóжкомъ стрáжъ кѢсúла ся кôлька разъ сухатáти егò, но слóнъ ôтганáлъ ихъ свóимъ хоботомъ. Кóжкъ переспáвши ся, дѢже ся настрáшилъ, видячи, надъ собóю такъ страшнѢ потвóрѢ; но слóнъ не дѣлáючи емѢ жáдного злà давáлъ емѢ пôзнáти, акы отчишóлъ и не боáлъ ся.

Цижъ не встыдáе тое живóтно не одного человѣка, котрúй протúкѢ скóго нерáзъ найбóлшого благодѣтеля, не шò же не есть вдáчным, но ещè и лю́тым?

———

В. Волянъ.

39.

Пóтôкъ, стáвъ, сóнце.

Блúзъ при ставѣ
Въ густôй травѣ
Сварлúвъ потôкъ
Новóли тѣкъ. —
Разъ го стáвъ
Запытáлъ:
„Мúлый сусѣдо! що за причúна,
Що все воркóчешь, якъ Бóжа днúна?"
А потôкъ
Такъ ôтрѣкъ:
„„Мóжный сусѣдо! по що пытáти?
Мою недóлю самъ мóжешь знáти;
Той, що надъ нáми висячій огéнь
Печè мя, палúтъ, сквáритъ весь дéнь!
По камѣнцáхъ ся въ нýждѣ толчý,
Крóплю по крóпли ещè волочý!
Кобы я въ вóды, якъ ты, богáтый,
Не дôзналъ бымь былъ такóи стráты;
Пустúлъ бымь зъ сéбе, густýю пáру
Заслонúлъ зéмлю ôтъ тóго сквáру,

Тай тебѣ, тай себѣ!““
Ставъ ся зъумѣлъ — —
Весь запумѣлъ;
Акъ стны пѣчь
Акъ дѣнь такъ нѣчь
Туманы пары
Акъ густй хмары
До горы зьяе,
Тай — — высыхае!
Тепѣрь потока сонце пытае:
„„Що ти, поточе, такъ докучае,
Що разъ въ разъ гомонишь
Сердишь ся тай сваришь?““
А онъ смиренно такъ отповѣсть:
„Моего сусѣды боде мня злость,
Щось го згубило,
Ясне свѣтило!
Онъ то хотѣлъ тебѣ затьмити
Отъ твохъ лучь свѣтъ заслонити!““

Що ино рѣкъ
Уже не тѣкъ! — — —
Онъ безъумный не позналъ,
Що самъ зъ ставу выплывалъ . . . .

——— *Лука зъ Ракова.*

40.

Казка: „Такъ свѣтъ платитъ.“

Разъ нѣсъ селянинъ зъ лѣса тополько, а коли тагаръ вкѣлъ мѕ сл въ плечи, оутомленъ кинѕлъ го на землю, сѣлъ на камени стерчачомъ изъ скалы, щобъ отдыхнѕти и на силахъ покрѣпитисл. Къ томъ зачѕвле зойкъ изъ печери: „Ахъ чоловѣченькѕ божій, мой татѕненькѕ всемилостивый! помилѕй мене окаянѕю, отвали камѣнь,

во загинѣ, въ твоихъ рѣкахъ моя долѧ, а ѩ ти отплачѣ, ѩкъ свѣтъ найлѣпше платити!“ — Селянинъ зѣлѣкъ са не мало, що бы то могло бути, смотритъ, ажъ то велика гадина цѣлою быставлѧе голову. Человѣкъ сей, довродѣшный и на звѣра, не долго дѣмалъ, но тотъ часъ отвалилъ камѣнь, а оутѣшена гадина высѣлала са изъ печеры, звила са въ кругъ и кидала са горѣ, а отрѣкавши са такъ каже своѩ благодѣтелеви: „Но человѣче, лагоди са, теперь твоя смерть!“ — Сесѣ слова моѣ молитва оударили въ сердце селянина, оужасъ прошибъ его кости, ледво що дѣхъ довыкае са изъ грѣди, тай очнавши гдѣцо говорить: „„Та що ты говоришъ? ци до тебе пристѣнило? не менѣ ли кайкалась на помочъ, не ѩкъ ли отвалилъ камѣнь? не ѩкъ ли тобѣ жизнь спасла?““ — „Все то добре и хорошо, но и менѣ стоитъ договору додержати, а ѩ тобѣ овецала такъ заплатити, ѩкъ найлѣпше свѣтъ платитъ.“ — „„Але бой са Бога, ци менѣ оужѣ загинати въ найкрашшихъ лѣтахъ жизни? маѣ моя женка повдовѣти, мои дѣти сиротами лишити са, и моя крвава праця запропастити са?““ „Все то нычъ не поможе, такъ свѣтъ платитъ!“ „„Коли менѣ оужѣ годъ на свѣтѣ жити, молю та еще передъ кончиною о едну милость: отдаймо сесю справу подъ розсѣжденье нашихъ, най, если такъ сдъ повелитъ, знаю, що справедливо сесѣ менѣ са приключило.““ „Що на тое, то изволю,“ рекла гадина, „але знай, що, если моя вдѣ правда, тобѣ сконати тотъ часъ!“ —

Надъ тое гадѣти сѣдно, человѣкъ, а съ нимъ гадина, гейбы дѣаколъ при грѣшной дѣши,

и го́дѣ ей сѧ спѣ́кати ли́во извѣ́ргчи. Въ то́мъ прихо́дятъ до едно́го мѣ́стца и ва́чѫтъ, ажь тамъ о҆̀ пло́та стои́тъ стары́й сова́ка на о҆̀вази. — „Ꙗкъ ты пожива́ешь, вѣ́рный сто́рожѫ до́мѫ?“ спроси́ли прихо́дцѣ — „„Отъ, ѭкъ ва́чите.““ — Чолове́къ: „сдѣла́й ми́лость и вѣдь розсѣдцёмъ въ на́шой спра́вѣ;“ и сталъ емѫ при́ключкѫ сѧ всѣ́ми подро́вными овстоа́тельствами розка́зовати. Одна́ко ерысь вы́слѫхалъ сѧ терпли́востїю, и спроси́лъ га́дины: „а ци та́къ бы́ло?“ — „Та́къ бы́ло!“ о҆тповѣ́ла га́дина — Ерысь до га́дины: „Твоѧ спра́ва до́вра,“ — а до чолове́ка: „чолове́че товѣ о҆̀мира́ти, во та́къ свѣ́тъ пла́титъ! И по́кимъ былъ молодо́й, былъемь люби́мцёмъ мого па́на, ло́вилъ везъ ме́не шко́ли не о҆тбы́ла сѧ, ѭ кѫхню па́ньскѫ напола́лъ за́ѧцами, серна́ми и всѧ́кою дичино́ю, панъ ходи́лъ въ ли́сахъ и волка́хъ, котрїи ѭ гони́лъ, по́здѣе стерѣгаемь до́мъ о҆тъ злодѣ́евъ, панъ такъ менѣ люби́лъ, що да́вано за ме́не карки́тѫ и цѫго́вїи ко́нѣ, но о҆нъ за жа́дни гро́ши былъ бы ме́не не о҆тстѫпи́лъ. Тепе́рь же, коли ѭ о҆̀жѣ стары́й, рѫ́шати сѧ и га́вкати не могѫ, кѫхарѣ ля́ли на ме́не кипато́къ, а на́вѣтъ менѣ сюда́ вы́вели, до пло́та привяза́ли, и ма́е прїйти, а мо́же и идѣ пала́чь, щобы па́лкою сдѣла́ти коне́цъ мо́ей нѫжды.“ —

Непра́стый селяни́нъ вачѫчи, що програ́лъ спра́вѫ, про́ситъ зака́заного това́риша о о҆тне́сенье сѧ до йшого сѫда. Га́дина и на то́е пристаѣ. Идѫтъ ово́е по ѩрѫгахъ, верте́пахъ, де́врахъ и лѣса́хъ, а на коне́цъ прихо́дятъ на то́локѫ и ва́чатъ старо́го конїска, ѭкъ спѫстилъ го́ловѫ; во́кїи его́ стисне́нїи мовь до́ска, овадна́ овсѣла

цѣлкій тóлькъ; нóтъ лíѣ сѫ, не мáе сíлы кѣсáкѣ ôтъгнáти, кѣтеръ лишь розвѣкáе егò грíкою. — „Якъ сѫ мáешь ты благорóдный скóте?“ спросíли прихóдцѣ. — „Такъ, ѣкъ вáчите!“ — Просíли егò вдáти сѫ въ тѣю цхъ спрáвѣ сѫ додáткомъ, що чоловѣкъ въ единóй íстáнцíи óжѣ програлъ спрáвѣ. Вкислýвши конúско предложéнье терплíко, выдаѣ сáдъ: „Гáднно, твоѭ прáвда, но тáкъ свѣтъ платúть! Я колúсь вкúлемь молодкúй, óмѣлемь розáйчíй штѣки; ѣкъ вкúвели менѣ изъ стáйнѣ, то ѣ всѣ гóстѣ завáлялъ. Що бóльше, посúлемь мóго пана въ бóйнѣ, колú градъ кѣлъ скúпалъ сѫ, нерáзъ швúдкостíю мóцъ конúть спáслемь жизнь мóмѣ пáнѣ и допомóгъ емѣ до слáвы, — для тóго ходúло коло мéне заéдно двохъ людíй, менѣ два рáзы на день чесáли, овéсъ и сѣно найдоворúйше давáли, въ стáйни вкúло ѣкъ въ свѣтлúцы, въ лѣтѣ про овáдню влагáли на мéне свѣтѣ, и мóй пáнъ за половúнѣ села вкúлъ бы менѣ не дáлъ. — Колú же ѣ сѫ постáрвлъ, то морúли менѣ гóлодомъ, нáветь и солóмы не давáли, дáже на пóслѣдокъ вкúволокли менѣ сюдá на тóлокъ, що бы вóлкъ менѣ óдсúлъ.“ —

„Що тепéрь чоловѣче?“ спрáшѣе гáдина. — „„Но óжѣ двúчи сдѣлáлась менѣ мúлость““ ôтновѣлъ селянúнъ, „„еще прóшѣ до трéтѣго разѣ, сам твоѭ вѣде прáвда, то óжѣ ти бóльше доскѣлювати не вѣдѣ; тогдú рóвно съ мнóю, що хóчешь.““

„Еще разъ,“ сказáла гáдина, „предъ твóею смéртію, най вѣде по твóемѣ желáнію; но знай, що то вѣде рáзъ послѣдный и ты пáдешь мертвцéмъ.“ —

Идѣтъ овóе кѣпно, дáже по пóдъ лѣсъ на оволóню лисъ вѣжúтъ. „Гей, пáне лúсе!“ клúкнѣли, „погодú не мнóго; вѣдь сѣдíю въ справѣ такóй и такóй; óўжè въ двóўхъ їнстáнцїяхъ програ́на.“ Лисъ, мѣдра голова́, дѣмае си, що вы то за дѣло вúло, що вы го лисъ не змѣдрова́ли, но слѣуае їмъ роскáзѣютъ. Моргнѣлъ потóмъ на чолов҃ѣка и шéпнѣлъ емѣ: „„Я дасú менѣ всѣ твоú кѣры, то тѫ извáвлю изъ нѣжды.““ — „Що кѣры?“ сказáлъ чолов҃ѣкъ, „„нáветъ и гѣси, а хóтькы и цѣлóе имѣнье: óў мéне жúзнь дорóжша нáдъ все!“ — Лúсъ привráлъ пóслъ того видъ везторóннього сѣдíя, тай говóрить съпéрникамъ: „„Єсть то вáжна спрáва, во тѣтъ идѣ о житькѣ и смéртъ, тамъ тотú сѣдúли, а не пересѣдчили сѧ, тáм спрáва на тóмъ мѣстци рѣшéна вúти мáе, где сѧ вúлагала. Отъ намъ трéва на мѣстце пóйтú, и очевúдно пересѣдчити сѧ, котрà сторонà прáвдѣ мáе.““ — Їкъ сказано такъ и сдѣлано . . .

Їкъ прúшлú на непрáстное мѣстце, мóвитъ лúсъ съпéрникамъ: „„Тенéръ спрáва мáе сѧ точúти изъ самóго початкѣ, ты чолов҃ѣче сáдь си на тóмже кáмени, на котрóмъ сѣдѣлъ есь, а ты гáдино лѣзь въ печéрѣ, гдесь вúла. Овóе послѣшний вóли сѣдíя; чолов҃ѣкъ сѣлъ на кáмени, а гáдина всѣнѣла сѧ въ печéрѣ. Тѣтъ моргнѣлъ лúсъ на чолов҃ѣка: „„Їже швúдко прикалú гáкьвѣ,““ а той не дáлъ си два́ рáзы сказáти, но сей чáсъ прикалúлъ кáменъ на ôтвóръ печéры. Чолов҃ѣкъ лéдво що змóгъ вѣрити своéмѣ цáстю, стáлъ благодарúти своéго довродѣя, що лúшь за его́ пóмочїю спасéнъ ôтъ неизвѣжúмои смéрти. — Лúсъ ôтвѣ-

чáє: „„Áле тáмъ ты за кѣркй, зáѣтра досвѣта вѣдѣ на твóемъ овчистю по снѣдáнокъ.““

Прихóдитъ чоловѣкъ до дóмѣ óтрáдованъ ѫкъ ы сѫ дрѣгій разъ на свѣтъ народйлъ, и роскáзѣе свóей жѣнцѣ всю свою пригóдѣ, величáе мѣдрóстъ лйса и привакáе, що за тотѣ штѣкѣ овцáлъ емѣ всѣ кѣры, и що зáѣтра досвѣта мáе по нщъ прйтй. — Áле жѣнка не согланáла сѫ не сесѣ предложéнье, но ѫкъ зъ едноѝ стороны рáдовала сѫ спасéнкемъ свóго мѣжа, такъ зъ дрѣгои стороны маринковáла за кѣркмй. —

На дрѣгій день досвѣта жѣнка идѣ къ óкнѣ, а новáчивши, ѫкъ лйса по подвóрю хóдитъ то тѣ, то тáмъ, а все сѫ къ óкнó дйвитъ, склйкнѣла рáзомъ на мѣжа: „Чѣешъ старкй, гдéсь сѫ тѣ лйса перéдъ óкнами взáлъ“ — „„Áто тóй линóкъ, що менѣ взкáнлъ, прйшóлъ по кѣркй““ — „Хнá кымъ зъ óѫма сныпáла, повымъ ѫ мѣ кѣркй дáла, — отъ, слáва Бóгѣ, колй ты здорóвъ. Возьми рѣчнйцю, тай зáстрѣли лйса, вѣдешъ еще мáти за шкóрѣ колька рéпьскцъ.“ — Чоловѣкъ послѣхалъ своѝ женѣ, взáлъ рѣчнйцю и скрóзь óкно вкйналъ до лйса. Рѣдный лисйско ражéнъ смертоносно косклйкнѣлъ жáлко: „„Тáкъ то свѣтъ платйтъ!““ и застйлъ на мѣстци.

——— *Перемышляни́нъ.*

41.

Що єстъ лѣчше?

Ци на самóмъ вершкý горы стáвити хатйну?
Ци широ́ку и зелéну обрáти долйну?
Лихй вѣтры горóю вѣютъ, все зъ нéи скидáютъ
А долйны тихóнькои рѣдко досягáютъ. —

——— *И. Гушалéвичъ.*

42.

Прíтча о ꙗ҃блощѣ.

Єдно́го ра́зъ роздꙋмовали лю́де о то́мъ: ꙗ҃ко ща́стье комꙋ сꙋ́дженo. Дѣ́ло не бы́ло безъ за́висти: славѝи за́видꙋвали здоро́вымъ, моло́дшіи ста́ршимъ, а осо́бливо вѣ́дніи бога́тымъ. Вѣ́дніи твердѝли, же ща́стье лишь само́ становѝтъ бога́тство, и же коли́ челове́къ есть бога́тый, то все емꙋ́ ведо́ сѧ.

Мꙋдре́цъ, вы́слꙋхавши всѣ тѝи перозꙋмніи прѝдꙋмки, сказа́въ слѣдꙋю́чꙋ прѝтчꙋ: Зна́ємъ колѝсь одно́го богача́, жи́въ о́нъ въ вы́золоченыхъ пала́тахъ, носѝлъ тонко́е, дорого́е пла́тье; соло́дко ѣ́въ, соло́дко пѝлъ: всѧ́кій день отъ него́ до́ма вы́ѧхъ мо́къ то пѝра ꙗ҃кій. Разъ прїѣ́халъ до богача́ въ го́стѣ старѝй дрꙋгъ, давно́ отъ́же они́ не видѣ́лисѧ; въ ра́дости бога́чъ пригото́вилъ пѝръ велѝкій и созва́лъ го́стей. На столѣ́ бы́ли поставлє́нїи золотѝи и сребрѧ́нїи на́чинa, а въ на́чинахъ бы́ли дорогѝи страны́; кꙋ́вки тако́жъ бы́ли золотѝи, а въ кꙋ́вкахъ пѣ́нили сѧ замо́рскїи ви́на.

Долго́ сѣдѣ́ли прїя́телѣ за столо́мъ; ѣ́ли и пѝли, и бы́ли весе́лї; лишь госпо́дарь ма́ло про ѣ́въ и пѝлъ, хотя́ и вѣ́лъ потѣ́шнꙋю ве́сѣдꙋ сѧ сво́ими го́стьми. Пꙋ́дъ коне́цъ овѣ́да привы́кшій дрꙋгъ сказа́лъ до богача́: „нѣгдѣ́мъ не видѣ́лъ тако́го бога́тства и тако́ѧ роско́ши, ꙗ҃ко отъ тѣ́бе, до́лжно сказа́ти, же нѣ́тъ человѣ́ка пристанѣ́йшого отъ тѣ́бе въ цѣлꙋ́мъ свѣ́тѣ.“

Бога́чъ востхнꙋ́лъ, взя́лъ изъ золото́го на́чинa ꙗ҃блоко, и пода́лъ его́ прїя́телеви; ꙗ҃блоко

бы́ло рѣма́ніе и свѣ́же на ви́дъ, — но коли́ его́ розкрои́ли — въ немъ сѣдѣ́лъ черва́къ и точи́лъ его́ середи́нѣ.

Всѣ го́сти съ ѹ҃диве́нїемъ посмотрѣ́ли на богача́, а то́й промо́вилъ: „то́е ѳ҃ло́ко е́смь ѳ҃; зъ ви́дѣ ѳ҃ пристали́къ; а нѣко́мѣ не замѣ́тно, же черва́къ мене́ то́читъ.“

По тыхъ слова́хъ богачъ розверѣ́лъ свое́ бога́тое пла́тье и всѣ ѹ҃ви́дѣли, що на грѣ́ди его́ бы́ла стра́шная, непзлѣчи́мая ра́на, котрѣ́ называ́ютъ ра́комъ.

„Отъ, мое́ и прія́тье“, сказа́лъ бога́чъ; „що мене́ по дорого́й стра́кѣ? — не соло́дка она́ мнѣ́; що мене́ по золоты́хъ на́чинахъ? — ни́ми ра́ны не залѣчишь; що мене́ по гро́шёхъ? — за ни́хъ здоро́ва не кѹ́пишь!“

И о́тъ то́и поры́ переста́ли за́видовати богачѣ́. —

Що тѣ́тъ о бога́тствѣ гово́ритъ сѧ, то мо́жно и о всѣмко́мъ дрѣго́мъ дѣлѣ сказа́ти. Не за́видѣй ни ста́ршимъ, ни си́лнымъ, ни бога́тымъ; имъ мо́же вы́ти часо́мъ сѣмнѣ́йше, нежёли тобѣ́. Мала́ лодья по рѣцѣ́ хо́дитъ и рѣ́дко на не́й вѣда́ выва́е; бо́льшій корабе́ль по мо́рю пла́ваетъ, за то вѣ́рх его́ къ дрове́зки розвива́е. Посмотри́, кѣда́ гро́мы би́ютъ, — не къ ни́зкій ко́рчинкъ, но къ высо́кое дере́во.

Бо́гъ да́лъ на́мъ ѹ҃мъ на то́е, щобы́смо могли́ и свое́ добро́ ѹ҃множи́ти, и о́тъ вѣ́дки оборони́ти сѧ; кто ѹ҃ме́нъ и ѹ҃чёнъ, томѣ́ ча́стше дѣ́ло поведе́ сѧ; но Бо́гъ на́мъ да́лъ ѹ҃мъ и на то́е, щобы къ нещастію да́рмо не нарѣка́ти, но ближше посмотрѣ́ти: о́тъ чего́ прїи́шло нещастье; та еще́

дáлъ нáмъ Бóгъ óумъ и на тóе, щобъ никóмóъ не завúдовати и знáти, що óтъ кóждого éсть свóй червáкъ на сéрдци.

Не все зóлото, що сѧ свѣтитъ — но протúвно многúи сóть кéщи, котрúи сѧ не свѣтáтъ, а сóть дорогоцѣннѣйшими ѣкъ зóлото. Чúста сóвѣсть и въ найвóлкшóй скрúтости есть скáрбомъ вóльшимъ, ѣкъ всѣ скáрбы цѣлóго свѣта.

Вѣстникъ.

43.

Скитáлецъ.

„Куда хóджу,
Куда броджу,
Все сумýю,
Часъ гайнýю,
Ту й днюю,
Тамъ ночýю,
И не знáю,
Куда máю
Ще ходúти,
Все блудúти!“

„Куда глáну
И где стáну,
Нѣ хатúны,
Нѣ родúны,
Анѣ брáта,
Анѣ свáта
Ѣ не знáю
Въ жáднóмъ крáю,
Бо скитáлецъ
Самъ ѣкъ пáлецъ!“

В. К.

44.

Двá товарúшѣ.

Лéгкимъ крóкомъ спѣскáли сѧ двá человѣки зъ однóи зъ найкúшшихъ полонúнъ Бескúдовъ Стрúйского окрѣга, прúшпráючи до Онóронъ рѣки, дóлѣ стрóмкúми и крѣткúми стежкáми до вáйзкого невелúчкого сéла, що тѣтъ по при полонúнѣ надъ рѣчкою розпростéрáло сѧ. Овá вкúли máйже еднакóкого взрóста, но не еднакóвыхъ

лѣтъ. Пе́рвшій зъ ши́хъ, бы́лъ то молоде́цъ въ по́лной кесни́ сѝлѣ. Черстви́й, бо́дрый, ле́гкій. Подо́ба его́ бы́ла склáдна и надо́бна; лицѐ, хоть причорнѣ́ле, áле румя́ное, о́ко ѣ́сне, чоло́ высо́кое. Але въ цѣло́й тóй подо́бѣ знаходи́ло сѧ що́сь непришáдного, дúкого. На чолѣ́, где завча́сѣ, бúкъ сѧ здáе, приго́ды житъ гладкѣ́ рóвнишѣ гаво́кими поорáли скúвами, залягла́ бúкась тѣ́мная хмáра и оввúсла по надъ гѣстúи бро́вѝ бúкъ мрáчный тѣма́нъ по надъ полонúнúи верхú, а зъ очúй бѣ́лыхъ свѣ́ркало ча́сто úскрами, мóвь головнúми зъ розжарѐной везо́дѣ. На о̃ста́хъ, крыхúтко́ за шúроки́хъ, появлáло сѧ що́сь нѣ́вы попошѐнке и непáвисть, а въ гавно́кихъ про́ломахъ тварú горáчая пристрáстнóсть и завзáтѣ. Одна́кожъ осѣдáло часáми на тúхуто о̃ста́хъ и чолѣ́ що́сь такъ мя́гко́го и тѣ́жкúкого, а въ очѐхъ така́ бúкась задѣ́мчúва скѣ́ка и во́лѣзнь, що въ тóй хвúли тя́жко кто не прихилúвшы сѧ цѣлúмъ се́рдцемъ къ нѐмѣ. Сло́комъ грáммота лица́ то́го молодца́ мáла въ со́бѣ бúко́ес тáйное и, казáвшымъ, сѣпере́чное письмо́, кото́рое и дѣ́же письмѐнномѣ тя́жковы вы́ло прочитáти. Одна́ то́лько е́мкóсть и о́тка́ра выкрыкáла сѧ розлѣ́чно въ ко́ждóмъ его́ рѣ́сѣ, въ ко́ждóмъ позрѣ́нню. И его́ ва́тьковúчны го́дѣ о́ттадáти. Зъ одѐжи сѣдúвшысь, що есть мѣщанúнномъ зъ бúко́го мѣ́ста на Рѣси, ано варкушо́вникóмъ зъ Кѣтъ, що за козáми хо́дятъ; но прислѣ́хавши сѧ вѐсѣдѣ, тай по хо́дѣ и кѣчерахъ, въ нелáдѣ на широ́кое плечѐ спадáючихъ, присáгавшысь, що его́ родúла Керубúна. Я малъ на со́бѣ жúпáнъ хоро́шій изъ сúного сѣкна́, шолко́вый по́ясъ тканый въ партúцѣ сѧ позолочѐными то-

роками, сѝвѣ шапкѣ съ червонáкымъ верхóмъ на головѣ, и жóлтїи сафїановїи чóботы на ногáхъ. Зъ пóдъ жѣпанà, котрóго овѣ пóлы пóдъ пóясъ высóко вѣли заложéными, вúдко вѣло сúнїи широкїи штанѣ, высóкїй ремѣнь гвоздкáми зъ гѣста цатковáный, а за ремéнемъ вáйснѣли часóмъ, ѣкъ съ полà въ хóдѣ вóлыше ôтвишѣла, двѣ рѣкоéмы пистолéтôвъ. Подквóйка и тáйстра черéзъ плечѐ, тай хорóшаѧ зъ нáсѣчки вáта, становúли послѣдніи пришалéжности сего чоловѣка.

Сгò товáрышъ вылъ то совѣ гéйвы дѣвчáкъ середовѣчный, съ широкими ѣкъ двéри плечмú, áле съ малéнькими очúма и горвáтымъ нóсомъ. Зъ сгò твáри сѣдóи и протáтои и глѣвóко запáлыхъ зѣнúцъ мóжна вѣло догáдовати сѧ, що въ тôй печú óгѫжѐ давнò вѣгорѣло. Отѣденò спозирáлъ ôнъ óгѫжѐ на свѣтъ около себѐ, но пóзôръ сéй малéнького чóрного óка не коро́жилъ нічъ цúрого. Былъ то пóзôръ лúса, що за кáвомъ хóдитъ. Одéжа сгò вѣла подóбна до одéжи пéрвшого товáрища, однáкожъ óного, май лѣпша и дорóжша ѣкъ сéго, и здакáловысѧ, що сей есть слѣгóю óного, авò пóдвладнымъ емѣ свожкóмъ. Провáдилъ ôнъ за совóю два осѣдланїи кóнѣ, котрїи на пéрвшій взóръ розпôзнáти вѣло мóжно, що сѣть гѣцѣлъскими.

Долгò пшлú онú не промовлáючú до сéбе áнѣ одногò слóва, и пéрвшій здакáлъ сѧ слѣдúти за орлóмъ, що гдéсь зъ пóдъ полонúны повкúлъ сѧ, и чымъ разъ вúжше и вúжше лъ проганáти, а дрѣгій позирáлъ цѣкáво то въ тѣю то въ óнѣю стóронѣ до сéлъ повúзвшъ, ѣкъвы розпôзнаючú, котрѐ крáшше, богáтше. Ажь далéй стáлъ молóд-

шій, зна́лъ зъ плеча́ подво́йкѕ, и ка́же до ста́р-шого: „Чи ви́дишь ѿкъ вкла́въ высо́ко, но ѧ го мѕшѕ зъсади́ти; иди́ да́лѣй съ ко́ньми и жди́ на ма подъ полони́ною, мене́ корти́тъ доко́нче о́нѕю пти́цю спра́вити, не одно́ она́ ѿгнѧ о҃у́вила.“ И зве́ргъ зъ головы́ ша́пкѕ, ла́гъ горѣ грѣдьмі́ къ продоли́нкѕ, схи́лъ са къ тѣсни́й ка́вро́къ, приложи́лъ подво́йкѕ до пра́вого о́ка, тай начала́ пе-рѣу́мо са́вдити за довкіе́ю. Ма́йже до́лше годи́ны кръти́ла са пти́ця къ высо́кихъ воздѣу́хъ, и то взноси́ла са, то зно́къ спѣска́ла са, то зно́къ взлѣта́ла вы́ше, плаваючи́ кръгомъ по нада́ не́го ѿкъ коза́цька ча́йка по широ́ко́мъ мо́ри. И ма́йже во́лше годи́ны лежа́лъ нашъ незнако́мый, сви́тый къ ка́вро́къ, держачи́ обома́ рѣка́ми ко́ло ли-ця́ подво́йкѕ, гото́вый къ ко́ждо́й уки́ли плю́нѣти не́ю до вѧ́ючои пти́цѣ. Яле орли́не о́ко не ле́гко зла́дишь. О҃у́же са спѣсти́лъ вы́лъ вла́йзъ на́дъ мни́мый жи́ръ, о҃у́же задрожа́ла вата́ская жи́лка къ рѣцѣ зла́дника, но ѿкъвы ражены́й звинѧлъ са напра́сно оре́лъ, и нѧ́жъ на по́ко на везме́жное мо́ре. И взнѣсъ са зно́къ высо́ко, и ѿкъ ма́кове зе́рно мъ плава́ти крѣга́ми по на́дъ полони́нѕ, ажъ на по́слѣдокъ спѣсти́лъ са ма́ло ни́же, стагнѧлъ мовъ къ дѣ́ѣ долѝнѣ сагови́ крила, и по́летомъ ка́мѣня верже́ного зъ не́ва, метнѧлъ сово́ю на до-вкіѣ. Но не долетѣлъ живы́мъ. Къ полови́ци доро́ги срѣтила его́ кѧлька завза́того ло́вца, и розтрѣскала на за́ксе высокопо́дрини крила. Вата́ская сухи́лъ са, протагнѧлъ са ѿкъ стрѧна, и ко́нѧвши ногою пти́цю, що о два кро́ки ко́ло не́го о҃у́пала, поспѣши́лъ спо́рымъ хо́домъ за това́ри-шемъ свои́мъ.

Крѣтѣми дорогами черезъ перковѣчнїи горы, кѣдѣ уныѣ звѣрь сѧ просѣкае, садїли онї зъ потока къ потокъ, и достали сѧ на послѣдокъ на красѣю полянѣ, где межи старѣми ѣлицѧми подъ стромкїимъ, скалїнѣимъ берегомъ стояла зимовка. Заѣрена и старостїю похилена, не дѣже она падила къ сонѣ, но глаѣвши изъ ей тѣсного оконца, або кѣйшовши на присѣнокъ обзрѣлъ есь ненагладнїи красоты природы. Зъ одноѣ стороны полонѣна, котроѣ верхъ до нѣба здаѣ сѧ сягати, зъ дрѣгоѣ горы, що ѣкъ заклатїи велиты дрѣмаютъ отъ вѣка по надъ потоки, а зъ передѣ къ долѣнѣ село, котрого хаты нѣвкы ластовчиѣ гнѣзда до стѣнъ Кескїда понрилѣпанїи выдаютъ сѧ, а середъ села маленькаѧ церковца съ ѣсным крестикомъ на вѣнц. Я все тое ѣкны къ золотѣ. Но тїи красоты здаѣ сѧ не промовлѣли до двохъ пѣтницокъ. Скоро на полянѣ кѣйшли, подскочилъ молодшїй до дверїй хижи, толкнѣлъ трїчи палтою, и не ждѣчї ажъ мѣ кто отчїнитъ, сталъ колѣномъ смотрѣти, чївы сѧ безъ того не могло овнитї. И кїрсли двѣри а онї кїшлї до зимовки.

П. Оѣсшїяновичь.

45.

Крещенье Володимїра Великого и Кїевлянъ.

Володимїръ Великїй, сынъ Свѧтослава, а Ольги вѣжки, овнялъ по Ирополцѣ, братѣ своемъ 980 года правленье краѣкъ отцѣвскихъ, колї ещѣ ледво не весь народъ къ волванопоклонствѣ зостававъ. Не за долго, т. е. 981 года заюювалъ Володимїръ Рѣсь Черконѣ, звѣстнѣ подъ имѣ-

немъ Черне́нскихъ Го́родо́въ, а сла́ва дѣлъ его́ по всѣхъ сто́ронахъ розлага́ла са, що наро́ды сосѣ́дніи и дале́кіи за по́честь сов'ѣ́ мала́ приклони́ти его́ къ своє́й вѣ́рѣ. И въ пра́вдѣ стара́ли са о то́е; но приходи́ли до Кіева по́слы Магомета́нъ, Кадо́лико́въ Нѣмє́цкихъ, Жидо́въ Таври́дскихъ, а на коне́цъ Ѣ́кпли са и гре́ческій мѣдре́цъ. Ко́ждый изъ нихъ си́ловалъ са привести́ его́ до сво́ей вѣ́ры; но Велі́кій Кна́зь зазва́лъ сво́ихъ бола́ро́въ, ови́ѣ́ялъ имъ предложе́нїа по́сло́въ и запыта́лъ ихъ о ра́дѣ. Бола́ре стара́ліи о гара́здъ Кназа́ и Оте́чества сво́го присѣ́дѣли, що всѣ́кій человѣ́къ свою́ вѣ́рѣ хвали́тъ; и о́ўра́дили, коли́ хо́че найлѣ́пшѣ изъ ни́хъ вы́брати, то най людіи мѣ́дрыхъ розпшлѣ́ по розли́чныхъ кра́ѣхъ для переслѣ́дченя са, котры́й наро́дъ найдостойнѣ́йшѣ че́сть о́тдаѣ́ и́стинномѣ Бо́гѣ. Володимі́ръ по ихъ ра́дѣ вы́слалъ де́сать мѣ́жѣвъ о́ўче́ныхъ для зѣ́дання ро́зныхъ ца́рствъ и краѣ́въ свѣ́та, щобы са тамъ зъ вла́зка приглядѣ́ли обра́дамъ розли́чныхъ наро́до́въ, а вернѣ́вши са емѣ́ о всѣ́мъ вѣ́рнѣ спра́вѣ здали́; а о́тта́къ ма́лъ са о́нъ склони́ти до то́и вѣ́ры, котра́ мѣ́ найлѣ́пша здава́ти име́тъ са.

По́слы по прика́зѣ его́ обходи́ли ро́зніи краѣ́, и наконе́цъ прі́йшлі до Царьгоро́да. Цѣсарь гре́ческій, Васи́лій Багрянороди́ный, довѣ́давши са о прибытіо́ по́сло́въ рѣ́скихъ и о цѣ́ли ихъ похо́до́въ, а знаючи до́бре, що повѣ́рхна пыхота́ вѣ́льше ихъ о́ўмы займе́, я́къ сама́ пра́вда и на́ука, велѣ́лъ ихъ завести́ до це́ркви сватои́ Со́фіи, я́ко до найзнаменитшого хра́ма Царьгоро́дского. Вышо́вши тамъ засталі Слѣ́жбѣ Бо́жѣ; самъ Патрі́а́рхъ Никола́й Хризове́ргъ священнодѣ́йство-

вáлъ. Вели́чіе́сть и бога́тство хра́ма, прито́мно́сть дх҃овє́ньства и҃зъ ц҃є҃ло́и столи́цѣ, красоты́ мальо́ванїа, озло́бы о҃бразо́въ, за́пахъ кади́ла, милозв҃у́чное пѣ́нїе лїко́въ; таи́нстве́нна пока́га обра́до́въ, все тото́ привело́ и҃хъ задꙋмле́нье Рꙋсп҃о́въ; имъ здава́ло сѧ, цо Всевы́шный са́мъ пребꙋва́е на се́мъ мѣ́стци и непосере́дно обхо́дитъ сѧ съ покло́нниками свои́ми. Съ сими́ впечатлѣ́нїемъ пове́рꙋвши и҃хъ свои́мъ, превозноси́ли и хвали́ли вѣ́рꙋ гре́ческꙋ на́дъ всѣ́ дрꙋ́гїи; а Володи́мїръ ндꙋ́чи за ни́хъ ра́дою, и ма́вши примѣ́ръ свои́ ба́бки Ольги пере́дъ очи́ма, задꙋмалъ ста́ти сѧ Христїа́нїномъ по гре́ческомꙋ о҃бра́дꙋ.

Володи́мїръ мо́глы сѧ вы́лъ и҃ въ Кїевѣ окрести́ти, но о҃у҃же́ и҃зъ да́вна вы́ли тамъ церкви́ и дх҃о́внїи Христїа́нскїи; но го́рдый Кнѧ́зь, заготѣ́вши свѣ́тлости и вели́чїа при такъ ва́жно́мъ обра́дѣ, загада́лъ ажь въ Царьгоро́дѣ и повѣ́дною рꙋко́ю прина́ти вѣ́рꙋ Гре́ко́въ. — Съ вели́кимъ во́йскомъ вы́правилъ сѧ 988 ро́къ на Гре́цїю, здоблы́лъ по доро́зѣ Херсо́на, а ма́вши о҃у҃же́ нѣ́ть о҃тве́ртый до Царьгоро́да, вы́правилъ по́сло́въ до Ц҃е́сарѣ́въ гре́ческихъ Васи́лїа и Константи́на въ сва́ты до и҃́хже сестры́ Анны, съ погро́зою, слы́вы мꙋ о҃тно́вѣли, то самъ вержѐ сѧ на и҃́хъ столи́цю. Ц҃е́сарѣ́ ви́дѣвши непора́доки и сва́рки въ сво́емъ ца́рствѣ, при си́лахъ сꙋпере́чныхъ почꙋ́вши не́мо́чь свою́ о҃тпе́рти на́падъ, а при то́мъ о҃у҃смотрѣ́вши хосе́нъ для се́бе въ союзѣ съ такъ си́льнымъ сосѣ́домъ, охо́тно призво́ли на подрꙋ́же́нье, по́дъ одно́ю вы́мѣнкою, цтобы Володи́мїръ пе́рвше въ кꙋпели вѣ́ры свѧто́и огнди́не пога́ньство обмы́лъ. Володи́мїръ о҃у҃жѐ давно́ на се гото́вый,

сѧ рáдостїю сгодúлъ сѧ на тóе, лишь зажелáлъ, цюкы на порѣкѣ цѣрости и прїѧзни прислáли пéрвше свою сестрѣ. — И то стáло сѧ: Цѣсарéвна оточéна дѣховéньствомъ и знамени́тыми осóбами, привúла корáблéмъ до Херсóна. — Ѩкъ тепéръ оусѣнѣвши всѣ перешкóды, ôтпрáвилъ Владúка Херсóнскїй обрáдъ свѧтóго крещéнїѧ на перéдъ на Володимúрѣ, котрóго наименовáлъ Васúлїемъ, а ôттáкъ и на пóчтѣ его волáрóвъ. По крещéнїю настѣпúло вѣнчáнье сѧ Цѣсарéвною Ѧнною, и Володимúръ повернѣлъ оужѣ Христїанúномъ и своякóмъ грéческихъ Цѣсарéвъ до Кїева.

Но не шò Володимúръ самъ прынáлъ вѣрѣ Христóвѣ; ôнъ хотѣлъ, абы и весь нарóдъ свóй крещéньемъ свáтымъ ôтъ оувáзи погáньства осводúти. Розвалéнье волвáнóвъ попередúло тотъ свáтый обрáдъ. Головнѣ вожúще Пéрѣна привáзано до конáчого хвостá, колочéно оуланцáми Кїева, вúто кїáми, а наконéцъ зкрухѣто зъ вéрега въ Днѣпръ. Зъѣмѣломъ нарóдъ не вúло колú и жáловати и воронúти свóихъ богóвъ, но зáразъ дрѣгого днѧ наказáлъ Володимúръ огласúти въ столúци, цюкы всѣ Рѣсшúй: панкы и слѣги, богáтй и оубогй до крещéнѧ привыкáли.

Нарóдъ позвавлéный предмéта дáвной вѣры и покланьства громадáми валúлъ на берегй Днѣпра сѧ преквѣдченьемъ, цо новá вѣра есть правдúва и свáтá, колú Кнáзь и волáре замѣшúли ѣ за дáвнѣ. Привúлъ тамъ и Велúкій Кнáзь оточéный свящéнниками грéческими. — Тепéръ за дáнымъ знакóмъ безчислéнне мнóжество нарóда встѣпúло въ рѣкѣ; пôдрослй стоáли въ водѣ по грѣди илй по шкúю; батькы и мáтери держáли не-

моли́тва на рѣка́хъ, а свящ[е]́нники чита́ли моли́твы креще́нїа и голоси́ли сла́вѣ Всевы́шнѣго. — Я҃къ у҃же́ исполне́но обра́дъ сва́тый и Кіе́вскихъ обыва́телѣвъ Христїа́нами назва́но, Володи́мїръ въ ра́дости и воздыха́нїю взне́сши о́чи до Не́ва, го́лосно промо́вилъ: „Отворя́телю Не́ва и землѣ! благослови́ сїи но́вїи ча́да твои́; споспе́ши и҃хъ познати́ Тебѣ и́стиннаго Бо́га, и у҃твердѝ и҃хъ въ вѣ́рѣ православа́нно́й. Бѫдь по́мочїю въ изкы́шенїю до зло́го, ако́мъ досто́йно слави́ти и҃мя Твое́ свято́е!“ . . . „Не́во и земла̀“, ка́же Не́сторъ, „ра́довали сѧ дню семъ̀.“

Наро́дъ креще́ный, загы́бнувши всѣ слѣ́ды волхвопоклонства ста́вилъ церкви́ и олта́рѣ на че́сть правди́ваго Бо́га, въ чѣ́мъ са́мъ Володи́мїръ бы́лъ примѣ́ромъ, поста́вивши це́рковь св. Васи́лїа на то́мъ само́мъ мѣ́стцѣ, где колись стоя́лъ во́лдэръ Пе́рѫна волхва̀.

Анш. Добря́нскїй.

46.

Си́ла дѫха челове́ческого.

И́стинно высо́ки суть на земли́ го́ры,
Але ещѐ вы́шнїй спра́вы челове́ка!
Онъ то сво́имъ ду́хомъ сяга́е ажь зорѣ,
Онъ си не у́лякне гробо́вого вѣка . . .
Кото́ре лишь тѣ́ло мѐртве притиска́е,
Но у́мныхъ дѣ́лъ ду́ха отню́дъ не терка́е.

И. Гушале́вичъ.

47.

Малѣ и велике.

Въ Азіи, въ горахъ Таврійскихъ и въ иныхъ мѣстцахъ жіе родъ овецъ „аргали;“ они сѫть дѫже великіи въ сорозмѣрности до нашихъ, своійскихъ овецъ, крѣпкіи а при томъ дѫже полохливіи, и маютъ дѫже великіи роги. Єслі такій звѣрь, ци то въ ворѣ ци черезъ ѣкѣ пригодѫ, зрѫбитъ одинъ рогъ, що часто са дѣе, то тамошнымъ лисамъ тое дѫже есть въ ладу; во они не потребѫютъ тогды сокѣ ѣмѫ ровити въ земли, но дѫмаючи, що той рогъ есть для нихъ призначеный, вазмутъ въ тойже и овитаютъ въ немъ.

Найменшіи птицѣ, котріи знаемъ, называютъ са „колівры.“ Ихъ отечество есть южна Америка, они маютъ дѫже красне золотомъ и сребромъ мѣначе са пѣрке, несутъ са, и ихъ ѣйцѣ не єсть болыше отъ горохѫ — ихъ не можно стрѣлати шротомъ, но дробненькимъ пѣсковъ, во инакше ничоговы са изъ нихъ не лишило. — Въ клѣткахъ не можно ихъ долго тримати, они за колька днійі гинѫтъ, но въ вольномъ воздѫсѣ могѫтъ жити. По при нихъ живѣ наѫкъ, котрый тихъ колівровъ такъ ловитъ, ѣкъ бы комары и осе изъ нихъ кровъ.

Не такій есть ѣгнатишкъ, котрый провѫваѣ въ Тирольскихъ и Швайцарскихъ горахъ. Роспростертыми своіми крілами покрываѣ онъ долгость осьмі до десяти стонъ, и маѣ доскыть силы, аккы дикіи козы, ѣгната и дѣти повалити и са собою потитіти.

Найбо́льша изъ всѣ́хъ лѣта́ючихъ пти́цъ есть ко́ндоръ, кра́мъ колиѣ́вра. Онъ розпросте́рши кри́ла займа́е шѣстна́дцать сто́пъ, его́ передни́ пе́ра оу кри́лъ сѣ́ть грѣ́вни на до́вгый па́лецъ, а коли́ рѣ́шитъ ся, то таки́й чѣ́ти шѣ́мъ, мовъ зъ дале́кого гро́ма.

Найбо́льшою одна́кожъ изъ всѣ́хъ пти́цъ есть стрѣ́съ проѣзда́ючій на пѣ́стара́хъ Азіи и Африки, котры́й про свою́ тяжеле́ность и про коро́ткій свой кри́ла не мо́же лѣта́ти, но мѣ́сить за́вседы оставя́ти на земли́. При то́мъ всѣ́мъ но́сить о́нъ свою́ го́ловѣ де́вять до де́сять сто́пъ до горы́, мо́же докола́ себе́ дале́ко ви́дѣти и выла́ вы́ зъ состоя́нія, я́къ до́вгый токаришъ, по при ѣздцѣ сѣдя́чого на коні́ вѣ́чни и сядя́ли ся розмовля́ти, еслиѣ́вы ему́ вѣ́сѣды и ро́зумъ не браковало.

Оѣслякъ, такожъ въ Азіи, ва́житъ по́лъ квинтала и есть найме́ншое межи всѣ́ми извѣ́стными живо́тными, котрі́ хо́дятъ на четырёхъ нога́хъ и даю́тъ сяти свои́мъ молоды́мъ. Слонъ же есть дванадцать до четырнадцати сто́пъ высо́кій, и ва́житъ до 7000 фунто́въ.

Найме́ншого живо́тна на земли́ не ви́дѣлъ никто́, на́вѣть и повѣ́льшаючими стекла́ми; найбо́льшое же есть ки́тъ, котры́й вы́рости мо́же въ долготѣ́ аж до 120 сто́пъ и ва́житъ свышъ ты́сячъ сотна́ровъ.

В. К.

48.

Свѣ́тъ надземный.

Со́лнце, лѣна́, звѣ́зды не могѣ́ть не занима́ти человѣка не то́лько свое́ю красото́ю, но

такѡе благодѣтельными сво́ими отношéніями къ землѝ. Осовéнно же со́лнце éсть исто́чникомъ свѣта и теплоты́ къ жи́зни такъ мно́гимъ твáремъ на ней къ ея плодоро́дію, а то́лько къ горáчимъ сторонáмъ прокозно́сятъ лю́ди надъ о́ное лзѣ. Не мáлымъ смо дна, слы́ли не бы́ло со́лнца — а ѥ́къ бы́ло бы по́чь безъ лзѣ и звѣздъ? Со́лнце, лзѣ и звѣзды исправлáютъ пу́ть человѣка въ пу́стынáхъ и на мо́ри. Наконе́цъ они́ ѥ́ковы огнéнными ѕѣ́ками проповѣдáютъ слáвѫ и красоту́ Бо́га, Твóрца и Влады́ки свóего, а смирáютъ нычтóжную го́рдость, по́лзающую са по землѝ, кото́ра то го́рдость не о́у́чи́тъ са понимáти велúчїа Бо́жого.

Оу́жѐ въ глѕно́кой дрéвности Китáйцы, Халдéѣ, Вавилонúне, Пéрсы, Ярáвы и Егúптане а потóмъ Грéки занимáли са познаванїемъ звѣздъ и ихъ зако́нóвъ, и о́у́творúли нѕѣ́ о звѣздахъ и ихъ зако́нахъ, нлй звѣздослóвїе, астрономїю; а о́у́чéныхъ людій предподаваючихъ такѫ нѕѣ́ назвáли звѣздослóвцами, астрономáми. Оу́чúлище Алексáндрійское прославúло са дѕже астрономáми, изъ кото́рыхъ о́у́жѐ въ III вѣцѣ предъ рождествóмъ Христóвымъ Аристáрхъ о́у́тверждáлъ, що земла обѣгáе около со́лнца. Трѕдами Грéковъ, просвѣти́телей Евро́пы пользовáлиса Ярáвы. Съ XV. вѣкóмъ взáли са къ астрономїи Гермáны, нúнѣ найѕченѣйшій народъ, Итáлїяны и йнїи зáпадніи народы. Знáнїе звѣздъ о́у́множúло са при по́мочи кúшшои мадемáтики и телеско́пóвъ (далькови́дóвъ). Ѥ́къ мадемáтика о́у́множúла далькови́дѣнїе дѫхово́е, такъ телеско́пы о́у́множúли далькови́дѣ-

нїе о́ка тѣлéсного, котóрое, сли нхъ оу̑потрéбля́е, называ́е сѧ „воорꙋжéнымъ.“ Не воорꙋжéнымъ о́комъ не мо́жно самы́хъ блйзкихъ предмéтовъ достатóчно дозрѣ́ти и розличáти, и онò въ мно́гихъ обма́нює наст; то тѣ́мъ бо́лше тако́е о́ко мо́же обманꙋ́ти въ предмéтахъ о̑тдалéныхъ, напро́тивъ котры́хъ предмéты блйзкїи выдаю́тъ сѧ намъ бы́ти бо́лшими, ѣ́къ сѫ́ть въ срѣ́днéнїи съ дрꙋ́гими о̑тдалéными. Одна́кожъ въ астроно́мїи ма́е о́ко мéждꙋ дрꙋ́гими чꙋ́ствами неоспори́мое прeимꙋ́щество, и нимъ возно́ситъ сѧ человѣ́къ въ простра́нство къ высотѣ́, котóрꙋ дꙋ́хъ съ изꙋмлéнїемъ счисла́е, но совѣ́ вообрази́ти не мо́же. — — Восто́чнїи наро́ды тѣ́сно сва́зовали жрéбїй человѣ́ческїй съ звѣ́здами ѣ́къ и до ны́нѣ мо́жно слы́шати „о щастли́вой чѣ́й звѣ́здѣ.“ На сéмь, хотя́й ло́жномъ сва́зованїи жрéбїа человѣ́ческого съ звѣ́здами почива́ла „Астроло́гїа“ или „звѣ́здочетѣ́ство,“ котóрое на́вѣтъ богами почита́ло сѣ́ тѣлесà невéснїи.

Со́лнце, лꙋ́на, звѣ́зды роздѣля́ютъ день о̑тъ но́чи и становля́тъ времена́ лѣ́тамъ. Жидо́ве ма́ли годъ лꙋ́нный и опредѣля́ли нача́ло его́ и нача́ло ко́ждого мѣ́сяца поволꙋ́нїемъ. Мы ны́нѣ ещѐ ви́димъ жидо́въ въ дни поволꙋ́нїи моля́щихъ сѧ. До ны́нѣ ещѐ мнимаю́тъ на но́кю и подно́лню лꙋ́ны сѣ́ти, въ новóмъ до́мѣ осѣда́ти, жени́ти сѧ, нóгтѣ и воло́сье стри́чи, а при оу̑мѣ́рѣ лꙋ́ны коси́ти, жа́ти, рꙋ́бати, бо́лѣзни прогна́ти и мно́го и́ныхъ подо́бныхъ предсѣдо́въ. Тꙋ́рки, когда́ есть затмѣ́нїе со́лнца авò лꙋ́ны на́вѣтъ стрѣля́ютъ изъ пꙋшо́къ, авы прогна́ти и оу̑би́ти мни́мого змїа́, хотя́чого со́лнце или лꙋ́нꙋ пожéрти. Кїй

вóпль, ѿкóе отчлáнїе и ѿкѣи гадáнїя йменно о вóйнáхъ не бывáютъ при ѿкленїáхъ кометъ, сѣверной зорѣ, при затмѣнїáхъ сóлнца и лѣны, тáкже въ врéмя мóлнїй и грóмовъ?! Я всéго тóго причúною есть недостáтокъ нáски о сóлнцѣ, лѣнѣ и о звѣздáхъ.

М. Малинóвскій.

49.

Óбразъ смéрти.

(Басня.)

Мѣдрого Зороáстра óучúвшаго съ невéсной мáгіи óтъ бóга Оромáза, посѣтúлъ однóго рáзъ нѣкóй молодóй Кнáзь, притягнéный слáвою тóго велúкого мѣжа лжь óтъ берегóвъ Гáнгеса. Дéрзкій неразсѣдокъ овладáлъ ѣонóнею; óнъ хотѣлъ проникнóути завѣсъ, котóрою бóжество закрúло святúлище природы. Ведéнъ вѣдучи сúмъ Персúдскимъ фѣлосóфомъ переходúлъ освящéнїи поясы цáрства дѫхóвъ. На конéцъ просúлъ съ проúческою óтвагою свóего вóжда, якы емѣ показáлъ óбразъ смéрти. Зороáстръ óударúлъ свóею, изъ слонóвой кóсти вúдѣланною пáлицею о зéмлю. Бéздна отворúлась передъ нúми а изъ мрáчного óнои зѣва начáлъ съ вúдимо подноси́ти цáрь óужаса. „Що вúджѣ!“ закричáлъ трасѣчúй съ молодéцъ, „злѣдóе страшúлище подынимáючое на мéне кривáвый кинджáлъ! Роскажú Зороáстре, якы счéзло! Óутéкаймо зъ óтсы!!“ —

„„Сúше мóй,““ óтповѣлъ мѣдрéцъ пріѣтельскимъ гóлосомъ: „„ѝ не вúджѣ въ тóмъ зѫбленїи жáднаго стрáха. Менѣ ѫбласе съ пріѣтный генiй, облечéный сіянїемъ лѣны и держáчій въ рѣцѣ свóей золотúй ключь Спирéзма. Смéрть ёсть то хамéле-

онъ, принима́ючій всегда́ видъ то́и дѣши́, къ которо́й привлижа́е см.“ —

В. Волянъ.

50.

Кто́ достойнѣ́йшій?

Перо́, що мно́го писа́ло
Такъ ся колѝсь велича́ло:
„Зъ ме́не му́дрость о̂тъ а́збуки
Ажь до найвы́шшои нау́ки
На папѣ́ръ въ пере́дъ сплыва́е,
Потомъ ро́зумъ просвѣща́е, — —
Спи́сую кѝ лю́дскій спра́вы,
Церквѝ и свѣ́тскій уста́вы,
Означа́ю до́брымъ пла́ту,
Злыхъ о̂тдаю́ по́дъ ме́чь ка́ту.“ — —

Ме́чь злопотѣ́лъ нѝкъ страши́ло:
„Не хвали́ ся гу́сье крило́!
Злети́шь, ско́ро вѣтре́цъ свѝсне,
Ме́чь прагови́ въ о́чи бли́сне!
Тото́ пи́шешь, що ме́чь ка́же,
Що напи́шешь, не ра́зъ змаже.
Нау́ки ся сну́ютъ ро́емъ,
Колѝ ме́чь дари́тъ поко́емъ.“ — —

„Умирѣ́тъ ся, ни́зко про́шу!
Мою́ спра́ву вамъ зано́шу:
Лишѣ́тъ тро́хи менѣ́ сла́вы,“
Заговори́лъ плу́гъ зъ по́дъ ла́вы. —

Мечѐви гнѣ́въ не ста́ло,
А перо́ ось такъ сказа́ло:
„Ны́нѣ пра́вду нѝсну ба́чу,
И ты че́стный есь ора́чу;
Всѣ́сьмо дру́гъ для дру́га здатнѝ
Жийможь съ собо́ю въ сго́дѣ бра́тнѐи!“

Лукà зъ Ра́кова.

51.

Паукъ.

(Изъ Гебля).

Мало есть кто межи людьми, авы са не придалъ паукому, а многіи и боятъ са того животина, которе однакожъ къ многимъ для насъ есть полезнымъ. И такъ н. пр. паукъ не маѣ двоихъ очій но осьми. Не одинъ совѣ погадае, що то не есть дивно, сли тое животно такъ скоро оукидитъ и ловитъ мухи и комары, которіи повисноутъ на его паучинѣ. Однакожъ муха маѣ подлъ изследованій испытателевъ природы много сотъ очій, а прецвнык окось не оукажае на свѣтъ анѣ на скоро гледителя, который неразъ занадто есть велікій, авы его не можно хотячы и едикимъ окомъ спостеречи. И чожъ слѣдзе зъ того? Же не доскыть есть мати очи, но треба мати и розумъ и выти оборотнымъ и огладнымъ, если кто хоче щасливо къ свѣтѣ жити и не оупасти къ якій скрытій сѣти.

Яка тонка есть нитка, которъ паукъ къ найвольшой скорости потагне отъ едной стѣнкы аж до дрогой?! А однакожъ оувераютъ насъ испытателѣ природы, що така една нитка, которъ залѣдко окомъ доглядноути можно, складае са еще изъ шести тысячъ нитокъ. Тое дѣе са такъ: Паукъ маѣ на собѣ шесть железокъ, зъ которыхъ выходятъ наразъ нитки. Кожда же изъ тыхъ железокъ маѣ знова якихъ тысячъ маленькихъ отворовъ, зъ которыхъ жаденъ не есть безъ цѣли. Сли про тое кождого разъ изъ всѣхъ тыхъ отворовъ выходитъ така нитка, то нѣтъ сомнѣня и що

до числа шестй тысячъ ниточокъ; про тое можна и тое понати, що така нитка, хотай она есть тонка, зарозомъ и такъ мощна быти може, що тое животно не только же такъ найвеспечнейше по ней то до горы то въ долинъ може лазити, но и подчасъ заверъхи а непогоды съ удержати. Чижъ не належитъ здивъвати съ надъ искъствомъ и звинностйю тыхъ то животенъ, придивлаючи съ ихъ спокойной и пильной роботъ, и при томъ погадати на великого и мъдрого Створителя, который о всемъ свое попечънье маe и умъe такй чъда укрывати въ такъ маленькомъ и незначномъ естествъ?!

Що животна того рода съть розличнй, видно тое изъ розличности ихъ ткашины и пряжи въ кольномъ воздъсъ, на шивахъ окомъ, въ кътикахъ, по полахъ, тъ и тамъ. Гдекотрй не прадъть съ всемъ, по скачъть за своею здонкичею. На хрй, а еще кольше съухого, теплого и поздного лъта за надто часто видимо бълай нитки лътаючй на воздъсъ. (Въ нашихъ сторонахъ называютъ тъю поръ „бабске лъто.“) Всъ дерева съть неразъ гъсто такими нитками овкъшенй и стоатъ гейбы съткою прикрити, а капелюхи, и шапки подорожныхъ отправлаючихъ свой пъть гостинцемъ овколькаютъ съ гъсто такою пастиною. Черезъ долгй часъ не могли люде отгадати, зъ отки тй нитки и клочки берътъ съ, и представлано собъ тъю рычь всякако. Тепер знаемъ съ певностйю, що то есть пряжа безчисленыхъ маленькихъ чорныхъ павокъ, которй про тое называютъ съ „паъками летаючого лъта.“ Тъ зновъ видимъ ясно, много то и незначными

сѝлами да́сть сѧ зроби́ти, ско́ро лишь мно́жаи то́е само̀ дѣла́ютъ и къ едно́й цѣли змѣра́ютъ соединѐными сѝлами! . .

Ме́жи паѕка́ми сѣ́ть и шкодли́вїи, а тїи нахо́да́ть сѧ въ ни́жшо́й гора́чо́й Ита́лїи. Онѝ сѣ́ть звѣ́стнїи по́дъ и́менемъ „тара́нтѕлѣ“ и ма́ютъ тако́жъ людій кѣса́ти, чере́зъ що тїи послѣ́днїи стаю́тъ сѧ недѣ́жными и задѣ́мчи́выми. Сре́дствомъ проти́вѣ тои̯ хоро́бы ма́е бы́ти пѐвный тане́цъ, котры́й называ́е сѧ „тара́нтѣла.“ Ско́ро недѣ́жнїи почѣ́ютъ о̂тповѣ́дно мѣ́зи́кѣ, то начина́ютъ танцюва́ти, аж̀ по́ки зъ о̯́томлѐна сѧ не повала́ть сѧ зъ но́гъ, по чѣ́мъ прихо́да́ть до се́бе и здоровѣ́ютъ. То́е мо́жкы совѣ́ тимъ спо́сово́мъ вы́толковати, що чере́зъ си́льне порѣ́шѐнье выгона́е сѧ ѣдь зъ тѣ́ла; одна́кожъ а̃къ то́е сѧ пѐвностїю ка́жѣ́ть, не да́е сѧ оно̀ безъ о̯́роѐна и переса́ды, а на́вет и не безъ окма́ны.

Инне осовли́вше живо́тно того̀ ро́да живѐ въ пѐвныхъ окóлицаѵ Амѐрики и называ́е сѧ „кѣстови́къ.“ Той не докола́е сѧ мѣ́хами на́шими дома́шными и кома́рами. Онъ шѣка́е и ло́витъ малѐнькїи пти́цѣ пѐвного ро́да, дѣ́сить тїи и все изъ ихъ крокъ а̃къ и спожира́е ихъ ѣ̃чка.

В. К.

52.

Ки́тица ро̂зноцвѣ́та.

Кто ли́шь си́лу въ со́бѣ чу́е
Най ся къ пра́ци не лѣну́е.

Да́внїи приго́ды
Боро́нятъ о̂тъ шко́ды.

Ты молодый и не знаешь какъ ся въ свѣтѣ дѣе,
Працюй, роби, твое щастье само зазорѣе.

Новины.

Такъ, мой брате! Не часъ стоятн —
Но треба ся нимъ пользовати!
Бо какъ ся небо ночію покрые
И какъ волна съ новымъ вѣтромъ завые,
Куда же кораблёмъ чахати?!

И. Гушалевичъ.

Що придбаю
То и маю;
Не бажаю
Всё, що знаю.

Не на всѣ вѣки
Суть одни лѣки —
А що година
Инша новина.

Вся красота свѣта зникае,
Добре дѣло всегда трвае.

Кто маліи рѣчи презираe,
Той ся потомъ о меншій страе —
А кто знае рѣчь кожду цѣнити,
Той ся може чогось доробити.

Кто другихъ кривдитъ, здираe,
Нѣколи щастя не знае

Несгода цѣлый свѣтъ валитъ,
Сгода худѣ дѣло хранитъ.

В. К.

53.

Зерна для родинної ниви.

Анѣ солнце, анѣ смерть не даютъ ся осмотрѣвати спокойнымъ возрѣнїемъ.

Еслибысмо не мали вадъ, то бысмо ихъ не откривали такъ радо на другихъ.

Жáлко, же не éсьмо достатóчно сúльными послꙋ́хати вꙋ всёмꙋ нáшого розсꙋ́дкꙋ.

Щáстье овертáе всё на кóрысть тúхꙋ, котрúмꙋ спрúе.

Не мà жáдного нещáстного приключéнїа, изꙋ котóрого бы мꙋ́дрїи лю́де не оꙋмѣ́ли где ѣкóи корúсти вúдовꙋ́ти, на сꙋ́противꙋ же не ма такꙋ щастли́вого приключéнїа, котрѐ бы перозважúмꙋ не послꙋ́жúло вꙋ крéдꙋ.

Прáвда не розширáе вꙋ свѣ́тѣ тóлько добрà, кóлько зло́го розсѣ́ваe лóжь пóдꙋ позóромꙋ прáвды; — однáкожь тáм овмáное тóлько на ѣкúйсь чáсꙋ, тамтà же на вѣ́ки пересѣ́дчáе.

Належúта прилúчнóсть éсть для тѣ́ла тúмже самúмꙋ, чимꙋ есть для рóзꙋмꙋ здорóве понáтїе.

Далéко́ лéкше бúти мꙋ́дрымꙋ для кóго úного, ѣкꙋ для сéве самóго.

Не доскúть на тóмꙋ: посѣ́дати велúкїи дарованїа, трéва ихꙋ оꙋмѣ́ти оꙋпотреблáти.

Цнóты гꙋ́блятꙋ сa вꙋ корыстолю́бїю, ѣкꙋ рѣ́ки пропадáютꙋ вꙋ мóрю.

Крéчнóсть éсть жаданїемꙋ: авù сa и сꙋ нáми такꙋ сáмо овхóджено и насꙋ такꙋ сáмо шанóвано.

Фалшúвїи понáтїа рóдятꙋ оꙋпéртóсть: во человѣ́кꙋ сꙋ такúми понáтїями не мóже вꙋ то вѣ́рити, що лежúтꙋ за крꙋ́гомꙋ егò пóзнáнa.

И засꙋ́ги людéй мáютꙋ, такꙋ ѣкꙋ óкоци вꙋ пéвнóмꙋ часѣ́ свóй цвѣ́тꙋ.

Єслù мы закрывáемꙋ глꙋ́бúнꙋ сéрдца нáшого перéдꙋ нáшими прїѣ́телями, то дѣ́е сa то чáсто не такꙋ зꙋ недовѣ́рїа кꙋ нимꙋ, ѣкꙋ кꙋ нáмꙋ самúмꙋ.

Въ йстинѫ дорогоцѣннымъ кáменёмъ есть тóй, котрымъ дрѫгїи кáменѣ и стклò дадѫть сѧ рѣзати, но ѳнъ сáмъ рѣзати не дáстъ сѧ. Въ йстинѫ сéрдце чолов'ѣческое есть тóе, котрè всё терпи́тъ, и найболестнѣйшѫ рáнѫ зно́ситъ, но дрѫгомѫ рáнѫ задáти нѣкóли не допѫститъ сѧ — во не есть кáменёмъ!

Сожáлѣнье есть чѫвство влáсныхъ терпѣнїй, котрїи вúдимъ оу дрѫгихъ. Есть то предчѫвствїе нещáстныхъ приключéнїй, котрїи насъ самúхъ могѫть нúнѣ зáѫтра доткнѫти. Мы, еслй дрѫгимъ помагáемъ, то здаéмъ сѧ ихъ завозывáти, такóжъ и намъ при подóбныхъ слѫчаѧхъ принести помóчь — а окïи оуслѫги, котрїи имъ жертвѫемъ, не сѫть чимъ йнымъ ѭкъ довродѣтельствами, котрúхъ высьмò и для сéбе приготóвити рáды.

В. Зборовскій.

54.

Пóвѣстка зъ Ѧвла Гéллїя.

До пéвного молодцà, котрúй, хотячй оуходúти за оучéного, про тое чáсто мѣшáлъ не оужывáемїи словà и пристарѣлїи речéнїа къ своéй бéсѣдѣ, сказáлъ разъ любомѫдрецъ Фаворúнъ:

„Нáшй прéдки, Кѫрїй, Фаврúкїй, Корѫникáнїй и давнѣйшїй еще Горáцій мóвили зáедно до своúхъ родúмцѣвъ по прóстѫ а при тóмъ вырáзно; не оупотреблáли онй нѣкóли въ своúхъ мóвахъ речéнїй Ягрѫцѣвъ, Сикáновъ аво Пелáсгóвъ, овúхъ то давнѣйшихъ жúтелѣвъ Ітáлїи, но мóвили такъ, ѭкъ за йхъ часóвъ бúло въ звычáю. Для

чогожь ты, молодче мовишь нѣвы языкомъ Бояндра, въ такъ застарѣломъ нарѣчію, же никто не може тебѣ выразумѣти или познати, чого ты хочешь. Тов самое можешь учинити тожь тогды, если будешь — молчати! По за колько однакожь оскудчаешь, же старина подобае сь тобѣ черезъ свою покаръ, доброту и скромность, то жій подля обычаевъ минувшого времене, а мовь словами теперѣшного."

В. К.

55.

Бандуристъ.

Бувало веною якъ лѣсъ розъвье ся,
И чистыми птичокъ гукне голосами,
Дуброва якъ дѣвка въ цвѣты приберѣ ся,
Пчолка зазвонитъ лугами, полями,
Стадами весело граае долина,
А въ рѣчцѣ рыбонька ажь носитъ водою;
Съ пѣснію изъ поля вертае дѣвчина,
Плугаторь за плугомъ съ долгою думою. —
Бувало веною, мовь голубъ сивенькій,
Съ окомъ ласненькимъ, якъ око святого,
Подъ полою бандурка, въ устахъ пѣсень много,
Що року приходитъ соловѣй старенькій.
А всѣ го за батька родненького мали:
Старіи и дѣти, хлопцѣ и дѣвчата,
Якъ батька зъ дороги всѣ его витали,
И въ селѣ му кожда своя була хата.
Во и годенъ былъ того. — Бувало зъявитъ ся
Мовь солнце на небѣ — заспѣватъ, граае,
То всякій веселый; о журѣ и не снитъ ся;
Божь то не ма пѣсни, якъ сей заспѣвае! . . .
Заведѣ долгими думку голосами,
Зъ подъ могилъ, казалъбысь, холодочкомъ вѣе,

Зъ ти́ха погово́ритъ съ батька́ми, князя́ми;
Старй молодѣ́ютъ, бо й самъ молодѣ́е.

Якъ го́мо́нъ по лѣ́сѣ, вѣ́сть несе́ ся ми́ла:
— Идѐ соловѣ́й нашъ! новй несе́ пѣ́сни,
Пѣ́сни нечу́ваній и думки незвѣ́стній! —
И ра́до́сть въ всяко́мъ се́рденьку зацвй́ла,
И вы́йшли на зу́стрѣчь, и жда́ли на мо́стѣ,
По́дхо́дитъ; вита́ютъ, згомони́ли: „Го́стѣ!“ —
До села́ приво́дятъ — всякого вита́е,
О ца́стю, здоро́влю, роди́нѣ пыта́е. —

И чого́жь то въ лу́зѣ голо́вку склони́ла,
Вѣдай ту́чу чу́е бере́зочка бѣ́ла?
Чого́жь то пѣ́вецъ на́пъ, чого̀ о̂нъ сумує? . . .
Ви́дко съ тяжко́ю журбо́ю несе́ ся;
Бо о́ко стемнѣ́ло, тя́жко се́рце бі́е ся,
А на ли́чку смутокъ — чи нещастье чу́е? . . .
Идѐ село́мъ, бува́ло весе́ло и смѣ́ло,
Съ хаткою, съ деревцёмъ ко́ждымъ розмовля́е,
Уда́ритъ въ банду́рку, зъ дробцёнька загра́е
Козачка̀ чи шу́мку — ажь згада́ти ми́ло! . . .
А нынѣ, я̆́къ не то́й — сйвый во́лосъ кло́нитъ
На гру́дь пѣ́сносло́вну — жу́ритъ ся, сумує,
Мо́лчки поступа́е, пѣ́сеньку не зво́нитъ,
Съ дѣ́тьми ся не ба́витъ — чи ли́хо вѣ́цує?!..
Чи жа́ль ти́сне се́рце за дру́гомъ мили́ньким,
Мо́же за сестро́ю, за бра́томъ ро́дне́ньким? . .
Чи мо́же идучй зъ дале́кон доро́ги,
Хо́домъ утоми́лъ ся и прему́чилъ но́ги? . .
Не зму́чилъ о̂нъ но́ги, хо́домъ не утоми́лъ ся;
Учу́вте пта́шки, чого̀ зажури́лъ ся. —

Присѣ́лъ на царйцѣ, мо́лодь обступи́ла
Якъ цвѣ́точку пчо́лы — а старшина̀ сѣ́ла. —
И вынялъ банду́рку и обте́ръ поло́ю,
И ста́лъ ю стройти, и повѣ́лъ руко́ю
По стру́нахъ зъ лего́нька ... стру́ны зга́морили...
Пѣ́вецъ розумѣ́е, бо съ нимъ говори́ли;

Отъ лѣтъ сорокъ колька ихъ бесѣду знае.
И ударилъ сильнѣйше и скорше тучае,
И стали гремѣти та Бескидскимъ громомъ,
И стали шумѣти та степовымъ шумомъ. —
То знова закинѣли, якъ воды старого
Отцѣ Словутицѣ — бо о нѣмъ думае
Нѣвецъ, и мыслію честь ему спѣвае —
То знова злебедѣли, якбы галиць много
Стадами злетѣвши чисте поле укрыли —
То знова зъ легонька зъ тиха гомонили;
Мовь згадка лѣтъ давныхъ, минувшои доли,
Що разъ то тихше и тихше брехѣли,
Съ думкою нѣвця розплылись по поли,
А на конецъ зглухли — съ всёмъ занѣмѣли! . .

Маркіанъ Р. Шашкевичь.

56.

Человѣколюбіе.

Павлинъ, похождена изъ одной найблагороднѣйшихъ и найдавнѣйшихъ римскихъ родинъ, отзыскалъ своими грошми свободъ безчисленному множеству невольниковъ; поплатилъ всѣ долги, за которы многи изъ его современниковъ были обвязнены; вкиносажилъ многи дочери подзналыхъ родинъ; вдовицѣ и сироты находили въ его особѣ искреннѣйшого покровителя, найласкавшого добродѣтеля и чувственнѣйшого отца — и всѣ помочи требующи не иновѣрцы, но и въ цѣлой окрестности, получали отъ него одѣжь, страву и дары. При томъ не зважалъ онъ нѣколи на свои потребы. Одного разу малъ онъ въ домѣ еще лишь одинъ кохонецъ хлѣба. Прійшолъ жебракъ, которому онъ казалъ той по-

слѣдный бо́хонецъ да́ти. Одна́кожъ сѵпрѵ́га его́ опаса́ючи.ся о здоро́вье сво́го мѵ́жа, о́тказа́ла его́ вел'ѣнію, а жевра́къ о́тъишо́лъ безъ ми́лостинѣ. Ещѐ ве́черомъ того́жъ само́го дня прі́йшли по́сла́нцѣ и звѣсти́ли Павли́нѵ, що его́ корабл'ѣ съ вино́мъ и зво́жьёмъ прибы́ли до прістани въ Кампа́нїи, — но оди́нъ затопи́лъ ся съ всёю покла́жею. „Ви́дишь," сказа́лъ Павли́нъ до сво́и сѵпрѵ́ги, „що ты оу́кра́лась той погибшій у́л'ѣвъ оу́во́гимъ. Оди́нъ бо́хонецъ отъ́ялась оу́во́жествѵ, а цѣлы́й корабе́ль вел'ѣлъ Го́споде товѣ о́тъна́ти."

В. К.

57.

Коли́ бѣда́ есть найбо́льша, Быває по́мочь найбли́жша.

I.

Ма́ркъ Ѧврє́лїй.

Царь Ма́ркъ Ѧврє́лїй прова́дилъ во́йнѵ съ Ква́дами и Маркома́нами. Непрїя́тел'ъ зва́вши его́ въ л'ѣсъ и овско́чили въ оу́зко́й доли́нѣ, въ котро́й ани́ѣ ка́пл'ъ воды́ не бы́ло — а дѣ́ало ся то́е еще́ въ такі́й часъ, коли́ его́ во́йско, то чере́зъ вели́кіи похо́ды, то чере́зъ го́рвы и зране́нїа цѣлко́мъ изнемогло́. Жа́ръ со́лнца причина́лъ ся до то́го, що ани́ѣ одни́нъ во́икъ не мо́гъ ся оу́дер-жати на нога́хъ. Опа́сно́стъ бы́ла дѵ́же велика и здава́ло ся, що тѵ́ всѣмъ прі́йде ги́бель. Непрїя́-тел'ъ и не дѵ́мали о то́мъ, абы́ ся съ Ма́ркомъ Ѧврє́лїемъ въ би́твѵ запѵ́сти́ти, — во казали „ма́емъ его́ оу́же въ кл'ѣ́тцѣ, въ котро́й и та́къ

емъ загибáти прíйде!“ — Мéжи легеóнами цáрскими находúлъ сѧ одúнъ состоáчíй изъ самúхъ Христíанъ, котрíи здáвши сѧ на Всемогýщого Бóга, горáчíи до нéго засылáли молúтвы. Оумилосердúлъ сѧ Богъ надъ нúми — и нарáзъ просѣнúла сѧ чóрна ѣкъ нóчь хмáра, изъ котрóи такíй рáсный и холóдный дождь на полѣмéртвыхъ Римлáнъ лúлъ, що не шò онú моглú сѧ покрѣпúти, но и жáждѣ свóихъ кóней заспокóити — а зъ дрýгои стороны такíй гѣстый градъ ѣкъ и велúкíи грóмы вúли, що перепýженíи сúротúвники оуходúли въ найвóльшомъ непорáдкѣ зъ мѣстцѧ свóи минóмои слáвы.

II.

Овсѣдéнѥ мѣста Нисúвíи.

Рóкѣ 350 овсадúлъ персъкíй Король Сапóръ II. мѣсто Нисúвíю. Якóвъ, епúскопъ тóгожъ мѣста вúйшолъ на мѣстскíи окóпы въ присѣтствíи числéнного нарóда и молúлъ Бóга о пóмóчь протúвѣ Невѣрнымъ. Егò молúтва вúла вúслýхана, и нарáзъ ѣвúло сѧ мнóжество мýхъ подавáючихъ на саранчѣ, котрà овсѣла хóботы слóнóвъ и докýчала всѣмъ звѣрямъ воéннымъ такъ, що онú розлюшúли сѧ и велúкíй пополóхъ въ тáборѣ сдѣлáли — по чѣмъ Сапóръ оузнаючúй въ тóмъ владѣнíе вúшшои рúкú, óтстýпúлъ óтъ овсѣдéнѧ мѣста и óттягнýлъ сѧ вóйскомъ.

В. К.

58.

Корабе́лъ вое́нный.

Не мо́жно совѣ́ лѣ́гко предста́вити, що то все нале́житъ до вели́кого вое́нного корабля́. Такъ н. пр. на англи́йскій корабе́лъ, котрый есть зъ̀здо́ванный на сто пъ̀шо́къ, выхо́дитъ 1000 кр̀ѣ́пкихъ дъ̀бо́къ, о́тъже мо́жъ сказа́ти цѣ́лый лѣ́съ; потѣ́мъ 200,000 фъ̀нто́къ желѣ́за. На парѣ́ски тре́ба 6,500 локтѣ́къ парѣ́сины; линѣ́ки ка́жатъ 164,000 фъ̀нто́къ, а если́ сѣ́ть панѣ́ци́ни дѣ́ртёмъ, безъ чого́ не мо́жно са̀ овладѣ́ти, то ка́жатъ 200,000 фъ̀нто́къ. Кара́ цѣ́лого корабля́ есть 5 мілїо́нокъ фъ̀нто́къ или 50,000 сотна́ро́къ, безъ оса́ды и жи́вности, безъ по́рохъ̀ стрѣ́лкного и кѣ́лъ; а пре́цѣ́ нынѣ́ о̀нъ такъ лѣ́гко и весне́чно на водѣ́ и идѣ́, кѣ̀да человѣ́къ загада́е.

Если́ бы оди́нъ человѣ́къ малъ кѣ̀дока́ти такій корабе́лъ вое́нный, и если́ бы зна́лъ всѣ́ ремёсла, котрїи до то́го пале́жатъ, тоды трвала́ его́ робо́та чере́зъ 480 лѣ́тъ. Сли про то́е 480 людій при тѣ́мъ сѣ́ть оу̀пражне́нїи, то вкѝкѣ̀дю́тъ цѣ́лый корабе́лъ за оди́нъ ро́къ. — Оди́нъ корабе́лъ мо́жно оу̀потребля́ти найдо́лше чере́зъ 30 лѣ́тъ, если́ не прилю́читъ са̀ ёкѣ́ нещастье.

В. К.

59.

Легко прїйшло́, легко и по́йшло́.

Ка́зка.

Въ невели́чкомъ мѣстечкѣ надъ О́кою, жилъ вѣ́дный мѣщани́нъ занима́ючій са̀ оу̀жѣ́ о̀тъ де-

сѧтїй лѣтъ перевозомъ черезъ рѣкѹ. Колько то перемѣнїло сѧ, черезъ тое время наймителѣвъ и господарокъ, поромъ, и Тимодѣичъ все переходилъ изъ рѣкъ до рѣкъ, отъ одного господара до другого и всегда былъ старшимъ поромницкомъ. Тота робота живила его, онъ до нѣи привыкъ; а же былъ человѣкомъ честнымъ, богобоязнѣнымъ и николи не оманювалъ своего господара въ счётѣ, то ему и вѣрили все и хорошо показали. Дядька Тимодѣича знали всѣ, отъ малой дѣтины ажь до найстаршихъ людїй, а съ гдекотрыми былъ онъ и покумался сѧ. Заможного добра было не много отъ него; за десять лѣтъ ледва придбалъ совѣ на одинъ праздничный жупанъ, та дзвонный кожухъ, а сивую шапку, было отже другїй рокъ тому, же лишь кончити свираѣ сѧ, а коли выбало, прїйдѣ до мѣста на рынокъ, про бы запасти сѧ на три, на четыри дни чадкомъ, то зайде такожъ и межи крамницѣ, розглѧне сѧ по шапкахъ и стане торгокати сѧ и опять покине. Звычайно при роботѣ ходилъ онъ въ старой, сполосованой опанчинѣ.

Хоть и привыкъ нашъ Тимодѣичъ къ долѣ своей, однакожъ не везъ того выкало, про бы часами и не жалювалъ сѧ, та смотрѧ на другихъ не закидовалъ имъ. „Отъ бачь, за про Бога далъ тому онъ тое, а тому тое, а мнѣ не дае! такаж видно долѧ моя непластайна!“ И часто наветъ сталъ жаловати сѧ передъ людьми на бѣдность свою и просити Бога о богатство. „Тожто“, дзмалъ онъ, „порзлялъ бы я совѣ! И бѣдзю братїю не покинзлъ бымъ, овдѣлялъ бымъ всякого добого!“

Нѣ зъ сего нѣ зъ того, невѣкомъ кличѣть Тимоѳѣича до городской старшины; а посланецъ ужѣ такъ низенько кланяе ся передъ нимъ и поздоровляе его всякимъ добрымъ желанїемъ. „Прїйшла“, каже ему, „вѣсточка, що ты розвогатѣвъ есь, батькъ Тимоѳѣичю; якїйсь дядько твой ци свояк померъ въ Ростовѣ; онъ былъ записаный въ кницѣ, и грошїй придбалъ знати вогато, а дѣтїй уже него нема, такъ все вачь достане ся тобѣ!“

Задумалъ ся Тимоѳѣичь, почухралъ ся въ головѣ, що за пригода? Глянувъ на посланця, бачитъ, тотъ безъ шапки стойтъ передъ нимъ и все кланяе ся ему и поздоровляе; видитъ ся, що не обманюе, ужежъ вы онъ такъ дармо не понижалъ ся. Пойшолъ Тимоѳѣичь, и дорогою все нагадуе собѣ, и на кониї споминувъ: що былъ уже него зъ доправды дядько, и кличилъ гдесь тамъ, но ужѣ больше десяти лѣтъ, якъ нияков чѣтки о нѣмъ не было.

Такъ сталъ Тимоѳѣичь богачемъ. Не давно томъ, якъ торговалъ сивою шапкъ на торзѣ, та и подумалъ: „дорога! три рубли — зъ отки ихъ возьмешь?“ Я теперь паразъ кажѣть ему ѣхати до Ростова, тамъ тебе тревже Начальство и перекажже: що померъ дядько и отказалъ тобѣ домъ и два крамы и сто тысячъ готовыми грошми. Сто тысячъ! то не такъ легко начислити, якъ выговорити; а тѣть чѣти: все твое, та еще домъ и два крамы!

На силъ выбрался ся Тимоѳѣичь въ дорогъ: люди якось не довѣряютъ, никто не хоче вызычити, а своихъ рублѣвъ нема, такъ ни о чемъ и

ѣ̈ати. Одна́кожъ на кѡ́нцѝ запомо́гъ госпо́дарь; Тимоде́нчъ заѣ̈ха́лъ и о́чёмъ не вѣ́рити; не видя́лъ и къ сн҃ѣ тако́го бога́тства и не зна́е, ѿкъ съ чимъ о҃у҃по́рати съ; то́лько и то́лько гро́шій розка́зюютъ емꙋ҃, нале́житъ съ тобѣ̈ по заѣ́номꙋ҃ письмꙋ҃ о҃у҃ того кѡ́нца, а сто́лько зновъ о҃у҃ дрꙋ҃гого, тре́тёго; такій и такій то́каръ о҃тправле́нъ врыкарёмъ тꙋ҃да́, а за ѷ҃ншій нале́житъ съ полꙋ҃чи́ти то́лько то. Тимоде́нчъ не зна́ писма́, свѝлъ съ съ всёмъ зъ толкꙋ҃ и не мо́же собѣ̈ пора́дити, що и ѿкъ дѣла́ти.

Я тꙋ҃тъ еще́ собѣ̈тнико́въ и прїя́телѣвъ новы́хъ насѣ́ло съ ци мало; овма́нюютъ его́ крꙋ҃го́мъ и зъела́ зъ о҃у҃ма съ всёмъ. Одинъ кайче до се́бе, та велича́е, о҃у҃гоца́е; дрꙋ҃гій зновъ самъ напро́шꙋ҃е съ къ го́стѣ, нѣвы то на новосе́лье, тꙋ҃тъ зновъ зайдꙋ҃тъ ѿкі́нск старіи дѧдіны, та ста́нꙋ҃тъ такъ перевѣ́ндювати, що Тимоде́нчъ и сло́ка не розꙋ҃мѣ́е, лиш съдѝтъ, та очи́ма гакпае; а тамъ зновъ ктось пꙋ҃дмовла́е до нако́ї торго́вли, та овѣцца́е келі́кіи варышѣ; сло́комъ, не зна́е вѣ́дный Тимоде́нчъ, ци сво҃а голова́ о҃у҃ не́го на плечѣ́хъ; ей, вѣда́! зъ ро́дꙋ҃ не видя́лъ ѳнъ тако́ї вѣ́ды! —

Ѩкъ не розвика́лъ съ Тимоде́нчъ къ тѡ́мъ кло́потъ, а да́лѣй ви́дитъ, що само́мꙋ҃ емꙋ҃ го́дѣ о҃у҃по́рати съ, го́дѣ съ таки́мъ бога́тствомъ кѡ́нца дѡ́йти. Оу҃же его́ и къ сꙋ҃дꙋ҃ позыка́ли и каза́ли плати́ти на ѿкі́нск тамъ небѡ́жчика дѧдька́ заѣ́мніи пи́сьма, котры́хъ ѳнъ и перечита́ти не о҃у҃мѣ́е; тꙋ҃тъ зно́въ емꙋ҃ само́мꙋ҃ не допла́чꙋ҃ютъ, а ѳнъ не зна́е, ко́лько емꙋ҃ нале́житъ съ; а тамъ пропꙋ҃ститъ рачи́нецъ, та и наниш пропа́ло, и

позыкáй ѣкъ хóчь дóлжника; тѣтъ знóвъ трéвѣютъ по ѣкóйскьто торгóвой оу҃мóкѣ пать ты́сячь, а оврахѣники, кáжѣтъ, вѣдѣтъ ажь на вéзрокъ; но все положéнй сѣтк торгóвïи рéчи́цѣ; ажь тамъ дивй сѧ, врки́ка пропáла, фѣрманъ оу҃тѣкъ, тóваръ спродáлъ комѣ нивѣдь и грóши съ совóю завráлъ; слóкомъ: найшлá вѣдá такá, цю хочь воротъ розтверáй.

Тѣтъ ѣкъ нашѣ сѧ Тимодéичь зъ гóрм, ѣкъ оу҃дáритъ свóéю сúвою шáпкою о зéмлю, такъ и пóйшлó все оу҃ нéго крѣгóмъ, мовь по нúточцѣ, и гóре гдéсь ôтстáло ôтъ сéрдцм и тѣжúти ѣкóсь завѣлъ. Однáкожь тóе плоухóе срéдство звѣкáти жѣрнѣ; но не звѣдешь сѧ ей на долгó, и лéдва цю по розгѣлáешь сѧ дóвре та стáнешь изъ лéгкой рѣкй жúти, то невáкомъ дивй сѧ, ѣкъ стóй розвогатѣешь гóремъ, тѣгóю и нѣждою ещѣ гóрше ѣкъ вперéдъ.

Отáласѧ такáже пригóда и съ Тимодéичемъ. Говорúли сѣсѣды о нѣмъ; готъ и не вúнокѣрк изъ нéго, а прокѣрúлъ все! Скóлько то оу҃ нéго порозносúли, а скóлько безъ лúкѣ пропáло, скóлько ôтъ недоглáдѣ, а скóлько и самъ пронѣстúлъ къ непаскúтное своé гóрло, та змарнувáлъ, оу҃тоцаючй весь мúръ попáвшйй сѧ емѣ пóдъ рѣки. Гóсподь егó знáе и никтó кóлыше; во и óнъ самъ лéдва тáмитъ цю, во рахѣникѣ не знáе. Знáемъ лишь, цю колй вѣднáка вернѣлъ сѧ рáзъ смертéльно пáный къ свой хорóмы, такъ оу҃снѣлъ гдесь тамъ на подѣ, и завѣвши свéчкѣ згасúти, зажéгъ дóмъ, и погорѣло все до крúхти, лéдво егó самóго оу҃снúли ещѣ кútацити, и то къ оборвáномъ кафтанѣ, и кóлыше не остáло сѧ при

дѣшній его. Все пропилъ, а остатки погорѣли до послѣдняго грошà.

Горькѣ было почувствовать Тимофѣичу, то правда; но хотя ѣмъ горько, а все такой онъ вздохнулъ словодушнѣйше и на сердцю лѣгше стало, ѣмъ отъ самого пріѣзду въ Ростовъ еще не бывало; горько, а на дѣшній лѣгше! „Не станутъ грызти человѣка теперь“, подумалъ Тимофѣичъ; „не будутъ и обкрадати крѣпомъ моѣ коропы, не будутъ и ѣ болыше выпалчовати Богъ знаѣ чіи заѣмніи письма — та и не будутъ пити болыше; окончилось сь все, моѣ сонъ тяжкій съ плечій звалилъ сь. Я пропи тотій пріѣшолъ лишь на лицъ годинѣ“ — подумалъ си далыше — „не нами нажито, такъ и не намъ достало сь! Плюнулъ Тимофѣичъ и пойшолъ въ свѣтъ и съ очій своіхъ клеветниковъ.

Я пойшолши, нанялъ сь за роботника отъ якогось злочинника, жилъ отъ него хорошо и честно цылзко пять годовъ; заровилъ совѣ и грошій и достатковъ цимало, и все складалъ на чорнѣ годинѣ — подъ старость кернулъ сь на родинѣ и самъ сталъ промысловати тымже ремесломъ. Бывало цо рана идѣ Тимофѣичъ оулицею въ пестрокомъ фартухѣ, съ шапочкою на головѣ и приспѣвуе:

„У насъ колачѣ,
У насъ горячій —
И пропивки были
Та въ Ростовѣ силыли . . .
Колачѣ, горячій!“

Всѣ знали Тимофѣича, всѣ любили его, ѣкъ старого пріятеля, и розпираючи отъ него колачѣ,

слѫхали его̀ прѝказокъ, — а о̀нъ пра́цею своéю и съ тверéзою голово́ю прѝйшо́лъ до вели́кого бога́тства. Всѣ́хъ заохо́чѫвалъ до робо́ты вскáзѫвъ, що кто ро́битъ, то съ чого́сь доро́битъ; — а зазна́вши вели́кѫ бѣ́дѫ спомага́лъ ко́ждого, кто съ не лѣ́нова́лъ въ дѣ́лѣ и мо́вилъ: „я̃ радъ даю̀ ко́ждомѹ запомо́гѫ, кто лю́битъ працюва́ти, бо въ пра́ци сѫ́ть невки́черпаемѝи капѝта́лы; — кто працю́е, того́ ста́не о̀тда́ти и долгъ, и змо́же щось собѣ́ сложи́ти.“ Мно́гѝи послѣ́дѫючи емѹ ста́ли съ вели́кими богача́ми и че́стными людьмѝ.

Влад. Даля.

60.

Ма́ти и дѣ́ти.

Когда̀ весна̀ ся сближа́е,
Пти́чки ся ра́дуютъ,
На галузка́хъ чепера́тыхъ
Дѣ́тёмъ до̀мъ буду́ютъ.
Ма́ти дѣ́тёмъ устели́ти
Колы́ску жела́е,
Лѣта́тъ гетъ тамъ на пери́нку
Мохъ, пѣ́рца сбера́е.
Я̃къ ужѐ въ гнѣ́здѣ́ устеле́ну
Колы́соньку ма́е,
Несѐ я̃́йця, сѣ́ди́тъ на ни́хъ,
Ило̀дъ сво̀й огрѣва́е.
Я̃къ ся начну́тъ изъ хижи́нки
Потя́тка клюва́ти,
Шкару́пинку позорли́во
Откѝршуе ма́ти.
Желаючѝ покрѣпи́ти
Слабе́нькѝ потя́тка,
Пѝщу, панòй дѣ́тёмъ но́ситъ
Печали́ва ма́тка.

Дѣти въ гнѣздѣ постуля́нй
Ма́ти ожида́ютъ
Ѩкъ ся ѿвитъ, голодне́нькй
Ны́цки о҃тверая́ютъ.
Свой клю́вы къ ма́мчиному
Клюву́ надставля́ютъ,
А отъ ма́мки благода́рно
По́кармъ о҃тбера́ютъ.
Коль ся гдѣкто къ гнѣзду́ сбля́житъ
Смути́тъ ся ма́мичка,
На вкру́гъ лѣта́тъ, дѣти храни́тъ
Бѣдная сами́чка.
Когда́ дѣти поросну́ли
И зна́ютъ лѣта́ти,
Лети́тъ съ ни́ми ни́ци глядя́тъ
Учи́тъ ихъ сбера́ти.
Посѣда́ютъ на галу́зки,
Сла́вятъ Отца́ въ не́бѣ
Онъ имъ да҃ ни́цу, о́дѣжь,
Помага́тъ въ потре́бѣ.

Чернянъ Макови́цкій.

61.

Песх зх горы Сѵ. Берна́рда.

(По́для Вакерна́ґля.)

Чере́зх вели́кѕ горѕ Сѵ. Берна́рда вх Швайца́рїи веде҃ дѕже прикрый про́смыкх зх канто́нѕ Ка́ллїи до Іта́лїи. Вх пѕсто́й, высо́ко-скали́стой доли́нѣ, окрѕже́нѣй гора́ми покры́тыми вѣчнымх сне́гомх, стои́тх найвы́шшое человѣ́ческое жи́лище вх старо́мх свѣтѣ, монасты́рх свято́го Берна́рда. Тѕ овита́е де́сать до двана́дцать попо́жныхх мо́нахо́вх, котрїи лишь тымх см трѫдятх, що подоро́жныхх безпла́тно о҃тгоща́ютх и имх всѣ́-

кимъ спо́сомъ по́мо́чь подаю́тъ. Чере́зъ о̑семь або́ де́вять мѣсяцѣвъ въ ро́къ, коли́ снѣгъ, мгла, непого́да и метели́ца ро́вять дѫ̀же невеспе́чнѫ̀ доро́гѫ̀, овъхо́дять тѣи́ свяще́нники або́ ихъ слѫ̀ги вродѣ́нно ксю́да, абы вкѝпайти звлѫ̀ка́вшихъ сѧ или ратова́ти загра́жшихъ. Отъ мно́гихъ о̑̀жѣ лѣтъ о̑̀потребля́ютъ они́ къ ратова́нію въ нещасте́ пона́дшихъ, такожъ и осове́нно вкѝ̀ченыхъ вели́кихъ псо́въ. Тѣи́ выхо́дять або́ сами́ або́ запира́ютъ ихъ мо́нахи сѧ соко́ю. Ско́ро песъ ѫ̀кого пона́вшого въ нещасте́ вкѝ̀ентритъ, верта́е мо́къ вы стрѣло́ю назадъ до сво́го на́па и дае́ свое́ выкрытье́ позна́ти чере́зъ га́вканье, скавле́нье и не споко́йне ска́канье. Потѣ́мъ оверта́е сѧ, заѣ́дно дивлячи́ сѧ въ задъ, ци и кто ємѫ̀ послѣ́дзе, и веде́ ско́го на́па на то́е мѣ́сце, где лежи́тъ пона́вшій въ нещасте. Ча́сто вѣ́шаютъ тымъ ска́мъ на шки́ю фла́шочкѫ̀ сѧ покрѣпля́ючими напо́ями и ко́шичокъ сѧ ха́вомъ, абы то́е о̑̀томле́номѫ̀ подоро́жномѫ̀ подати къ посиле́нію сѧ.

Таки́мъ псо́мъ вкѝлъ оди́нъ зоко́мый Ба́рій. Чере́зъ двана́дцать лѣтъ вкѝлъ неоу̑̀томи́мый и вѣ́рный въ о̑̀слѫ̀жѣ человѣ́чества, и о̑̀нъ самъ, по́ки жилъ, вкѝратовалъ житье́ звкѝнъ сорокъ̀ осо́въ. Ре́вность, ѫ̀къ о̑̀нъ при то́мъ ока́зовалъ, вкѝла чрезвыча́йна. Нико́ли не тре́ва вкѝло напомина́ти его́ до слѫ̀жвы. Ско́ро сѧ не́бо покрѝло, мра́ки залѧгли́ или невеспе́чнѫ̀ снѣ́жнѫ̀ вѣ́лящую вще́ изъ далека вкѝло кѝдно, то о̑̀жѣ нѣчъ не могло́ его́ здержати въ монастырѣ́. Безъ о̑̀ста́нкѫ̀ овъхо́дѫ̀вало га́вкаючи всѣ́ верте́ны, и не о̑̀томи́лъ сѧ по колькана́дцать разо́въ загляда́ти въ невеспе́чній мѣ́сце, цины не мо́гли западаючого стри́мати

нан запáвшого вкúкопати, а сан не мóгλ помогчú, то садúλ вкúскокомλ до монастырà и приводúλ за совóю пóмóчь. Якъ óжѣ былъ везсúленъ и постáрѣлъ сѧ, послáλ егò чéстный игóменъ до мѣ́ста Бéрна, въ котрóмъ скончáλ сѧ. Въ тамóшнóмъ мúзéи захóвано егò якò особлúвóсть про пáмятъ.

Скóро вúдишь чію мýку,
Не пытáй ся кто óнъ есть —
Най óнъ бýде кто нибýдь...
Ты на него не забýдь!
Самà вымагáе чéсть,
Абысь подáλ емý рýку!

Бо и безъýмнiи створы
Не пытáютъ: кто? якúй?
Нещáстного ратýютъ,
Вспомагáютъ, жáлуютъ —
А сли ты не есь такúй,
Берú изъ нихъ собѣ взóры!!

В. К.

62.

Пригóда въ лѣсѣ.

Сóнце спочúло — смéркло сѧ — тúхà пѣ́тьма наслáла тúхúй та óзкúй звóры, вѣ́терь осѣ́нний метáλ хмáрами óтъ керхà до керхà, и гнáλ споловѣ́лым лúстьемъ зъ гóръ въ тéмнúй роздóлы, то знóвъ нóдъ крѣ́тъ стременъ, скриплячú гóлыми гилáми óтвѣ́чнои дзвúны, мовъ величáючи сѧ своéю лúтостю, а рѕгáючи сѧ зъ нъ́хъ недзги; звѣ́рь шелепотѣ́λъ чагорáми за жúромъ, часáми вóлкъ гóлодомъ пéртый дúкымы завúλъ голосáми; перѣ́стú опóки, заклáтú надъ вéзвѣстями стоáти, здавáли сѧ при настúглóй пóчнóй мрáцѣ

проживáти, та свой мѣнáти станóвища, проходячи сѧ мовь нóчний мáры, во ѿкъ то кáжѫтъ: „оу страхá óчи великïи.“ — Смѣло стѫпáлъ ôтважный Семéнъ по крѫгломъ грéхотѣ и по розмéтаныхъ кóстехъ, перестѫпáлъ колóды пôдносячи высóко нóги, и зъ прíтиска ихъ стáвлалъ, щобъ го ѿкъ мáра не пôдвíла; чóрна пѣтьма го за óчи хватáла, скóро оу̂зрѣлъ тѫманы по корчахъ, колóске мѫ горóю сѧ звелò, крóвь сѧ стинáла, а страхъ за сéрдце ѿкры мертвéцъ зíмною имáлъ рѫкóю, а не можъ казáти, щобъ не малъ ôтвáги, во сѧ нерáзъ дóбре довелò; — але зъ малéнька чѫвáлъ о заклáтыхъ лíцахъ, о скаменѣлыхъ рыцарáхъ, о недостѫплéныхъ про змíѣ рáйскихъ птíцахъ; то о еднóокихъ Татáрахъ, людоѣдáхъ, великáнахъ, и о многихъ íншихъ лихíхъ дѫхахъ; — а скóро то все стáло на оу̂мѣ роёмъ (а часъ, нóчь тéмна и мѣстце, гóры, дéбры и чагоры по томъ вы̆ли), то тогды и найсмѣлышомъ трѫсомъ ставáти — а Семéнъ посмѣѫючи сѧ на зазóръ кóлка або медвéдя, при найменшóмъ лóпотѣ застыкáлъ — во то либóнь сѧ лíхомъ вы̆ла спрáва.

Замáчвало въ далечинѣ гей кáтрою широ́ко розложéною; вы̆ло то емъ, що жéнчыкамъ въ жаркóмъ лѣтѣ вѣтрéцъ холодéнькïй; вдивíлъ сѧ въ нио цѣлóю дѫшéю, а рáдôсть въ его дѫшѝ калíною зацвíла, и оу̂тихомíрилъ сѧ дѫхъ его, ѿкъ природа по шáйной тѫчи, и зрáдовало сѧ сéрдце въ нѣмъ вéлыми . . . . тѫтъ спôзналъ во Данíлка, котрóго въ дворѣ вíдѣлъ, що то такъ дíко и лю́то ѿкъ розвишнáка выглядáлъ, що то на овéцаньхъ пáна вы̆ти на весéлю, къ стѣнѣ по вѣсóвски сѧ оу̂смѣхáлъ. Оу̂тѣшилъ сѧ видячи его, а

зрáдовалъ сѧ ещѣ бо́льше, ско́ро почу́лъ: „одна́ намъ доро́га“ — стиснýлъ его́ за рýкý и повáтали сѧ, и рáзомъ въ двóйнѣ стýпáли кремѣнчáтою стéжкою пóдъ крýтъ горý къ высóкой вáтрѣ.

Пóдышлáй на мѣстце. Семéнко óзрѣвши изъ за дýба колькáнадцать вородачéвъ при широ́ко розложéномъ огни́, нагнýлъ си двенáдцать розвóйникóвъ къ кáзцѣ, що кúсьлька óтрѣзали и пекли́ на рожни́, налáкали сѧ, спинúлъ сѧ, анѣ крóкомъ на перéдъ, и малъ сѧ вертáти. — „Не страхáй сѧ“ промóвилъ Данúлко, „не такúй чóртъ страшúкый, ѣкъ его́ малюю́тъ; пристýни, таже ты христïанúнъ, не врáгъ, не вѣсьрмáнъ, лишe вѣдный селянúнъ.“

— „Навýть то нашъ жевáкый вандрúстъ Данúлко“ — озвáло сѧ колька грýбыхъ голосóвъ — „несѣ óнъ намъ щось потѣшного; дай нéго немá ни воротъ, ни желѣзныхъ дверій“ — и поскóчили къ стóронý, óтки гóлосъ ишóлъ, привелú овóхъ, згорнýли сѧ къ Данúлови всѣ пытáючи, ѣкимъ свѣтомъ докершúти намъ гáдкý; во Данúлко никóли на дáрмо не трýдúлъ сѧ — а рáдзючимъ сѧ тамтымъ окóло Данúлка, и понивáючимъ могорúчъ на вздýхъ дóврý справý, Семéнко сьмокáлъ присмóтрзючи сѧ тымъ дивоглáдамъ зъ óкóса, то рзчúнцамъ, то ѣснымъ топóрцáмъ стремлáчимъ докóла кърнца, то варкúлцѣ сѧ парзхою; однáкожъ частѣйше поглáдалъ въ чóрный лѣсъ, чи не ѣвúтъ сѧ гдѣ ѣка стара стéжка, óтвѣгчи и спастú сѧ. Ялe нагнýлъ си его́ повратúмъ Данúлко, свóго товáриша, пристýнúлъ къ нéмý сѧ кзлéмъ: „Богъ дай здоровъ былъ! ты сѧ намъ знадóвишь; не сбúйся, зрáдзешъ сѧ нúнѣ а сѧ товóю мнóгú твóихъ со-

сѣдъ; пій на погибель врагамъ, такъ чинимо всѣ, такъ чинитъ и нашъ ватажко. Отъ вачьѣ и онъ идѣ, а отъѣшитъ съ топоію.“ — Но Семенови не до соли было, отъзрѣвши его, и мало що къхлъ не отъпъстилъ. — Но такого ни выдъмати могъ. Сталъ Медведюкъ поднебесною чорною горою; барки его — то въ Бескидахъ камѣнь; его правицъ — ѣкъ дъбъ; брови его — ѣкъ дѣкъ горнiй хмары; а очи его — зъ подъ тыхъ хмаръ дѣкъ молнiи; а борода его — нѣчь темна осѣнила; а голосъ его — громъ середъ лѣта; а стънiлъ погою — земля стогнала; вергъ съ на врага — въй — търомъ валивъ. . . . —

„Годѣ! не тераймо часъ,“ озвалъ съ силный ватажко; — „на коѣ! Банько съ шестьма въ замокъ; заверй, що намъ съ здасть, а що не возьмешь, разомъ съ замкомъ най огнемъ сяде! не много тамъ тръдъ въде, однакожь покаже съ, ѣкъ съ справишь. — Я ты, Семене, поведешь насъ на весѣлье, потанцюемъ съ грабителями, вражими сынами!“ —

Розвѣгли съ вѣтромъ по байракахъ за конми; огень погасъ — грань меркотѣла — къриче съ лишило — отъихомирило съ.

Маркіанъ Р. Шашкевичъ.

63.

Рѣчка.

Чомъ рѣченько домашная
Такъ плывешь повольки?
Чомъ водицѣ не розлiешь
Зъ берегонъ по полi?

Годѣ плысти самотою,
Часъ ужѣ тугу збути:
Шумнi гудѣ фаленькою,
Щобъ далеко чути!

— „Якъже менѣ, рóдныи сы́ну,
Не плы́сти попóли?
Высóкіи берéженьки,
Сщѐ и рóвне пóле

Я бы въ фа́лю загремѣла,
Та водúцѣ мáло;
За то глáдке лúчко моѐ,
Чúсте я́къ жéркало.

Бýли тýчи, дождúй грóмы,
Вóды забренѣли;
Щожь! . . пóдрыли бережéньки,
Вóду сколотúли.

Лýчше плы́сти по тихóньки
Та певнéнькимъ хóдомъ;
Омина́ти остróвоньки,
Камѣнье и колóды.

Такъ поплыну́ тúхо, смúрно,
Безъ шýму, безъ гóря:
Съ лúчкомъ чúстымъ, незмученымъ
Чей дóйду до мóря!“

Я. Головáцкій.

64.

Óшибка въ розчетѣ.

Одúнъ богáтый человѣкъ, котрúй не малъ ни дѣтúй ни сродникóвъ нѣякúхъ возналѣрилъ змарнѣвáти весь свóй маéтокъ, и подкралúлъ его тáкъ, щовкы емъ кúстало на сѣмдесáтъ лѣтъ полагáючи за вѣрно, що еще передъ тúмъ часóмъ óумре. Но онъ дъ́же ошúбсѧ въ скóемъ рóзчетѣ, во жилъ пятъ лѣтъ дóлше. Стратúвши всѐ своѐ имѣнье, принъ́ждéный былъ жúти жéбранымъ удвомъ. Онъ просилъ милóстынѣ сúми словáми: „Помúлъйте вѣдного человѣка, котрúй въ розчетѣ ошúвсѧ!“

В. Волянь.

65.

Добра рецепта.

Поки тамка въде трвати о Ѣдни, пóти въдѣтъ роскáзовати жúтелѣ тóго мѣста о мѣдрости и великодѣшію Цѣсарѫ Іóсифа II, котрóго головнѣйшою задáчею вúло наóчно всюда и всегдà сѫ о всѣмъ пересвѣдчити, кóждого вúслухати, кóждомѣ порáдити и справедлúвость вúмѣрити. Кóждый знáе, ѣкúй то велúкúй и добродѣтельный вúлъ монáрхъ, но не кóждомѣ вѣде извѣстно, що той слáвный мѣжъ вúлъ одногó рáзѣ лѣкарѣмъ и вúлѣчилъ пѣвнѣ оўвóрѣ женщúнѣ:

Одна оўвóга женщúна захорувáла и кáже до свóго сúна: „идú чимъ вóрше и проси до мéне лѣкарà, во мой волѣ сѣть дѣже велúкúй — най ми дáсть рáдѣ!“ — Сúнъ повѣгъ то до одногó то до дрѣгого лѣкарà, но жáденъ изъ нúхъ не хотѣлъ посѣтúти хóрѣ женщúнѣ, во не мáлъ порѣки полѣчúти óтъ вѣднои „рéньского сребрóмъ,“ ѣко звычáйнѣ по той часъ нагóродѣ за одúнъ хóдъ до славóго — а вѣдный хлóпецъ не малъ нúчъ крóмѣ слезъ, котрúи однáкожъ лишь въ нéвѣ за дóврѣ оўходúтъ монéтѣ, но не оў всѣхъ на землú. Яле колú хлопчúна пшóлъ до трéтéго оўжѣ лѣкарà, перевзджáлъ Цѣсарь въ óтвéртой карúтѣ по при нéго. Хлопчúна оўважáючи егó за ѣкóгось вогáтого пáна, хотà не знáлъ, кто óнъ есть, подѣмалъ совѣ: „спровѣю,“ и кáже: „мúлостúвый пáне! ци вы не вúлúсте ласкáвый менѣ дарувáти рéньского сребрóмъ, мáйте милосéрдіе!“ Цѣсарь погадáлъ: „Сей корóтко сѫ выражáе и дѣмае, еслú полѣчѣ цѣлóго рéньского на рáзъ,

то не потребѣю шѣстдесѧть разъ о крайцарѣ просити." „А чижъ не было бы доскыть сорокоцѧ или полъ-рѣньского?" вопросилъ Цѣсарь. Хлопчина отповѣлъ: „Нѣтъ!" но менѣ конче трѣба дѧ лѣкарѧ цѣлого рѣньского" — и росказалъ все подробно. Цѣсарь вывѣдавши сѧ о назвиско и помешканю его матери, подалъ рѣньского хлопчинѣ, котрый полъчивши тойже повѣгъ до лѣкарѧ; а Цѣсарь закрывши сѧ добре въ плащъ, абы не былъ легко познаный, казалъ ѣхати до дому вѣдной женщины, котрѣ застал дойстно въ описаномъ найприкрѣйшомъ станѣ. Женщина дѣмаючи, що пришедший мѣжчина есть лѣкарь, роповѣдае емѣ свое положенье и просить о порадѣ. Незнаемый выслухавши ю и пересвѣдчивши сѧ о всемъ пильно, сказалъ: „Запишѣ камъ рецептѣ, чей она поможе." „Боже Камъ заплатй" сказала хора женщина и показала на перо и папѣръ свого хлопца. — Написавши рецептѣ роповѣлъ миймый лѣкарь, до котрои антики маѣ хлопца, скоро прійдѣ, послати, положилъ рецептѣ на столъ и желаючи лѣпшого здорова отъишолъ. По хвили привѣлъ хлопецъ сѧ правдивымъ лѣкаремъ. Женщина здивовала сѧ не мало, и стала сѧ извинати, же тѣ ѻ̑ужѣ былъ одинъ лѣкарь, котрый щось записалъ, а она ожидала лишь свои дѣтины. Лѣкарь хотячи сѧ подивити, кто ѻ̑ нѣи тѣ былъ и що росправдилъ, здивѣлъ сѧ не мало и сказалъ: „дѣвромѣ вѣкъ видѣ лѣкареви попаисте сѧ въ рѣки, понеже записалъ вамъ двадцать и пять дѣлонѣвъ, котрїи маѣ вамъ выплатити ц. к. платничїй ѻ̑урадъ, а подписано есть Іосифъ, если Єго знаете. Такѣ масть не могъ бымъ ѩ былъ вамъ записати!"

Жена̀ зъ вдѧ́чности и взрѣше́на не бы́ла въ стан'Ѣ сло́ва сказа́ти, лишь взне́сла о́чи къ гор'Ѣ и заспѣва́ла горѧ́чїи молйтвы. — Гро́ши кы́платилъ о҃гра́дъ, а л'Ѣка́рь роспорѧди́лъ л'Ѣка́рство, котрѣ при лѣчшо́мъ до́гляд'Ѣ во́рзо скѣткѣва́ло, и хо́ра вста́ла къ колько́хъ днехъ ц'Ѣлко́мъ здоро́ва. Таки́мъ спо́сомъ кы́л'Ѣчилъ л'Ѣка́рь женщи́нѣ хо́рѣ, а Ц'Ѣсарь в'Ѣдѣ. — Она̀ жила по̀слѣ то́го ещѣ долго̀ и сво́го сы́на пи́льно посыла́ла до шко́лы, котры́й ро́съ для не́и въ потѣхѣ — а о҃ко́нчи́вши шко́лы по́йшо́лъ въ ц'Ѣсарскѣ слѣжвѣ.

В. К.

66.

О благодарности.

Ме́жд҃ всѣ́ми доврод'Ѣтельми здаѐ сѧ бы́ти найле́пшою и найпрїятн'Ѣйшою до вы́полненя „благода́рно́сть.“ При всѣхъ и́ныхъ доврод'Ѣтелехъ мѣ́симо сѧ ме́ньше или́ бо́льше приѣ́ждати, по́ки до ни́хъ не пави́кнемо, для то́го, що имъ ча́сто проти́вятъ сѧ ли́бо ѣ́кїи инѣ́дь стра́сти, ли́бо на́ше л'Ѣни́вство. На прим'Ѣр: щедрот'Ѣ проти́вить сѧ скѣ́ность, о҃м'Ѣре́нности сластолю́бїе, о҃тка́жности ро́вко́сть, терп'Ѣли́вости нездоко́льство свои́мъ стано́мъ, великодѣ́шїю проти́вить сѧ гн'Ѣвъ. Но чѣ́ствоканье благода́рности, кото́ра состои́тъ въ то́мъ, абы́смо не завы́ли на полѣче́нїи на́ми доврод'Ѣйства, любйли на́шихъ благод'Ѣтелей и не то́лько жела́ли имъ добра̀, но и стара́ли сѧ при всѧко́мъ слѣ́чаи бы́ти имъ о҃слѣ́жными — тое чѣ́ство таки́мъ власти́вымъ есть на́шомъ се́рдцю, що дивова́ти сѧ потре́ба, ѣ́къ лю́ди невлагода́рными

бы́ти могу́тъ. Неблагода́рно́сть про тое справедли́во почи́тъе сѧ до найво́льшихъ поро́ковъ.

О ко́лько ле́гкою въ исполне́нїю ви́дитъ сѧ бы́ти там добродѣ́тель, о то́лькоже она́ есть и прїа́тною. Пригля́дъючи сов҃Ѣ на полъ҃зѣ́нїи на́ми добродѣ́йства, здае́ сѧ на́мъ, ꙗ҃къ колѝ письмо́ ихъ по дрꙋ́гїй разъ полъ҃ча́ли, и наслажда́емъ сѧ при то́мъ ꙋ҃довольствїе́мъ. Благода́рно́сть сказа́на быва́е съ любо́вїю къ тому҃ челов҃ѣ́ку҃, котры́й намъ добро̀ сдѣла́лъ; а любо́вь есть ꙋ҃жѐ сама̀ сово́ю исто́чникомъ ꙋ҃довольствїа. Ꙗ҃кꙋ҃ю то ра́дость чꙋ҃вствꙋ҃емъ, если́ нахо́димъ слꙋ҃чай о҃тплати́ти та́кже добро́мъ тому҃, кого̀ лю́бимъ и о҃тъ котро́го добро̀ полъ҃ча́ньсмо, аво́ прина́ймнѣй доказа́ти ему҃, що мы охо́тновы то сдѣла́ли, если́ письмо́ то́лько могли́! Неблагода́рный че́лов҃ѣ́къ го́ршїй ди́кого звѣ́ра̀; о҃нъ него́денъ, авы̀ его̀ земла̀ носи́ла. Тое чꙋ҃ство вроджѐное есть такъ поединокимъ осо́бамъ, ꙗ҃къ и цѣлы́мъ общества́мъ; во нахо́димъ въ їсто́рїи мно́го слꙋ҃ча́евъ смѣ́ртїю ꙋ҃каранои неблагода́рности. Щастли́вый тотъ край, котры́й корми́тъ вдо́вицы горожа́нъ! щастли́вїи ро́дичѣ, ꙗ҃кие́ кавшїи благода́рнїи дѣ́ти! Подо́бнїй хорошо́ оброслѐному по́лю о҃тдаю́тъ они́ изобильно сѣмена̀, благодѣ́тельною рѣко́ю въ се́рдцахъ ихъ посѣ́янїи, справедли́вость и челов҃ѣ́колюбїе и всѧка̀ добродѣ́тель процвѣтꙋ҃тъ въ нихъ, ми́ръ и согла́сїе въ-дꙋ҃тъ сѧ ними обита́ти.

В. Волянъ.

67.

Дрѣжеска гостьба.

Пѣвный гостелюбивый человѣкъ гостилъ своего знаемого черезъ колька дний отъ себе, и извинялъ при отходѣ своего гостя, скѣдность своего отгощенья, хотя всего доложилъ старанья зровити его превыванье отъ себе пріемнымъ, выгоднымъ. „Нечого, нечого“ отвѣтилъ гость, „однакожь если колись до мене прійдешь, то постараю ся о лѣчшѣ гостьбѣ, нежели твоя была.“

Незадолго посля того приключило ся въ истѣ, що давнѣйшій гостепріимецъ былъ гостёмъ отъ своего знаемого; но не постерегъ и найменшого предъготовленія для своего пріятія, анѣ жадныхъ оповидившихъ выгодъ, що его не мало задивѣвало. Господарь помѣрковавши помѣшательность своего гостя, помогъ ёкось емъ изъ сна продерти очи и каже: „Товѣ выдаѣ ся бити моя гостьба трохи дивною, однакожь цижъ ѣ товѣ отъжѣ давнѣйше не прирѣкъ, що отъ мене лѣчша гостина бываѣ? Ты надѣючи ся менѣ въ твоимъ домѣ мати, тысячний поровилъ есь предъготовленія, ѣкъ сливымъ ѣ былъ товѣ чѣжій — отъ мене всѣхъ тихъ выставностій нѣтъ, но ѣ тевѣ отъважаю за членa мои родины.“

Правдива гостинность состойтъ въ не вымышленомъ, но звычайномъ пріятю нашихъ пріятелѣвъ, безъ оповидившого предъготовленія.

В. К.

68.

Загадка *).

Розвива́е ся весно́ю
Цвѣта́ми украше́ный;
Лю́демъ, ско́тамъ и перна́тымъ
Онъ весьма́ улюблёный:

Дай му поко́й на голо́вку,
Краса́ его́ пропа́де,
Цвѣты вы́схнутъ, а на траву
Чо́рна земля́ напа́де:

Але ко́жда чо́рна ски́ба
Мѣсто цвѣто́въ дасть ти хлѣба.

Духновичь.

69.

О звѣздахъ.

Пѣдъ назва́нїемъ „звѣзды“ розумѣемъ свѣта́чїю на не́бѣ то́чкѣ; но не сѫть то точки́, лишь величествѣ́нїи тѣла, кѫдь то вы къ одна́ко́мъ розстоа́нїи или́ оу̃тержде́нїи на си́но́мъ сво́дѣ, ѩко вы на ѩко́й тверди.

Звѣзды розділа́ютъ ся: 1) на „неподви́жнїи“ т. е. таки́и звѣзды, кото́рїи всегда́ оста́ю́тъ межи сово́ю къ то́мже розстоа́нїи, а такъ ѩковы не дви́гаютъ ся, кото́рїи ма́ютъ свое́ собственно́е свѣтло ѩсно свѣ́ркаючое мовѣ прилїа́нты, и кото́рїи само́мъ воорѫже́номъ о́кѣ, кро́мѣ ѩснѣ́йше еще́ свѣ́ркаючого свѣтла, тѣла ско́го не ѩкла́ютъ. Къ таки́мъ звѣздамъ принадле́житъ

*) Рѣшенье слѣдѫе на послѣдне́мъ листѣ.

на́шое со́лнце; а поне́же оно́ бли́жше есть къ намъ, ѡ̃къ про́чїи неподви́жнїи зв҃е́зды; то для того представля́е сѧ намъ такъ вели́кимъ, и коорⷣже́ное о́ко ви́дитъ кро́мѣ его́ св҃е́тла такожъ и его́ т҃е́ло. 2) „Плане́ты“ т. е. такїи зв҃е́зды, кото́рїи о̑тъ одно́и неподви́жнои зв҃е́здꙑ къ дрⷭго́й хо́дятъ, ѡ̃ковы вⷭ҇ди́ли и скита́ли сѧ, кото́рїи перемѣня́ютъ свои́ мѣ́стцѧ, свои́ положе́нїѧ на не́бе́сно́мъ сво́дѣ напроти́вⷭ зв҃е́здамъ неподви́жнымъ, кото́рїи не нахо́дятъ сѧ по всемъ не́бѣ, кото́рїи ма́ютъ то́лько позы́чене св҃е́тло, не све́ркаютъ а блеста́тъ сѧ и ов҃е́гаютъ около со́лнца. Къ симъ плане́тамъ принадле́житъ на́ша земла̀. Ѥсли́ бы мы находи́ли сѧ на ѡ̃ной зв҃е́здѣ, и́менно плане́тѣ, тогдѣ́смо ви́дѣли на́шꙋю зе́млю свѣта́чꙋю сѧ въ просторѣ и движа́ючꙋю сѧ зв҃е́здꙋ, ѡ̃къ ви́димъ изъ землѣ́ и́нїи плане́ты. 3) „Коме́ты“ т. е. волохати́и илѝ косма́тїи зв҃е́здꙑ. Такъ назыка́ютъ сѧ тїи зв҃е́здꙑ, кото́рїи состоа́тъ изъ дво́хъ ча́стїй: изъ головꙑ, котро́и ви́дима величина̀ часо́мъ досга́е видимои́ величинꙑ со́лнца, и изъ до́лгого хвоста̀. Коме́ты вѣжа́тъ въ о́бласти со́лнца на́шего около не́го въ розли́чныхъ стремлѐнїѧхъ, въ чрезмѣрно подо́лговато — крⷭглыхъ лїнїѧхъ. Мы ви́димъ коме́ты то́лько при ихъ появле́нїи, потомъ онѝ исчеза́ютъ, и по мно́гихъ лѣтахъ верта́ютъ сѧ къ намъ, и́нїи же не верта́ютъ сѧ никогда́. Коме́ты приближи́вши сѧ къ со́лцꙋ на бли́зкое розстоа́нїе, зновъ о̑тдала́ютъ сѧ о̑тъ не́го, и прохо́дятъ дале́ко за самїи о̑тдале́нїи о̑тъ со́лнца плане́ты. Где ѡ̃кїи дⷭ҇маютъ, що нѣкото́рїи коме́ты о̑тпада́ютъ на солнце. О̑у̑мнїи же лю́ди вѣрⷭ҇ючїи въ Бо́га всемъ обла-

дáючого и всѧ премѫдро оўстроáючого, ѿтъ комéтъ нѣчóго не вомáтъ сѧ. Нѣсто людѝ говóрятъ, ѩковы комéты предвѣщáли войнѫ, мóръ, гóлодъ и íныѧ нѫжды. Мнóго выкáло на землѝ нѫждъ безъ всѣкихъ знамéній на нéбѣ. Не разъ вúли такíѧ знамéнїа, а не приключáла сѧ на землѝ жáдна нѫжда. Єслѝ же íногда звѣздà хвостáта сойшлáсѧ съ кáжнымъ ѩкúмъ приключéнїемъ на землѝ, то сїе не ѿтъ нéя. На землѝ въ óвще зáкѣды дѣе сѧ не мáло дóброго, но такóжъ и нѫстóго и злóго. За послѣднее нѣтъ причúны обвинáти комéты, а тáѧ вина пáдае на людíй самúхъ. Крóмѣ поманѫтыхъ звѣздъ сѫть наконéцъ. 4) „Пáдающїи звѣзды“ и „огнéнныѧ шарúе“ наи „змѣе.“ Пáдающїи звѣзды ѩвлáютъ сѧ особéнно междѫ 12—13 Листопáда, и междѫ 9—14 Сéрпня. Въ óднѫй годúнѣ чúслено ихъ 240,000. Падéнїе ихъ скóрое предстаклáе свѣтáчій сѧ лѣтъ. Мнимáютъ, цо онѝ сѫть малѣйшими планéтами нашого сóлнца. Свѣтло огнéнныхъ шарóвъ наи змѣёвъ есть íногдѣ ѿркóи и осѣбнúтельнои вѣлости. Онѝ дúжѫтъ сѧ быстротóю мóлнїи и оставлáютъ по сóбѣ огнéнный хвóстъ. Часóмъ сѧ трéскомъ розрывáютъ сѧ, дрóбятъ сѧ на кѫскѣ (метеóры т, е. воздѫшнїи ѩвлéнїа) наи испѫскáютъ потóки пóломена, котóрый запалáе. Тогдà воздѫхъ и землà потрясáютъ сѧ и даѐ сѧ слышáти сѣрчáный зáпахъ. Мáсса ихъ не есть ѿтъ землѣ нáшои.

Неподвúжнїи звѣзды сѫть по всéмъ невéснѫмъ свóдѣ. Числà ихъ не мóжно счислúти, а чѣмъ лѣчшїй телескóпъ, тѣмъ вóльше ихъ вúдно. Невоорѫжéнымъ óкомъ вúдно ихъ до 5,000; но сѫть спосóбы счислáти ихъ до 500,000 мїллїóновъ.

Есѣ ли они оу҃жѣ? Есліѵы мы находи́ли сѧ на со́лнци, ли҃ на ѳко́й неподви́жной звѣздѣ, тогда́ неоспори́мо ѳкры́лось сѧ нами ново́е мно́жество звѣ́здъ! И днёмъ сѣ́ть звѣ́зды на не́бѣ, но они́ притъмѣва́ютъ сѧ ѳсностїю со́лнца, при то́мъ къ ночи́ зъ, на́шои половины зе́много шара́ ви́дно то́лько одна́ полови́на не́ба съ звѣзда́ми, а къ день есть и́на полови́на не́ба съ и́ными звѣзда́ми надъ на́ми.

Неподви́жніи звѣ́зды сѣ́ть то елі́кіи со́лнца еще́ бо́лшіи ѳкъ на́шое; и на́шое со́лнце вѣроа́тно есть одно́ю изъ мале́йшихъ неподви́жныхъ звѣ́здъ, кото́рїи представа́ютъ сѧ нами таки́ма́ли для сво́и отдале́нности. Одни́ неподви́жніи звѣ́зды све́ркаютъ ѳсно́е дрѣ́гихъ, и по си́лѣ свѣ́тла сво́го дѣ́лютъ сѧ они́ на мно́ги сте́пенѣ.

Мы оу҃смотра́емъ неподви́жніи звѣ́зды въ розли́чныхъ сокра́ще́ніихъ ли҃ кѣ́нахъ, кото́рїи называ́ютъ сѧ „созвѣ́здїа́ми.“ Таки́ма созвѣ́здїа́ма оу҃жѣ́ простоло́дины да́ли розли́чніи на́зны н. п. во́зъ, косарь, чепи́ги, кво́чка и т. п. — Одно́ тако́е созвѣ́здїе, мали́и звѣ́здный четверо́гро́лъ съ трёма́ по со́нѣ слѣдю́ющими звѣздами называ́е сѧ „мала́ма медвѣдёма“ а послѣдна изъ сихъ трёхъ по со́нѣ слѣдю́ющихъ звѣздъ называ́е сѧ „пола́рною“ ли҃ „се́верною.“ Къ сей звѣ́здѣ всегда́ есть обёрнена земла́ сѣ́верны́ма концёма́ сво́и о́си. Есть тако́ж подо́бное тому́, но бо́лшое созвѣ́здїе „велі́кіи медвѣдь“ ли҃ „во́зъ“ — На пра́во о҃тъ не́го сѣ́ть звѣ́зды одна́ надъ дрѣ́гою, назва́ніи „близна́та“ — На пра́во о҃тъ ни́хъ есть прекра́сное созвѣ́здїе „Ори́онъ,“ таки́ назва́ное по и́мени одно́го каснослу́шного

ро́а. Къ то́мъ созѣ́здїи три зѣ́зды разомъ называ́ютъ „но́сомъ Ори́она“ или „коро́мысломъ“ или „косара́ми.“ Пра́во керху́ отъ коро́мысла есть кѣ́на малы́хъ зѣ́здъ (60 ихъ есть), называ́ема „грѣ́дкою“ или „кво́чкою,“ или „плеядами.“ На ле́во отъ коро́мысла пони́же его́ блести́тъ одна́ сама́ ѣ́ркая зѣ́здa „Сѝрїусъ.“ Онъ е́сть найближайшою къ на́мъ неподви́жною зѣ́здо́ю, одна́ко о́тстои́тъ о́тъ земли́ 4. би́лїо́ны миль!!! Ико́жъ то его́ мно́жество свѣ́тла и ка́ка огро́мность его́! коли́ лѣ́чь свѣ́тла проника́е къ сѣ́мли́ простороно́ 42,000 миль — о́тъ Сѝрїуса потребѣ́е про тое къ намъ лети́ти три го́ды и 6 мѣ́сацевъ! Е́сть зѣ́зды, кото́рыхъ свѣ́тло мно́го ты́сячъ лѣ́тъ потребѣ́е до насъ лети́ти ... Св. писа́ніе не то́лько о Бо́зѣ, Твори́ци зѣ́здъ говори́тъ, но тако́жъ и о то́мъ, же они́ пре́жде земли́ сѣ́ть сотворе́ни. Ны́нѣшное ихъ состоя́ніе о́узри́тъ ся жи́телямъ земли́ доне́рва по́слѣ прошествїа мно́гихъ ты́сячъ лѣ́тъ. И такъ мы не ви́димъ теперѣшного состоя́нїа зѣ́здъ, но да́вно прошедшое. . .

Земля́ на́ша къ оборо́тѣ около со́лнца, то приближа́е то о́удаля́е ся мїалїо́нами миль о́тъ нѣкото́рыхъ неподви́жныхъ зѣ́здъ, одна́кожъ тое не змѣня́е къ ви́дѣ ихъ нѣчо́го, и все одно́ изъ которо́го кѣ́дь мѣ́стца дивити ся на такѣ́ зѣ́здѣ; а то о́ткази́е тако́жъ на ихъ огро́мнѣю о́тдале́ность и величинѣ.

Ме́жду созѣ́здїями гово́ритъ ся о созѣ́дїяхъ „зодїа́ка,“ или о крѣ́гѣ созѣ́здїй, поса́чихъ по вольшо́й ча́сти и́мена розли́чныхъ „живо́тенъ.“ Таки́хъ созѣ́здїй есть двана́дцать по числѣ́ двана́дцати мѣ́сацевъ ро́кѣ. Къ ко́ждо́мъ

мѣсяцы сóлнце, смотрѣвши къ нéмъ изъ землѣ, стоúтъ въ úномъ созвѣздiи того крýга живóтенъ, такъ же за одúнъ рóкъ перевúгáе всѣ двана́дцать и знóвъ на пéрвше прихóдитъ. Чúслатъ ся сúмъ рядóмъ: варáнъ, где сóлнце стоúтъ въ мѣсяцы Мáртѣ; бúкъ, где въ Цвѣтни; близнáта въ Мáи; рáкъ въ Чéрвцы; левъ въ Лúпцы; дѣва въ Жéрнвы; вѣсы въ Вéресни; скóрпiа въ Жóлтни; стрѣлéцъ въ Листопáдѣ; козерóгъ въ Грýдни; водолáй въ Сѣчни; рúбы въ Лютóмъ.

Такóжъ и неподвúжнiи звѣзды нахóдятъ ся въ отношéнiяхъ мéждъ собóю; и движатъ ся однá нáй мнóжан зъ нúхъ окóло дрýгои, хотáй нúхъ движéнiе не дастъ ся такъ лéгко примѣтúти. Названье звѣздъ „неподвúжными“ есть про тóе не úстинное. Съ сóлнцемъ идýтъ и его планéты. Такъ нáша землá въ простóрѣ нúнѣ тýтъ а зáтра гдѣ úнде, и Богъ вѣсть, прúйде лú онá колú въ тýю самýю стóрону простóры, úнкýю нúнѣ займáе. Мы вúдимъ надъ собóю глáвнúнъ простóры, а въ тóй простóрѣ летúмъ сюдá тýдá мúллióнами мúль.

На нéвѣ вúдимъ такъ звáнъ „молóчнъ дорóгъ.“ Есть то соединéнiе неизчислúмого мнóжества самúхъ отдалéныхъ звѣздъ, котóрiи лишь воорýжéное óко лýчшимъ телескóпомъ розличáти мóже. Такъ изъ далéка дивúти ся на лѣсъ, то вúдитъ ся щось зелéное, въ вайжъ же, нáй черézъ повóлькшáючое стклó розличáютъ ся дéрева. Чѣмъ лýчшiй телескóпъ, тѣмъ вóльше звѣздъ розличáе въ молóчной дорóзѣ óко нáше.

За простра́нствомъ сего́ мі́ра могу́тъ бы́ти просто́ры съ новы́ми мі́рами, о которы́хъ ни́же извѣ́стіа не ма́емъ.

——— *М. Малиновскій.*

70.

Богъ надѣ́я!

. . . Що бу́ло,
То ся минý́ло;
А що ещѐ бу́де
То не зна́ютъ лю́дє

Все лишь Богъ самъ зна́є
И на насъ съсыла́є,
Акъ для насъ потре́ба,
Бы про́сто до Не́ба,
Всѣмъ намъ мо́жно зайтѝ
Ца́рство вѣ́чне найтѝ —
Онъ есть на́ша ра́дость
И правди́ва сла́дость,
Въ Нѣмъ все упова́ймо
И до́бре дѣла́ймо.

——— *В. К.*

71.

Родство и слу́жба.

Въ одно́мъ изъ слобо́дныхъ именѝй Симві́рскои гу́вє́рніи жи́ла роди́на Ворошилиныхъ. Они́ бы́ли села́не замо́жніи и стато́чніи; оу̑ о̑тца́ бы́ло пя́ть сыно́въ доро́слыхъ, всѣ лишь по го́ду́ ста́ршѝ, та ещѐ двѣ ци три до́чки. Жи́ли они́ ми́рно, споко́йно. Бо́гъ благослови́лъ тру́ды роботя́чихъ сыно́въ и старо́го о̑тца́; не зазна́ли они́ ни го́ра ни печа́ли; лжь нара́зъ розпи́сана ста́ла бра́нка.

Ворошилйныхъ пать хлопаковъ, годѣ; кóнче прïйде чéрга хотáй на одного; молодïи хлóпцѣ стáли призадѣмовати сѧ.

Диклáчій сѧ на тóе созвáлъ старíкъ въ недѣлю по слѣжбѣ Божóй всѣхъ сынóвъ и такъ заговорíлъ до нíхъ: Дѣточкú, Царь треблѣе óтъ васъ вожкà — никдá дѣти сѧ — не пóйшóлъ вы единáкъ, може вы и двóйнакóкъ и трóйнакóвъ мнѣло, а тѣ васъ пать; вѣде крúвда дрѣгимъ; кúдно кóнче итú комѣ ннвѣдь изъ васъ. Не тѣжѣтъ; свѣтъ велúкúй, не клúномъ передъ кáми роспростéръ сѧ; не тóлько свѣта, цо въ óкнѣ; дóвромѣ человѣкѣ и на край свѣта дóвре вѣде; цо тѣтъ, то и тамъ, — тѣтъ ровúлисте на сéве та на цáрское подѣшше, а не лежáли жúвотóмъ до горы; а тамъ послѣжите Царю, за тóе васъ и живúти вѣде. Я дастъ Богъ въ здорóвю дожúти вѣка, то и цáрскои мúлости дослѣжúти сѧ мóжно; вы всѣ дóврïи хлóпцѣ, васъ всáкúй полюбитъ; а колú же прïйде гóловѣ положúти, то и на тóе вóлѧ Гóспода, и Онъ самъ помúлѣе такóго. Я кто изъ васъ пóйдѣ, оу̂жѣ томѣ менѣ старóго не кидáти вóлыше, трéва на вѣки попрацáти сѧ, менѣ и такъ оу̂жѣ не дóлге вѣкóванье, порá вы о смéрти подѣмати. Живѣтежъ вы дрѣжелюбно, мúрно; цовъ ни свáрки ни лáйки оу̂ васъ не бывáло; цовъ помóчь вúла óтъ врáта врáтѣ; цовъ дрѣгъ за дрѣга Богѣ молúлъ сѧ; ци розидéте сѧ кождúй на свóй пáй, ци рáзомъ вѣдете жúти, покажáйте Начáлкство, úкѣ оу̂ васъ вѣде и повинѣйте сѧ емѣ; шанѣйте стáршого по мнѣ, чтѣтъ врáтъ врáта. — Нѣ! ктожъ изъ васъ идѣ?“

Наймолодшій сынъ Степанъ покалялъ ся до ногъ отцю и просилъ благословенья — „Двохъ моихъ старшихъ братій," каже онъ, „женатыхъ, третій оужѣ заскаталъ дѣвчинѫ, а четвертый Григорій славкый, на слѫжбѫ не здатный. Ий идѫ!" — И пойшолъ . . . .

Минѫло времени лѣтъ зъ двадцать съ окладомъ; старкій Ворошилинъ давно къ земли, сыновѣ его посѣкѣли, — благословилъ Богъ и ихъ всѣхъ достаткомъ, нѫжды и бѣды не знаютъ, и господкинѣ поправли хорошій и добрій и живѣтъ безъ горя, а о Степанѣ и слѫхъ нѣтъ, ещѣ изъ тои норы, отъ коли проходячій отбѫщеный вояка зъ того самого полкѫ розказовалъ, що онъ живъ и здоровъ, и Начальство его любитъ. Вѣсть тая пріишла ещѣ за житъ старого и онъ дѫже нею порадовалъ ся былъ; но отъ тои норы о Степанѣ больше и чѫтки не было.

Около Покровы, коли найстаршій Ворошилинъ оужѣ забиралъ ся выдати замѫжъ донькѫ, и запросилъ на вечеръ къ хатѫ свою сватокъ и свахъ съ женихомъ, постукалъ ктось оу крильцекыхъ дверій, а же не скоро выйшли отчинити, бо имъ и не до того было, то онъ стѫкнѫлъ палицею своею оу оконце. Выбѣгла дѣвчина, отперла засѫвъ оу дверій, и вернѫвши ся опять, каже батькови, що пріишолъ бийсь кыслѫженый вояка и проситъ ся на почлѣгъ. „Зови его сюда на радость," отвѣчалъ батько; „коли Богъ посылае гостъ на нашъ праздникъ, то не годитъ ся и отказовати ему. Оу мене же и братъ Степанъ былъ колисьто вояком, помани его Господи къ царствіи своемъ; чей померъ оужѣ давно" — и прекрестилъся.

Вхóдитъ вóякъ, по лицю ещѐ молодéцъ, бóльше сорокá лѣтъ не вздѣ емý, и пригóжій такíй; ѿкóго пошукáти. Помолíвъ сѧ, поздорóвивъ всѣхъ, подѧкувавъ, що впустíли, зкúнувъ зъ плечíй свою тóрбу, та и стáвъ серéдъ хáты и глядíтъ по лúдéхъ: кто, котрúй межь нúми, ци не спóзнáвъ вы кого? Приглядáе сѧ долго, и онí на нéго смóтратъ а на конéцъ пытáе: „а що, врáтя мой любéзнíи, ци помнитѐ вы ещѐ отцéвскій завѣтъ, ци молитѐ сѧ вы за мéне Бóгу? И за вáсъ все молúвъ сѧ!“

Тутъ крúкъ и гáласъ такій пóйшолъ на всю хáту, що никтó слóва чужóго не розвереˆ, та и самъ скóго не дочуе. Всѣ пóзнáли Степáна; где кто обнимáе егó, тотъ въ нóги емý, тотъ зъ передý, тотъ изъ зáдý, а тотъ зъ бóкý — слóвомъ прилáли Степáна ѿкъ гóстя зъ тамтóго свѣта, розпúтовали о всѣмъ до самóи пóлночи; потóмъ вúшли въ здорóвье поко-женцéвъ и розышлúсь по домáхъ.

Не минýло мѣсяца, ажь Степáнъ говóритъ стáршомý брáтý Яндрéю: „Брáте, Яндрéю Опúсимовичю! найдú ты мнѣ невѣсту — хóтькы и вдовúцю, а лишь вы вúла господúня зъ нéю. Грóшій ѿ где що трóхи принесеш изъ службы, спасúбогъ батькáмъ начáльникамъ, що научíли складáти; а и вы не ôткáжете сѧ помогчú, колú нúжда ѿкá вúпаде; а ѿ ещѐ хвалúти Гóспода не старúй и здорóвъ; на животѣ гóдъ лежáти; отъ заведý господáрство, та стáну жúти хотя вы и по вáшомý. Ты оу насъ зáмѣсть бáтька тепéрь: благословú, та и дѣло готóве.“

Такъ и сталó сѧ. Поставилъ Степáнъ хáтѣ, завѣлъ господáрство, оженúлъ сѧ и жúлъ совѣ не гóрше врáтïй. Лѣжъ óнъ совѣ гáрный, въ тóмъ егó Бóгъ не оскорбúлъ; дѣшà оу нéго дóвра, ладъ оумéе дáти всѣмъ и всюды, потóмъ цо надивúлъ сѧ на всáкую всячúнѣ, и бывáлъ въ всѣхъ кóнцахъ Рѣси, вúдѣлъ и замѣчáлъ цо до чого и кúкъ все рóбитъ сѧ. Нарóдъ вúдитъ, цо Степáнъ Порошúлинъ изъ слѣжвы лúха не вúнѣсъ; óнъ и всáкомѣ дàе рáдѣ, и всáкое слóво егó къ добрѣ а не къ лúхѣ. Пожúлъ Степáнъ зъ рóкъ — и громáда вúкрала егó къ старшúнѣ, а Начáльство потвердúло. — „Га! трéба," кáже Степáнъ, „опáть слѣжúти; гóдѣ цо дѣлáти, еще ѣ дѣтïй на своѣ мѣстце не постáвилъ, и Гóсподь знáе ци дорастѣтъ онú колú до тóго!"

Громáда вúкравши Степáна Порошúлина въ старшúнѣ, не завелà сѧ; цо нúо дóброго мóжно вúло зровúти въ завóдѣ господáрскóмъ, все то óнъ по сóвѣсти и по повóй присáзѣ своéй тóчно исполнúлъ. На коновóдокъ та на передáйчúкокъ нухъ, цо то оукрáвши послѣдню конáкѣ óтъ запрáгѣ, нúпратъ вѣдного селянúна въ одинѣ нóчь сѧ всѣмъ егó довúткомъ, приложúлъ Степáнъ дóвре свой рѣки, и не вúло имъ óтъ нéго поцáды ни пожáлованя: бывáло колú оузнáе вѣрно, цо такïй злóдѣй и зúка дáлыше не дáсть и кóнцѣ хороúти оумéе, такъ цо и въ сѣдѣ сѧ нимъ кóнцà не дóйдéшь и не оуличúшь, то старшúнà сей часъ созвѣ рáдѣ, и мïрскимъ прóстымъ прúговоромъ спровáдитъ злóдѣя тѣдà, где кóзамъ рóги простѣютъ — гóдѣ оу нéго вúкрѣтити сѧ; або колú мѣжикú по корчмáхъ волóчатъ сѧ, та на-

пива́ютъ ся, а господа́рство въ пѣсто́пашь идѣ, то старшина́ по два и три ра́зы на тыждень до-ходжѣе до нихъ, кто що ро́битъ, ко́лько наро́битъ, все зна́е, всякого доглада́е, и оу̑же споко́ю не дастъ, по́ки не оу̑пора́е ся съ ни́ми, та не заста́витъ жи́ти по лю́дски: одно́мѣ за долги́ ѣтровла́ти нака́же; дрѣгого дастъ по́дъ на́дзо́ръ при́сяжного; тре́тёго до́брымъ сло́вомъ займе́ и заста́витъ опаматя́ти ся; а зна́стно, що и гро́мъ не зависе оу̑да́ритъ, хотя́ и загреми́тъ, а челове́ка хотя́ и вбье́шь, то по́слю того́ и самъ ска́же спаси́во́гъ за наѣкѣ. Старшина́ на́шъ завѣлъ огоро́ды оу̑ господа́ро́въ; вкиро́вналъ гости́ницѣ, где тре́ва вкило; насади́лъ краснои деревины; позаскиповалъ невеспе́чнии де́вры; поровиялъ га́ти; понаправля́лъ слю́зы; покры́лъ стрѣхи; запрова́дилъ стражъ чѣвючѣ надъ огне́мъ; вкиставилъ шко́лѣ, и велѣлъ всѣ дѣти до не́и посыла́ти на наѣкѣ — сло́вомъ сдѣла́лъ мно́го добра́, всѣ его́ благослови́ли.

Въ то́мъ само́мъ селѣ, где жи́лъ четве́ртый бра́тъ Степа́на, Григо́рїи, зрови́лъ ся о̑тъ дождже́вои оу̑ли́вки рове́цъ, а зъ ро́вца́ за ро́къ вы́ишла и деве́рка, та оу̑же така́, що ста́ло и хаткы по́дмѣлювати. Я лю́ди въ́кало сидѣтъ ся по ве́снѣ, погляда́тъ на де́врѣ, почѣхаютъся — , потолкѣ-ютъ, що ко́нче тре́вавы ѣ перегати́ти — тай съ тимъ розъидѣтъся.

Прѣхалъ нашъ старшина́, розгляде́лъ, та и роспорядиялъ: „Вы бра́тики мои́,“ сказа́лъ о̑нъ села́намъ, „ви́дно молодїи ещѣ, хотя́ и поста́рѣли ся: борода́ оу̑ васъ въ по́мсъ, а ро́зѣмъ та́кой коро́ткїи. Я чейже вы не ви́дите, що на ве́снѣ

дѣ́вра по́дъ хаты́ надъидѣ́? Тогды́ що ста́нете рови́ти? Васъ тѣ́тъ е́сть сѣмдеся́ть ше́сть та́глыхъ; сѣмдеся́ть най ко́жатъ землю, ко́ждый най привезе́ по пя́ть разо́въ, то въ́де всего́ три́ста пятьдеся́ть возо́въ — а того доко́льно —; ше́сть же та́глыхъ парубя́йте и привезѣ́тъ хворостъ по́дъ га́ть — и дѣ́ло гото́ве. Тогда́ и кода́ пойдѣ́ оу̀ васъ ни́жнымъ рокомъ, а село́ въ́де цѣлѣ́. Памята́йтежъ, цоты́ на Спа́са дѣ́ло бы́ло оу̀конче́не.“

Прійшо́лъ речи́нець, а дѣ́вра та́кой еще́ не засы́пана. Оу̀ нико́го не ма охо́ты, пе́ркомъ взя́ти са до дѣ́ла, все одни́хъ огляда́е са на дрзго́го; а ско́ро четве́ртый вра́тъ Степа́на, Григо́рій, котрый лишь одны́мъ ро́комъ былъ ста́рший о̀тъ не́го, вздъмалъ не слъ́хати старшины́, таки́ про́чій задивѣ́вши са на не́го, махнъ́ли рѣко́ю.

Старшина́ созва́лъ господа́рокъ прика́зомъ до спра́вы. Скрѣ́тили са сюда́ то тѣда́ — а одинъ вы́стѣпилъ и ка́же: „Що же ты, Степа́не Онисимо́вичу, на насъ одны́хъ таки́ са се́рдишь? Про що же ты вра́та ско́го не зазве́шь, таже и о̀нъ не далеко́ о̀тъ насъ о̀тчѣ́гъ?“

„„Я где вра́тъ?““ запыта́лъ старшина́, „„дъ́хомъ призва́ти его́ сюда́.““

Ка́жетъ, „не хо́че ити́.“

Степа́нъ посла́лъ за нимъ и велѣ́лъ его́ привести́. Привели́. — „„Я що? бра́те,““ запыта́лъ Степа́нъ, „„ты же дла чого́ не идешь, коли́ старшина́ за тобо́ю шле? То не хоро́шій примѣ́ръ для наро́да; я не зва́лъ тебе́ къ сове́ до до́мъ, а вы́мъ и са́мъ потрѣ́дилъ са до те́бе прійти́; я зва́лъмъ тебе́ на розпра́въ, въ прика́зъ. Що же,

скажѝ, ты сво́ихъ пять возо́въ привѣ́зжесь на дѣ́рѣ?““

„Нѣтъ, не привѣ́зжамь“, о̂твѣча́лъ бра́тъ; „та за чимъ ѝ вѣ́дъ возѝти? ци то везъ ме́не наро́да ма́ло? ци ѝ тобѣ́ на́ймитъ? Що ты менѣ́ за па́нъ, ѝ стáршій твій бра́тъ; тобѣ́ менѣ́ слѣ́хати, а не менѣ́ тебѣ́.“

Тогды̀ Стена́нъ сказа́лъ: „„бра́те люпе́зный, погодѝ, не гнѣ́вай ся; а ви́дно тебѣ́ ко́нче тре́ба поучи́ти, що вы ты зна́лъ, ѣ́къ ся старшино́ю горѣ́ти и ѣ́къ его̀ слѣ́хати.““ Стена́нъ тогды̀ же наказа́лъ положи́ти сво́го бра́та и о̂тличи́ти емѣ́ при всѣ́хъ, сколько ѣ́кпало — а скончи́вши дѣ́ло, при всѣ́хъ поклони́лъ ся емѣ́ въ но́ги и сказа́лъ:

„„Простѝ, бра́те! не въ гнѣ́въ се тобѣ́; ѝ лю́блю васъ всѣ́хъ, ѣ́къ самъ ты зна́ешь; не въ о̂у̂про́къ сказа́вши, ѝ за ва́съ до ко́йска пойшо́лъ; но одинъ то́лько половѝцю отцѣ́вского завѣща́нья помни́шь, а дрѣ́гою ви́дно позабу́дешь: прїи́мѝ же бра́те наѣ́къ, и не сердѝ ся; ѝ почита́ю въ тобѣ́ ста́ршого бра́та, ѣ́къ оте́цъ велѣ́лъ; шанѣ́й же ты въ ми́нѣ Нача́лькство, ѣ́къ то о̂нъ, ца́рство емѣ́ небе́сное, нака́зовалъ.““

Братъ пойшо́лъ до головы̀ по ро́зѣмъ, помири́лъ ся съ бра́томъ Стена́номъ, проси́лъ самъ о̂у̂ него̀ проще́нья и ѣ́кполнилъ, що старшина̀ прика́зовалъ; а на него̀ задиви́вши ся и громады̀ не смѣ́ли проти́вити ся ко́ли старшины̀ сво́го, и о̂тта́къ завсѣ́ пова́жали всѣ́кое сло́во его̀ и исполня́ли всѣ́кое прика́занье.

Влад. Даля.

72.

Любо́вь дѣтій къ мо́тери.

Ми́лая есть ро́дна ма́ти
Всѣмъ жію́щимъ ство́рамъ,
Не лишь людёмъ, но и ди́кимъ
Звѣ́рямъ и потво́рамъ.
Ду́же тя́жко вы́разити,
Що то значи́ть ма́ти;
Сїе мо́же то́лько се́рдце
Дѣтїй чувствова́ти.
Немовля́тку прибѣжи́щемъ
Есть ма́мчино ло́но,
Ра́дше тамъ, я́къ на престо́лъ
Бога́ть спѣши́ть оно́.
Въ нѣ́драхъ власти́ои ма́тере
Бо́льше всего́ бла́га;
Бо лїѣ ся на́нь ма́терпои
Любвѣ́ те́пла вла́га.
Гру́дь, ма́тере заспокойтъ
Ча́да всѣ, жа́дости;
Ибо́ она́ есть исто́чникъ
Найбо́льшихъ сла́достїй.
Плачу́щое дѣтя́ ма́ти
Къ гру́дёмъ притуля́е,
Грудь ма́терна плачь дѣтя́ти
Дора́зъ утоля́е.
Найсильнѣ́йшїй ма́гнесъ въ ма́мчо́мъ
Ло́нѣ пребыва́е,
А той дѣтя́ну къ ма́тери
Си́льно притяга́е.
Найсоло́дша въ се́рдцяхъ дѣтїй
Есть ма́тери па́мять;
Хотя́ и все позабу́дутъ,
Ма́терь всегда́ тя́мятъ.
Въ о́тда́лности когда́ помну́тъ
Ма́терни́ нау́ки,

Обънима́ютъ и цѣлу́ютъ
Воздухъ мѣсто рукѝ.
А еслѝ бы ма́ли кри́ла
И моглѝ летѣ́ти,
Отъ ра́зу:бы о́тлетѣ́ли
Въ ло́но ма́мки дѣ́ти.

Вѣ́ру въ Бо́га, любо́вь къ ма́мцѣ
Сей свѣ́тъ не загаси́тъ,
Вѣ́рно-любя́щїи дѣ́ти
Богъ засту́питъ, спасе́тъ.

Чарнянъ Маковѝцкїй.

73.

Пештѝнскїй кольный то́ргъ (ѓрмарокъ).

(Шо́дли Коли.)

Пе́штъ ѣко ѓеографи́ческе средото́чїе краю́ есть тако́жъ средото́чїемъ всѣ́и о́ѓо́рскои торго́влѣ. Онъ ма́е до ро́къ четы́ри вели́кїи торгѝ или ѣ́рмаркѝ, котрїи по ихъ зна́чности, сѣ́шно называ́ютъ са о́ѓо́рскими всеобщокраѣ́выми торга́ми. Найважнѣ́йшїй изъ всѣ́хъ есть той, що са начина́е са къ́нцѣ́мъ Се́рина, поне́же по той часъ нахо́дятъ са всѣ́ гости́нцѣ въ Оѓо́рщинѣ въ найлѣ́чшо́мъ состоя́нію, Дѣна́й есть ко́льный, прива́тнїи доро́ги сѣ́ть сѣ́хїи, и тогды то найво́льше всѣ́ на зи́мѣ кѣ́пѣ́ютъ.

Зъ ра́нѣ́ было все о́ѓвере́же перепълне́не ты́сячами торговѣ́льнико́въ. Кораблѣ́, парохо́ды, вели́кїи дѣна́йскїи га́йоши, ло́дѣ зъ Ты́сы, ракѣ́сскїи ло́дѣ зъ горѣ́шного Дѣна́ѣ и ѝнїи изъ Земли́на, Бѣлогра́да, Сѝрмїи и проч. припира́ли къ бе́регъ въ пора́дкѣ и о́тра́дахъ. Часть ихъ това́ро́въ лежа́ла въ ѣ́рмахъ на ко́льно́и площа́ди о́ѓвере́жъ. При

корабла́ух стирча́ла на пере́дѣ на само́мъ ко́нцѝ до́лга же́рдка съ ѩки́мись предме́томъ н. пр. съ велѝкимъ горщко́мъ, съ фла́гою о́тъ кнѧ́, съ сто́лцёмъ, столо́мъ, мѣтло́ю, крест о́мъ, корытомъ, не́цками, съ огро́мною каре́ною и т. д. Изъ нача́ла дѣ́малъ, що через то́е ма́ло са означа́ти то́варъ, котрѝй тѣи корабли́ привезли́; о́чѣ́ма́мъ одна́кожъ ско́ро, що то́е е́сть лишь знаме́нїа або нѣ́кыто ге́рвы, котрїи принале́жатъ корабла́мъ, абы о́жѣ́ зъ дале́ка сво́имъ звы́клымъ кѣ́нца́мъ ста́ти са зрѝмыми. Но тое видава́ло са ѩко́сь ди́вно, що всѣ тѣи ве́щи не представля́ли са лишь въ о́бразѣ, ѩкъ то звыча́йно на на́шихъ корче́мныхъ або ѝныхъ вы́вѣскахъ, но балѝкали са дойстно въ патѣ́рѣ по воздѣ́хъ.

Найво́лыпїи и на мо́цъ вѣдо́ванїи рѣ́чнїи корабли́ то́го сере́днёго дѣна́ю (о́нъ начина́е са ко́ло Ра́вы, по пра́вой сторонѣ дѣна́йскои пло́щи, котра́ са находитъ поныжше Земли́на коло дѣна́йскихъ водоспа́до́въ), называ́ютъ са по о́тъго́рски „телтїоґаїо́шп,“ т. е. то са́мо, ѩкъ цѣлїи або соверше́ннїи корабли́. Тѣи сѣдна е́сть въ о́вше найво́лышими надѣна́йскими рѣ́чны́ми корабла́ми, ѩкїи лишь на ѩко́мъ сила́вно́мъ про́тазѣ то́и рѣ́кѝ са нахо́дать; ихъ носѝтельно́сть есть десать до двана́дцать ты́сячъ ма́цъ пшеницѣ, котрѝй то таґа́ръ рѣвна́е са накла́жи не цѣлко́мъ мало́го мо́рского корабла́. Найво́лыша ча́сть тыхъ сѣденъ ѩкъ и найлѣ́чшїи изъ ихъ вѣдѣ́ютъ са на Ты́сси въ Сеґедѝнѣ, котрѝй есть надъ то́ю рѣко́ю такъ са́мо найво́лыше торговѐльне и що до плавбы найзначнѣ́йше мѣ́сто, ѩкъ Пе́штъ надъ дѣна́емъ — ѝнїи зъ тыхъ сѣденъ вѣдѣ́ютъ са въ

Óсѣкѣ надъ Дрáвою. Óсѣкъ полъчáе твéрдѣ и крáснѣ дѣвúнѣ на тúи корáвлѣ зи лѣсóкъ Славóнiи, а Сегедúнъ зи лѣсóвъ Семиградскúхъ.

И осмóтрѣкалкемь такé Сегедúньске сѣднó подрóбно, и дóлженъ есмь признáти, цо онó вúло найвóлькшимъ и ѣкъ наймóцнéйше звѣдóканымъ наддѣнáйскимъ, рѣчнымъ корáлéмъ, котрúй ѣ вúдѣлъ; хотѣ óнъ мáлъ óдъкé дкáдцать и сéмъ лѣтъ. Звычáйно досагáютъ тúи корáлé лѣтъ трúдцать и сéмшь того, понéже сѣть звѣдóванiи ѣкъ изъ найлѣчшого дѣвóкого дéрева, прынáймнéй есть зáвсѣды изъ тóго дéрева спóдна чáсть, котрà заéдно зóстаé къ водѣ. Зъ причúны велúкой спекоты къ Óгорiинѣ терпúтъ горéшна часть вóлькше и óтновлáе сѧ про тóе чáсто. Всѣ корáлé направлáютъ сѧ такъ: всѣ фѣги и шнáры затыкáютъ сѧ клóчьéмъ, а на тóе прúвикáютъ сѧ лáты и то такъ, цо едéнъ гвóздь по при дрѣгого стирчúтъ, черéзъ цо и нъ велúкúи металлéвúи головкúи слѣжатъ корáлéви зарáзомъ къ оздóбѣ, ѣкъ то при старомóдныхъ шкóрныхъ стóлцáхъ нáшихъ сѣдлáрéкъ.

Сѣдна тóго рóда вѣдѣютъ сѧ цо рóкъ сѧ вóлькшою прикрáсою и лѣчше, и ѣ вúдѣлъ мнóжкы на Тúссѣ, котрúи можкы вы звáжúкши овстóтельства а úменно порóвнáкши нъ сѧ корáлáми горéшнéго Дѣнáѧ назвáти кывóрными вѣдúнками, хотѣ не кóнче вкѣсными. Напрáвлянке корáлéвъ есть почáсти знакóмъ взмагáючого сѧ оборóтѣ къ Óгорiинѣ, по чáсти посúкшествѣ онó и самóмѣ оборóтови.

Каюты, котрúи вúдѣлкемь, моглú мнóго къ сóвѣ мѣстúти, а изъ зáдѣ кóждои находúлкемь

велйке о́гнище, котрѣ называ́ютъ „тишгѣ́лъ“ т. е. мѣ́стце огня̀.

Това́ры найлѣпшого со́рта, котрйи прихо́дятъ ты́ми велйкими ста́тками, становла́тъ звёжье зъ Бана́тѣ и зъ Ба́чки, о́прічь то́гоже и мно́го йного. Головнѣйшими мѣ́стцями цых ѣзд сѣтъ по едно́мъ во́цѣ Пе́штъ, по дрѣго́мъ Сегедйнъ, а потомъ тако́жъ Ра́ва, Осѣкъ, Новы́й Садъ и т. д.

Кро́мѣ цѣлы́х гайо́шо́къ прихо́дитъ тако́жъ мно́жество ме́ншихъ корабле́къ зъ долѣшныхъ надданайскихъ око́лицъ. Такъ н. пр. ви́дѣлъемъ на Пештйньскѣ́мъ о̂вере́жи тогды ѣкйхъ де́сятъ велйкихъ поромо́къ, котрйи всѣ кы́ми наложе́нйи горщка́ми, сорока́то покраше́ными скрйнями, ме́лами, това́рами рѣчной робо́ты, велйкими грѣдами смолы́ и мно́гими йными всѣ́кого ро́да предме́тами, закѣпле́ными на торзѣ́ и призначе́ными до Тѣре́ччины. Оу Нѣмцѣхъ чѣти все мо́кѣ о „твердыхъ“ и „мягкйхъ“ корабля́хъ. Пѣдъ твердыми розъмѣю́тъ вѣдо́канйи зъ дѣво́кого де́рева, прешмѣществе́нно Сегедйнскйи и Осѣцкйи телтигайо́ши, пѣдъ мягкйми же звѣдо́канйи зъ ѣлйны, осове́нно тѣ такъ зовймйи „Пассавскйи цйлакъ.“ И гада́ю, що тѣ пѣдъ то́ю на́звою прихо́дятъ всѣ корабле́ зъ Пассавы, Лйнцѣ, зъ Бакарйи и зъ Ракѣсцъ. Они́ звычайно не повертаю́тъ дѣна́емъ наза́дъ, но остаю́тъ са тѣ и продаю́тъ са на дрова̀, або тѣ направля́ютъ са и покрыва́ютъ, и ѣдятъ рѣко́ю да́льше. Они́ приво́зятъ по найвѣ́льшой ча́сти гайнѣ, това́ры черепа́нйи, камѣ́нье келгайме́ске, каранда́шъ (графйтъ), звѣдо́кье и йнйи предме́ты. Ракѣсскйи това́ры рѣкодѣ́лческйи до́брого со́рта прихо́дятъ пароходами або сухопѣ-

темѫ. Тѣи Пассáвскіи цíлаѣ позвíваніи сѣть изъ дощóкъ, где насѣпротивъ томѣ оу̑горскіи корабáѣ сѣть изъ самы́хъ врѣсóвъ. Рáйцы (Сéрвы) сѣть на тóй чáсти Дѣнáм найпéрвшими корабéльниками, и мóжно тóе съ пéвностїю допѣстíти, що вóлкша чáсть корабéльникóвъ похóдитъ зъ нхъ нарóда.

Кóло корабáѣвъ повлáйжше находíлъ сѧ тóргъ на товáры черенáніи, и ѣ мѣшѣ призна́ти, що въ мóемъ житїю не вíдѣлъемь на одномъ овшáрѣ въ кѣнѣ такъ мнóго товáрóвъ черенáныхъ а особéнно такъ мнóго чѣдéсного, чѣжостороннего и осовлíвшого палѣнѣ изъ глíны. Хóчѣ гдекóтрíи зъ нхъ описáти, понéже онí менѣ подаю́тъ способность где що надмѣнити о оу̑горскихъ обычáяхъ и звычáяхъ.

Предъ всѣмъ стоáли дóлгíи отрáды вéлитныхъ горщкóвъ пáй оу̑ныхъ, въ котры́хъ захóвюютъ Оу̑гры свíньске сáло и насолéный свíньскій тѣкъ, котры́й то въ нхъ господáрствѣ и кѣуни такъ знáчнѣ становíтъ рóлю. Потóмъ можь вѣло вíдѣти галíцаніи рынкí до пéчена мáса. Оу̑горъ спотребѣе такíхъ рынóкъ мнóго, понéже спожúвáе мáсо въ велíкомъ колíчествѣ. Потóмъ лежáли велíкіи кѣны цѣдíлы (дрѣшлакóвъ). Тѣи галíцаніи цѣдíла сѣть на спóдѣ подѣркóваніи. На тѣи даю́тъ сѧ въ водѣ варéніи клюски, зъ котры́хъ вода́ вытѣкáе дѣркáми. Безъ числа́ вíдно вѣло осовéнно лѣпленíи пашкы для спорáжанѣ оу̑горского нарóднаго присмáчкѣ „пéтишь.“ Той рóбитъ сѧ изъ пшенúцѣ, котра́ преды всѣмъ мóчитъ сѧ въ водѣ. Кóльцѣ, котрíи вкúнѣститъ изъ сéве, ôткидáютъ сѧ ôтъ вкúсѣшеныхъ зерéнъ, а потóмъ варúтъ сѧ замѣшене тѣсто въ óкомъ горщкѣ по-

ты, по́ки не овтя́гне сѧ рѣпя́тною повéрхностїю. Тя́ѫ стра́ва мя́е вкѣсѫ, ѵотѧ вы и безъ цѣкрѣ и корѣня, ѩкъ найлѣпшого колача. — Зновъ дя́льше лежя́ли въ велíкихъ гѣрмахъ звычя́йнїи оу̑горскїи ванькй на ко́дѣ. Тїи выглядя́ютъ такъ: Шкíя, котро́ю кнѣскя́е сѧ вода, есть тѣсна, а къ ей рѣрѣ наудíтъ сѧ сíтко, котрѣ такóжъ есть изъ гайны. Сíтко слѣжитъ къ томѣ, авы до ва́ньки не зайшло про нечúстого авó ѩкїй о́кадъ. Изъ шкíи однáкожъ не пїѣ сѧ вода, но изъ оу̑шка. Тóе менѣ сѧ выдало ѩкъ вы перевéрненый свѣтъ, а однáкожъ оно́ есть такъ. Оу̑шко есть дѣдкóвате а его́ о̑ткоръ стоúтъ къ свя́зкѣ съ кнѣтрїемъ. На кнѣ мя́е оно́ дѣркѣ, а черéзъ тѣю пїѣ сѧ вода. Оу̑тры поукалáютъ тóе спарядке, во черéзъ замкнéнке докóла выкя́е напóй долго́ холóдный; но ѩ не морѣ того понáти, ѩкъ мóжно при такóмъ оу̑рáженю ва́ньки кнѣтрь дóвре чúстити. Не мéнше дúвное, ѵотѧ цѣли о̑тчетнéйшое ѩкъ тїи ванькй дам домóкого оу̑жúткѣ, есть къ óвце къ Оу̑горцúнѣ о̑тъ Мадя́рóвъ, Нѣмцéвъ, Рѣснóвъ, Словакóвъ и Волóхóвъ оу̑жúканое нáчинке до шитя́, котрóе слѣжитъ нóдчасъ нóдорожи, при роботѣ къ нóли и при нáсенію ходóвы, т. е. слáвна „чѣтора.“ Понéже на Пештúньскóмъ кáлкнóмъ торзѣ мáлземъ слѣчáйностъ кúдѣти принáймнéй кóлька тысячъ того нáчина, то кѣде тѣ на довѣ, принáймнéй ѵотъ одно́ зъ тыхъ тысячъ описáти. „Чѣтора“ (поклажóки) есть крѣгла, грѣновкыпѣчна чáрка изъ дéрева, по обóхъ покáхъ пришлопéна, съ малóю и оу̑зкóю шкíею; она тóчитъ сѧ звычáйно зъ одного

кавáлка дéрева, въ горѣ и на спóдѣ лишáе сѧ отвóръ, черéзъ котрúй мóжно вънтрїе ей вúчистити. Въ горѣшный отвóръ всаджáе сѧ потóмъ шúла, спóдный же затыкáе сѧ дóвре пристаючимъ и запалѣнúмъ деревцéмъ, и привúкае сѧ потóмъ на той чóнъ оздóвка зъ розлúчной шкóры. Звычáйно овтагáютъ сѧ чѣторы, авы скрéнúти нúхъ тонкúи деревáнúи стѣнкú, шкóркою зъ лошáтъ; въ прóчемъ сѣть онú зáвсѣды óукрашéнúи рымáрскою ровóтою, и вúсáтъ на ремéни, котрúй на плéчи мóжна завѣсити. Такóжъ нахóдатъ сѧ при нúхъ четúри малéнькúи, дѣже корóткúи и вáйзко себе стоáчúи пóжкú; на котрúхъ не мéнше сѧ пéвностїю мóже постóмти тáм черекáта мáшина, ѣкъ по ей вúпорожненю самъ властúтель, хотáй не разъ запáдто дóлгúи мáе пóти. Не найдешъ майже жáдного дóмѹ въ Оу̑горúшчѣ, въ котрóмъ не придúвано вы чѣторъ всáкои велúчúны, чáсто нáветь такъ велúкúхъ, що рóвнаютъ сѧ вочóлѣ. Нáветь и Оу̑горы вúшшого сослóвїа такъ полюбúли совѣ чѣторы, що тáжко имъ безъ нúхъ овлúти сѧ въ пóдорожахъ, на лóвахъ и при подóбнúхъ слýчáйностёхъ. Почáвши óтъ Токáйского вúна аж до воды зъ калавáши, ѣкѣ нѣóтъ настѣуй въ стéнахъ, спожúвáютъ сѧ зъ тóи фóрмы фляшóкъ мнożáйшúи оу̑горскúи напóѣ ци то найкыпорúѣйшúи ци найпóдлѣйшúи. Єсть то очевúдно, що нарóдъ оу̑горскúй сѧ велúкимъ залюблéнкемъ приздовúлъ чѣторѣ предъ всéмъ úнымъ нáчúньёмъ и всестарáнно тѣю вúдѣлалъ. Єсть такóжъ мнóго прúсмѣкокъ до чѣторы, и сомнѣкáти сѧ не трéба, що той шкóрою зъ лошáтъ овтáгненый посѣдокъ по-

тепе́рь такъ са́мо съ спора́джае, ѣ́къ еще́ то́йже спора́джали Мада́ры въ непа́мятныхъ часо́въ.

На коне́цъ овъзрѣ́лисьмо засо́бы гайна́ныхъ таре́лкивъ слъ́жа́чихъ на „тарга́ню," котрѣ́ дъ́же ча́сто спожива́ютъ въ оу̂го́рскихъ сте́нахъ. Та́ „тарга́ня" есть то на квасно́мъ молоцѣ́ розчине́не тѣ́сто, котре́ въ о́выхъ таре́лкахъ нада́ огне́мъ са осъ́ша́е, дро́витъ и сѣ́шитъ. Въ тако́мъ состоя́ню остае́ оно́ чере́зъ все лѣ́то, а на́кеть, сли о̂тъ мокроты́ до́вре са зако́ѣе, чере́зъ два до три лѣ́та. Тамо́шнїи жи́тель вербъ́тъ колька шкора́ныхъ мѣ́хо̂въ то́и стра́вы съ соно́ю въ сте́ны, и даютъ ей по полно́й при́горши до свиши́ны. Настъха́мъ и поединоки́мъ жи́телямъ нѣ́цъ, котрїи не ко́ждого часа́ могъ́тъ все, чого́ потре́ба, ма́ти при рѣцѣ́, ро́витъ „тарга́ня" таки́мъ спо́сомъ вели́кїи оу̂слъ́ги; осовли́ко тако́жъ дла то́го, поне́же та́ стра́ка тро́ха тъ́змитъ окоѣ́ мно́жество то́лстости, котрѣ́ они́ тами спожива́ютъ и хорони́тъ ихъ на́кеть по ча́сти о̂тъ совстве́нной оу̂го́рской хоро́вы, въ ѣ́къ они́ при спожи́ваню мно́жества ма́са и то́лстости ле́гко запада́ютъ, т. е. о̂тъ „че́мера."

Той „че́меръ" есть въ Оу̂го́рщинѣ такъ все́вѣдѣ́й и звыча́йный, що не могъ́ понеха́ти, авкымъ за́разъ тъ́ о нѣ́мъ не мо́килъ, и то шо̀ тѣ́мъ бо́льше, же власнѣ́ коло́ о́выхъ горцико́въ ма́лземъ съвча́йно́сть ви́дѣти по ра́зъ пе́ркый человѣ́ка мъ́ченого тимъ „че́мером." Ото̀ сидѣ́лъ тамъ ѣ́кїйсь старки́й Ма́дарь, котрки́й выглада́лъ дъ́же хъ́до, позвика́лъ и вытага́лъ са, а ско́ро мы его̀ конроси́ли, що емъ́ тако́го, то о̂тъвѣ́тилъ намъ цѣлко́мъ жа́лостно: „Ахъ Іе́сце, Ма́рїе, мене́ напа́лъ че́меръ!" Звыча́йно не значи́тъ „че́-

мерѫ“ бо́льше ничо́го, ѿкъ „ме́рзо́сть,“ „нѣдьга̀,“ а: „ѿ ма́ю че́мерѫ“, значи́тъ: „менѣ сѧ зровѣ́ло цѣлако́мъ не до́вре“. Но „че́мерѫ“ есть тако́жъ пе́вный родъ нѣдо́къ, котрѣ́й послѣдѣе чере́зъ ѣженье мно́го ма́са и ча́сто дѣже на́гло сѧ ока́зѣе. Недѣжнымъ ро́вить сѧ предъ всѣ́мъ не до́вре, онѝ тра́тѧтъ охо́тѣ до ѣдѣ, сѣть принѣжде́нѣ невпрерѣ́кно и нехотачѝ позѣка́ти, чѣю́тъ сѧ къ о҆́дахъ ослабле́нѣми, пре нѫ́хъ къ пле́чѣ́хъ, и онѝ до́сталѣ́тъ при то́мъ зыча́йно малѝ прыцѣ́, кѣлькѣ̀ або гѣзкѣ̀ на тѣлѣ. Онѝ дѣмаю́тъ, цо на тѣю хоро́вѣ жа́дного не ма лѣкѣ, и цо она́ всекопе́чно ма́е чере́зъ три дни трва́ти, котрѣ́и онѝ перевыка́ю́тъ позѣка́ючи заѣ́дно и къ по́стѣ. Голокѣ́йше о҆́ле́кшенье принѣ́сить имъ патѣ́ранье плечѣ́й, выгѣ́йанье и гнѣ́тенье состáкѣ́къ. Про́стѣи лю́де ка́жѣтъ на́ветъ сердечѣ́и кѣлакѣ́ совѣ́ къ бо́къ садѣ́ти, нога́ми себѣ́ тонта́ти, рѣ́ки до горы̀ подноси́ти и си́лнымъ по́тягомъ зноѣ зкѣша́ти и т. п. и онѝ дѣмаю́тъ, цо то́е имъ осовлѣ́йше до́вре ро́вить и о҆́жѣ само̀ прогоня́е хоро́вѣ.

Лю́де, котрѣи продава́ли вы́шше помянѣ́и вѣ́ци, вы́ли по бо́льшо́й ча́сти Словакѣ́ и Мадя́ры. Тако́жъ находи́ло сѧ тамъ съ таки́ми неопдѣ́ланымъ искѣствѣ́нымъ произво́дами, мно́го нѣмѣ́цкихъ села́нъ, населѣ́нѣшко́къ зъ о҆́тдаленѣ́йшихъ око́лицъ Оу҆горѣ́ршины. (Съ жѣ́вностьми и предмѣ́тами цодѣ́нного спотребля́нѧ прихо́дѧтъ къ про́чемъ по бо́льшо́й ча́сти лишь нѣмѣ́цкѣ села́не на Пештѣ́йскѣ́ тыждне́вѣ́ торгѣ́, поне́же найблѣ́йшша окре́стно́сть Пе́шта чѣ́слитъ мно́гѣи нѣмѣ́цкѣи оса́ды.) Тыхъ села́нъ прихода́чихъ зъ

ѿдален'Ѣйшихъ сторонъ не мо́жно легко ѩко н'Ѣмéцкихъ пѡзна́ти, поне́же ихъ Нѣмéччинѣ покрыва́ютъ гѣстїи о҃сы, широ́кій штанѣ, ширококры́сїи капелю́хи (кресáнѣ) и ц'Ѣжмы (каракáты), и про то́е выглядáютъ онїи на пéрвый погляд̀ъ, ѩкѣ йстїи Мадáры. Одíнъ зъ тыхъ селáнъ, до котро́го загокорíлъемъ и котрый привѣзъ зъ Ѣако́нъского л'Ѣса съ товáрами р'Ѣзéцкои робо́ты, съ ложкáми, вíлами, лопатáми, вáпами и т. д. потвердíлъ менѣ взглáдомъ о҃сн'Ѣха въ сáдженю карто́фель такóжъ и що до свóго сѣсѣдства тїи самїи дóврїи в'Ѣсти, ѩкїи посвирáлъемъ надъ óзеромъ Найзидéрскимъ. Такóжъ и онъ оповѣдáлъ, що Оу҃гры перéдъ трúдцать, а нáвет̀ъ перéдъ двáдцать ещѐ л'Ѣтъ лишь все злóе о картóфлахъ вáлли и давáли тїи лишь свинáмъ; тепéръ однáкожъ садáтъ и онїи въ Ѣако́нїо тїи о҃жѐ мáло не повсю́дѣ.

Однымъ зъ найзначн'Ѣйшихъ артикѣлóвъ а при тóмъ и чúсто о҃го́рскимъ вы́ло въ тóй сторонѣ торгà мы́ло. Въ йстѣ находíло сѧ тѣ на плóщади велúкое колúчество того́же. Тóе все мы́ло ро́бить сѧ въ о҃го́рскихъ стéпахъ, особлúво надъ Тúссою, кóло Деврецúна и тáмже ѩкъ и въ Сегедúнѣ. Найцѣнн'Ѣйше прихóдитъ изъ Деврецúна, въ велúкихъ, дóлгихъ въ вúдѣ цéглы, кáменнотвердúхъ штѣкахъ. Въ середúнѣ выглядáе онò ѩкъ лимбóрскій сы́ръ, въ гдéкотрыхъ сóртахъ бóльше в'Ѣлáве гейбы лóй. Онò éсть дѯже лéгке и сýхѐ. Господúнѣ о҃бывáли сѧ кóло того́ старáнно и закѣпѣкали той артúкѣлъ звáглово. Отъ Деврецúна прихóдитъ все чúсто мадáрске. Зъ Деврецúна прихóдятъ власти́во найлѣпшого сóрта о҃-

го́рскїи произво́ды, ѣкъ и пр. лишь що поманѣтый произво́дъ, котрый взыскѣе са тамъ въ не ме́ише ѣкъ сто мылья́рахъ. — Въ Девреци́нѣ находитъ са звы́шь двѣстѣ кравцѣкъ, котрїи ро́ватъ: „кенеи́йки“ — а до семсо́тъ дѣлателѣкъ „цѣжмо́къ.“ — Въ Девреци́нѣ ро́ватъ правди́во оу̂го́рскїи люлькы, и то що ро́чно одыпа́дцать мїллїо́нокъ штѣкъ, изъ чо́говы вы́пало на ко́ждѣ дѣшѣ королѣ́ства по штѣцкѣ. „Пойдѣтъ до Девреци́на,“ мо́вили менѣ мно́гїи въ Пе́штѣ, сли хо́чете по́знати Оу̂го́рщинѣ.“ Поне́же такожъ въ Девреци́нѣ и ко́ло Девреци́на ростѣтъ найкрасшѣйшїи и найво́лькшїи мело́ны, котрїи сѣть зновъ правди́во оу̂го́рскимъ о́воцемъ. По всей Оу̂го́рщинѣ розпростране́но ихъ тепе́рь дѣже, а Мадя́ры самїи сѣть о̂тличнѣйшими ихъ плека́телями. На Пештѝньскомъ торзѣ ви́дно вы́ло осове́нно ве́лике такожъ количество кавѝно́къ, котрїи тѣ сѣть дѣже вкѣсній а звыча́йно по́дчасъ торга въ Се́рпню и дозрѣва́йи — и зъ тои то причи́ны назыка́ютъ той то́ргъ такожъ „торго́мъ на мело́ны.“ Кавѝны спожива́ютъ са въ Оу̂го́рщинѣ тро́хи шя́кше ѣкъ въ Ро́ссїи. Въ Ро́ссїи кра́ютъ са тїи на пла́стры, при котрыхъ прилале́жна часть лѣшѝны са оста̀е и по́томъ кѣса́е са ихъ та́къ, ѣкъ кава́локъ хлѣва. Въ Оу̂го́рщинѣ одна́кожъ бере́ са цѣлый ме́лонъ предъ се́бе и выдо́лбе са его̀ ло́жкою, кыло́мѣючи одинъ кѣсень за дрѣгимъ и че́рпаючи зара́зомъ сокъ ло́жкою. Той спо́собъ подо́бае са менѣ бо́льше, бо о̂тповѣда́е характе́рови мело́нокъ лѣчше. Въ Пе́штѣ ви́дѣлземь о̂тъ господа́рского токарѝшества вы́ставленый ме́лонъ маючїй ваги шѣстдеса́ть фѣнто́въ.

Одíнъ Оу̑горъ зъ нѣдъ Девренцинѣ роскáзовалъ мнѣ, що не зъ рѣдка кóло нихъ цѣкрóвїи мелóнки выростáютъ ажъ до варíї ста фѣнтóвъ, и при тóмъ, що есть головнѣйша, остаю́тъ совершéнно солóдкїи и вкѣсніи. Кóло села Самеóна недалéко Девренцинѣ сѣть онíи найлѣчшíи, и тѣ властúво éсть жерелó и мѣстце похóдженя всѣхъ оу̑горскихъ мелóнокъ. Такóжъ и арвѣзы сѣть тамъ тáжкíи скúшъ сóтнара, а ôнъ малъ вúдѣти мнóжан маючíи варíї дрѣстѣ фѣнтóвъ. Вѣдневíшíи лю́де спожúваютъ въ Оу̑горщинѣ мнóго арвѣзовъ; онíи крáютъ ихъ на пластры, пекóтъ ïкъ каштáны, а женщúны продаю́тъ ихъ по оу̑лицáхъ.

Пештúнскíй торгъ есть не нинó для всéи Оу̑горщины велúкого значéня, подаючí розлúчнымъ чáстёмъ краю́ способнóсть до мѣнянъ на взáемъ своúхъ товáровъ, но такóжъ, а мóже и вóлшого значéня для óбластій погранúчныхъ съ Оу̑горщиною, так для трéцкихъ на йóгъ, ïкъ для прóчихъ мегрíйскихъ на сѣверъ. Провúнцíи Рабéсы, Морáва, Шлéско и Галúцíя розлагáютъ сѧ широ́кимъ тáвромъ около богáтои въ сырíи, не выдѣланíи произвóды Оу̑горщины дóлгимъ рѣнцёмъ промысловúхъ мѣстъ, котрíи выдѣлóбютъ кóжѣ, вóлнѣ, вавóлнѣ, шóлкъ и íнши тóго рóда артúкулы. Тѣ находáтъ сѧ выровы зъ рѣкодѣлней мѣстъ, котрúхъ ланцухъ начинáе сѧ отъ Девáтíи Церковъ, идé черéзъ Нове Мѣсто къ Вѣдню, зъ Вѣдня тáгне сѧ дáлъше черéзъ Бéрно до Тѣшúна, и рѣвитъ сѧ наконéцъ черéзъ Бѣлѣ въ Галúцíи. Головнѣйшíи артúкулы, пошúкованíи зъ тыхъ сторóнъ въ Пéштѣ сѣть: вавóлна, вóлна, тютю́нъ и кóжи, потóмъ такóжъ кóскъ, вíно,

звóжье и мнóго ещѐ йныхъ дрóвнѣйшихъ вѣщій, ѩкъ то: дѣвѣникй, деревцà, гáласъ и проч.

Жиды сѣть то предвсѣмъ, котрїи помаѕѣтїи провйнцїи посрéдствомъ скóнхъ комїссій и розсылáтельствъ въ скáзи оу̑дéржѕютъ съ Оу̑гóрщиною а йменно съ Пештйньскимъ торгóмъ, такъ ѩкъ зновь Рáйцѣ сѣть тймъ нарóдомъ, котрый прнмѕщественнó занимáе съ оборóтомъ дóлѕ Дѕнáя до Тѕрéччины, а Нѣмцѣ оу̑дéржѕютъ оборóтъ съ Вѣднёмъ и можь сказáти всю прóчѕю торгóвлю въ цѣлóй Оу̑гóрщинѣ.

Головнымъ про тое зрѣщемъ помаѕѣтого оборóта сѣть легóвиска въ жидóвскóй дѣлнщи, всѣ велйкїи подвóрз вздóлжь велйкои королéвскои оу̑лицѣ, котрà съ тáгне посередь Терезїенштáтѕ, и въ котрóй то окóлщи найвóльша часть жидóвъ мéшкае. Той гостйнецъ есть нóдчасъ торгѕ найвóльше залюднёный. Жиды, Оу̑гры, Семиградчáне и Волóхи крѕтатъ съ тѕ заéдно то въ тѕю то въ óвѕю стóронѕ. Возы съ запрáгомъ четырёхъ, шестй и осьми кóнйй, покрытїи велйтными крóками и нóлнїи кожъ або йныхъ предмётóвъ то выѣзджáютъ зъ врамъ то заѣзджáютъ въ тїи. Часóмъ нóдскáкѕютъ но при шéстеро кóнйй ещѐ двóе нлй трóе жереватъ, а такъ мнóго кóнйй сѣть чáсто оу̑вáзанїи зъ тылѕ про потрéѕ або, сли съ оу̑дáсть, на прóдажь. Въ внѕтренныхъ дворщахъ и легóвискахъ окáзѣе съ врндóта, неухлюйство, непорáдокъ, гáморъ и гáласъ, ѩкóго где йнде тáжковы надывáтн.

Пригáнѕвши съ тóмѕ оу̑дáлнсьмо съ на велйкѕ, пѕстѕ площáдь, котрà однáкожь нóдъ той часъ такъ бы̑ла переполнéна людьмй и скóтомъ

всѧкихъ народностій и рассъ, що можъ бы сказати, же тѣ вѣловы сѧ на що дивити хотѣвы черезъ нѣлъ рѣкѣ. Дѣмаю, що сѧ не ошибнѣ, сли скажѣ, що тогды на той площади и ей окрестности 'приналѣмнѣй до тридцать тысячъ людій сѧ оутвикало. Поземе́лье тои площади вѣло дѣже не рѣвне и про тое становило то малій въ видѣ волнъ оказвючій сѧ горвкй то знѣвѣ низкій оутвочи. На одномъ зъ такихъ горвковъ заложило можъ сказати вкихъ сто женщинъ торгъ на кѣры, сѧ вѣйцами и живкими дровомъ. Тѣ видно вѣло горвокъ оксаженый велйкимъ стадомъ свиній, тамъ на рѣвнинѣ продавано тавѣнами конѣ, тамъ знѣвъ прикрывали велйкій овшаръ овецѣ. Тѣ надъ стадомъ а тамъ знѣвъ надъ ровомъ оутвестили сѧ отрады словацкихъ торговелшиковъ полотномъ, а помежи всемъ тѣмъ вила сѧ дорога самыхъ крамовъ сѧ оутворскими цѣжмами и инымъ овѣвѣемъ. На вершкѣ горвка зарослого мѣравою застромилъ вертешникъ свою хорѣговкѣ и изкиснилъ оутворскимъ язвикомъ, четыри послѣдній смѣтній хвилѣ житѣ Цѣсара Наполеона", котрій онъ въ подлйшыхъ образахъ на своемъ вертенкѣ возилъ. При входѣ на торгъ сѣдѣлъ вздолжъ мѣрѣ долгій рядъ перекѣнокъ сѧ паприкою. Имъ сѧ чѣдовалъ надъ велйкими количествами того острого вещества, котрѣ они тамъ продавали. Полній мѣхи вѣло видно того червоного паприкового пороха, зъ котрого самѣ крыхйтка на конци ножа може вѣти намъ достаточна, авы вкѣ страва зъисовати, а прецѣнь множество того звычайно видно по всѣхъ оутворскихъ кармаркахъ. Въ гостйницахъ на Оутворицѣ подаѣ сѧ кождомѣ, на его желанье, всака страва сѧ папри-

кою, н. п. „мѧсо съ пáприкою“, „рꙑ́ба съ пáприкою“, „солонúна съ пáприкою.“ Що сѧ тꙑ́читъ простолюдúновъ Оу҃горъ, то самò сѧ изъ сéбе розумѣ́е, же безъ пáприки при жáдной стрáвѣ сѧ не обꙗ́йде, и здаѣ сѧ, ѩ́ковы росло въ Оу҃гра пúвнúци, кꙋ҃хни, стáйни и въ пóли все оу҃жѣ такóй самò зъ сéбе смѣ́шане съ пáприкою. Тóлько хлѣ́бъ не печѣ́ сѧ тамъ ещѣ́ зъ пáприки. — Въ прóчемъ есть та пáприка стрꙗ́чóкъ óвои росли́ны, котрꙋ҃ назꙑва́емъ „тꙋ҃рéцкимъ пéрцёмъ“ или „перцióгою“, и котрà ростѣ́ въ Оу҃гóрщинѣ, въ цѣлóй Тꙋ҃рéччинѣ, въ южнóй Рóссiи ажь до Хвалúнскаго мóрѧ въ всѣ́хъ огородáхъ, рѣ́дшúтелькю однáкожь въ Оу҃гóрщинѣ нахóдитъ скóро óтличнѣ́йшаго прикержéнькѧ. Зерна́ и самꙑ стрꙗ́чóкъ трꙋ҃тъ сѧ на нóрохъ, понéже все перейшлò перчúстымъ огнёмъ.

Словакúй сꙋ҃ть на тóмъ торзѣ́ пéрвыми торговéльниками полотнóмъ, котрúй то артúкꙋ҃лъ есть дѣ́ломъ ихъ робóты. Онúй замéшкꙋ҃ютъ сѣ́верно-зáпадню҃ часть Оу҃гóрщины, котрà грани́читъ съ Шлéскомъ и Моравою, и зъ тꙑ́хъ то крáѣвъ розгалꙋ҃зúло сѧ ещѣ́ мнóго úнꙑхъ отрáслúй прóмысловꙋ҃ черéзъ грани́цю до нихъ. Чимъ сꙋ҃ть Чéхи для всéй австрúйскои монáрхiи, тимъ сꙋ҃ть знóвъ Словакúй для Оу҃гóрщины; межи нúми нахóдитъ сѧ о мнóго бóлькше фáврикъ и прóмысловъ, ѩ́къ въ котрóй úнóй чáсти королéвства.

Оу҃грóвъ можь надꙑ́вати кóло конúй и рогáтого скóта. Тꙋ҃ подаѣ сѧ чáста способнóсть, подивлáти искꙋ҃ства ѣ́здꙑ верхóмъ чúкошóвъ (таꙋ҃шúшкóвъ), котрúи повсюдꙋ҃ песерéдъ толúхъ людá сѧ оу҃ганáютъ, авꙑ своúхъ кꙋ҃пцѣ́въ до кꙋ҃пна заохóтити. Вúдѣлъемъ однóго такóго человѣ́ка,

котрый особливо былъ моторный; кънецъ, передъ которымъ онъ коня на овзоръ выкелъ, замѣтилъ емъ, що съ здалѣ, яковы конь при навертанію не выкрычкалъ съ досыть зрычно. „Що? не овкрычче съ?“ кликнулъ на тое чикошъ, спималъ коня остроґами, що ажъ въ воздухъ подлетѣлъ и казалъ емъ потомъ на заднихъ ногахъ, якбы въ крѣзѣ, три разы коло себе выкити овертаса. — Оугры сѣть то оужѣ зъ рода народомъ ездецкимъ, и хотя они оуже отъ тако давна покинѣли житьѣ кочовничче и осѣли тихо внутрь пекныхъ границь ихъ теперѣшного отечества и оуправляютъ землю, то однакожъ не отратили они тои замѣчана достойной похоти, котръ собѣ въ Азіи подчасъ волокитного житя присвоили; окшѣмъ цкитѣ она межи ними ещѣ закѣды въ давной силѣ. Гдекотріи оучени дѣмаютъ рѣшительно, що никишіи Оугры и давніи Парды сѣть одными и тими самыми народомъ, и въ самомъ дѣлѣ не можно того, що Римляне росказуютъ о Пардахъ, вказати и порозумѣти лучше нигдѣ, приймичій въ Єгроцѣ, якъ въ Оугоріцѣ. Хотя цѣлкома розличного корена, то однакожъ сѣть въ многихъ взглядахъ съ ними покревнени що до духа и обычаѣвъ Полякы, котріи такожъ становлятъ великій народъ ездецкій. Отъ обохъ тыхъ народовъ т. е. Оугоръ и отъ Полякобъ получила Єгропа отличнѣйшъ отрасль своихъ коноты — отъ первыхъ Гуссарбъ отъ послѣдныхъ же Оуланобъ. Гуссары сѣть чисто оугорского корена, що такожъ слово „гуса“ (т. е. двадцать, понеже подля давного враночного закона малъ зъ двадцати мужей одинъ быти ездцемъ, подля чего „Гуссарь“ значитъ

привлажи́тельно то́е, що „два́дцатый“), котрѣ есть чи́сто мадя́рске, дае́ о҃ужѣ по҃зна́ти. О҃ула́ны здаю́тъ ся вы́ти то́лько чере́зъ Полако́въ поправле́на и о҃усоверше́нна перконача́лна вы́дѣмка Тата́ро́въ или Козако́въ. Есть то ди́вно, що, хота́ такъ вели́кими приро́дными ѣздца́ми сѣть вс҃ѣ тѣи наро́ды, Тата́ры, Козаки, Полаки и О҃у́гры, пре́цѣнь дѣже ма́ло мо́жно найти́ межи ни́ми ѣздцѣвъ искѣстве́нныхъ. Въ и́стѣ есть то́е замѣча́на го́дными, що, заколько го́рше ѣкѣи́ наро́дъ о҃ужѣ зъ до́мѣ въ о́вые керху́мъ ѣздити о҃умѣе, о́нъ нами за то́лько ко́лькше ѣздцѣвъ искѣстве́нныхъ доставля́ти здае́ ся. Найко́лыша ча́сть ѣздцѣвъ искѣстве́нныхъ, котры́хъ ви́дными, сѣть Белгійчики, Францѣзи и Італія́не, а кла́сѣ тѣи наро́ды не сѣть зъ до́мѣ найлѣчшіи кавалери́сты.

Тако́жъ и Цига́но́въ вы́ло на то́мъ торзѣ доволно мно́го. На одно́й площа́ди надыва́емъ двана́дцать ко́ло столо́въ поѣставле́ныхъ цига́нскихъ женщи́нъ, зъ котры́хъ ко́жда ко́лька кава́ло́въ полотна́ продава́ла. Они́ нами мо́вили, що то́е полотно́ але́житъ до слова́цкихъ села́но́къ, котрїи нами то́е на про́дажъ поръчили.

На то́мъ торзѣ вы́ло то тако́жъ, где ѣ по пе́рвый разъ о҃учѣ́ваемъ цига́нскѣ гѣдкѣ, и то въ мѣсти́лици та́нцѣвъ ко́ло торгѣ. Тѣ находи́ло ся саме́ хло́пство, все изъ найни́жшои и найспльнѣйшои верствы Мада́ро́въ. Хота́ мѣсти́лице для то́лы люда вы́ло за о҃узке́, то однако́жъ тѣмъ ревнѣйшіи вы́ли тѣи, що танцюва́ли. Цѣла, ѣкъ то ка́жѣтъ, ха́та ходи́ла, а въ по҃дло́гѣ такъ выбы́вано и тѣпано, мовкы сто цѣна́ми молоти́ли. При то́мъ вы́ла задѣха, що го́дѣ было вы-

тримати, а хотѧ порохъ звитый всѣми чередами и перѣздкающими взносилъ сѧ гвсткими кавами въ воздухъ и тиснѣлъ сѧ въ отверстїи двери и окна, то однакожъ трѣбы и цимбалы Цыгановъ преодолѣли все. Посередъ тои банды гѣдцѣвъ сѣдѣлъ молодкій, сѣуорлавый провдисѣтъ и вилъ въ головнѣйшїй кождои цыганьскои гѣдьбы їнстрѣмент, въ цимбалы. Тїи цыганьскїи цимбалы не сѣть въ прочемъ тое, про въ древнѣй їсторїи о кимвалахъ читаемъ, т. е. два металлевїи котлы, которыми одинъ о дрѣгїи оударано, по есть то родъ подолговатои, несчисленно миогими стрѣнами натагненои цитры, зъ которои выдовѣваѣ сѧ звѣкъ посредствомъ двохъ маленькихъ пальцатковъ, которїи сѧ кончатъ въ дѣв шкорою обтагненї изговки. Тїи цимбалы выгладаютъ такъ само и въ цѣлой божнои Россїи и краѧхъ Козаковъ. По при молодого цимбалиста, которкій то голоснѣйшїй провадитъ голосъ, и которого пренькканье становитъ подставъ всѣи оутворско — цыганьскои гѣдьбы, видѣлъемъ старого Цыгана съ цѣлкомъ сивымъ колосомъ, темновѣрого однакожъ лица, которкій потагалъ смыкомъ по васѣ; потомъ по кождомъ вощѣ одного скрипника а изъ задѣ гейвы отворилыцика (фалѓельмана) одного трѣвача.

Въ цѣлой Оутворицѣ походатъ гѣдевники преимѣществено и майже искльочно зъ двохъ народовъ, Нѣмцѣвъ и Цыгановъ. Межи Нѣмцами оуважаемъ тѣ зарозомъ такожъ Чеховъ, Моравановъ и т. д. Нѣмецкїи гѣдцѣ сѣть въ Оутворицѣ отличнѣйшїи; они находатъ сѧ при зрѣлицахъ, при Церквахъ, на балахъ образованыхъ сословѣй, по велыкихъ Пештиньскихъ гостинни-

цѧхъ и т. д. Цига́ны же идѣтъ въ за́воды всю́ды съ ни́ми о᷑ ни́жшихъ сосло́вій, часо́мъ при поме́ншихъ зрѣлищахъ, и они́ сѣтъ ча́сто въ досы́ть зна́чныхъ мѣста́хъ разъ на всегда́ мѣстскими гѣдца́ми. Нѣмцѣ гра́ютъ зкыча́йно лишь нѣмє́цкѣ, їталїа́ньскѣ и францѣзскѣ гѣдьбѣ, ѣкъ то и. пр. о᷑ насъ съ дѣе. Циганы же, котрїи сѣтъ кластичными о᷑горскими наро́дными гѣдца́ми прикласти́ли сокѣ сокстке́нній о᷑ложе́нїѧ, къ котры́хъ вѣе цѣлако́мъ осовли́вшій дѣхъ. Оу᷑гры покѣда́ютъ, цо та́м гѣдьба́ есть кластика, перконача́льно мада́рска и зъ мада́рского дѣха прошѣ́дша наро́дна гѣдьба́, а сами порѣвна́емъ съ не́ю спѣванкій, котрїи въ розли́чныхъ мѣстцѣкостѣхъ прислѣкзю́тъ о᷑горскїи села́не, то тре́ба призна́ти, цо всѣ тїи сѣтъ одно́го и того́жъ само́го зкѣка и дѣха. Въ тыхъ то всѣхъ гѣдѣ́выхъ зкоротахъ и їдѣ́ахъ таки́хъ о᷑ложе́ній находитъ съ цось первотво́рного, цо съ всѣ́мъ розлича́ѣ съ о᷑тъ того́, цо чѣемъ о᷑ Нѣмцѣкъ и Славя́нъ.

Оу᷑горъ люкѣе си формально къ цига́ньскоі гѣдьбѣ, цо и ко́ждый чѣжи́нецъ ле́гко по᷑зна́ти мо́же, ско́ро съ то᷑ї тро́ха прислѣхае. Въ то᷑ї гѣдьбѣ есть цось такъ осовли́кого, цось такъ мелянхоли́ческого, ча́сто таке́ ди́ке о᷑тча́нѣе, и таки́ї голосны́ї, се́рдце роздира́ючій жа́ль, цо она́ ко́ждого ча́сто порѣшитъ и пѣвни́тъ, ми́мо его́ во́лѣ. И хотя́ въ о᷑пре есть игра́нье и о᷑тда́нье Цига́но᷑въ дѣже про́сте и ди́ке, то одна́кожъ и мно́го межи ни́ми (и́менно цимвали́сты и скри́пники) вславля́ютъ съ въ гѣдьбѣ, ме́нше одна́кожъ чере́зъ степе́нь искѣства, до котро́го они́ зале́дко

колѝ дохо́дятъ, ѣ̀ко чере́зъ гѫде́нное вдѫновѣ́нїе, котро́е на по́зорѣ имъ здаѣ̀ сѧ бы́ти ни́томымъ.

По́здно вечеро́мъ поверѝнскомо до гости́нницѣ „по́дъ королѐвою Анґлі́ѥй“ а отре́шивши сѧ зъ по́рохѫ зъ по́лѧ Ра́коша (попе́же о́ка хло́ньска торго́вица, котрѫ̀ есьмо посѣща́ли, становѝтъ о̀ужѐ часть сла́вного по́лѧ Ра́коша, на котро́мъ давнѣ́йше о̀тбыва́ли сѧ краѐвїи со́нмы и выбира́но о̀угро́рскихъ королѐвъ), що не прїи́шло намъ такъ ле́гко, попе́же вѣ́лиского приндѫжде́нїй по̀дъ на́шою „королѐвою Анґлі́ѥй“ формалъно сѧ кѫпа́ти, вѣ́йшолъемъ ещѐ самъ перейтѝ сѧ по надъ бе́регомъ Дѫна́, бо крѧсна мѣ́сѧчна по́чь здава́ла сѧ по ча́сти вѣ́лагородити за порошнѝй, гора́чїй день и попе́же хотѣ́лъемъ докладнѣ́йше сѧ придики́ти то́мѫ, ѣ̀ки́мъ спо́сомъ весь той наро́дъ, котрѣ́й ра́но тѫ̀ ви́дѣлъемъ, по́чь перепочо́ѵе.

Тѫ̀ засталъемъ сѧѣдѫючїи положе́нїѧ, состоа́нїѧ и наро́днїи и́гры: цѣлѐ Дѫна́йске надбере́же покры́те вѣ́ло безчисле́нымъ мно́жествомъ сна́чихъ людїѝ ово́го по́ла, котрїи, ско́рчивши сѧ и завѝвши въ плащѣ, ко́цы або̀ ма́ты, спа́ли на вѫрхѫ̀ ко́ло ско́нхъ тока́рѡвъ. Бо́лъша ихъ ча́сть здава́ла сѧ польѕова́ти хоро́шимъ, здоро́вымъ сѧ поко́емъ, и лишь ма́ло кто зъ нихъ, хнѣ̀ заможнѣ́йшїи або̀ до вы́годъ привы́кшїи поспѣ́шали своѝ ша́тра надъ ско́ею спа́льнею, и лежа́ли сѧ всѣ́ми свои́ми имѣнїѧ́ми по̀дъ охороня́ючимъ покро́вомъ тако́го шатрà, котры́й мовь бы оре́лъ роспростира́лъ своѝ кри́ла надъ ни́ми. Тїи о̀угорскїи ша́тра, вѣроа́тно дѫже да́вна мада́рска фо́рма ша́теръ, сѫть четыро́вочнїи, простопа́днїи, о̀умоцо́ванїи на четы́рѣхъ жердка́хъ, котрїи пла́тье роз-

таґа́ютъ. Тїи четы́рн жердкы́ можь такъ поста́вити до кѫ́пы, цо цѣлѣ стоя́ть про́сто; аво́ зно́къ такъ о́тъ се́бе о́тдалѧ́ти, цо шатро́ спа́де.

Котрїи ма́ли корабе́ль, аво́ могли́ позыска́ти мѣ́стце въ то́мже, лежа́ли аво́ сѣ́дѣли спячи́ въ корабла́хъ ра́зомъ. Они́ наполня́ли такъ ве́лїкїи вн҃тренни́и мѣ́стѧнца корабле́въ, где оге́нь горѣ́лъ, ѫ̃къ и весь по́кладъ и дахи́ ста́ткёвъ. Сла́вылъ былъ въ станѣ хотѧ́ гдеко́трїи зъ тыхъ корабле́въ вы́малюкати [съ докла́дною приро́дною вѣ́рностїю, аво́ тїи предста́вити въ ѫ̃кой дѣора́мъ, то вы доко́лько чн҃дока́ли сѧ мои́ зрѣ́телъ надъ совстве́нностїю то́го вндѣ́нїѧ.

Зъ высо́кого Дн҃па́йского надверѐжа прока́дати ко́ло мо́ста сходы до рѣки́ на до́лъ. Тако́жъ и ко́ждый стн҃е́нь тыхъ схо́до́въ былъ запа́тый и опложе́ный людьмы́, котрїи по ча́сти неспа́ли, по ча́сти же спа́ли. Бы́ли то по ча́сти Мадя́ры по ча́сти Словакы́, котры́хъ можь вы́ло розличи́ти за пе́рвымъ по́гладомъ на ихъ о́дѣжь, на ихъ осове́нное палѝчїе и по ихъ овхо́дженю сѧ. Одни́хъ зъ нихъ, былъ то Слова́къ, стоя́лъ на найвы́шшо́мъ стн҃пни схо́до́въ и приграва́лъ сове́ гн҃ою. Онъ о҃́дава́лъ ковзн҃ дѣже зрн҃чно и неска́ коми́чески, притиска́ючи по́дъ пахо́ю полъ́ сложе́ной сы́кма́ны, гейбы́ то бы́ла ковза́, надѣва́лъ свое́ лице́ и выдовѣва́лъ искѣсно чере́зъ но́съ всѣ то́ны то́го їнстрѣме́нта. При то́мъ крѣти́лъ сѧ на одно́мъ мѣ́стцы докола́, ѫ̃къ то звыча́йно ро́блятъ слава́ньскїи пастѣхы́ дѣючи сове́ самы́ въ ковзн҃ при таньцы́. Мно́жаи женщи́ны овстѣпи́ли его́ и присѣвѣючи вытина́ли гопака́ по́дла его́ гѣдькы́, котро́и не бы́ло ко́нца́ ни мѣ́ры.

Перестѫпивши спа́чищ зашлóжемь по сухо́дамь и ѹ́тдáжемь сѧ на самь бе́регь рѣки́. Тѣ застáжемь кѣнѣ Мадáрóкь рáзомь сѣдáчищь, такожь и зь ищь половúна спáла. Тóны ковзы, крúки танцюючищь и гáласи играючищь на горѣшнóй чáсти ѹ́тберéжа замóлкли ѹ́жé бúли давнò, ѣкь парáзь меланхолúческїй мелóдїй старóго мадáрского нѣвца розлягáй сѧ по надь тúхимь дѣнáемь — во тóй нѣвецъ надь все любячій тишинѣ лжь тепéрь мóгль изь широкои скóи грѣди волшéвнїи выдовѣвáти голоскы, колú всѧ безсогláсность óвоку нéго притúхла. Не взирáм на пóздню хвúлю, остáжемь сѧ при любонúтнóмь соловéю, а колú óнь óтночивáль, то ѣ на перемѣнѣ обсмóтрѣвалъ то кристалéне лицѣ Дѣнáм, то протúвѣ лежáче дрѣмучне мѣсто Бѣдних, его палáтѣ и крѣпостиѣ горѣ, то лúсѣ горѣ, то зноў красне нéво и тихóнькúй мѣсяць.

Торгóвлѧ Пéшта есть тепéрь такь знáчна, що вздóлжь цѣлóго Дѣнáм немá по Бѣдни жáдного бóльшого торговéльного мѣста, ѣкь Пéштъ. Онà бúла ѹ́жé óтъ дáвна знáчною, — но черéзь непáстный часъ Тѣркóвъ ѹ́терпѣла такь, що дáлей и слѣдѣ вы ей не бúло; сь перемѣною однáкожь овстоáтельствъ, перемѣнúлъ сѧ и ей станъ, а тепéрь онà вь такóмь розвúтóмь цвѣтѣ сѧ нахóдитъ, вь ѣкóмь ищóли дóси не бúла и здалѐ сѧ, що онà ещѐ при тóмь всемь, ѣкь и самѐ мѣсто, не прúйшлà да крайнѣйшого своего вóзростѣ. Назывáютъ про тóе ѹ́жé и нúнѣ Пештъ дрѣгимь Бѣднёмь и Лондúномь надь Дѣнáемь. Вь мѣрѣ óтношéнїй, ѣкїи тепéрь сѣществѣютъ, могѣтъ овà мѣстà, Бѣдень и Пéштъ, безъ спóрѣ

и зависти, совѣ въ мірѣ подати рѣкѣ. Предмѣты ихъ торговлѣ розличаютъ съ совершенно. Торговля Вѣдня опираѣ съ на производахъ искѣства, а Пѣшта на производахъ природы. Для вѣдѣньскихъ або въ обще для австрійскихъ производовъ искѣствъ належитъ Пештъ оуважати лишь ѣкъ населенье Вѣдня, на котрого роскази зъ пѣрвого мѣста всѣ оугорскій мѣстця засовы такихъ производовъ полѣчаютъ. Понѣже Дѣнаемъ долбвъ отходатъ лишь производы искѣства до тѣрецкихъ краѣвъ, во и тіи маютъ довольно производовъ природы, то верхѣ изъ тои причины Вѣдень надъ Пѣштомъ, понѣже жителѣ Востока все, чого зъ Австріи потребѣютъ, радѣйше въ жерелѣ т. е. въ Вѣдни пошѣкѣютъ, ѣкъ мали зъ дрѣгои рѣкѣ т. е. въ Пѣштѣ накыкати. Въ прочемъ не ѣстъ рѣчью рѣвностойною, що новѣйшими часами оужѣ многіи мѣншіи отрасли промыслѣ перемѣстили са зъ Вѣдня до Пѣштѣ, и оужѣ отъ недавна гдѣкотріи предмѣты вымысловіи тѣ са выдѣловѣютъ, котрыхъ прѣжде лишь въ Вѣдни можно было достати.

В. К.

74.

Загадка *)

Двѣ сѣстры Богъ добротливый
Союзно тогда спойлъ,
Коль пѣрвого человѣка
Пѣрстомъ зъ земли сотворилъ
Они обѣ однородни
И съ всѣмъ собѣ подобни —

*) Рѣшенье слѣдѣ на послѣдномъ листѣ.

Но сторо́нность безрозу́мна
Тще́тно ихъ о́тличи́ла:
Сѣи́ пода́ла превосхо́дство,
Тѣ́й ра́бство назначи́ла.
Одна́ ши́ти, вышива́ти,
Прясти́, тка́ти и писа́ти,
Стрѣля́ти, гра́ти, руба́ти,
Учи́ла ся все дѣла́ти;
А дру́га ничъ не зна́е.
Лишь сестрѣ помага́е.

Духно́вичь.

75.

О со́лнци.

Со́лнце не есть малы́мъ пло́скимъ кр҃ж҃ко́мъ, ѣ҃ки́ ся выдаѣ́, по вели́кою кѣ́лею, кото́ра сво́имъ собстве́нимъ све́тломъ свѣ́титъ, и о́тъ котро́и исхо́дитъ свѣ́тло на зе́млю, на всѣ прочїи плане́ты ей и на сп҃ѣ́тники ихъ. Они́ о́тдале́ное о́тъ на́шои землѣ́ 20.666,000 ми́ль. Парокы́й во́зъ съ 100 мили́ною наде́нною ско́ростїю потреволя́лъ бы лет҃ѣ́ти къ со́лнцѣ 542 лѣ́тъ. Попере́чникъ его́ ма́е 191,300 ми́ль, окр҃ж҃но́сть 601,000 миль, а пове́рхно́сть 114,971 мїлїо́но́въ квадра́товыхъ ми́ль. Оно́ есть 1.406,000 разъ во́льше ѣ҃ки́ земля́, а такъ изъ со́лнца могло́ бы бы́ти 1.406,000 зе́мныхъ кѣ́ль.

Вѣроа́тно есть со́лнце те́мное тѣ́ло съ гора́ми надъ 100 ми́ль высо́кими; а 1000 ми́ль широ́кими, съ долина́ми и ровнина́ми.

Со́лнце нахо́дитъ ся по середи́нѣ плане́тъ сво́ихъ, кото́рїи дви́жатъ ся въ розли́чныхъ о́тстоа́нїахъ въ кр҃гъ не́го, два изъ ни́хъ Меркѫ́рїй и

Венéра ближшій сѣть къ сóлнцѣ ѣкъ землѧ, а дрѣгіи ѳтстоѧтъ ѳтъ нéго дáлыше, освѣщáютъ и огрѣвáютъ сѧ имъ.

Планéты нáшего сóлнцѧ движѣтъ сѧ около нéго въ тóмъ порáдкѣ: Меркýрій, Венéра, Землѧ, Мáрсъ, Астроúды, Юпúтеръ, Сатýрнъ, Ураúнъ, Нептýнъ.

Планéты: Меркýрій, Венéра, Мáрсъ, Юпúтеръ и Сатýрнъ видúмыи сѣть безъ пóмочи телескóпа, и для тóго они ужѣ въ дрéвности вúли извѣстны, и полѣзовáли, ѣкъ такóжъ и ѝныи, свои нáзвы ѳтъ васнослóвныхъ грéческихъ богóвъ. Дрéвле назывáли Грéки и Римлѧне дни седмúчныи по úмени сóлнцѧ и планéтъ: 1. Недѣлю — день сóлнцѧ; 2. Понедѣлникъ — дéнь лýны; 3. Втóрникъ — дéнь Мáрса; 4. Сéредѣ — день Меркýріѧ; 5. Четвéртокъ — день Дїа; 6. Пáтницѣ — день Венéры; 7. Сýбботѣ — день Сатýрна.

М. Маминовскій.

76.

Моисéй Мéнделсонъ.

Моисéй Мéнделсонъ, былъ богочéстїя еврéйского и счетокóдцемъ ѳу одного кѫпцà, котрый сдáчи по его талáнтахъ, пéвно не вúдѣмалъ ани пóрохѣ стрѣлянного ани тископечáтнѣ. М. Мéнделсонъ былъ ѳтъ всѣхъ почитáнный, по его мýдрости и крóтость всѣхъ пабúлала. Найславнѣйшіи и найвчéнышіи люде стоѧли съ нимъ въ дрѫжескóмъ сношéню и сообщáню сѧ; но про бóродѣ, котрѣ тóй Еврéй носúлъ, не презирáли они головы, на котрóй тáм борода росла. Ѩкъ въ всѣмъ былъ поединчій

такъ и всѣмъ довольствовалъ ся, що емѫ сѣдьла принесла. Довѣдомъ того найлѣпшимъ было его ѹдовольствіе изъ своѣ посады: Колѣ разъ посѣтилъ его одинъ пріѣтель и засталъ власнѣ при дѣже тяжкихъ работахъ, сказалъ ѣнъ до него: „Прецѣнь есть то велика шкода, любезный Моисею, що ты, така мѫдра голова, слѫжишь ѹ человѣка, котрый не есть годенъ тобѣ слѫжити. Цѣлый свѣтъ твѣй поготь мѫдрѣйшій, ѫкъ цѣлый тѣй человѣкъ, хотя о три головы ѣтъ тебе есть вышшій?“ Не одного можевы така бесѣда ѹчинила гордымъ, що кинѫвши перо и папѣръ въ кѫтъ, вымовилъвы своѣмѫ слѫжводателеви свой ѹслѫги; — но мѫдрый Мендельсонъ не рѫшилъ папѣрѫ, але заложивши перо за ѹхо поглянѫлъ спокойно на своего пріѣтеля и по хвили сказалъ: „„Такъ, ѫкъ оно есть, не есть оно зле, но провѣдѣніе нѣколи ся не ошибае! Мой кѫпецъ мае зъ мене пользѫ, а ѫ маю зъ чого жити — Слывы однакожь ѫ былъ паномъ, а ѣнъ моимъ писаремъ, тобымъ ѫ не могълъ его ѹжити до нѣчого.“ —

Тогожъ самого мѫдреа запытался разъ одинъ фѫрфантъ: „жидкѫ чимъ торгѫешь?“ (бо подавалъ на звычайного жидовского рознощика). Мендельсонъ сказалъ: „„Товаромъ, на котрый не легко найдѫ кѫпца.““ — „Я щожъ то за товаръ?“ пытался далѣй тамтой — „„Розѫмъ,““ отвѣтилъ Мендельсонъ и додалъ: „„Я ци кѫпите? Вамъ вы ся здалъ!““ —

В. К.

77.

Подоро́жный.

„Отворѣ́тъ две́ри, для ми́лости Бо́га!
Бо ду́шу згу́битъ збѣдже́ный стари́къ;
Ви́хоръ шалѣ́в, и ша́рга бі̀е стро́га,
Въ те́мнѣ доро́ги просл̀ѣ́дочокъ зни́къ!“

„Не про́шу харчу́, а́нѣ замомо́ги,
И́ не влѣзли́вый, упе́ртый жебра́къ;
Лишѐ струдже́нѝ очу́нѣютъ но́ги,
Нѣ́чь перебу́ду и по́йду о̀тта́къ!“

Одна́къ на да́рмо ми́лости взыва́в
Хоть ґазда̀ въ ха́тѣ ещѐ и не спи́тъ;
Опъ две́ри ко́рчмы не радъ отвора́в
Сли кто̀ горѣ́лки предисёмъ не про́ситъ.

А хоть нѣ́чь те́мна, съ дождже́мъ вѣ́теръ сви́це,
Любвѐ не збу́дитъ жа́дна про́сьба въ нѣ́мъ,
Ещѐ плюга́шитъ, клиѐ корчмари́це
„Бо́гда́й пропа́лъ весь, — бы ти пощи́бъ гро́мъ!“

А въ то́мъ слу́чаю щожь бы́ло чини́ти?
Пере́дъ собо́ю, путь перекрести́лъ;
Моли́твы начѐ въ ду́ху гопори́ти
Хоть нѣ́чь темне́нька, да́лѣй ся пусти́лъ.

Идѐ, ѣ́къ мо́же, а куда̀? не зба́в;
На про́мыслъ Бо́га упова̀ бога́тъ —
Що такъ тросклѝво, всю тва́рь обънима́в
И що изъ сво́ихъ не пу́ститъ огра́дъ.

„Чей гдѐсь близе́нько, до хато́къ долѣ́зу
И зна́йду ґа́здовъ, ласкавѣ́йшихъ тамъ
И сномъ соло́дкимъ умъ жу́рный о̀тсвѣ́жу
И „чле́намъ тру́дным о̀тпочи́нокъ дамъ.“

А хоть му ва́жко, же го безъ прови́ны
Отъгна́лъ шинка́рь, силюга́вилъ и клялъ,
Же му о̂тмо́вилъ же́бранои гости́ны,
Же го въ до́ждкъ, въ те́мрю, по̂дъ стро̂пъ не прия́лъ;

Онъ одна́къ зна́я Бо́жи приказа́ня
Не да̀в взне́стись тона́рѣчо̂и мстѝ, —
Въ ду́сѣ му зъ се́рдця жела́я по̂зна́ня,
Мѣсто сло̂въ гнѣву — „Бо́же ти простѝ!“

И въ таки́хъ гадка́хъ смотри́тъ полекшѐня
Хоть ду́ха да́витъ тяже́нька печа́ль,
Онъ споко̂йне́нько, чистото́ю сумле́ния
Ту́литъ сумне́нькій свого се́рдця жаль.

И гнеть ся хма́ры изя́ли розсува́ти
И бурли́въ вѐтерь съ до̂ждже́мъ устапалъ,
И ужѐ на всхо́дѣ зача́ло свита́ти —
И недале́ко села̀ достига́лъ.

А по задъ цёго лія́ло ся и лія́ло
И бли́скъ за бли́скомъ мигота́лъ горо́вь:
Якъ коли́бъ ко́рчму зальа́тись завзя́ло
И гро̂мъ за громомъ весь во́здухъ поро́лъ!

А корчмаре́ви въ страху̀ и трево́зѣ
Гне́ть подоро́жный прина́де въ дога́дъ:
„О щожь о̂нъ бѣдный чи́нитъ въ то̂и доро́зѣ,
Чей ся до ме́не пове́рне наза́дъ!“

Со́вѣсть му се́рдце зга́дковь пожера́ла —
А ка́ру Бо́га прига́довалъ гро̂мъ!
Душа̀, що любвѐ для бли́жныхъ не зна́ла
Судьбу̀ небе́сну вѣщува́ла въ то̂мъ!!..

Перепу́женый засну́ти не мо́же
Съ сумно́ю га́дкою при о̂коне́ци се́лъ —
„Прови́ны мои простѝ менѐ Бо́же!
Вздержѝ ще ны́нѐ спранедли́вый гнѐвъ!!“

Но Богъ ласка́вый, не за́разъ каре́е
Хотя́й не оди́нъ тя́жко провини́лъ —
Нашои попра́вы, поку́ты чека́е
И корчмаре́ви часъ той продолжи́лъ.

Лише пивни́цю по́вѣнь по́дмули́ла
И всю горѣлку по́рва́ла съ собо́ю,
Щобъ бо́льше людій зъ уму не зводи́ла,
Въ бе́звѣсть попли́ла съ гро́мкою водо́ю!

Ячола.

78.

Проціе́нье оби́дъ.

Ликѕргъ, сла́вного Спарта́нъского законода́теля о҃дари́лъ былъ одно́го ра́зъ де́рзкій молодо́й челове́къ на́лицею по лицю̀. Наро́дъ о҃кида́вши окрова́вленое его̀ лицѐ такъ розсе́рдилъ ся на҃того молодо́го челове́ка, що о҃тда́лъ его̀ само́мъ Ликѕргѕ, абы то́йже провини́вшого, о҃кара́лъ по свое́й во́ли. Ликѕргъ взялъ его̀ съ собо́ю; но въ мѣсто ка́ры каза́лъ о҃нъ емъ совѣ́ сказовати и постѕна́лъ съ нимъ дѣже благоскло́нно и ласка́во.

Ялка́ндеръ, такъ называ́лъ ся той молодо́й челове́къ, исполна́лъ охо́тно всѣ его̀ повелѣ́нїа. Ѣздячи свѣ́дкомъ нао́чнымъ стро́гои Ликѕрга жи́зни и҃трѣдолю́бїа, нача́лъ о҃нъ съ ко́ждою хви́лею его̀ бо́льше почи́тѕвати а наконе́цъ чистосерде́чно роска́ялъ ся, що такъ велйкого и честнѣ́йшого мѣ́жа образи́лъ.

Примѣ́ръ то́го взоро́вого мѣ́жа такъ си́льно на Ялка́ндра подѣйствѣ́валъ, що о҃нъ самъ по коро́ткомъ часѣ́ не шо̀ попра́вилъ ся, но и цѣлко́мъ перемѣни́лъ свой плохїй и де́рзкій нравъ.

В. Волянъ.

79.

Ла́стôвка и воробе́цъ.

Ла́стôвка весно́ю защебета́ла:
„Всего́мъ сн добра̀ лѣтомъ узбира́ла —
По́лнй ѣ̃ ма́ламъ всѣ оборо́ги . . . .
Тепе́рь зъ дале́кон прійшла́мъ доро́ги;

Не заста́ламъ до́ма ни́чъ,
Бо все мнѣ съѣлъ воробы́чъ —
Перевѣлъ, поѣлъ, попи́лъ,
Менѣ куска̀ не лишы́лъ!"

Воробе́цъ ска́че, въ о́чи ей плюѐ:
„„Кто на хлѣбъ ро́битъ, ха́ты пильну́е, —
Кобы̀ ты лѣтомъ на хлѣбъ робы́ла,
Тобы́сь въ зимѣ ся не волочы́ла.""

Пчола̀.

80.

Дро́хва.

(Изъ Фогля.)

Дро́хка есть на́йвôлькшою европе́йскою пти́цею, хотя̀ ѣ̃ жзрасте́ль съ ско́ими высо́кими нога́ми и до́лгою шы́ею що до высо́кости перевышша́е о ко̂лька ца́лекъ. Я пре́цѣнь ма́ло кто̀ ю зна́е къ Нѣмéччинѣ, а на́веть и не мно́гїи тамъ, где она̀ властúво перевыка́е, ко́ло Крúмъ, къ долúнахъ се́верной Гре́цїи и на остро́вѣ Сгрéа; понеже она̀ е́сть дзже полохлúвою, вожлúвою, мздрою и прозо́рною пти́цею, котра̀ при наймéншомъ сомнúтельнôмъ нлй новôмъ пожлѣ́нію и порзшéнію изъзмѣкла́е ся и о̑тсíлзе охорони́ти и спастѝ севѣ ѣ̃къ найско́ршимъ вѣ́гствомъ. Къ

то́мъ сѧ́жать ей бо́льше но́ги ѩ̃къ кри́ла, хота́й и тѣ́и розпростёртіи ма́е ѩ̃къ стрѣ́сы при вѣ́гстѣ, къ котро́мъ и его́ зале́дво хо́рть догна́ти мо́же. Одна́кожъ мо́же она́ тако́жъ и лѣта́ти и зна́чно сѧ къ горѣ́ къ воздѣ́хъ взнестй, що сѧ дѣ́е и́менно къ осенй и зимѣ́, колй то она́ звычайно къ бо́льшо́мъ токарйшестѣ милёвй о́твыка́е по́дорожи. Са́мцѣ, котрі́хъ о́тличае коённый о́усъ, сѣ́ть осове́нно на ѩ̃рй дѣ́же охо́чими до ворвы; при тихъ ворва́хъ встае́ ймъ до горй нѣ́рье на голове́ и поро́дѣ, онй о́удара́ютъ хвосто́мъ о зе́млю къ по́лко́лѣ, ѩ̃къ то ро́бятъ йндоры, и кѣса́ютъ и по́дскака́ютъ насйлно одйнъ проти́вѣ дрѣ́гомѣ. Ло́вятъ ихъ на конй верхо́мъ и ско́рыми псами; пере́дъ котрі́ми найбо́льшй ма́ютъ стра́хъ. Зако́нды одна́кожъ есть ихъ ло́вла дѣ́же тажлйвою, а о́усне́хъ можъ звычайно осагнѣ́ти лишь чере́зъ ѩ̃кѣ крѣ́тню, н. пр. чере́зъ перевра́нье сѧ ло́вца́ и т. д. поне́же та хи́тра птйца зна́е до́вре по́знава́ти и розлича́ти ско́йхъ коро́бовъ и ихъ орѣ́жье.

Въ Крймѣ, оповѣда́е одйнъ подоро́жный, надкйвываемъ ча́сто гѣ́рмы по со́рокъ до пятьдеса́ть дро́хъ, котрі́хъ на то́й майсо́й, ро́кно́й пло́щи при ихъ велйкости можъ вѣ́ло о́увйдѣти въ о́тстоа́нію ѣ̃кйхъ три ке́рсты. Ско́ро во́зъ о́узрѣ́ли, изъмѣ́ли сѧ; передн'ѣ́йшій, котрій снадь ѩ̃ко найста́ршій и наймѣ́дрѣйшій чатвёли, позира́ли, вытагнѣвши до горы до́лгѣ шкію, недовѣрчйво на сближа́ючій сѧ во́зъ и здава́ли сѧ сѣдйти, чи о́нъ не о́укрыва́е ло́вцѣвъ. Не разъ дава́ли на двѣ́стѣ кро́ко́въ къ со́нѣ сближи́ти сѧ, о́уѣта́ли одна́кожъ потомъ тажѣ́ло сѧ подносячій, ско́ро

покóзчикъ стáлъ, абысьмо могли́ до щихъ зъ рѣчни́цьѣ вкопалити. Поединóкого человѣка прицѣстатъ они́ залѣдко на четы́риста крóкóвъ до сéбе. Бездѣла старáлъ сѧ мóй товáрищь щихъ обманѣти завикáючи сѧ къ кожѣхъ; дрóхвы помѣрковáли, коró кожѣхъ óкрыкáе, и взнесли́ сѧ до горы́ къ óтстоя́нію, къ котрóмъ не моглáвы щихъ кѣлъ досягнѣти. Но при всéй щихъ осторóжности, недовѣрчи́вости и мѣдрости, зна́е хи́трый человѣкъ и на щихъ спосóвы: Звычáйно выѣздже́ пять или шѣсть стрѣлцѣвъ волóкымъ кóзомъ къ стéпи; скóро дрóхвы ова́чѣтъ, кладѣтъ сѧ плáзомъ на вóзѣ и овкѣздже́ютъ помáлѣ стáдо. Къ нéкимъ óтстоя́нїахъ зъсѣдáе сѧ одни́мъ по дрѣгóмъ изъ кóза, и остáе на земли́ розпростéрто лежáчій. Дрóхвы подивлáютъ на вóзъ съ велúкою óважáгою, не пóдлѣтáютъ одна́кожъ до горы́, ѣкъ дóлго вóзъ есть óтъ щихъ óтдалéный на вúстрѣлъ. Скóро сѧ тáмъ óвкѣздка совершúла, то ѣде послѣдный стрѣлéцъ, котрúй сѧ лишúлъ на вóзѣ, прóсто къ дрóхвамъ, котрїи пóдносячи сѧ тяжéло надлѣтáютъ зáвсѣды къ засáгъ вúстрѣла одного́ зъ докóла поставлéныхъ стрѣлцѣвъ.

Мáсо дрóхвъ не есть такъ вкúсне ѣкъ кóропáткы, одна́кожъ мáе выбóрный смакъ дичины.

В. К.

81.

Бóрлáкъ.

Сóнце западáе
За высóкй гóры,
Товáръ повертáе
До свóи обóры;

Лишь я́ нещáстный безъ кутà, безъ хáты,
Где гóлову склóню? не знáти — не знáти.

Лúстъ гонéнъ вѣтрáми
Хоть колúсь спочúне,
А лодúя водáми
Бéрега достúгне . . .
Лишѣ я́ не могу́ путь мóй укóнчúти,
Анѣ ся до мóго бéрега добúти.

Пташúна малáя
Своѐ гнѣздò мáе,
Сли бýря страшнáя,
Онà ся ховáе;
Лишь я́ дождж̀ѣ, бýрю терплю́ бѣдолáка
Слотà и погóда, то менѣ однáка.

Я́къ гóлубъ сивéнькій
Не вéрне до пóчи,
За нúмъ дрýгъ милéнькій
Продивлúе óчи;
Лишь менѐ никóго немà хоть снóмнути,
Долгóжь такъ на свѣтѣ въ самóтности бýти?

Вúджю въ супокóю
Жiютъ дрýгiя лю́де
Крáсною веснóю
Дúхаютъ ихъ грýди;
Лишѐ моѐ гóре нигдѣ́сь не лишúло,
Абы хоть годúнку сéрдця не мутúло.

Кто разъ дорогѐ
Сéрдце пострадáе,
Тому́ щáстье все
Вѣчно ýтѣкáе,
Лишѐ сиротóю, бурлакóмъ стаѐ ся,
Никóли до щáстя снóго не добье ся.

———— *И. Гушалевичь.*

82.

Когѣтъ.

(Изъ Ленца.)

Крáсный, гóрдый и отважный когѣтъ есть мéжи всемъ дрóбомъ найпрїемнѣйшїи. Въ горѣ несѐ онъ свою окорѣнóванѣ гóловѣ, на всѣ бóки стрѣлáе своїми огнйстыми очíма, и жáдне невеспечéньство не знáйде егò не приготóваного такъ, акы сь не постáвилъ до бóрбы. Гóре кóждомѣ чѣжóмѣ когѣтóви, котрый сь повáжитъ, мéжи егò кѣркмй сь показáти, и гóре кóждомѣ человѣкоки, котрый сь повáжитъ, въ егò присѣтствїи котрѣ изъ егò любóкъ зловйти! Все, що гадáе, то знáе онъ розлйчными тóнами и розлйчными постáвами тѣла выразити. То нарáзъ чѣти егò гóлосно склйкѣючого свой любкй, скóро где выпиналъ шкe зéрно, понéже онъ подхлáе сь нйми всё, що надывае; то знóвъ вйдно егò гдесь въ закѣтнѣ гревлючого, где всѣмà сйлами сь старáе, зровйти гнѣздò для тóи кѣрки, котрѣ предъ всѣми найвóлыше любитъ; потóмъ самъ на челѣ провáдитъ въ пóли свою гѣрмѣ, котрóи онъ есть и зарытйтелёмъ; но залéдво постѣпилъ шкйхъ сто крóкóвъ, то почѣлъ изъ стáйнѣ рáдостный кóсклшкъ кѣрки звѣщáючи, що шйце знесла. Кѣрцéмъ кертáе назáдъ, поздоровлáе ю лагóднёнько и милёнько, а такъ потѣшивши ю и себѣ самóго вѣжйтъ чимъ скóрше до свóго вкипровадженого вóйска, акы емѣ знóвъ предводительствѣвáти. Найменшѣ отмѣнѣ въ воздѣсѣ почѣе, и звѣщáе тѣю свóимъ голосныймъ пѣнїемъ; такймъ голосныймъ пѣнїемъ звѣщáе онъ, колй есть полночь и колй мáе свитáти, онъ есть

йстымъ часомѣромъ для селанйна. Скóро взлетйтъ на ѿкйй плóтъ абó дáхъ, то бїё сйльно крйлами, пѣе, и здаѐ сѧ ѿкъ бы хотѣлъ вымовити: „Тѣ й пáнъ! и ктожь сухóчє сѧ змѣрити съ мнóю?“ Я сли его ѿкйй человѣкъ наженѐ, то знóвъ пѣе изъ всéи сйлы, и шѣтйтъ принáймнѣй собѣ зъ вóрога, котрóмѣ не мóже шкóдити.

Найкрасивѣйше окáзѣе онъ своѐ цѣлѐ велйчїе, сли раненько зиждивши сѧ дóлгимъ спокóемъ, опѣститъ вáнты абó кóецъ и передъ немъ всѣ настѣпѣючйи кѣры рáдостно витáе; но ещѐ красивѣйшйй и гордѣйшйй есть тогды, колй долетйтъ его óухá крйкъ ѿкóго чѣжóго конѣтá. Онъ присѣхѣе сѧ, опѣскае крйла, стáвитъ сѧ потóмъ отважно, óударáе крйлами, и вызываѐ голосным пѣаньемъ до бóрвы. Скóро вóрога обачитъ, идѐ протйвъ нéмѣ отважно, не зважáѧ чи протйвникъ есть малый илй велйкйй, абó кидáе сѧ скóримъ бѣгомъ на нéго. Нарáзъ схидѣтъ сѧ онй, пѣрье кóло шыѣ встаѐ до горы и становйтъ цйтъ, изъ очйй сыпле сѧ огéнь, и кóждый изъ нихъ старáе сѧ дрѣгого повалйти, скачючй одйнъ напротйвъ дрѣгого съ всéю сйлою. И котрыйже преодолѣе? Обá ѿкъ здаютъ сѧ быти рóвнйи въ сйлѣ, такъ и на отвáзѣ жáдномѣ не бракѣе. Кóждый изъ нихъ старáе сѧ вышшого взыскáти мѣстца, абы зъ тóго съ бóльшою сйлою мóгъ сѧ бороти. Долгѐ трваѐ бóрва, но все не мóже онá трвáти. Сйлы не взмагáютъ сѧ, но чимъ разъ óупадáютъ; настѣпáе хвйля отпочйнкѣ; съ звѣшеною головóю, до оборóны за éдно готóвй, клювомъ нйпаючи по земли, ѿковы черézъ тóе шѣтйли изъ вóрога, що посéредъ бóрвы такóй собѣ смакѣютъ, стоáтъ онй

проти́вѣ сѣ́ѣ. Нара́зи запѣ́ѣ одни́хъ славны́хъ и непѣ́вныхъ го́лосомъ, поне́же ещѐ не о҃тдыхнѣ́въ до́вре, и къ сей часъ ме́че са дрѣ́гїй на нѣго. Съ поко́ю лю́тостїю о҃ударя́ютъ на сѣ́ѣ, во́рютъ са ѣ́ко прѣ́жде, одна́кожъ на коне́цъ зъ о҃томле́на са а́нѣ но́ги а́нѣ крила не сѣ́ть здо́вий до во́рвы, а тогды то вер҃тъ са они до послѣ́дного, и найстрашне́йшого ор҃жка. Они не скачѣ́тъ о҃ужѐ во́лыше, но ѣ́кавы гра́ды такъ одни́хъ о҃ударъ послѣ́дѕе за дрѣ́гимъ клю́вами, и за хвилькѣ лѣ̀ са кро́къ цюрко́мъ изъ голо́къ. Наконе́цъ онѣ́ска́е о҃тка́га проти́вника; по҃ддае са и онѣ́ска́е мѣ́стце во́рвы; но тепе́рь ещѐ полѣ́читъ одни́хъ си́лный о҃ударъ о҃тъ ско́го гони́тела, и такъ ко́нчи́тъ са гора́ча би́тва: они о҃тѣка́е, ѣ́житъ нѣ́рке на цѣлбо́мъ тѣ́локѣ, взно́ситъ крила, онѣ́ска́е хвѣ́стъ, шѣка́е где ѣ́ко́го закѣ́тка, скѣ́литъ са, и кѣдкѣда́кае гейвы кѣ́рка, поне́же ѣ́ко кѣ́рка, гада́е найти́ то́е сожале́нье, ѣ́ко́го не мо́же са ѣ́ако корѣ́тъ на҃дѣ́ати. Повѣдѝтелъ одна́кожъ не дае са жа́дными кѣдкѣда́канемъ обманѣ́ти; о҃тътхнѣ́вши вїѐ кри́лами, нѣ́е и спира́е са гони́ти ско́го проти́вника, котрки́й са о҃ужѐ во́лыше не поро́нитъ, хота́вы и скончалъ са по҃дъ о҃да́рами ско́го розлюше́ного повѣдѝтела. Я же за зви́чай дома́шный корѣ́тъ съ во́лышою о҃тка́гою са по́ре, есть очевѝдно; и рѣ́дко про то́е отка́жѕе са повѣжде́ный, слывы съ ними по҃здне́йше и на одно́мъ обѫистїѡ жилъ, коли́ знокъ съ ними са мѣ́рити.

В. К.

83.

Пчола̀ и моты́ль

По улѝвно̂й, но̂чно̂й ту́чи
День весня́ны́й засвита́лъ;
Не за до́лго со́нця лу́чи
Бли́сли я̆́сно скро̂зь хмаръ валъ.

Вся тварь въ ско́рѣ зъ сну трезвѣе,
Все живо́тно въ о́ка мигъ
Въ воздýсѣ и низъ двизѣе,
Мче скванли́во на подви́гъ.

Блица́чїи ро́сы пе́рлы,
И скупле́ныхъ мра́ко̂въ смугъ,
Ско́ро со́нця лучи съже́рли,
Побренѣла пчола̀ въ лугъ. —

Щобы́ зъ цвѣта медо́къ сса́ти;
Сцо́бить пѝнцокъ въ ѕелъ колна́къ,
Тужь при ней моты́ль крила́ты́й
Стрепота́лъ ся я̆́къ вѣтра́къ.

„Що ту ро́бишь му́хо бу́ра?
Мерзи́шь ми найкра́сшїй цвѣтъ!
Ине́шь ся по ѕѣлю я̆́къ цю́ра —
О́ваде, го́рькїй ти свѣтъ!

Я̆́къ клѣщь росы́ ся опи́ла
Ле́дво ды́хае я̆́къ мѣхъ,
Кривы́ ла́бы въ ды́бы во́йла,
Ой не здержати ужѐ смѣхъ!

Я̆́ то на цвѣтѣ ся зна́ю,
Цвѣтною ша́тою знакоми́тъ
Всѣ въ ско́рѣ въ кругъ облѣта́ю,
Я̆́къ мура зъ ни́хъ во́ни сы́тъ!“ —

„„Смѣй ся, лѣтáй, мóй мотылькy,
Не за дóлго впáдешь въ сѣть;
Пустúй хлóпецъ вткнѣ на шпúльку,
Тай сховáє въ стклúнну клѣть!

Й тымъ чáсомъ хоть новóли,
Слóжу мéду до шшúць,
Собѣ въ зúму, ґаздѣ къ нóли
Вóскъ до церквéй тай свѣтлúць.““

Лукà зъ Рáкова.

84.

Оу тéбе самóго éстъ свóй рóзумъ.

(Изъ Влад. Даля.)

Козéлъ оўнáдилъ ся оў городá: взвáло йкъ тóлько пастýй кúжеўтъ свою чéредь, то цапóкъ зъ рáзъ йкъ дóврый идѣ, головóю покúвае, бородóю потрúсае; а скóро улóпцѣ присáдўтъ где оў кáрбъ камѣнчиками вáкити ся, то цапóкъ простѣсѣнько вѣжúтъ въ капўстъ. Разъ пóйшóлъ óнъ тóюже знакóмою дорóгою — идѣ совѣ та пофúркае. — На той часъ óтскúла ся дзрúна óцà óтъ чередкú, зайшлà въ взрáнкы, кропúвъ та лопўшúйкъ, стáла тай блéе и оглядáе ся, чи не знáйде ся йкúй дóврый человѣкъ, щокú ю кúвѣлъ изъ тóй вѣдкú. — Оўкúдѣвши кóзлà, оўрáдовала ся йкъ рóдномў врáтоки; „пóйдў,“ кáже, „хоть за нúмъ, чей óнъ менѣ кúведе; таже менѣ не першúна за нимъ итú, оў насъ на перéдъ чередú такóжъ заéдно козéлъ хóдитъ; за нимъ идú смѣло.“

Пóйшлà овéчка за кóзлóмъ; óнъ черéзъ рóвъ, и онà черéзъ рóвъ; óнъ черéзъ тúнъ, онà совѣ черéзъ тúнъ, тай заврúла ся нимъ въ огорóдъ. Егó рáзъ

загла́нѣлъ ѣкóсь то огоро́дникъ ра́ньше къ своїо́ капѣстѣ, и ова́чилъ непрошéныхъ го́стей: оу̑хо́пилъ хворости́нѣ, та пѣсти́лъ са до нихъ на привита́нье. Козе́лъ метчѣйшїй оу̑спѣлъ перескóчити назáдъ черезъ тинъ, дра́нѣлъ тай пóйшóлъ совѣ къ чи́сте по́ле; а вѣдна овéчка замота́ла са, ста́ла ки́дати са зъ перенѣдъ на всѣ сто́роны, тай попа́ла са въ рѣки. Не жа́ловалъ же и огоро́дникъ свóи хворости́ны, са всѣмъ ю поломáлъ на вѣднóй овéцѣ, такъ що оу̑жé она́ ста́ла не свóимъ го́лосомъ, а помогчи́ нема́ комѣ. На конéцъ огоро́дникъ подѣмавши совѣ: ѣкїй гаразда! еще оу̑вїёшь дѣрнѣ ѣвцю, та потóмъ госпóдарь напастова́ти вѣде — и вы́гналъ ю коротцáми, але еще такóй на доро́гѣ па́рнѣлъ ѣкъ вздóлжъ дóвре хворости́ною.

Прїйшла́ ѣвца́ въ че́редь тай пла́че на ко́зла́; а козе́лъ ка́же: „а кто товѣ казáлъ хвостóмъ за мно́ю вы́гати? ѣ пóйшóлъ, та на своїо́ го́лови; а колй мѣжи́къ менѣ кы́паритъ бо́ки, то ѣ ни на ко́го не вѣдь пла́кати, ни на госпóдаря, чомѣ домá не годѣе, ни на пастýха, чомѣ не сокоти́лъ менé — но вѣдь молча́ти та терпѣти. Я ты для чóго понеслá са за мно́ю? ѣ тебé не кли́калъ.“

И козе́лъ, хоть ледáцю, пра́вый въ сѣмъ дѣлѣ. Смотрй ко́ждый свóими очи́ма, розвира́й свóимъ оу̑момъ, та идй тѣда́, кѣда́ лѣчше. И оу̑ насъ такóжъ такъ быва́е: оди́нъ пѣститъ са на ѣкїй вѣдь грѣхъ; а дрѣгїй дивчи́ са на не́го, нѣжъ совѣ за ни́мъ, а потóмъ ѣкъ попáде са въ вѣдь, парѣка́е го́рько на оу̑чи́теля свóго. Я чижъ оу̑ тéбе самóго не вѣло свóго ро́звмъ?

——— *ІА. Головáцкій.*

85.

Хмаролóмъ.

Чомýсь нéбо сýмно, бýрно!
Чóрна хмáра гудѣ;
Въ ней клекотúтъ — гейже дýрно!
Скажѣ́тъ, що то будѣ?
Весь небосклóнъ затемнúлъ ся,
Щось свѣ́тонько засмутúлъ ся,
Чогóсь лю́де ся сбѣгáють....
Щось голóсять — щось порóжать —
Непокóять — все ся трвóжать —
Якéсь лúхо завѣчáють!
Чи ужѣ конéцъ свѣ́та?
Ахъ! не знáти, що ся стáне?
Будýщину кто отгáне?
Звѣдай?... Нѣтъ отвѣ́та!

Въ такóмъ непокóю и такóй трвóзѣ бúли сѣ-покóйнíи жúтелѣ села Олышáницѣ, Стапѣслáвокского окрѣ́га дня 24. Лúпця 1851, пóки имъ нéво гнѣвлúвое не дáло страшного отклѣ́та!

Оужѣ́ напередъ завѣчáли лю́де на три потóпы сéго гóда, приключúти ся маючíи; но нáшй жúтелѣ не вѣдѣчи при кóдахъ, не надѣ́вали ся вóльшои опáсности, якъ тѣчи и грáдѣ, а о потóпѣ ниже дѣ́мали. Но що лю́де говорúли, то выговорúли, а нéво исполнúло тóе на нихъ, хотя́ отъ кóдъ далéкихъ.

Отъ дóсвѣта речéного дня, занимáли ся лю́де весéло жнйкомъ, пользюючи ся рѣ́дко сéго лѣ́та придáрившимъ ся ясным, крáсным днёмъ. — Зъ полѣдня настáла не зносúма пáрнóсть и дѣшнóсть, а предчѣ́вствовáло настоящю отмѣ́нѣ воздѣ́ха; но ясность нéва, спокóйность и

тóе, що днёмъ впередъ тъча градова съ великою злúкою тъдà переходúла, не допъскáли вѣрити въ предчýвство! Однáко о пôлъ до шéстои годúны по полъдни сполнúло сѧ въ стрáшный спóсобъ тóе, що предчýвства запокѣдáли. — Óжè окóло четвéртои годúны повѣйали сѧ òтъ сѣверно-костóчнои стороны вѣлáвїи хмáры, котрїи мовь высóкї гóры напръго, одни на дръгихъ выростáли, и ѣковы изъ задъ всѣми вихрáми гнáнї, садúли сѧ надъ нáше селò, и въ окрéстностѣхъ егò овкисáли. Не минъла годúна, а въ перевéртахъ, въ вышъ и въ нúзъ гонéнїи хмáры сръпáли сѧ, змѣнúли сѧ въ тéмракъ, и саслонúли лицè свѣта чóрною нóчи поволóкою. Грóмы загрáли, мовь пѣснь погúбельнъ передъ страшнымъ съдомъ! а пéрънъ рѧснúми óгдáрами запокѣдáлъ съмоглáдъ природы! —

Темнотà грънла огорнъла зéмлю, а еще грънша тъгà и съмъ огорнъли сéрдца людскúй, и лúшь блúскавицѣ неóстáнно продирáли тьмъ, щобъ жúтелѧмъ ѣвичнѣйше гúбель óказáти. — Такъ трвáло до пôлъ до шéстои годúны. Хмáры никъда не посвáли сѧ, гейбы тътъ имъ почовáти; и такъ сѧ стáло. — Мáло згодà — зачáлъ вúхоръ лáгодити для щобъ легóвище; а по тóмъ на часúнъ все óтúхло. . . . Мóвлены природа застановúла сѧ надъ тымъ, що мáла сдѣлáти! Вразъ глухúй шъмъ, ѣко лихоносный корожвúтъ зъ лѣса завúлъ а великúи кáналъ дождъ ѣли сѧ прокидáти, и запокѣли úгрище. — Нечаáнно встрасли сѧ завѣсы нéба, а стéлѧ висáчихъ надъ нáшими головáми хмáръ зачáла сѧ съ трéскомъ ломúти. Вся природа застогнáла; а звонъ страхà заковзáлъ

смертѣльныхъ до молитвы; все що жило, оупало на колѣна и рыдало: „Отче нашъ!“

Гвдѣло, клекотѣло, громы были а воды мовь изъ конвы жвхали — тьма и литїе не дозволяли и найотважнѣйшомв появити са на свѣтъ — заликъ роспочалъ гостинв! . . . Година — не сорокъ днїй! Ухъ, тажко оувѣрити, що за вйдъ оказалъ са очемъ нашимъ, когда свѣтло опять заграсло, и мы подикли са, оузрѣвшьмо потопъ, за якїй никто въ Ольшаници не прика-же! — Всѣ хаты окрыжили са водами, оулицѣ и провалы стали са рѣками, а потокъ, котрый повсегда имени свого са встыдае, игралъ волнами широкого Дѣнѣра! Воды всюда прядомъ гнали, въ мгновенїи совръли са въ котлинв посередъ села и оуторили море, на котромъ до совершена страшного образа, мѣсто кораблѣвъ цѣлїи вдники плывали; словомъ сталисьмо са ненадѣйно надморскимъ селомъ. — Но и въ сей великой пригодѣ благодать Божа была съ нами! разъ, що потопъ не заточкалъ оу насъ, а потомъ, що горбковатое положенье не дозволяло розширити са погивели; а на низинѣ, где воды совръли са, не было оуже одной хаты, котра въ самотности прежде тв стояла, и лишь там стала са жертвою розрѣканыхъ, лютыхъ волнъ. Жителѣ тои оуратовали са тимъ, що были въ поли, и лишь одна стара женщина, стерегша домв, попала са въ опасность. Вода застала ю, коли изъ скринѣ одежи на нѣчь ратовала; но оузрѣвши ворога въ окна и двери впадаючого, покинвла скрыню и ратовала са до шопы; а коли ю и тамъ дика стрѣла погонила, выдовѣла са на подро; зъ

ôттамъ изгна́на, послѣ́днее привѣ́жище на верхъ шо́пы зана́ла взыва́ючи по́мочи! Но нада́рмо; во кро́мѣ: „най та Богъ ратье!“ вѣ́льшои ôтъ перестра́шенныхъ по́мочи оде́ржати не могла́.

На зо́йкъ, кри́къ людій приспѣ́лъ свящѣ́нникъ съ оу̑чи́телёмъ, а тôй послѣ́дный рѣ́шилъ са въ сей часъ по́рить въ то́пель, допла́лъ пластайво стрѣ́хи выглаждаючои изъ водѣ, и спа́слъ на по́лъ заковазлъю старъю женщи́нѣ ôтъ неохи́вной сме́рти.

Но то́е вѣ́ло лишь нача́ломъ стра́шного зрѣ́лища и разоре́нѣ, котро́е пото́мъ имѣ́лъ въ намѣ́ренію.

Опъсти́вши Ольша́ницю, погна́лъ въ простъ долина́ми, завра́вши мостѣ, гревѣ́, де́рево и мали́къ при гора́ни, и совокъпи́вши са по доро́зѣ съ четы́рма, въ окре́стностёхъ Ольша́ницѣ возвра́нными вода́ми, гейбы дъна́ми, до Ми́лована. — Тамъ спе́ран са во́лны съ довы́чею на ка́менно̑мъ, твердо̑мъ мо́стѣ, а не могъ̑чи его̑ преодолѣ́ти, въ нетерпи́вости ки́нъли са на лѣ́во въ бо́къ, и оу̑да́рили на ко́рчмъ тъ при гости́ници сто́ящъ. Въ ней засто́ли кро́мѣ роди́ны шинкарѣ и мно́гихъ зъ по́ля поътѣка́вшихъ ро́льнико̑въ не ма́ло тако́жъ покло́нникъ̑въ корчѣ́много бо́га „горѣлки“. Пѣ́нїи протверёзили са ско́ро, прочита́вши велѣ́кими бъкваме въ о̑кнахъ и две́рѣхъ написаный де́кретъ: „Сме́ртъ пѣ́нїцамъ!“ Не вы́ло оу̑жѣ́ часъ̑ до да́лшои при кватѣ́рцѣ забавы; а хотѣ́ цѣ́ла пивни́ца вы́ла ôтве́рта, нико́мъ не прїи́шло не га́дкъ и загла́нъти въ тъю; но проръва́вши сте́лю чимъ ско́рше спѣшили всѣ на по́дро и полиша́ли и гро́ши и къха́ль. Тамъ ра-

ховáли сѧ скóро и сóвѣстно, а видячи смéрть предъ очíма, вíли сѧ въ грѫди, мовлячи: „Бóже! ѿпѹстíй намъ, — за нáшѫ то провíнѫ карáе сѧ мíръ —“ а попородирáвши стрѣхѫ овчáвíли въ стрáшно вавдкíхъ лíцахъ своѥ покáнье! — Вкíшше трéхъ лóктей назнаменовáлъ потóпъ стѣны корчéмного мѫрѫ и написáлъ про вѣчнѹю пáмятькѫ: „ѻтты изгнáлъ Бóжíй дóпѹстъ пѣкóвъ потóпомъ.“

Ѻттáкъ оухрáвши пóлъ мѫрóканоп кѫзницѣ и затопívши двѣ хаты, взáвши фíгѫрѫ стремíла сѧ повóдь широкимъ гостíнцѣмъ и долинáми до Юркóвки.

Я ѿтъ тóго мѣстца зачáло сѧ страшное разорéньке, тимъ вóлыше опáсне для непáстыхъ жíтелéвъ, що песподѣвано тáм залíва предъ вéчеромъ на нѭхъ спáла, а що вóлыше, оу нíхъ и дождѫ велíкого не вкíло. На вставъ завралá двѣ хаты сѧ жíтельми, и сѧ всѣмъ имѣнѣемъ; но перевѣгла скóро тóе малóе сельцѣ, заплатívши совѣ немилосéрдно свóй трѫдъ трéмя хатáми, четырмя вздкíнками и седмí людьмí, мéжи котрыми мáти сѧ пáтеромъ дѣтíй жéртвою стáла. — Съ тíмъ завóромъ ломíли сѧ вóды тѣснымí долинáми и ѫрѫгами до Рóшнека, котрóго жíтель по оузкíхъ закѫтинахъ и по берегáхъ ѫрѫговóго потóка поселíли сѧ. Тамъ не могѫчí сѧ помѣстíти въ ѫрѫгóвыхъ потóкахъ, кíнала на село; спѫстóшила огорóды, сады, разорíла кóлькадесять вздкíнковъ, завралá вóлыше дéвять хáтъ цѣлкóмъ, и погребла въ скóпхъ кóлнахъ двáдцать и одногó всáкого пóла и вѣка людíй. Но не досыть на тóмъ, не насытíла сѧ пóвѣнь; дышучí зá повымъ жíромъ, пог-

нáла на Стриганцѣ. — Тѣтъ ѡтъграло сѧ послѣднее сѣмогладда ѡвленье:

На низинѣ начинáющого сѧ тѣ Днѣстрóвого ѡуверéжа, розпростирáютъ сѧ рѣстúми переселéнїѧми Стриганцѣ, ѣкъвы на тóе, щобъ мáли сѧ тѣдà простирáти смертонóсній стúхїи. Истинный дивоглáдъ ажь тѣтъ совершúлъ сѧ. Незмѣрúмымъ валóмъ котúли сѧ на всѣ бóки вóды, несѣчúи на свóихъ волнáхъ домы, стодолы, кошницѣ, плóты, дéрева, ходóвѣ и людúи. Валúли, розвивáли и завирáли все, що имъ пѣть спинáло. Однà лишь мѣрóвана горáлына и мóстъ постáвили сѧ опóромъ. Тѣтъ розпочáло сѧ мóрское бомбардóванье. Все плывѣчое крѣшúло сѧ и ломúло сѧ о стѣны мѣрóвы; и зáкимъ тáм крѣпость пѣддáла сѧ, и велúтнй кáменнй запóры ѡупáли, кодà ѡудáрила на лѣвое крúло села, и тамъ не милосéрдно гостúла. Не минѣла и кóрчмѣ, тѣю серéдъ села лѣпотóю блыщáчѣю палáтѣ. Затрепетáлъ по пéркшій разъ стоáчій на корчéмной фацїáтѣ, золотúмъ вѣнцéмъ ѡукрашéный, въ лѣвóй рѣцѣ жéзлъ грознóвый, въ прáвóй золотѣ чáшѣ держáчій — вóжка пїáковъ Бáкуъ! Цѣлà залóга пїáцка не вдáчна и не вѣрна опѣстúла тогдà свóго вóга и егò вóлдѣръ — ѡувѣгла кѣдà моглà, взносячій рѣки не до нéго, но до нéва! а вóды и намѣлы рѣлáли и рѣкáли по прострáнныхъ и пѣстúхъ комнáтахъ палáты. Тимъ часóмъ везъ ладѣ вывирáлъ пóтонъ дáнь такъ не сóвѣстно, що въ однóго замóжного господáря, одынáдцать вѣдúнкóвъ и дéвать дѣшъ вúдерлъ; а рéшта села оплатúла сѧ миóжествомъ ходóвы и розлúчныхъ вѣдúнкóвъ, — о звóжю и огородúнѣ ни споми-

на́ти — а до то́го ещѣ́ житьє́мъ се́дмеро люді́й; по́топъ оста́вилъ за то́е лишь сѣ́мнѣ́й дока́зъ: „що нѣ́тъ по́дъ со́лнцемъ ни́чъ постоя́нного."

Не мо́жно описа́ти нѣ́жды, въ котрѣ́ попа́ли съ послѣ́дніи два се́ла; доси́ть сказа́ти про все: „Сме́рть и разоре́нье!" Съ захо́домъ со́лнца зако́нчилъ съ сѣ́могла́дъ; а акто́ры по велі́кой ве́чери поспѣ́шили съ рѣ́готомъ до Днѣ́стра на спочи́нокъ. Но́чь покры́ла сѣ́мное зрѣ́лище, а лишь нѣ́мъ о́тпада́ючихъ во́дъ, за́во́дъ и пла́чъ нещасти́выхъ жи́телѣвъ, и ревъ вѣ́ка́ючихъ съ ско́тѣвъ, голоси́ли но́чію о стра́шной прого́дѣ.

На дрѣ́гій день, колиськмо огляда́ли затопле́нні мѣ́стця, и коли́ о́ткры́ла съ намъ карти́на разоре́на, стра́хъ перена́лъ да́же ко́сти на́ши. Сѣ́мъ и розпѣ́ка, котра́ съ на лица́хъ нещасти́выхъ, безъ кро́ва и оде́жи вѣ́ка́ючихъ съ жи́телѣвъ малюва́ла, тронѣ́ла насъ до сле́зъ! Я о́тчѣвши плачъ и за́во́дъ ма́терій гляда́ючихъ потопле́ныхъ дѣ́тій, мѣ́жей ско́нчъ же́нъ, а дѣ́тій ско́нчъ ро́дичѣвъ — кра́ло съ се́рдце на́ше! Що бо́льше, на ви́дъ лежа́чихъ по берега́хъ и огоро́дахъ тѣ́лъ потопе́лникѣ́въ, огорнѣ́ла насъ печа́ль и мы мѣ́сѣлисьмо ско́ро о́тстѣ́пати зъ того потопо́вого кла́довища!

При сей прого́дѣ слѣ́чилося слѣ́дѣючое: Одна́ ма́ти ратѣ́ючи че́тверо дѣ́тій ско́нчъ зъ ха́ты, коли́ опа́сность разоре́нькемъ грози́ла, схо́пила кре́стикъ на стѣнѣ́ писа́чій и дала́ одно́й дѣ́тинѣ въ рѣ́ки. Но жесто́ка стрѣ́ла не дозво́лила ей лишь свою́ жи́знь спасти́! а коли́ на дрѣ́гій день шука́ла ско́нчъ погибшихъ дѣ́тій, найшла́ тро́е не живы́хъ, а четве́ртого не было. Яжъ около полудня

найшла сѧ дѣтина, занесена на далекіи огороды и окрыта цѣлакомъ намѕломъ — съ крестикомъ вышь помянѕтымъ и съ огпрочками въ рѕкахъ; но дивно и чѕдо! была жива. Чижь суоче кто перечити, що Богъ завсѣды чѕда творитъ?!

М. Козановичъ.

86.

Смерть.

Гаѕный умираѥ кождого дня въ вожни, що колиск умерти мѕситъ.

Безвожный жіѣ кождого дня, ѣкъ колибы нѣколи не малъ умерти.

Мѕдрый однакожъ есть, кто кождого дня такъ жіѣ, ѣкъ колибы малъ кождои годины умирати.

В. К.

87.

Яковъ Геровскіи.

(Сказка посмертна.)

Яковъ Геровскіи, котрого страта гаѕвокіи раны въ сердцю кождого Рѕсина на долгое время произвела, ѹродилъ сѧ 24. Жолтня 1794 р. въ селѣ Новомъ Яжовѣ окрѕга и епархіи Еремискои. Отецъ его Симеонъ а мати Катериna въ домѕ Лозинскихъ хотя не въ найлѕчшомъ состоянію вещественномъ, старали сѧ емѕ дати правдивое христіанское воспитаніе, которое на его цѣлое житьѣ, великое и спасительное ѣаніе мало. Симеонъ Геровскіи вздѕчи при тамошнои

цѣркѣ нѣвцѣмъ и оучи́телѣмъ, самъ съ вели́кою стара́нностїю обыча́лъ свóего любе́зного сы́на къ чтéнїю церко́вныхъ кни́гъ и обрáдовъ. Съ не мало́ю рáдостїю поглядáлъ на свóего сы́на ѭкъ о́нъ при богослуже́нїю церко́вномъ и пѣнїю нераз̀ъ емꙋ по свóей си́лѣ стакáлъ съ помóчникомъ. Но видя́чи дóбрый оте́цъ къ свóемъ сы́нѣ необыкнове́нїе охóтꙋ и талáнтъ къ наꙋкамъ, зъ остáтнего потягнꙋлъ съ тамъ, где трéба бы́ло пáстыре свóи дѣти́ны и цѣлóи родúны основáти, и при кóнцѝ р. 1804. послáлъ егó до трнвїáлнои шкóлы къ Жворовѣ, пóтомъ при кóнцѝ р. 1806. до Лькóва, где трéтю нормáлнꙋ клáссꙋ зъ вескмá задоволáючимъ оусп҃ѣхомъ оукóнчылъ.

Тꙋю старáннóсть нечáлныхъ родúтелей Богъ поблагословúлъ; во сынъ незавѣлъ нхъ надѣи и ожидáнїа. Невúвши вескмá къ си́лѣ и состоáнїю до латúньскихъ шкóлъ, котрїи тенéрь перéдъ нхъ сы́номъ стоáли, посылáти, провѣдѣнье Бóжое, котрóе, íстнꙋ сказáвши, надъ тóю родúною мáло попечéнїе, дáло къ Стрꙋвúцкóмъ, Архидіáконѣ Перемúскóмъ, íскреннего покрокúтела, къ котóромꙋ чꙋвство благодáрности до остáтнои годúны свóго житъ покóйный Геро́вскій сохранáлъ. Благороднѣйшій Стрꙋвúцкій взáлъ молодóго Жкова съ совóю до Перемúшла на оупражнéнїа гꙋмназїáлнїи, где за егó попечéнїемъ къ тóмже гóродѣ гꙋмнáзїю оукóнчылъ. Потóмъ вернꙋлъ съ знокъ до Лькóва для слꙋжанья наꙋкъ Любомꙋдрїа, — По оукóнчéню тóжже 1814 рóкꙋ, отъслáнъ бы́лъ на наꙋки св. Богослóвїа до мѣстского шпитáлнца (конвúктꙋ) къ Вѣдни; тꙋ по оукóнчéню котóрого рóкꙋ свотóго Богослóвїа былъ

поставлéнъ рѣкáми Его Превосходúтельства Митрополúта Гáлицкого Михаúла на нúжшúй стéпень Свящéнъства 3. Березня 1816. въ тамóшнóй парохíáлнóй цéркви святóи Великомýченицѣ Варвáры. По трéтемъ рóцѣ св. Богослóвïа полýчúвши сонзволéнье отъ высóкого Правúтельства и отъ Егò Превосходúтельства Митрополúта Гáлицкого, пóстешествовáлъ въ врéмя праздúнъ въ Хорвáцïю, гдѣ Преосвящéннымъ Епúскопомъ Константúномъ Стáшномъ на стéпень Свящéнъства 26. Жолтня 1817 поставлéнъ бúлъ. По óкончéню четвéртого рóкъ свáтого Богослóвïа пóдалъ ся скóро д. 23. Березня 1818 строгомъ úспытови изъ óученïа бíблíйного, а потóмъ д. 3. Чéрвця 1819 изъ Богослóвïа нравственного и пастúрского. Когдà емъ въ такóмъ наскóромъ óупражнéню óуплывáло врéмя, бúлъ завозвáнымъ, щобы óучéнïе бíблíйное и догмáтикъ въ ново-óучреждáемой грéческой Семúнáрïи Сúвиницкой въ Далмáцïи предподавáлъ. Отъ сего то врéмене начáлъ Óнъ Свое апостолóванïе съ правдúвою рéвностю и презрѣнïемъ всáкихъ невыгóдъ и трýдовъ. Прïáвши тóе возвáнье óудáлъ ся въ товарúществѣ крылошанúна Перемúского Алéксïа Стѣпнѣцкого, Васúлïа Терлéцкого, Черновéцкого профéссора релиѓïи, и Якова Честúнского, префéкта Семúнáрïи Лвовскои въ пóстешéствïе и 19 Листопáда привúлъ до Зáдара, головнóго мѣста въ Далмáцïи. При неспособствýючихъ обстоáтельствахъ остáлъ ся черéзъ нѣкóе врéмя въ Зáдарѣ аж до 21. Мáя 1820, котрóго то дня съ Стѣпнúцкимъ отплúлъ воéнымъ корáблемъ до Сúвиника: прóчúи же товáрищѣ мѣ-

сацёмъ пóздн҃ѣйше. Въ Сúвницкѣ наставлáлъ чересъ цѣлúй рóкъ юнóшество гр. несоединéнои цéркви въ головн҃ѣйшихъ правúлахъ свáтои вѣры ихъ родúмымъ сéрбскимъ язúкомъ; когдáже д. 10. Червца 1821 Стѣпнúцкого пóдчасъ Апостолóвана за мѕрáми Сивенúцкими оу҃бúто, перестáлъ Икóвъ Геровскúй далéе наставлáти речéное юнóшество и лѣтною порóю 1822 рóкѣ повернѣлъ сѧ до Зáдара. Предсѣмъ óтличáлъ сѧ Икóвъ Геровскúй неѣтомúмымъ трѣдолюбiемъ и хрúстiáнскою любóвiю къ вѣдным и непристáйкымъ, що свѣдѣтельство Капiтáлы Сивенúцкои похвáлою такóже прóчихъ добродѣтелéвъ найбóлыше вспоминáе. Тáм то добродѣтель т. е. печéнiе сѧ оу҃бóгими токарúшила емѣ чересъ цѣлѣю жúзнь и приоврѣла емѣ пáмать и любóвь въ кóждóмъ сослóвiю жúтельства.

Повернѣвши знóвъ до Вѣдня пéрвыми днáми Мáрта 1823 тóго самóго гóда пóддáлъ сѧ строгомѣ úспытови изъ Богослóвiѧ догмáтики. — Когдà сѧ къ четвéртомѣ úспытѣ приготовлáлъ завозвáнъ былъ, абы мѣстце профéссора при Лъвóвскóмъ всеучúлищи изъ оу҃чéнiѧ вúвлiйного застѣпáлъ. Пришéдшого до Лъвóва завозвáла Митрополитáлына Консúстóрiа за сонзволéнiемъ гѣвернiáлным зъ д. 9. Листопáда 1824 рóкѣ въ дни свáтóчнiи и недѣльнiи, до оу҃дѣлéна наѣкъ релiгiйных въ рѣсскóмъ язúцѣ въ тамóшнѣй академúческѣй гúназiи для оу҃ченникóвъ рѣского оврáдѣ. Но тóе завозвáнiе не привéдено въ житiе. — Кóлька мѣсацéвъ пóздн҃ѣйше пóддáлъ сѧ Икóвъ Геровскúй úспытови конкрсóкомѣ для полученѧ чúна профéссора дѣйствúтельного изъ

речёного. предмёта, а 26. Листопáда 1825 зостáлъ дѣйствúтельнымъ профéссоромъ на всесвѣтúлищи Лъвóвскóмъ. Труды сéго мужа въ речёнóмъ чúнѣ óузнáли Самъ Егó Велúчество Фéрдинандъ I. и надкóрна комúссïа наукъ óувóлнúла егó óтъ четвéртого строгого úспыта, въ котóрого óукóнчéнію сконмъ новúмъ звáнïемъ былъ перенатствовáнъ, а 4. Червца 1836 возвышéнъ былъ на стéпень академúческій дóктора св. Богослóвïа. Сúмъ тóго самóго рóку одногласно вúбранымъ былъ за декáна óтдѣла богослóвскаго. За многоцѣнéнни труды именовáли Его Велúчество 1840 рóку М. Гéрóвскаго почéстнымъ крылошанúномъ Собóра Перемúскаго. Сéго рóку втóрымъ рáзомъ одногласно былъ обрáнымъ за декáна óтдѣла святóго Богослóвïа и рéкторомъ Всесвѣтúлища на р. 1842. Его Превосходúтельство Митрополитъ Гáлицкій Михаúлъ óузнáвши заслúги егó именúвáли егó 1846 р. совѣтникомъ консïсторïáлнымъ изнрáвши въ особéнномъ писáнію Ихъ велúкое óудовольствïе, а 1850 р. порúчили емú реферáтъ съ прáвомъ гóлосу въ засѣдáнію свóй консïстóрïи.

Крóмѣ речёныхъ заслúгъ мáе Онъ сúмъ и úнши не мéнше вáжнúи кóло блáга свóга нарóда, — неустáнно во трудúлъ съ нúмъ и промышлáлъ день и нóчь, якúвы свóй нарóдъ, котрóго чúстою дúшéю и горáчнимъ сéрдцёмъ любúлъ, воздвигнúти и на принадлéжный стéпень постáвúти. Ни слотà ни úнши непрïéмности неубудúли егó твердóи вóлѣ, еслú ходúло о дóбро_свóихъ родúмцѣвъ. Такъ отéцъ Якóвъ Гéрóвскій изъ всѣхъ взглáдóвъ, якó свящéнникъ, якó профéссоръ и якó обывáтель краю éстъ чрезвычáйнымъ человѣкóмъ,

ѣкихъ мало, котораго завчасна смерть (оупокойлъ са д. 5. Вересня 1850, въ 56 роцѣ свого житѣ) въ цѣломъ народѣ дѣже колестный викликала отголосъ, ѣкъвы въ одной родинѣ, котра стратитъ найлюбезнѣйшого свого члена.

Зоря галицка.

88.

О Венерѣ или Зорници.

Ближайшою отъ земле къ солнцѣ планетою есть Венера или Зорница. Она по солнци и мѣсяци найвольше плѣняе очи наши, и ѣснѣйше всѣхъ планетъ блестѝтъ. Понеже она блестѝтъ або передъ восходомъ солнца або посля заѣода его, и еще въ зарѣ его, то называе са „Зорницею“, также „оутренною“ или „вечерною“ звѣздою. Ѣко вечерню звѣздѣ называли онѣю древни „Геспероме“ а ѣко оутренню „Люциферомъ“, или „денницею“ ѣковы предвозвѣщаючою свѣтло денное.

Венерѣ можно въ день видѣти не только телескопомъ, но также нѣкогда самымъ невооружѣнымъ окомъ, о полночи же ей нѣколи не видно.

На Венерѣ оусмотрили темни и ѣсни пятна, за помочію которыхъ опредѣлено, що она оберта са около оси свои въ 23 годинахъ и 36 минѣтахъ.

Также отькрыто на Венерѣ горы, котри въ южномъ полушарии найвышши сѣть на $3\frac{1}{2}$ до 5 миль.

Она отстоитъ отъ солнца 15 миліонокъ миль, къ земли же приближае са на 4 миліоны миль

бо́льше ѿкъ про́чіи плане́ты. Е́слибы тогда́ ей къ земли́ обе́рнена сторона́ была́ освѣтле́на; то бы она́ представля́ла съ ей ѿко блеста́чая лу́на 20 разъ бо́льшою ѿкъ обыкнове́нно. Ей найда́льшое о́тстоа́нїе о́тъ землѣ́ выно́ситъ 35 мїллїо́новъ ми́ль. Когда́ она́ наи́сно́йше свѣ́титъ, то на вѣ́лой площа́ди мо́жно ви́дѣти тѣнь о́тъ не́я.

М. Малино́вскій.

89.

Мудрый судія.

Одинъ челов'ѣкъ богатый зрѣлъ разъ зна́чнѣ сумму́ гро́шій, которїи ма́лъ запи́тїй къ плати́нѣ. Овѣстилъ свою́ шко́дѣ и приповѣща́лъ то́мѣ, що ихъ зна́йде и ему́ о́тдастъ, нагоро́дѣ сто тала́ро́въ. Не задо́лго пото́мѣ прїйшо́лъ до не́го челов'ѣкъ, котро́го гра́ммота лица́ само́го свѣ́дчи́ла, що есть че́стнымъ, и ка́же: „Ва́шїи гро́ши найшо́лъмъ, такъ съ мене́ прина́ймнѣй ви́дитъ — отъ тѣ́тъ ихъ ма́сте!“ Отдаю́чій мо́вилъ тїи слова́ съ прїя́знымъ возрѣнїемъ на о̀ра́дованого вогача́, котрый ажъ съ цѣлый стра́салъ, польчи́вши наза́дъ до рѣкъ гро́ши — но ѿкого че́стного хара́ктера былъ то́й послѣ́дный, пока́же съ ско́ро. Онъ чи́слилъ сумму́, а по́дъ часъ того́ еще́ ско́рше дума́лъ, ѿкимъ бы то спосо́бомъ овѣщанѣ такой при со́бѣ лишити. — „„Мой дрѣже!““ сказа́лъ о́нъ по хвили, „„а 100 тала́ро́въ где съ подѣли? — та тѣ́ было 800 запи́тыхъ а ѿ нахо́жѣ лишь 700. То бы зна́ти о̀ужѣ 100 тала́ро́въ самїи есте совѣ́ ѿкимали — Но, до́вре сдѣла́нсте; да́кѣю вамъ, праща́йте!““ — Че́стный нахо́дчикъ,

котро́мꙋ не такъ о 100 талáро̀къ налѣзного ѹодѝло ѣкъ о невпоро́чнꙋ слáкꙋ, заневнáлъ, що цѣлꙋ пáчкꙋ, ѣкъ найшóлъ, такъ и принѣслъ, не загладáючи до нéи. По малóй переговóрцѣ выточúла сѧ цѣлà спрáва передъ сꙋдíо. Онà сопéрнички и тꙋ оставáли при свóемъ; одúнъ твердúлъ, що 800 талáро̀къ зашúлъ; а втóрый, що изъ пáчки нѣчóго не прáлъ и що пáчки не нарꙋшúлъ. Тꙋ вúло тáжко порáдити; однáкожъ мꙋдрый сꙋдíà, котрúй ѹжѐ на передъ догáдовалъ сѧ чéстности одного а злонамѣрéнѣа другого, велѣлъ все, що онà мовúли, еще разъ зъ осóбна повторúти и тóе заприсагнꙋти, а потóмъ вúдалъ такúй ѕвúрокъ: Попéже, еслú одúнъ зъ васъ звꙋзúлъ 800 талáро̀къ, а другúй найшóлъ лишь пáчкꙋ съ 700 талáрами, не могꙋть грóши послѣдного вúти тúи самúи, до котрúхъ маѣ прáво пéрвый, то ты, чéстный человѣче, возьмú про тóе тúи грóши, котрúи найшóлъ есь, зновъ до сéбе, и заховáй ихъ дóвре, ажь пóки сѧ той не зголóситъ, котрúй лишь 700 талáро̀къ звꙋзúлъ. Я дла тéбе, брáте, не знáю íншои рáды, ѣкъ лвúсь потерпѣлъ, дóки сѧ не звѣстúть той, котрúй найшóлъ твои 800 талáро̀къ.“ Такъ вúреѣкъ сꙋдíà и при тóмъ остáло.

В. К.

90.

Кóтъ сѣлъ четырú волú.

Кáжуть чи мáло:
Що кóтъ съѣлъ сáло;
То мóже бути,
Но доложúти:
Що не на рáзъ то,
Но гꙋсто, чáсто

Окно́мъ изъ дво́ру
Ла́зилъ въ комо́ру,
Ма́ло по ма́ло . . .
Съ҃ѣлъ цѣлѣ са́ло! —
Но и, ей Бо́гу!
Сказа́ти могу́:
Що го́ршу зма́зу
Зроби́лъ о́тъ ра́зу;
Четы́ри воли́,
Кобы́ соко́лы
Съ҃ѣлъ — не встыда́лъ ся
Лишь облиза́лъ ся, —
Не да́ню то́му,
Отъ ка́къ ся ста́ло:
Слухайте ма́ло,
См҃ѣйтесь пото́му. —
Гриць, ду́къ знако́мый
Ду́же лако́мый,
Щобы всёго ма́ти
Тымъ ся вычиня́ти,
Скупы́й до то́го
Бо ма́е мно́го!
Гро́шій ци ма́ло
Щобъ пѣстёмъ ста́ло;
Тай не пусто́вцѣ,
Но сороко́вцѣ!!
Въ стакана́хъ сложе́ній
Въ про́сѣ у́топле́ній. —
Свя́то — не свя́то,
Кобы́ бога́то
Лишь заробя́ти,
Торгъ не пусти́ти;
Надъ ти́мъ мудру́е
Остро пильну́е!
Четы́ри воли́
Кобы соко́лы,
Си́вй, рога́тй
Въ си́лу бога́тй
Кра́сной ра́сы
Зъ до́брои на́шй
Ла́дитъ прода́ти;
Нужъ на то́ргъ гна́ти!
Тай чи пога́но?
Въ нед҃ѣлю ра́но,
Щобъ до це́рковцѣ. . .
То не въ голо́вцѣ! —
Ярмарокъ бу́де;
Коли́ иду́тъ лю́де;
Про що не дба́ти
Щобъ гро́шй взя́ти?
Лишь продру́халъ ся,
Вста́лъ — розчу́хралъ ся,
Моля́тись не мо́же,
Са́мъ ви́дишь, о Бо́же!
Бо стоя́ть воли́,
Та не ма коли́!
Чере́съ свой зня́лъ,
Живо́тъ вирезя́лъ; —
А жѣнка ми́ло
Якъ мотоня́ло
Ху́ткось звива́е
Въ пу́тъ выправля́е
Му́женька сво́го
Гря́цька ми́лого
Тай промовля́е;
„Газдику, лю́бку!
Ты мо́й голу́бку
Ничо́гось не ѣлъ,
Го́лоду бысь мл҃ѣлъ;
Ярмарокъ на доро́гу
Да́мъ ти, що змо́гу.“
Въ на́зуху вя҃ѣля
Мовь на весѣля;
Чесно́къ — кресйло —

Сóль — бохопя́тко —
Ма́сла горня́тко —
Отъ ну́жды гро́ши
Въ черéсъ хоро́шій
Понапыха́ла,
Понакладáла,
Бо то́бѣ ся здáсть
Тепéрь Бóже щáсть!
Гри́ць у́жѣ гото́въ,
Щобы лишь шпóлъ,
И пáлицю взя́лъ
Жѣнку попрацáлъ;
Волы́ на встрѣчи
Объшпóлъ три́чи;
Шáнку здóйми́лъ,
Зéмлю крести́лъ —
Та въ дóбрый часъ;
Гéй — цобѣ — прáзъ!
А на дорóзѣ,
Собѣ думáе
Якъ то му завсѣ
Щастье спрíае!..
До нóгтя дáже
Сáмъ собѣ кáже:
„Щобъ рéньскихъ три́ста
Серебрóмъ взя́ти,
Щобъ спрáва чи́ста,
Мóжна спродáти. —
Самí пасновцѣ,
Та сороковцѣ!
Бо якъ недѣля.
Бóгъмѣ! панéря
Не бу́ду брáти!“
Весéлъ, ажь мúло —
Ужéжь рахýе,
Бо му ся спи́ло:
Що ковáль куе́,
Долóнь свирбѣ́ла,
Сорóка пѣсти́ла,
Грань жѣнка несла́,
Въ полѣ перейшла́!
Бóгъ знáе, щобъ вецѣ плѣлъ;
Ажь — и ярмарокъ у-
зрѣлъ —
Мáло — номáло
На часъ ся стáло —
И якъ загадáлъ
Такъ волы́ спродáлъ. —
И спрáва чи́ста
Взялъ рéньскихъ три́ста!
Лишь си марику́е,
Що гро́ши раху́е;
Та не пасновцѣ,
Не сороковцѣ;
Бо до бѣды́,
Упхáли жиды́
Прóтивъ охóты
Сами банкноти.
Ну! щожь робúти?
Съ кúмъ ся сварúти? —
Такъ ся сподúло
И могорúчъ шúло...
Гриць ся фрасу́е,
Журитъ — сумýе;
Гдéбъ ихъ сховáти,
Донести до хáты?
„Въ мошóнцѣ? мнýтъ ся,
Въ чéресѣ? другъ ся,
Назуха? хустúна?
То не для нúхъ скрúня.“
Но щось го тóркае,
На гáдку впадáе:
„Се мысль крáсна!

Горнѝ зъ ма́сла!!“
Гриць ожи́лъ,
Ма́сло съѣ́лъ;
На днѣ оста́ло
Пôдъ платкóмъ ма́ло —
Гро́ши зви́лъ
Красно́ и гла́дко
Тай вложи́лъ
Фаїнò въ горни́тко. —
Со́нце грѣ́ло,
Ду́же прѣ́ло —
Грицкò не дба́є
Ма́сло ся стопи́ло
И плато́къ проѣ́ло —
О тôмъ не зна́є;
Сщè до ко́рчмоньки
На часо́къ вступи́лъ,
Тай ся горѣ́лоньки
До́бром напи́лъ.
Зъ ôтты пото́му
Про́сто до до́му. —
А жѣ́нка вита́є,
Гри́цка роздига́є,
Тай зно́въ ро́бить ладъ,
Берè, розно́сить
Изъ па́зухи скла́дъ,
Горнѝ въ поли́цю,
Поро́жне — бай ду́же,
Кы́нула; — про́сить:
„Рыбонько му́жу!
Сѣда́й по Гри́цю. . .
Бось то ся знужа́ль!
Во́ликись прода́ль?“
„„До́бре щось згада́ла!
Горнѝ гдесь покла́ла?
Тамъ за волы́ гро́ши
Лишè не хоро́ши;
До дѣ́тька папе́ры
Жидова́ напха́ла —
Въ пере́дъ запрѝ две́ри
Щобъ че́лядь не зна́ла.““
Жѣ́нка ся звину́ла,
По горнѝ шморгну́ла;
Глы́нъ, — тай остолѣ́ла!
Ста́ла, — оду́рѣ́ла!
„А! ты що зроби́ль?
Ты гро́ши ўтопи́ль!
Ма́сло ся проѣ́ло, —
Папѣ́ръ напои́ло!!“
Жѣ́нка ўмлѣва́є
Гро́ши вытяга́є . . .
„„Бѣ́да голо́нько!““
Во́пнулъ нашъ Гри́цонько.
„„А се рѣ́чь цѣка́ва;
Бачь, чо́ртова спра́ва!
Щожь тепе́рь робúти?““
„Тре́ба просушúти!“
Жѣ́нка ра́ду да́ла,
Ужè и простера́ла
По пе́чи банкно́ты —
А тамъ спа́ли ко́ты.
Сдúвъ ся продру́халь,
Ма́сло ѣ́къ запо́халь,
Ге́йже до робо́ты, —
Тай поѣ́ль банкно́ты!
Лишь оста́вилъ ро́ги
Ра́ди запомо́ги.
Гриця ўмлѣ́ла
Ѣкъ тое ўзрѣ́ла!
А Гри́ць занепа́ль
Уме́ръ — тай пропа́ль!

* * *

Лю́дѣ ся дознáли,
На тое сказáли:

„Дóбре имъ ся стáло,
Свято на нихъ пáло!“

М. Козанóвичь.

91.

Óтказъ.

Єдéнъ селянúнъ вúлъ маю́чій и прастáвкый къ скóемъ господáрствѣ. Пóлъ егò родúли мѕ достáткомъ, предприниматéльства по нáйвôлышôй чáсти ишлú по мúсли, дѣти поводúли ся дóврѣ, а сѕсѣды завúдовали плоколúчно. Сынú свой и дóчери, скóро подорастáли и прúйшлú до лѣтъ, подрѕжúлъ и покѕповáлъ úмъ господáрства, а на стáрость повдовѣвши самъ, такъ до сéбе говорúлъ: „По цо минѣ старóмѕ ещè нѕждáти ся вéденьемъ господáрства, колú Богъ далъ ми дóврій дѣти, котрій той трѕдъ зъ мéне знáти могѕтъ, и колú ѿ ся къ нúхъ безсúлнôмъ и безрáднôмъ дѣтúнствѣ за нúхъ трѕждáлъ, то онú нéкно тепéрь на мою́ знемогѣлѕ старôсть оглядáти ся вѕдѕтъ и зъ благодáрности и дѣтúнной любвú къ старóмѕ ôтцю́, котрúй úмъ только добрà сдѣлáлъ, всегò, чегò моя́ стáрость вымагáе, постарáти ся едно на перéдъ другого оўвѣгáти ся вѕдѕтъ.“ И ктожъ вы дѕмалъ, же тóе инáкше моглò вúти? Скúкалъ оўво всѣ свой дѣти и тáкъ до нúхъ рéкъ: „Дѣтоньки мой! пóки крѣпость сúлъ мóцъ минѣ слѕжúла, робóта вúла для мéне и скатúмъ оповáзкомъ и мúлою забáкою. Янѣ єдéнъ шéлюгъ чѕжóи крúвды ни прилúпъ до мóцъ рѕкъ. И Господь Бóгъ ласкáвый благословúлъ прáцю рѕкъ мóцъ, ѣкъ самú кúдите. Но тепéрь и моя́ óсѣнь

настáла; вóлосъ мóй повѣлѣлъ, а рѣки оу̑кáли, нóги зáледво двигаютъ зтѣжѣле тѣло. Часъ бы и менѣ по толиколѣтнóмъ трѣдѣ спочúти. И въ вáшихъ сéрдцахъ сѣáлъмь любóвь, сподѣюсь, що онú и любóвь оу̑рóдятъ. И жúлъмь для вáсъ, слы̑шна рѣчь, шобы̑мъ от̑ васъ въ моéмъ везсúлïи дознáлъ пóмочи, а колúмъ ѭ давнѣйше вáми сь жы̑рúлъ всѣми, вы всѣ тенéрь за мéне гáдкы̑ мáти повúнносте. Óто цѣлы̑й маéтокъ мóй роздаю мéжи вáсъ; господарю̑йте съ благословéнïемъ Бóжимъ, а ѭ при тóвѣ, мóй найстáршúй сы̑нъ, остáнь сь въ сей малéнькóй комнáтцѣ, во менѣ старóмъ вóльше не потрéба."

Всѣ дѣти оу̑цѣловáли рѣки дóброго отцà, и взáвши кóжде прилáвшы̑ на сéве чáсть от̑цѣвского маéткы̑, розишлúсь, а отéцъ остáлъ при найстáршóмъ сы̑нѣ.

Зъ рáзы̑ шлó ѭкúйсь чáсъ дóбре, и старóмы̑ гарáздъ сь дѣлло. Шановáли его сы̑нъ и невѣстка, дозирáли въ слáвости и старáли сь оу̑довлетворúти всáкомы̑ его желáнïю. Но по оу̑плы̑вѣ ѭкóгось врéмене, рекла невѣстка до своéго мы̑жа: „Для чóго мы сáмы̑ маемъ поносúти тягáръ оу̑дéржованïа старóго отцà и зносúти его зáважки? Явóжъ то мы сáмы̑ емы̑ дѣти? Не взáлижъ и дрѣгúи такóи чáсти, ѭкъ и мы? Я до тóго дѣточкú сь намъ помнóжили, хáта зтѣснѣла, тáм комнáтка, котры̑ старúй залáгъ, тенéрь ды̑жевы̑ сь нáмъ здáла." „„Слы̑шно кáжешь,"" от̑рéкъ мы̑жъ, но ѭкúже сь старóго звы̑ти? „И тóмы̑ порáджы̑" рекла невѣстка; и от̑ тóи годúны зачáла старóго от̑цà що разъ то вóльше занéдбывати, лицѣ емы̑ покáзовала хмáрне — оу̑ймáла рáзъ по

ра́зъ пошано́вкѣ, а къ конци́ осмѣлѣвши ся сказа́ла: „Часъ вы то оу́жѣ, о́тче, провѣ́ыскте ся перенесли́ до моло́дшого сы́на; та́же и о́нъ ва́ша дѣ́тина такъ ѣ́къ и мы. И мы во́лькиои оповѣ́ащности къ ва́мъ не ма́емъ ѣ́къ и про́чіи ва́ши дѣ́ти.“ Старо́мѣ, котрі́и оу́жѣ давно́ помѣ́рковѣ́лъ вылъ неохо́тѣ свои́ невѣ́стки къ со́вѣ, не вы́ло то́е несподѣ́ванымъ оу́да́ромъ; томѣ сказа́лъ: „Пра́вдѣ ка́жешъ мо́ѣ до́ню;“ и завра́вши ся пойшо́лъ до дрѣ́гого сы́на. И тамъ прїа́ли его́ хотѣ́ не дѣ́же ра́до, во говорі́ли ме́жи соко́ю: „Щось то мѣ́сѣло зайтѣ, що съ старі́мъ не могла́ наши вра́тъ и сестра́ вы́держати.“ Ли́шь и тамъ не долго́ могъ стары́и оте́цъ завы́вити; мѣ́сѣлъ че́ртою до про́чихъ дѣ́тій сво́ихъ переноси́ти ся, ажъ на по́слѣдѣкъ оу́вы́дѣлъ ся оу́ наймоло́дшои до́чери. Всіо́ды сподѣ́вала ся оны́ѣ́вшій ся оте́цъ пантѣ́ лѣ́вшій пошано́вокъ и всіо́ды го ожида́нке завело́. Наконе́цъ пойшо́лъ до головы́ по ро́зѣ́мъ, и взя́лъ ся на спосо́вы. Посѣ́тилъ едного́ зъ да́вныхъ сво́ихъ кѣ́мо́къ и прїа́телѣ́къ, съ котрі́мъ нера́зъ къ предпрінима́тельствахъ и кѣ́пли малъ спо́лкѣ, и съ котрі́мъ вазала его́ да́вна прі́ѣ́зна, и рекъ мѣ́: „Да́й ми сто тала́ро́къ, а ѣ́ ти цхъ еще́ днесь къ ве́черъ принесѣ́; лишь да́й ми сло́во прїа́зни, що нико́мѣ то́го не оповѣ́ѣ́ишь.“ Кѣ́мъ задиковала ся зъ ра́зѣ́, на що́вы о́нъ тихъ ро́шій потрековала, но зналочій еще́ зъ да́вна его́ ѣ́ко че́стного и ретѣ́льного мѣ́жа несомнѣ́вала ся да́ти емѣ́ жела́нѣ́ кво́тѣ на сло́ко. Взя́вши спо́рый оу́зликъ сре́бра, прилѣ́ся стары́и его́ до свого́ до́мѣ́ и пере́дъ очи́ма всѣ́хъ перечи́славши на столѣ́, сказа́лъ: „Бо́гѣ благодаре́нье! еще́

прѣцѣнь е́сть почти́вость на свѣтѣ. Ма́лѧмь едно́го до́лжника, о́тъ кото́рого не на́дѣѧлѧмь ся оу̑жѐ долгъ̀ о́тъврати́ти, а тепе́рь по ла́сцѣ Бо́жо́й до́лгъ мо́й вериⷭ̀лъ ся.“ И вложи́вши гро́ши тїи до ско́и скри́ньки, замкнⷭ̀лъ ю, а кли́очь на шнⷭ̀ро́чкъ̀ повѣ́силъ совѣ̀ на шки́и, и пи́лкно его̀ хорони́лъ. Лишь ско́ро ся сме́ркло, вы́нялъ тихцѣ́мъ тїи гро́ши и о́тнѣ́слъ кⷭ̀мови. Той ся его̀ пыта́лъ, що́вы ни́ми дѣлалъ, но о́нъ отвѣчалъ: „провⷭ̀ю едно́и спекⷭ̀ла́цїи, котра̀, сподѣю ся, що ся оу̑да́сть.“ Дѣти ова́чивши, що отѣцъ ещѣ̀ ма́е гро́ши, весе́льшимъ лицѣ́мъ зача́ли на не́го поглада́ти. За ёкі́йсь часъ старки́и отѣцъ оу̑да́лъ ся зновъ до кⷭ̀ма и тѣмже самки́мъ спо́сомъ зна́лъ долго́мъ о́тъ не́го зно́въ сто тала́ро́въ, и принесши до ско́го до́мⷭ̀ зно́въ пере́дъ всѣ́ми перечисливши до скри́нѣ замкнⷭ̀лъ мовачѝ: „Бо́гⷭ̀ да́ковати, се дрⷭ̀гїѝ долгъ̀ вериⷭ̀лъ ся, котрки́и оу̑же́мь малъ за пропа́лый. Ма́ю ё ещѣ̀ таки́хъ доскы́ть.“ Но гро́ши пото́мⷭ̀ ота́и о́тнѣ́ся кⷭ̀мови назадъ. Той самки́и ма́невръ повтори́лъ ещѣ̀ ко́лькокра́тъ. Ма́ло по ма́лⷭ̀ рⷭ̀хнⷭ̀ла вѣ́сть поме́жи про́чїи дѣ́ти: Старки́и ма́е гро́ши. И ёкъ кпере́дъ ма́ло оу̑жѐ пока́зовали та́мки за старо́го отца̀, такъ тепе́рь зача́ли що ра́зъ ко́лыше ся до не́го горнⷭ̀ти, що разъ то частѣ́йше его̀ поснида́ти, и допы́товати ёкъ ся емⷭ̀ ведѐ, ёкъ слⷭ̀житъ здо́ровье? всѣла́кі̀ дого́дности чинѝти, присма́чко́въ доноси́ти; и старо́мⷭ̀ зача́ло ся до́вре дѣ́ти. Но скри́нькⷭ̀ свою̀ хорони́лъ пи́лкно, и кли́очь о́тъ то́нькъ завсѣ́ды носи́лъ на шки́и. Ма́ло по ма́лⷭ̀ зача́ли дрⷭ̀гїи дѣ́ти едно̀ по дрⷭ̀го́мъ проси́ти: „Хо́дѣтъ, любе́зный о́тче на мешка́нье до ме́не,

тѣтъ нѣтъ Вамъ належитои выгоды, врáтъ, сестрà, недоглядáютъ Васъ такъ, ѣкъвы Вамъ трéва;“ и такъ къ зáкоды єднò передъ дрѣгимъ оусиловаали кóжде стагнѣти старéнкого, мúлого отцà до сéбе, розвмѣе са съ милѣйшою єцè его скрúнькою. И старúй говорúлъ имъ: „„Все, цо мáлъмъ, Вамъ роздáлъмъ, а цо єцè мáю и къ сей скрúньцѣ ховáю, остáвлю тóмѣ изъ Васъ, котрúй дáсть найвôлыши доковы любкì свôи къ мнѣ.““ Зъ тóи причúны почáла са сварка мéжи дѣтьмú, во кóжде хотѣло ѣкъ найдóлше старóго отцà при сóбѣ задéржати. Ажь прúйшолъ и старóмѣ часъ, и оумéръ. Тогды свѣгли са всѣ дѣти и роспочáли звáдѣ за скрúньку, во кóжде твердúло, цо отцà найвôльше любúло. Ѣкыточила са справа ажь до сѣдú. Тóй келѣлъ принестú скрúньку, котрà знáчнѣ вагѣ мáла. Всѣ дѣмали, цо éсть пóлна гróшúй; но ôткорúвши ю къ сѣдѣ, найшлú лишь камѣнье, грѣсѣ пáлкѣ и письмò, на котрôмъ стоáло напúсано такъ: „„До мóнхъ дѣтúй!““ „„Казáлъ Гóсподь къ Свангéлúи: ѣкóю мѣркою мѣрите, козмѣрятъ са Вамъ. Справедлúва оучо рѣчь, авкысте и вы полѣчúли нагородѣ прилúчнѣ вашои любкì, ѣкѣю естè къ мнѣ на пóслѣдкѣ овкѣвáали. Я же вы не менè любúли, вáшого старóго отцà, котрúй лúшь для васъ жúлъ, и вéсь óкоцъ гôрькóи свôи прáцѣ мéжи васъ цéдро роздѣлúлъ, но лишь мои гróши, протò справедлúва рѣчь, цовы вамъ са тúи гróши дôстáли. Но ѣкúи вкыли вáшѝ сéрдца, кáменнѝ и нечѣствéнѝ, дóки ничъ ôтъ мéне вôльше полѣчúти не сподѣвáлисте са, такъ вамъ въ сѣстúзнѣ не налéжитъ са вôльше нúчъ ѣкъ камѣнье. — Сѣóже

пáлкѕ ѡткáзꙋю на тóго отцà, котрóй ещѐ за свóго житà вéсь свóй маéтокъ мéжи дѣти роздáсть а совѣ ничъ не остáвитъ, зъ чóговы независнóмо ѡтъ лáски дѣтíй свóихъ мóглъ жúти. Такóмѕ отцéви налéжитъ вычúслити сéю пáлкою сто.“

Полꙗчúвши такóе не съ всѣмъ мúле рѣшéньe свóго спóрѕ ѡтъшúлúй дѣти спѕстúвши нóсы, а сосѣды вúсмѣяли ихъ и похвалáли мѕдрóсть отцà.

92.

Кáмѣнь.

Въ Тѕрéчинѣ, где то и пóрохѕ и камѣна по гостúницахъ полнó, ѡтнúмáлъ одного рáзѕ одúнъ богáтый и знáчный человѣкъ ѡтъ сéве одного ѡ҃бóгого, котрóй егò о ѡкéсь добродѣйство просúлъ; но ѡ҃бóгíй стáвши о нóдалъ повторáлъ свою прóсьбѕ, а богáчъ знетерпѣлый подняáлъ зъ гостúница кáмѣнь и верг за докꙗчúвшымъ. Люде вúдѣвши тóе злослóвили жестокосéрдомѕ богачéви — но и задивѣвáли сѧ не мáло видячú, що ѡ҃бóгíй поднéсъ вержéный заúмъ кáмѣнь, и не сказáвши áнѣ слóва сховáлъ тóйже до тóрбы, и никтò не дѕмалъ на тóе, що ѡнъ ѡтъ сéго часà тóйже при совѣ носúти вѣде. Но ѡнъ сдѣлáлъ такъ. Но ѡ҃пáкѣ одного рóкѕ приключúло сѧ богачéви непáстье, т. е. ѡнъ сдѣлáлъ ѡкéсь нечестúвое дѣло, въ слѣдствíе котрóго не нинò весь маéтокъ емѕ взáто но и по тамóшномѕ звычáю ѡ҃садовлéно его тúломъ на óсла и вóжено по всѣмъ ѡ҃лицамъ на посмѣвúско. Мéжи рѕгáтелями ѡвúлъ сѧ наконéцъ и онъ ѡ҃бóгíй мѕжчúна съ кáменемъ въ тóр-

бѣ и пôзна́лъ въ осо́бѣ порѳга́емого сво́го давнѣ́йшого оскорби́теля. Безъ до́лгого намы́сля сагнѣ́лъ ôнъ рѳко́ю до то́рбы, а зале́дво почѣ́лъ въ рѳцѣ́ ка́мѣнь, въ мгнове́нїи о́ка пôдлѣ́съ тойже до горы́ и безъ ма́ла о҃ж҃е не ве́ргъ его́ на сво́го оскорби́теля, ѿкъ нара́зъ мокъ то ѿкїйсь до́брый дѣ́хъ его́ за то́е хѣ́до́е де́ло наказа́лъ, и ôнъ ке́ргши ка́мѣнь на доро́гѣ ôтъкнюна́лъ взрѣше́ный. —

Изъ се́го прим҃ѣ́ра мôжемъ са наꙋчи́ти: що нико́ли не тре́ба въ ца́стю бы́ти го́рдымъ, непрїѧ́знымъ и поношаю́чимъ проти́вѣ ни́жшимъ и вѣ́днѣ́йшимъ. Бо еще́ за́кимъ со́лнце за́йде за горѣ́ и лѣ́чь его́ зга́сне, мо́же вса ѿснôсть богача́ те́мною но́чїю о҃бо́жества са покры́ти — и тогды́ не одинъ хота́ вѣ́дѣчи прїѧ́телёмъ не мôгъ емѣ́ помогчи́, мо́же нера́зъ ста́вши са ворогомъ дѣ́же вреди́ти. — Потôмъ не тре́ба ка́мена носи́ти въ нѣ́драхъ на ворога а́нѣ мести́ въ се́рдцю; понеже и той вѣ́дный человѣ́къ ве́ргши свой ка́мѣнь на зе́млю и ôтходячи сказа́лъ: „Пôмсти́ти са на во́рогѣ, по́ки ôнъ бы́лъ бога́тъ и цастли́въ, бы́ло неразꙋ́мно а на́кеть невеспе́чно; а тепе́рь, коли ôнъ есть нецастли́въ, бы́ловы то нелю́дско и оги́дно!“

В. К.

93.

За́воды съ волками.

Слѣдꙋю́чꙋ по́вѣсть роска́зовалъ не́вный, которы́й вели́кꙋ часть сво́го жита́ перебы́лъ въ отвѣ́чных лѣса́хъ се́верной Аме́рики:

„Пôдчасъ зимы 1844,“ гово́ритъ ôнъ, „перебыва́емъ въ се́верных окола́цахъ краю Ме́нъ,

и мáлѣемь по достáткомъ вóльности, оберн8ти знáчнѫ чáсть мóго часѫ на дíкíи рóзрыкки тóи такъ мáло населéнои окóлицѣ. Жáдна зъ нихъ такóго для мéне не мáла повáвѫ, що хóвзанье сѧ на конькáхъ по ледѫ. Самóтнíи, глѫбóкíи озера тóго сѣкерного стáтѫ, котрíи черéзъ лютѫю стѫдень тамóшнои зимы на мнóго мѣсяцѣвъ съ ксемъ замерзáютъ, подаютъ любúтелеки тóи охóты обшúрное до тóго пóле. Чáсто пѫдкажáвши мой заржáвѣлíи конькú, летѣлкемь горѣ рѣкóю, же ажь мои пѫльсы скóрше толкáли къ полнотѣ тóи мѫжескои охóты. На однóй такóй кúвѣжцѣ здáрила ми сѧ пригóда, на котрѫ и тенéрь ещè сам погадáю, то ми лáчно.

Опѫстúлкемь дóмъ мóго прїкúтелѧ лишь що сѧ мáло смеркáти, авы повѣгчи горѣ кѫсень хорóшои рѣкú, текѫчои тѫжь перéдъ двермú. Вéчеръ былъ крáсный и ѩсный. Настáкшíй мѣсяць спогладáлъ зъ оѫкóса изъ скóего надвоздѫшного сѣдѣлища, и срѣбрúлъ скóнми лѫчáми замéрзлíи ѩлúцѣ овсѣкшíи вéрегъ. Былъ то видъ чародѣйный. Цѣла прирóда лягла на спочúнокъ, ѩкíй часáми приверáти любúтъ; водá, земля и воздѫхъ здавáли сѧ погрѫжéными въ найглѫбшóмъ сѫпокóю.

Ямъ повѣгнлъ такъ зъ дéсѧтъ мúль горѣ рѣкóю, колúмь достúгнлъ мѣстця, где впадáлъ малéнькíй пóтóкъ; на той звернѫлкемь сѧ, хотячú звѣдати егò вѣгъ. Столѣтнíи сóсны и ѩлúцѣ склонúли сѧ надъ нимъ, и творúли кѣчнозелéный лѫкъ, котрúй къ зимовóй одéжи скéркалъ сѧ и нскрúлъ сѧ; все бúло пѫдъ тúмъ лѫкомъ тéмне, лúшь ѩ былъ молодúй и не знáлъ страхѫ; а загляднѫвши въ той нскѫсный отвóръ отвѣчного лѣ-

са, сéрдце ми зѣ охóты пóдскóчило. Гѣрра! крúкнѣмъ грóмко, а дúкúй гóмонъ розлáгъ са далéко по лѣсѣ, а ѿмъ пойлъ óухо мое зѣ тысячныхъ сторóнъ, зновъ и зновъ óтвикáючимъ са óтголосомъ, жъ пóки зновъ все не óумóлкло. Лишь по гдéкѣда просмыкáла са самóтна пóчнà птúца помéжи смѣкúй дѣвы.

Сúлúй кнàзѣ лѣса стоáли, ѿкъ колúвы ничъ ихъ óутишти не вúло въ сúлѣ, óкрóмъ самóго врéмене. Ѭмъ са запѣстúлъ въ гадкú, кóлько то разóкъ ѭдúйскúй стрѣлéцъ крúлъ са по за сúи дéрека, кóлько то разóкъ егò стрѣлà надъ тúмъ потóкомъ мѣсѣла провúкáти хúжого óленà, кóлько то разóкъ егò повѣдúтельный óклúкъ мѣсѣлъ са сюдà розлагáти. Смотрѣлъемъ на сóвы, ѿкъ лéгкúмъ крúлóмъ посѣкáли са, и запéрлъемъ въ сóвѣ дѣхъ, акы слѣхати ихъ далéкúй вéреску. На одúнъ разъ розлáгъ са тóнъ, котрúй са здавáлъ похóдити зѣ пóдъ лéдѣ передъ мóими погáми. Ѣжъ пóтóмъ гóлосно и страшлúво закончúлъ са однúмъ дóлгимъ кытькéмъ; ѿмъ повлѣдъ; ещѐ никóли впередъ óухо моѐ не слышáло подóбного тóнѣ. Ѭ дѣмалъ, же то есть прось надзéмского, же то есть рúкъ похóдячúй óтъ ѿкóго жúтелъ пéкла — такъ неизвречéнно дúкúмъ звúнѣлъ мнѣ въ тóй глѣбóкóй óустороны. Лишь тѣй óушлúшалъемъ трéскъ ухоростѣ на бéрезѣ, ѿкъ вы óтъ стѣнáнъ, ѿкóго звéра; крóвь óудáрила мн до голóвы назáдъ такъ сúлно, же кóжа са розпалúла; но ми лéкше са зровúло, жемъ малъ справѣ съ кѣцми зéмскон прúроды, а не съ дѣхáми, ѿкъ зъ рáзѣ то ми са вúдѣло. Мой вóдрóсть верúзла са, а ѿ оглáнѣлъемъ са на окó-

ло, чимъ бы сѧ тѣтъ вороніти. Дѣнѣ свѣтила скрозь отворъ, кѣдѣ въ сѣмракъ лѣсный вѣи шолъземь, а же ми сѧ то видѣло быти найпридатнѣйшимъ, шморгнѣлъземь ѿкъ стрѣлѣ тѣдѣ; отлеглость не выносила больше ѿкъ 300 стопъ, а пѣвно ластовка скоимъ быстрымъ летомъ не пересадила бы мѧ въ прѣдкости моего отчаяного вѣгства. Но скоромъ зверинѣлъ очи мои къ вѣрѣ, постерегъземь ѿкiсь два предмѣты, котрiи сѣнѣли по подъ корчѣ сѧ такою скоростiю, котрѣ мою два кроть перебышшала. По той скорости и оурванѣмъ гаиканю, котрѣ часами отъ себе испѣскали, познаъземь паразъ, же то были два зъ обыхъ сивыхъ волковъ, котрыхъ всѧ окрестность страѧе сѧ.

Николи впередъ не здываъземь сѧ съ жаднымъ изъ тыхъ звѣрѣвъ; по томѣ же, ѿкъ мнѣ ихъ описовано, мало чѣъземь въ собѣ охоты, сѧ ними забрати знаемость. Ихъ не оукроти́ма дикость и не оутоми́ма сила, котрѣ здаѣ сѧ быти частiю ихъ естествѣ, чимъ ихъ страшными кождомѣ подорожномѣ, котрого нѣчь въ дорозѣ захопити.

Неутоми́мымъ чвалóмъ гонѧть свою добычѣ, и хибѣ лишь смерть ихъ отъ нея отирвати зможе.

Корчѣ, котрыми берегъ былъ порослый, мигали по при мене летомъ молнiи, ѿкъ ѿмь такъ оумыкалъ. Тый, тый оуже досягалъземь оустѣѧ галѣзистого склепѣня — ещѣ секѣнда, и былъ бымь, можно сказати, ѿко тако спасенъ; ажь тѣтъ мой гонитель паразъ ѿвiли сѧ на березѣ надъ миною, где той ледво десять стопъ высоты

досага́лъ. Не бы́ло часъ до намы́слъ. Скъпалъземъ ся въ дво́е, и гна́лъ на пере́дъ. Волкы́ да́ли съса, но зарыкова́ли ся въ мо́ей шви́дкости, и ско́чили по за ме́не, по́дчасъ коли́ ѣ, ихъ о҃смотре́на ча́ства́, свы́стомъ вздо́лжъ рѣко́ю помыка́лъ.

Вы́треною поно́кою зверъ́лъземъ ся на доро́гъ къ до́мъ; ле́гкы пласточкы́ снѣга вы́хромъ по́длѣта́ли о҃тъ желѣза мо́ихъ конько́въ, и о҃же́мъ былъ ѣко та́ко вы́переднлъ мо́ихъ гони́телѣвъ, ѣкъ ихъ ды́кый вой мнѣ далъ зна́ти, же о҃же́ зновъ бы́ли тѣ́тъ за мно́ю. И не овзира́лъземъ ся; не чѣвствѣва́лъземъ а́нѣ во́азни а́нѣ ра́дости; сама́ лишь мы́слъ о до́мѣ, о ра́достныхъ ли́цахъ, котрїи на ме́не жда́ли; сама́ пога́дка на ихъ сле́зы, если бы ма о҃же́ бо́льше не о҃выдѣли, проница́ла ма хвила́ми, а тогды всю сы́лъ дѣха и тѣ́ла овертъ́лъземъ, лишь пово́ы о҃вѣ́гчи. На ледѣ вы́лъземъ ѣкъ въ до́ма. Не одинъ день зимно́лъ ми на конька́хъ, а не погада́лъземъ а́нѣ ра́зъ, же колись лишь ймъ спасе́нье о҃тъ погы́вели вѣдъ ма́лъ завда́чъкати. Що но́лъ мнѣ́ты вѣсти́ло ми га́ккаше мо́ихъ гони́телѣвъ, же тѣ́тъ сѣть за мно́ю. Оваижа́ли ся що разъ то бо́льше; слы́шалъземъ хро́вотъ ихъ стѣно́въ по ледѣ, и вы́дѣло ми ся, же чѣю ихъ та́жкый о҃тдыхъ. Всѣ не́ркы и мы́шцѣ цѣло́го тѣ́ла вы́ли напряже́нїи до найкы́шшого сте́пена.

Де́рева вздо́лжъ бе́рега здака́ли ся плеса́ти къ мигли́во́мъ свѣ́тлѣ, а мнѣ зача́ло о҃же́ къ голо́вѣ ся моро́чити; погоня́ стъ́ла ся ми незно́сною; то́ны мо́ихъ гони́телѣвъ напола́ли мнѣ тро́гою; ажъ пара́зъ мимово́льный зво́ротъ зкелъ ма зъ пра́мого мо́го керъ́нкъ. Волкы́ тѣ́тже за мно́ю;

везѫ спо́совѣ стри́мати сѧ або́ сѧ зверну́ти, похова́ли сѧ, попа́дали и сну́ли сѧ спо́рый кѣсень да́льше. Ихъ язы́ки вы́валенїи изъ крова́вои па́щи ви́сѣли до́лгїи; ихъ вѣ́ле кѣсало́ влыща́ло сѧ, ихъ темно-сорока́та грѣдь покры́та вы́ла пѣ́нною, а коли́ по при ме́не посну́ли сѧ, и́скрили сѧ имъ о́чи, и завы́ли встекло и лю́то. Тѣтъ прїи́шла́ ми нара́зъ га́дка, оу́жи́ти то́го сла́чайного выпа́дкѣ систематѝчно, авы́ имъ оу́йти́, сѝрѣчь, имъ разъ въ разъ выкрѣ́кати сѧ, ско́ро вы мѧ настѝгли, во оу́кла́дъ имъ но́гъ не допу́ска́е имъ ле́домъ ина́кше вѣ́рчи, я̃къ ли́шь правцѣ́мъ.

Такъ за́разъ дѣ́лалъемь по тоѝ мы́сли. Волкы́ порва́вши сѧ на по́ги, керглѝсѧ знова́ за мно́ю. Погна́ лъ оповы́ла сѧ на я̃кихъ 60 сто́ихъ горѣ рѣкою. И знова́ оу́жѣ зровы́ли сѧ тѣ́тъ, тѣ́тъ ко́ло ме́не, я̃къ я̃ выгнѣ́лъемь лѣ́ка, и мо́ихъ гоны́телѣвъ пѣстѝлъемь ми́мо се́бе. Дѝкимъ ко́емъ покита́ли волкы́ мои оворо́тъ, и шморгну́ли знова́ на за́дницахъ да́лѣй, даючы́ совершѣ́нный о́бразъ безномо́чности и безсѝлиои встѣ́клости. Тѝмъ спо́сомъ оу́зыскова́лъемь при ко́ждо́мъ зворо́тѣ ко́ло триста сто́ихъ. Два чи три ра́зы поно́вляова́лъемь той ма́шеверъ, а за ко́ждымъ ра́зомъ става́ли сѧ волкы́ встека́ючыми, по тако́жъ и сла́вшими. Имъ сѧ спа́сли. Вы́лъемь оу́жѣ пере́дъ до́момъ, а скоръ псо́въ почу́вши шу́мъ, вы́пали встѣ́кло изъ сво́ихъ вѣ́дъ. Волкы́ спинѝли сво́ѝ вѣ́сный розго́нъ, и по коро́тко́ѝ ро́здѣ́мцѣ шморгну́ли гайже наза́дъ. Имъ смотрѣ́лъ за ни́ми, аж но́ки ихъ те́мнїи но́стати по за одны́мъ горбко́мъ не зни́кли. Поотпа́зовалъемь мои́ конькы́, и пойшо́лъемь

до до́мъ съ чѣ́вствами, котрїи совѣ́ лѣ́чше вьıобрази́ти, ѣ́къ комъ описа́ти мо́жно.“

94.

Мѣ́дрый быкъ.

Робу́чїй во́лъ загрѣ́лъ въ ѣ́рмѣ чола́,
Неро́ба быкъ свари́лъ такъ на вола́:
„Ктожь ка́же бы приповѣ́лъ,
„Якїй то безъу́мный во́лъ:
„Стокроть сильнѣ́йшїй о́тъ чоловѣ́ка,
„Ро́битъ му но́ки ста́не калѣ́ка;
„Руко́ю лишь най махнѐ
„Ужѐ во́лъ шы́ю въ ѣ́рмѣ гнѐ,
„Кри́кне: геи! . . . ужѐ женѐ!“ . . .

„„Слу́хай’““ рекъ во́лъ, „„му́дрый бы́чку:
„„На чѣ́мъ ты стойишь лы́чку?
„„Збудова́лъ есь тѐплый хлѣ́въ?
„„На́ши въ зимѣ́ приобрѣ́лъ?
„„Да́шь си хо́рый ѣ́кїй лѣ́къ?
„„Якъ бы не той чоловѣ́къ,
„„Не зъѣ́лъ бы тя въ но́ли во́лкъ?““
Бы́къ поду́малъ тай умо́лкъ.

Не ли́шь то сей му́дрый быкъ:
Не малы́й ихъ въ свѣ́тѣ люкъ — . .
Най бы слу́хали вола́
Нау́ка бы ся здала́! —

——— *Лука́ зъ Ра́кова.*

95.

Сомнѣ́тельное взгля́домъ терпли́вости.

„Бѣ́дь терпли́къ“ ска́зано разъ до ѣ́ко́гось нещастли́кого, „ща́стье прїйде ещѐ.“ „„Та то мо́же

бы́ти"" ѿповѣ́мъ потѣша́емый, „„одна́кожъ ѫ̃ сѧ дѣ́же опаса́ю, що оно̀ менѐ ѹ́жѣ мо́же не заста́не до́ма.""

В. К.

96.

Лѣ́рникъ и волкѝ.

(Пѣ́для Шуберта.)

Не да́вно то ещѐ то́мѣ, ѫ̃къ въ на́шихъ ле́сѣхъ полно̀ бы́ло волкѡ́въ, и не одни́хъ знайшо́лы сѧ ѹ́ насъ селя́нихъ, котры́й зна́е ка́зкѣ за лѣ́рника и волкѝ, ѫ̃къ ковы то сѧ то́е кчѣ́ра дѣ́ло, хотѧ тѣ́ю ка́зкѣ емѣ̀ его̀ дѣ́ды ещѐ розка́зовалъ. Одно́го ра́зѣ повертѣ́лъ лѣ́рникъ зъ пра́здника до до́мѣ, на котро́мъ его̀ ло́денькы до́вре ѹ́рѧ́чилъ. Не ра́до о̀нъ колѝ повертѣ́лъ про́стою доро́гою; то въ лѣ́во то въ пра́во зналъ о̀нъ до́вре оминѧ́ти свою̀ тѣ́нь при мѣ́сяцы и загна́лъ сѧ про то́е въ рѣстро́мъ лѣсѣ́, чере́зъ котры́й емѣ̀ тре́ба бы́ло переходи́ти, такъ дале́ко въ бо́къ, що на коне́цъ ѹ́на́лъ въ волкѡ́вню̀ т. е. въ ѫ̃мѣ̀, котрѣ̀ лѣсни́чій вы́копалъ на ло́вленье волкѡ́въ. Ѹ́жѣ то не ма́ло перелѧка́лъ сѧ лѣ́рникъ, ѫ̃къ о̀нъ такъ зъ гла́дкои̯ земли́цѣ на́разъ въ до́лъ зле́тѣлъ. Емѣ̀ здава́ло сѧ, що лети́тъ въ безо́дню; но ѫ̃ко́сь бо́рзо очѣ́малъ намя́цавши що̀сь живо́го, котрѐ ди́ко по̀дско́чило и очи́ма засвѣти́ло — а по̀зна́вши по ху́ли, що то бы́лъ волкъ; о ма́ло що зъ само́го перепѣ́дѣ не ѹ́мре́ръ. Що̀жъ малъ почя́ти не маючѝ кро́мѣ лѣ́ры въ рѣка́хъ шчо́го? Зъ перестра́хѣ почя́лъ пере́дъ розвале́нымъ пи́ско̀мъ во́лка выграва́ти всѣ свои̯ штѣ́ки, котры̀

однáкожь тóго рáзъ нáветь и емъ самóмъ не выдавáли сѧ вкúти вкúснѣйшими. Вóлкъ же ливóнь не мáло наслаждáлъ сѧ такóю гѫдьвóю, но и ôнъ самъ розчúлéный почáлъ скóимъ вытьéмъ помагáти. Инíи волкú почúвши тое жáлостное пѣнье къ лѣсѣ, стáли сѧ такóжь до тóго причинáти, зъ чегò нáшъ лѣрникъ, хотѧ капельмáйстеръ тóй оркéстры, не кóнче мóгъ вúти задоволéный, но оу̃жè егò товáришь къ ѣмѣ черéзъ предóлгое пѣнье зголодúлъ такъ, цо здавáлъ сѧ вѣтрити тѣю одровúнъ мáса, котрѣ становúло тѣло лѣрника. Наконéцъ и самóмъ лѣрникови накúчило сѧ крѣтúти на лѣрѣ, а вѣлого дня áнѣ сѣдú Бóже вúло сѧ дождáти — проклинáлъ на чѣмъ свѣтъ стоúтъ себè и годúнъ, къ котрóй навúчилъ сѧ лѣрѣ крѣтúти, и былъ готóвъ вóрше сѣмъ кóнъ везъ оу̃стáнкъ молотúти, ѣкъ на лѣрѣ игрáти, черéзъ котрѣ мъ сѧ такè лúхо прикючúло. Но зáкимъ стáло ещè свитáти, оу̃рвáли сѧ двѣ стрѣны на лѣрѣ, а вáснѣ передъ днёмъ остáла сѧ лишь однà, на котрóй ещè лѣра сѧ ôтзыкáла ѣкъвы зъ милосéрдїа для вѣдного лѣрника, но зголодúлый вóлкъ не вúлъвы мóже дозвóлилъ часъ везъ игрáня зрайнѣвáти, слúвы лѣрникъ хотѣлъ свою лѣрѣ всѣмà стрѣнами натягнѣти. И ѣкъ на цáстье привúлъ повережнúкъ, котрúй оу̃жè ôтъ далéка почѣлъ вóлка спѣванье. Ещè къ самъ дóврый часъ вúсководилъ ôнъ капельмáйстра ôтъ зголоднѣлого вóлка, сѧ котрúмъ сѧ такóжь вóрзо справúлъ. Капельмайстеръ нôйшóлъ ѣкъ сѧ мúломъ къ своéй и сказáлъ до сéве: верù Пéтре на рóзумъ! такóй то онò есть лѣчше вчáсно и гостúнцемъ простѣсенько повертáти до дóмъ. И лѣра змерзѣла

сѧ емѹ ѻтъ того часѹ такъ, що повзáлъ совѣ оу-жѣ не натагáти на нію новы́хъ стрѹнъ: а понéже зналъ кравéцтво, то и почáлъ иголкою робúти на хлѣвѣ насѣцный. При робóтѣ спѣвáлъ ѻнъ чáсто такъ:

По мóму примѣ́ру
Кúньте дѣды лѣ́ру,
Бо онà скригóче,
Бурмóче, шипóче:

Крутѝ, вертѝ
И до смертѝ —
Будéшь дѣдовóдомъ
Съ цѣлы́мъ твóимъ рóдомъ.

В. К.

97.

Лавúны.

Єслú въ дѣже высóкихъ снѣ́жныхъ гóрахъ ци то черéзъ пóдѣвъ вѣ́тра, ци черéзъ прóлетъ птáха, ци нáкеть черéзъ ѣ́кій нивѣдь шéлестъ ѻтъркѣ сѧ жмéна снѣ́гѹ — и начнѣ изъ горы́ сѧ котúти, то стаѣ сѧ такà грѹда чѣмъ разъ бóльшою; но зáкимъ прúйде въ долúнѹ, то стáне не разъ такъ велúкою, що прикрывáе вóзъ съ кóньми и человѣ́ка, сли ихъ подкúвае на гостúнци — а нáкеть засы́пле и поваліть цѣлúй вѣдóкъ — во за такóю одно́ю грѹдою калúть сѧ кóлька сотъ сотнáрóвъ снѣ́гѹ. Такóе сѧсѣкáнье сѧ снѣ́гѹ называ́ютъ „лавúною“ — и чáсто о нихъ чѹвáти въ гóрскихъ околúцахъ. Рóкѹ 1807. сѧсѣнáли сѧ четы́ри такúи лавúны окóло Штúвна пóдъ горóю Ярль и засы́пали четы́ри домы́ и ѻсьмь стáнъ — а тринáдцать осóбъ скончáли сѧ такóжь пóдъ тимъ тагарóмъ.

В. К.

98.

Дождь сѣрковый.

Пôсла вѣрѣ на вéснѣ, скóро сúльно при тôмъ дождь пáдалъ, вúдимъ чáсто по берегáхъ калѣжъ, котрíи черéзъ оу̂лúвы сѧ поровúли, жóлтый порошóкъ, выглáдающій гéйбы мѣлко тéрта сѣрка. Миóгíи люде ещѐ до нúнѣ дѣмаютъ, що тѣчи и вѣрѣ похóдятъ изъ вúнарóвъ сѣркóвыхъ, котрíи въ хмарáхъ сѧ твóрятъ, и про тóе мóвятъ, що нôдчасъ завѣрѣхи сѧ дождéмъ такáѧ сѣрка спадáе — и пригáдзютъ совѣ при тóмъ, що огéнь сѧ сѣркою спадáлъ оу̂жѐ разъ на Содóмѣ и Гомóррѣ. Но мы дáковати Бóгѣ не мéшкаемъ въ Содóмѣ áнѣ въ Гомóрѣ, а потôмъ оу̂жѐ нерáзъ пересвѣдчилисьмо сѧ, що не одно̀ есть до дрѣгого подóбне, а однáкожь не есть тóе самóе, но цѣлкóмъ що йного. И такъ не éсть жóлтый порошóкъ на вóдныхъ калѣжахъ такóжь сѣркою; нáветь хотáбы сѧ ôнъ на огнй̀ запалúлъ; но есть то нúлокъ изъ цвѣтѣ деревéсного.

Въ цвѣтѣ тѣлинáновъ стойтъ шѣсть малúхъ столицѣвъ, на котрúхъ верхѣ нахóдитъ сѧ чóрный нúлокъ. Кто тóе нюхае, того нôсъ почорнѣе. — На лелѣхъ есть той нúлокъ оу̂жѐ жóлтый, а кто нюхае вѣлѣ лелѣю, того нôсъ пожолтѣе. — То все есть нúлокъ цвѣтовúй. — Онъ нахóдитъ сѧ въ всѣхъ цвѣткáхъ и на всáкôмъ цвѣтѣ, понéже есть неовходúмо потрéбный, если изъ цвѣта мáе повстáти плóдъ и насѣнье. Если про тóе на ôрй̀, колй̀ дéрева, и цвѣткй̀ цвѣтѣтъ, сѣть оу̂лúвый̀ дождѣ, то завирáе дóждь той нúлокъ изъ цвѣта сѧ совóю, и се есть такóжь голокнà

причи́на, для чо́го не мо́жь са на́дѣати до́вроги ро́кѫ на садови́нѫ, ско́ро мно́го дождя́ па́дало на цвѣ́тъ. Где мно́го таки́хъ цвѣтѫщихъ дере́въ и цвѣто́къ стои́тъ при кѫпѣ, тамъ тако́жь и до́ждь мно́го тако́го цѣлкѫ цвѣтово́го соло́кѫе. То́йже свира́е са зновъ на земли́ и остава́е, если кода̀ вы́паровала — и се есть той мни́мый до́ждь сѣрко́вый. — Въ лѣ́тѣ и въ осени́, коли́ за зви́чай тѫчи и вѫрѣ сѫть часте́йши, не ова́читъ никто̀ дождя́ сѣрко́вого, поне́же тогды́ де́рева цвѣсти переста́ли — тогды́ то идѫтъ дождѣ зъ ѫблокъ, орѣхо̂къ, дѫбино́къ и т. д. изъ найта́жшого галѫза, но о мнимо́й сѣрцѣ и га́дки нѣтъ.

В. К.

99.

До́ждь жа́бачїй.

Не разъ ка́жѫтъ, що о̂ны́ла̀ тѫ ано тамъ „до́ждь жа́бачїй.“ Но ачейже никто̀ еще не ви́дѣлъ, аби жа́бы съ дождже́мъ па́дали. Рѣчь са та́ма́е та́къ: Въ лѣ́тѣ, при посто́янно сѫхо̂й спекотѣ ста́ра́е са велике мно́жество пе́вного ро́да на́шихъ зви́чайныхъ жа́бъ до новайзькихъ лѣсо́въ и бо́ро̂къ, поне́же имъ тамъ холодне́йше и мокре́йше мо́жно пребыва́ти; где они́ зви́чайно цѣлко́мъ споко̂йно и скры́то са захо́ѫю̀тъ и не бываю̀тъ такъ ле́гко о̂тъ ко́го спостере́женими. Еслиже ле́гки́й до́ждикъ спада́е, то они́ ѫбла́ю̀тъ са зновъ числе́нно и ожива́ю̀тъ са въ мо́кро̂й, холодно̂й траве́. Кто̀ по̂сла то́го нахо́дитъ са въ тако̂й око́лици и на́разъ тамъ такъ мно́го о̂ўви́дитъ жа́бъ, где пе́рвше а́нѣ одно́и не было ви́дно, то̂й не мо́-

же поня́ти, зъ о́тки са нара́зъ то́лько нѫ́ъ взя́ло; и про то́е мно́гїи не вѣдѣчи къ состоя́нїи сове́ то́е сѫ́вѣйско кѣ́толкѣвати, или вѣдѣчи лѣнѣ́кыми надъ ти́мъ са застановѣ́ти, дѣ́маютъ, що жа́вачїй до́ждж па́далъ, и роска́зѣютъ тое дрѣ́гимъ, котрїи, сли сѣ́ть до то́го легкоѣ́рыми, къ то́е ѣ́ратъ, а та́къ зно́въ да́льше свой повѣ́дъ 'ши́ратъ.

В. К.

100.

До́ждж крва́вый.

На ѫ̂рѣ и къ лѣ́тѣ дѣже са ча́сто дѣ́е, що въ мно́гихъ мѣ́стцахъ спостерѣга́емъ черво́нїи ка́плѣ подава́ючїи на дождже́нїи, и то еще́ мо́крїи, а часо́мъ и прїсуа́їи то на лѣ́стю, то на и́ныхъ предме́тахъ ѫ̃сного ки́да, котрїи лежа́ть на земли́ н. пр. на полотнѣ́, котре́ для бѣ́лена розпросте́рто на траве́; а поне́же мно́гїи то́го порозумѣ́ти не могѫ́ть, зъ о́тки тое поуо́дитъ, и поне́же ско́рше вѣ́рать що́сь незвыча́йного ѫ̃къ що звыча́йного и приро́дного, то ка́жѫ́ть коро́тко: „кръва́вый до́ждж па́далъ и вѣ́де ко́йна!“

Но ѫ̃къ не всё есть сѣ́рка, що выглада́е жо́лто, такъ и не всё есть кро́въ, що выглада́е черво́но. Що до тыхъ черво́ныхъ ка́плїй, то рѣчь та́ма́е са та́къ: Изъ ѫ̃ечка не́вного жико́тна, котро́е чере́зъ зи́мѫ гдѣ́сь тамъ на ѫ̂ко́мсь опло́тѣ или на ѫ̂ко́й хворости́нѣ прилѣ́плене вы́ло, выгрѣва́е со́лнце на ѫ̂рѣ мале́нькїй живкы́й о́вадъ. По ко́лько́хъ не-дѣ́лахъ, ско́ро са той о́вадъ вы́кормилъ и вы́рѫ́слъ въ здо́лжъ и къ ши́рь, вылѣза́е ѫ̂нъ где до горы́, если не знайо́дитъ са ѫ̆же и такъ высо́ко, ѫ̆кѣ-

шáе сѧ крѣпко зáдною чáстїю тóлѣва, а головóю въ бóкъ, звергáе изъ сéбе óкадиѣю ѻбволокѣ, и переоврáжáе сѧ въ гранчáстый вúдъ, котрúй называемъ пѣпкою, безъ головы, безъ нóгъ и крúлъ. Зъ той пѣпки не мóжь властúво пѣзнáти, що зъ нéи стáти сѧ мáе — однáкожь знóвъ въ корóтцѣ потóмѣ розлѣпѣе сѧ шкарлѣна, и вылáзитъ цось съ малúми докѣпы стúсненымі крúлцямі и съ грѣвымъ безъобрáзнымъ задóмъ, котрé цось намъ пригáдѣе на мотылá или на ѣкéсь лѣтное живóтно. Въ кóлька годúнъ, пóдчасъ котрúхъ оно тúхо сѣдúтъ, выростáютъ крáсніи рѣзновáрніи крúлца и розпростирáютъ сѧ. Изъ зáдѣ выхóдитъ шѣсть до ѣсьмъ червóныхъ кáплей, котрíи ѻ҃падáютъ на зéмлю, — по чѣмъ тóе лѣтное живóтно прихóдитъ до сéбе и пѣдлѣтáе лéгко и жвáво на воздѣхъ, то сѣдáе на цвѣткú, то знóвъ ѣтлѣтáе и такъ весели́тъ сѧ свóемъ житьéмъ. Я скóро мнóго сотъ такúхъ пѣпóкъ на однóмъ оплóтѣ знахóднмъ, мнóгожь ихъ надывáемъ въ огорóдѣ? Єслúже изъ кóждои такóи пѣпки вúклюе сѧ мотúлъ и кóждый вышѣскáе изъ сéбе до 8 такúхъ червóныхъ кáплей, чижь мóжемъ сѧ дивѣвáти, що гѣсто часто такúи нахóднмъ? Єто лишь такúхъ пѣпóкъ въ однóмъ огорóдѣ даютъ ѻ҃же 6 — 800 кáплей — а тúи кáплѣ становлáтъ той мнúмый „дóждь крвáвый.“

В К.

101.

Оу҃чéный панъ и прóстый Иванъ.

Панъ учéный, любúвшій зъ всёго пошутúти,
Прóстов вúсмѣити, святóму глумúти;

Гденикóли дотéпно блюзнити о Бóзѣ!...
Надыбалъ рáзъ Ивáна съ свѣчкою по дорóзѣ:
„Дóбрый день! куда идéшь? що несéшь, Ивáне?“
„„Свѣчку несý до Цéркви, мúлостивый пáне!““
„Про що тóв?... а Бóгу потрéба свѣтúти?
„Богъ вúдитъ и безъ свѣчки... лýчше то пронúти.“
„„А знáю, що Богъ вúдитъ... но и не надарéмно...
„„Суть люде хотя вúдятъ... то имъ чомýсь тéмно...
„„Все знáютъ, о всѣмъ сýдятъ, лишь то рѣчь цѣкáва,
„„Яке не вúдятъ, не знáютъ, що есть Бóжа справа;
„„Про то кáже ся, пáне! тéмныхъ просвѣтúти —
„„А щóбъ вúдѣли лýчше, свѣчку засвѣтúти.““
Панъ хотѣлъ щось сказáти... но Иванъ склонúлъ ся
Тай прóсто дорóгою до Цéркви пустúлъ ся.

——— *М. Козановичъ.*

102.

Іоáннъ мúлостивый.

Якъ для кóждого вúли отвéртѣи двéри оу Іоáнна мúлостивого, Патрїáрха Александрїйского, такъ и предъ никúмъ не замыкáлъ онъ свóи скáрбницѣ. Въ Александрїи дознавáлъ мéжи прóчими одúнъ кóнецъ великúхъ докóдовъ щедротлúвости тóго Патрїáрха. Колú лишь вымагáла его кóпля запомóги въ грóшёхъ, всегда отходúлъ онъ съ тóю отъ Іоáнна мúлостивого, — а колú приходúлъ отдавáти свóй долгъ, складáлъ онъ тойже звычáйно безъ жáдного свѣдка въ тóмъ самóмъ мѣстци, изъ котрóго знову въ часѣ потрéбы за призколéньемъ мúлостивого Патрїáрха выбирáлъ. Такúмъ спóсобомъ малъ той кóнецъ свóй ненарóшéный капитáлъ въ беспечнѣйшóмъ покладѣ. Но колú такъ частѣйше то бралъ то назáдъ складáлъ позычéнїи грóши безъ свѣдка до скáрбницѣ, при-

пáла емꙋ разъ на оу̑мъ гáдка, не сложи́ти назáдъ вꙑзы́ченои ккóты, но задéржати óнꙋю при сóвѣ. Гáдка стáла дѣломъ. —

По ѿкóмъсь часѣ былъ речéный кꙋпéцъ къ новóй потрéвѣ; идѣ про тóе прóсто до свóго довродѣтелꙗ, мúлостивого Іоáнна, котрúй вúслꙋхавши егò прóсьвꙋ, казáлъ емꙋ ѿкъ звычáйно, пóйтѝ до скрúнѣ и взáти требꙋемꙋю сꙋммꙋ. Кꙋпéцъ пóйшолъ, но чимъ скóрше и вернꙋлъ сѧ съ новúною, що грóшѝй къ скрúнѣ нѣтъ. Іоáннъ однáкожъ знаючи дóвре, що пóслъ тóго кꙋпцà никтò не сѧгáлъ рꙋкóю по грóши до скрúнѣ, сказáлъ: „Смотрѝ по дóвре, они тáмъ мáютъ вꙑти.“ — Но кꙋпéцъ твердúлъ, що ихъ тамъ нѣтъ. На тóе ôтвѣтúлъ Іоáннъ: „Брáте! по тóвѣ не вúло тáмъ нúкóго, — а еслúсь що положúлъ, то тáмъ есть; но еслúсь не положúлъ нúчи, то и гóдѣ що найтѝ.“ Кꙋпéцъ почꙋвши тꙋю ôтвéртꙋ мóвꙋ, завстыдáлъ сѧ, розкáлъ сѧ и вꙑзналъ свою винꙋ, котрꙋ однáкожъ Іоáннъ мúлостивый по свóей довротѣ емꙋ простúлъ и егò помúловалъ, — и ôтъ тóго часꙋ былъ кꙋпéцъ всегдà сóвѣстный и заслꙋжúлъ совѣ черéзъ своѐ дáлъше житьѐ на осовлúвшiи взглáды ѻ̑ свóго велúкого довродѣꙗ.

В. К.

103.

Бꙋдь щéдрый.

„Не есть то новúна“
Рекъ отéцъ до сы́на,
„Отъ мнóгихъ ужѐ лѣтъ
„Iакъ настáлъ такiй свѣтъ:
„„Що все брáтъ „„А сестрà
„„Собѣ рáдъ, „„Собѣ несла;

„„Кождый о собѣ
„„Никто о тобѣ...
„Ты же однако
„Не дѣлай тако. —
„О себе дбай, памятай
„О другихъ не забувай!
„Мавшь мало, „Мавшь много
„Подай мало; „То дай много,
„Богъ всего не роздалъ,
„Много ещѐ заховалъ —
„Подасть ти въ потрѐбѣ
„На земли и въ Нѐбѣ.“

В. К.

104.

Щедрота.

(Изъ Рихтера.)

I.

Іоаннъ милостивый.

Іоаннъ милостивый, Патріархъ Александрійскій казалъ кождого дня оддѣлати вѣдныхъ милостинею. Коли одного разъ межи оувогими ѡвили сѧ и такіи люде, котрїи мали дорогіи одежи на собѣ и йніи золотїи и сребрніи оувори на рѫкахъ и шыяхъ, жаловали сѧ роздѣлаючіи милостиню на нихъ оу Патріарха, но тойже сказалъ: „вачите! ѡкъ вы ещѐ мало оумѣете правдивое оувожество и нещастье познакати; чижъ гадаете, що тіи на позорѣ богатіи люде радо сѧ показютъ помежи жевракамі въ овіе знанымі? — видно, що ихъ крайна нѫжда до того принѫдила! Въ прочемъ, если вы въ имени кроткого Іоанна, или лѣчше сказавши въ имени Христа роздаете милостиню, то

не забывáйте на гóлосъ Евангéлïа, котрóе накáзѣе тымъ давáти, котрïи прóсятъ. Всѣ пмѣнïа належатъ томѣ, котрúй ихъ вездѣ роздавáти и котрúй ихъ безъ кóнцà и мѣры въ своéй Цéркви мáе — а нáветъ слúвы всѣ оўвогïи зъ цѣлóго свѣта привúли до Алексáндрïи, тóвы можъ вúло достатóчно всѣхъ ихъ овдѣлúти."

II.

Серапïóнъ Єпископúтъ.

Серапïóнъ Єпископúтъ срѣтилъ оўвогого, котрóго дарúлъ свóимъ плащéмъ; потóмъ прïйшóлъ до нéго дрѣгïй, котрúй дрожáлъ отъ зúмна на цѣлóмъ тѣлѣ, тóго дарúлъ свóею сѣкмáною; а сáмъ оўсѣлъ и держáлъ въ рѣцѣ свитóе Евангéлïе кáкъ ктóсь его вопросúлъ: „Óтче, кто Васъ такъ зравокáлъ и овпажúлъ?" — Онъ, покáзъа на свитóе Евангéлïе отвѣтúлъ: „Сéе!" — Иного рáзъ продáлъ онъ и самóе Евангéлïе, абы подáти мúлостиню — а коли одúнъ зъ его оўченикóвъ вопросúлъ: „Óтче! а где есть Вáше Евангéлïе?" сказáлъ онъ: „Въ йстинѣ, понéже читáлъемъ тóе и онó менѣ скáзало: продáй все, що мáешь, и роздáй мéжи оўвогихъ, то продáлъемъ на конéцъ и самóе Евангéлïе, абы цѣнѣ ползчéнѣ роздáти мéжи оўвогихъ." Его щедротà прïйшлà до тóго стéпенà, що разъ самъ себѣ продáлъ за некóлькника, абы грóшми за сéбе взúскаными принести помóчь однóй вѣднóй вдовúци, котрà въ крáйнóй находúла сѧ нѫждѣ.

Въ пéрвыхъ часáхъ Хрïстïáнства находúлъ ажъ за надто частïи примѣры чрезвычáйнои цне-

дроткы, а насѣротивъ нихъ чрезвычайной скѣпости. Такъ змѣняютъ ся времена и люде съ нима!

В. К.

105.

Житьє.

(Казка.)

Колиї Господь Богъ свѣтъ сей прекрасный сотворилъ и всѣкомѣ естествѣ долготѣ житъ опредѣлиї хотѣлъ, прїйшолъ до Нёго осёлъ и пытёлъ Єго съ: „Господи, долго ли жиїти мнѣ?“ „Трйдцать лѣтъ,“ отвѣчёлъ Господь Богъ; „довоёленъ ты зъ того?“ „Ахъ Господи!“ кёже осёлъ, „се дёлгиї часъ! Вспомнїї моє тяжкоє житьє: отъ самѣсѣнкого рёнка ажъ до тёмнои ночи стогнѣ подъ тягарёмъ, мѣшкиї съ звожьемъ кожѣ и кожѣ къ млынъ, а йнши улѣвъ скатки пожинаютъ; а кромѣ того штѣркаютъ, вйотъ менѣ — такє моє житьє; Господи! скоротиї ёноє.“ И ѹмилосердйлъ ся Господь Богъ надъ нимъ и даровёлъ емѣ осьмнадцать лѣтъ. Осёлъ отишолъ потѣшенъ, а песъ мкйлъ ся. „Якъ долго хочешь жиїти?“ рекъ Господь къ нёмѣ, „ослокиї трйдцать лѣтъ за много; ты же вѣдешь доволенъ?“ „Господи! отвѣчёлъ песъ,“ есть ли се волѣ Твоѣ? Погадай, що ѣ вѣгати и вѣгати нѣждный, мои ноги невкйдолаютъ томѣ такъ долго; а колиї голосъ потерёю до гёвканя, а зѣвы до кѣсання, о щоже ся дѣе съ мною? зъ одного кѣта до дрѣгого вѣгаю и скѣлю, скѣлю горько!“ Господь ѹвидѣлъ его прёвдѣ и отпѣстйлъ мѣ дванадцать лѣтъ. Потомъ прїйшлъ мёлпа. „Ты съ охотою схочешь трйдцать лѣтъ жиїти?“ рекъ Господь

къ мáлпѣ, „не працюешь ѿкъ осéлъ и песъ, все есь совѣ весéла и бáвишь сѧ.“ „Ахъ Гóсподи!“ ѿтвѣчáла мáлпа, „то лишь такѣ на нóзорк моѐ житьѐ: але инáкше къ йстѣ·éсть. Минѣ зáвсѣды блазнѣвáти, скакáти и людій весели́ти, — а кúнѣтъ менѣ за тóе ѿблоко, а ѿ го ккѣшѣ, то кваснѣ. Ѩкъ чáсто скрываé сѧ пѣдъ весéлостію смѣтà! Черéзъ трúдцать лѣтъ не кѣдолаю томѣ.“ Богъ мúлостивъ ѿтпѣстúлъ ей дéсать лѣтъ.

На кѣнцй ѿвúлъ сѧ человѣкъ весéлъ, здорóвъ и чéрствъ, и просúлъ Бóга, абы емѣ врéмя жúзни опредѣлúлъ. „Трúдцать лѣтъ вѣдешь жúлъ,“ рекъ Гóсподь. „Ахъ, ѿкъ корóтко!“ сѧ плачéмъ сказáлъ человѣкъ, колй лишь постáвлю залéдко дóмъ и на скóей власнóй печй загрѣю сѧ; колй деревúны позасаджáю, тѣи цвúсти и óвощи родúти пóчнѣтъ, а ѿ тóлько цю трѣдомъ и житьéмъ мóимъ наслаждáти имѣ сѧ, тогдú минѣ оумерáти! О Гóсподи продолжй моѐ житьѐ.“ „Да вѣдѣтъ ôсмнáдцать лѣтъ óсла твоúми“ рекъ Богъ. „То не досúть“ ôтвѣчáлъ человѣкъ. „Да вѣдѣтъ ещѐ двáнадцать лѣтъ пса твоúми.“ „Все ещѐ мáло Бóже!“ „Дóвре!“ рекъ Гóсподь Богъ, „Дамъ товѣ ещѐ дéсать лѣтъ мáлпы, но бóльше не отрúмаешь. Человѣкъ отхишóлъ, однáкожь не былъ задоволéнъ.

Отожъ жѣ человѣкъ семдесáть лѣтъ! Первѣи трúдцать сѣть его власнѣи человѣческѣи лѣтà, тѣи оутѣкаютъ бóрзо и прѣдко, къ тúхъ лѣтáхъ есть человѣкъ здорóвъ, весéлъ, працюе охóтно и тѣшитъ сѧ изъ скóго бытïà. По тúхъ слѣдѣютъ ôсмнáдцать лѣтъ óсла, тогдà одéнъ тагáръ за дрѣгимъ на нéго спадáе: двúгае збó-

жье, котóримъ дрѣгихъ кормúтъ, — грúзь, клонóтъ сѣть егò нагородóю. По тóмъ слѣдѣютъ двана́дцать лѣтъ пса, тогдà лежúтъ къ кѣтѣ, гарчúтъ, скàлúтъ не маючú óбжè звонкъ до кѣсанà. Ѝ перемúнѣ тотъ часъ, то заключа́ютъ дéсять лѣтъ мáлы житьѣ. Тогдà прихóдитъ человѣкъ на дѣтúнчúй рóзмъ и стаѣ сà, сóромъ казáти, презрѣнѣемъ дѣтúй, котрúхъ однáкожъ тóе самò колúсь ожидáе.

Пчолà.

106.

Квока и кѣратко.

Бéрегомъ потóчка,
Ходúла разъ квóчка,
А параз̀ щось стáла,
На свóихъ клúкала:
„Ходѣтъ но рабúтка!
„Ходѣтъ но кýритка!!“

На той вóсклúкъ квóчки
Сбѣгли ся дѣточки,
И мóвь бы кàкъ стрѣлà
Пòдъ мáтерúй крúла
Всѣ ся похова́ли,
Бо ся прилякáли.

„Нѣтъ мой дѣточки,
„Нѣтъ мой лю́бочки,
„Не вамъ ся бойти,
„Пóки ва́ша мáти
„Съ ва́ми рáзомъ хóдитъ
„Съ собóю васъ вóдитъ...
„Истрѣба высóко
„Вúдитъ моѣ óко;
„А тхорѝ зъ далéка
„Цн морóзъ, цн спéка,
„И всегдà учýю
„Хоть твéрдо ночýю...

„Но бáчте лю́бочки,
„Но бáчте дѣточки,
„До тóго потóка
„Хоть старà кѣ квóка
„Мáломь не влетѣла,
„И ся не утопúла!...
„Про тóе внимáйте!
„Ува́жно бѣгайте,
„Бо ва́шого крúлà
„Не вств такà сúла
„Бúсьте и лѣтáли
„Такóжь и плáвали!“ ...

Слýхали кýритка
Всю рѣчь до остáтка
И сказáли: „Мáти!
„Бýдемъ намятáти,

„Щось на́мъ росповѣ́ла
„И я́къ научи́ла.“ . . .

Но оди́нъ коґу́токъ
Не вѣ́рилъ въ той ску́токъ;
Край бе́рега ста́пулъ
И по рѣ́чцѣ гли́нулъ,
Где ка́ча пла́вало
„И такъ си сѣ́ня́ло:

„По рѣ́чцѣ гуля́ю
И не ду́же дба́ю,
„Ци мя кто годуе
„Ци мя кто пильну́е;
„Ту всего я́ ма́ю
„Чого́ забажа́ю! . . .

„Вѣ́дне небожа́тко
„Есть ко́жде ку́рятко,
„По земли́ ни́пае
„Выго́ды не зна́е;
„И ему́ столстѣ́ти? — . .
„Въ го́лоду умлѣ́ти!“ . . .

На то́е коґу́тикъ
Вы́гнулъ ся гей пру́тикъ
Уда́рилъ крилця́ми
И зиркнулъ оча́ми;
Потомъ змо́ршилъ бро́вы
И ста́лъ до розмо́вы:

„Чу́лъемь се́стро лю́ба,
„Що и́ста есть зґу́ба
„По рѣ́цѣ пла́вати
„И въ ней си купа́ти—
„Мно́ги ча́сто ба́ютъ,
„О чѣмъ ничъ не зна́ютъ.

„Бо бачь! ты нѣвро́ку
„Гуля́ешь въ пото́ку,
„О бѣ́дѣ не знаешь
„Въ ща́стю прожива́-
ешь. —
„Скажи́ пра́ву щи́ру;
„А тобѣ́ увѣ́ру!“ . . .

„„Любезный мой бра́тку!
„„Ку́рниче по́тятко!!
„„Слибъ всѣ небыля́цѣ
„„Дѣялись въ водя́ци,
„„Тобъ тво́ей сестря́ци
„„Замкну́ти зѣ́ня́цѣ,
„„Давно́ бы́ло ста́ло
„„Пекъ бы ся каза́ло!
„„Но бачь! я́ гуля́ю
„„За ре́шту не дба́ю;
„„Въ ши́рь и вздо́лжь по-
ля́ну,
„„Зъ го́лоду не зги́ну!““ . . .

„А ну я́ спробу́ю?!
„Чей си полюбу́ю?!
„Во мой охо́та
„Надѣ́и золо́та
„Си́лъ менѣ́ додаю́ть
„Все до́бре вѣ́ща́ютъ;
„Такой я́ спробу́ю
„Чей не пожа́лую?!

* * *

И ско́чнлъ зъ высо́ка
Про́сто до пото́ка;
Но да́лъ нараз ну́рка —
Отъ я́къ ко́жда ку́рка!
А мѣсто гуля́ти
Му́сѣлъ загиба́ти! . . .

В. К.

107.

Оцѣненье по слѫшности.

Одинъ тщеслáвный стихотвóрецъ любúлъ дѫже, щобы егò прiятéлѣ слѫхали егò сочинéнiя. Разъ зимóю прiйшóлъ посѣтúти егò одúнъ изъ прiятелѣвъ. Онъ запрокáдившiи свóго гóстя въ нетоплéнѫ комнáтѫ, посадúлъ егò кóло стола, и началъ емѫ читáти свой дóлгiи и скѫчнiй стихú, а потóмѫ вопросúлъ, ѭкъ ôнъ дѫмае о тúхъ стúхахъ? — „Дрѫже мôй!“ отвѣчáлъ перезáвшiй гóсть, „еслúвы повóльше вúло огнѣ въ твóихъ стúхахъ, илú повóльше твóихъ стúховъ въ огнú, то вúсьмо йстиннo не перезáвли тáкъ дѫже.“

В. Вóлянъ.

108.

Б ѫ р ѧ.

Шумя́тъ во́лны ѩкъ скажéнiи
Пѣна на нихъ ста́ла —
Бу́ря кри́ла розпущéнi
Ужѣ порозстели́ла.
Нéбо чóрне, нôчь надхóдитъ,
Часъ бу́ри гуля́ти,
Лишь сама́ ся коровóдитъ,
Кого́ въ танéць взя́ти.
Въ тôмъ примчúлъ ся вѣтеръ зúмный
Всю́дась розглядáе; —
За́разъ сумра́къ благочúнный
Бу́рю намовля́е:
Бы съ вѣтромъ спрягла́ ся
И въ сúлу взмогла́ ся;
Здóбно буде имъ гуля́ти
Когда́ мóре бу́де гра́ти.

Вездѣ тихо . . . . .
А ночь чорну засѣдає
Непремѣнно якéсь лихо . . .
И чекає и чекає . . . .

Нужь спрягла ся бýря съ вѣтромъ:
Садúть, валúть,
Гудúть, скулúть
Въ бéзвѣсть мóря тéмнымъ свѣтомъ. . . .
И несéся крýгомъ, крýгомъ,
И женѣ ся съ снóнмъ дрýгомъ. . . .
То по мóрю ся протúгне,
То до нёго си прилúгне,
То схóпить ся и снѣпúть ся,
Якбы щось ей нестава́ло,
Якъ за нéю щось бы гнáло. . . ,
Мóре грáє
Сумъ сберáє
Самý бýрю съ вѣтромъ
Передъ чóрнымъ снѣгомъ.
И знов далéй . . . . не пытáє
Съ зúмнымъ вѣтромъ тай гуля́є
Волна́ ренѐ,
Мóре гудѐ,
Кораблѣ пóрнаютъ,
На глубóкóй, на широ́кóй
Бéздиѣ пропадáютъ.
Твердúй камѣнь рнѐ ся
А бéрѣгъ трясѐ ся.
Бо ажь нéба досягáє
Ни часóчокъ не утихáє,
Бýря съ вѣтромъ, волна́ съ мóремъ
Якбы ся казúли
И свѣты валúли. . . .
Але сумракъ бáчивъ злóе
И взивъ промовля́ти:
„Утишѣтся! ни на тóе

Хтѣлъвмь васъ спрягáти,
Бы́сте мóре вывертáли
И кораблѣ потопля́ли,
Розпряжѣтъ ся,
Розъпдѣтъ ся,
Бо насъ бéздна ỹхóпитъ
И въ собѣ затóпитъ."

Не слу́хали сéи рáды,
Бо лишь мóре залишáютъ; —
Тепéрь къ лѣсáмъ ся звертáютъ:
Дорóгою конóтятъ,
Ажь сумъ, ажь лякъ трискóтятъ.
Гнеть туманы поставáли
И за ни́ми вздогóнъ гнáли;
Ужѐ ся въ лѣсáхъ опшíли,
Разомъ знóву ся случи́ли.
Лѣсъ цѣлы́й ся погинáв
А що бу́де, ктожь то знáв?
Тумáнъ осѣлъ, — бу́ря стáла
И до вѣтра такъ сказáла:
„Ми́лый дру́же, погуля́ймо,
Зъ лѣсóвъ вѣнкы́ посплѣтáймо."
И веду́тъ ся коровóдомъ
Лѣсы́ ло́мятъ перехóдомъ
Зъ гнѣздá птáхи позлѣтáли
Зъ печáръ звѣрѣ поу́тѣкáли;
Въ цѣлóмъ лѣсѣ зóйки, кри́къ,
Ло́нóтъ, сту́котъ, свистъ и ры́къ, —
Ду́бы надýтъ
Отъ вѣтра пу́тъ,
Бу́ря цѣ му помагáв
Зъ землѣ кóрень выдерáв.
Все звéрнене одны́мъ рáзомъ;
Або стреми́тъ
Або лежи́тъ
Плáзомъ, плáзомъ.

Але ще на тôмъ не го́дѣ,
Бу́ря съ вѣ́тромъ въ корово́дѣ
Вѣжи́тъ, лети́тъ,
То гора́ми,
Долина́ми,
То поля́ми,
То луга́ми
Траву́, збо́жье вырыва́е,
И съ собо́ю забира́е.
Тепе́рь о́то! ся спини́ла
Надъ хата́ми
Надъ мѣста́ми
Та крыхтѣ́ ся у́тини́ла
И щось съ вѣ́тромъ говори́ла.
Все дрготи́тъ зъ перену́ды
И ждѣ и ждѣ, що́ то буде?
Дзе́ри, о́кна зазвони́ли
Кро́квы всю́да затреща́ли —
Бу́ря съ вѣ́тромъ знов гуля́е
Зъ Церкво́въ Кресты гетъ скида́е.
Въ мѣста́хъ, се́лахъ зо́йки, кри́къ,
Въ по́мо́чь кли́чутъ всѣхъ Святы́хъ.
О́кна бре́ньку наробили
А хаты ся новали́ли,
Стрѣхи по́йшли́ въ перове́рты
Всѣ гада́ютъ, то часъ сме́рти;
А кто зъ ха́ты ся ва́ни́тъ
Дру́гимъ къ по́мочи спѣши́тъ,
Бу́ря съ вѣ́тромъ го хана́е
Якъ помело́мъ по́дкида́е
И по земли́ розцига́е
И лишь ко́сти выпуска́е.

Ско́ро бу́ря то́е у́зрѣла
За́разъ зъ вѣ́тромъ ся розбѣ́гла;
Та ихъ бо́льше не выда́ти
По́йшли́, по́йшли́ спочива́ти.

———— *П. Гушале́вичъ.*

109.

Ѧлбрехтъ (IV) ґра́фъ Габсбу́рскій прощае́ сѧ съ сво́ею родиною и гро́бници въ Ма́ври.

(По́для Цигле́ра.)

Дѣ́ло сѧ то́е р. 1238, коли́ по цѣло́мъ христіа́нскомъ свѣ́тѣ по тре́тій разъ о́бщій розла́гъ сѧ го́лосъ: „сватки́й гро́въ Спаси́теля въ Іерѳсали́мѣ осводи́ти изъ рѳ́къ Невѣ́рныхъ!“ Владѣ́тель Фра́нціи и Іта́ліи воспламенѣ́ли сватки́мъ огнёмъ — а по ихъ примѣ́рѣ не бы́ло жа́дного во́дрого ры́цара, котры́йбы не взялъ на се́бе зна́мя креста́ овѣ́тсючи: ра́до свою́ кровь проліа́ти за честь Спаси́теля!

Не задо́лго розширя́лъ сѧ той за́палъ и по цѣло́й Нѣмѣ́ччинѣ, где мно́гіи держа́кніи князѣ́ собра́ли сво́ихъ ле́нниковъ (вазалѣвъ), абы изъ нихъ состако́вити велике́ во́йско, си́лою прогна́ти Невѣ́рныхъ и вы́дерти имъ сватѳю зе́млю. По́ходы тіи называ́е їсто́ріа „крестоно́сными“ и ма́ршихъ о́часть въ тыхже „крестоно́сцами.“

Ме́жи числе́нными тыми крестоно́сцами находи́лъ сѧ тако́жь и Ѧлбрехтъ (IV) ґра́фъ Габсбу́рскій, котры́й сѧ рѣши́лъ, для осводжде́нѧ св. гро́ва съ сла́вою воро́ти сѧ на оскащено́й земли Палести́ны и изъ и́скренной любкй пожертвова́ти свое́ житье́ за сво́го Спаси́теля.

Велика и далека доро́га и съ то́ю сварже́ніи и ча́сто не о́бклони́міи опа́сности, а наве́ть и мы́сль, що емъ сѧ мо́же сѣ́дло, на косто́цѣ закончи́ти свое́ житье́, споводова́ли его́ тепе́рь, все то́е роспорѧди́ти, що бы́ло потре́бнымъ для благосостоа́нѧ его́ До́мѳ. Насампере́дъ заключи́лъ про

тóе съ свóими сосѣдами óбщій мíръ, абы съ пóлнымъ сосѣдствíемъ, ꙗко постарáлъ сѧ о спокóй свóи сïательнѣйшои родíны, мóглъ сѧ присовокꙋпíти до пóхода.

Вúдавши такóжъ и дáльшïи роскáзы дотúчнïи самóго предпрíнимáтельства, склúкалъ наконéцъ свою родíнꙋ и свóихъ лéнникóвъ до монастúра въ Мꙋрш, а óтдáвши сѧ съ нúми до грóбницѣ свóихъ прéдкóвъ, промóвилъ предвсéмъ до свóихъ лéнникóвъ взрꙋшéнымъ гóлосомъ: „Я идꙋ тамъ, кдѣ взывáе менѣ сватóе знамéнïе Крестá, и ꙗ есмь готóвъ за грóбъ и слáвꙋ мóго Спасúтела пролïáти послѣдню кáплю мóи крвú. Прïймúтъ óтъ мéне подáкꙋ за Вáшꙋ менѣ дóсы окꙋшлéнꙋ вѣрнóсть и любóвъ. Хóчете ли мою пáмꙗть мáти въ пóчести, то порꙋчáю Вамъ мóихъ сынóвъ. Вáшꙋ жичлúвóсть, вѣрнóсть и прáведнóсть менѣ оказовавши, такóжъ и имъ оказúйте, и не завꙁкáйте, що Лаврéнтъ Гавсвꙋрскúй есть их Отцéмъ!“

Гавбóка тишинà стáла въ слáвнóй грóбницы, котрà мúстúла въ сóбѣ мóщи егò прéдкóвъ. На самперéдъ сꙋпрꙋгꙋ притиснꙋлъ до свóи гавбóко взрꙋшéнои грꙋди, потóмъ оверпꙋкши сѧ до свóихъ овóихъ сынóвъ Рꙋдóлфа и Лаврéута сказáлъ: „Тутъ, где тѣни Вáшихъ слáвныхъ предкóвъ Васъ окрꙋжáютъ, праиáю сѧ ꙗ — мóже по разъ послѣдный — съ Вáми, мóими такъ дорóгими дѣтьмú! Слꙋхайте навки Вáшого отцà, котрꙋ óни Вамъ на семъ сꙋмнóмъ мúстцы минáемости, дóвре мыслячи съ Вáми подаѣ. Предъ всёмъ держѣтъ сѧ вѣрности и вѣры и провꙋкайте въ страсѣ Госпóдинѣмъ. Совѣтникамъ, подаючимъ Вамъ совѣтъ пóдла свóи гꙋвы, а дꙋмаючимъ фалшúво

по́дла сво́го корыстолю́бїа, не ѡтвора́йте нѣ ѹ́ха нѣ се́рдца; во́йнъ роспочина́йте лишь принꙋжде́нїй, и лишь тогды́, еслі всѣ и́нїи сре́дства пока́жꙋтъ ся бы́ти безꙋспѣ́шными; ско́ро же разъ тꙋю роспоча́сте, тогда́ соверша́йте ю мꙋжестве́нно и посто́янно. Совстве́нїй Ба́цїи залежи́тости не превозносѣтъ никто́ли надъ о́вцїй ми́ръ. Памата́йте зако́нды, що графы Гавсбрскїи не ꙋ́мростїю и ошка́нькомъ, а́нѣ го́рдостїю и своево́льствомъ, а́нѣ корыстолю́бїемъ прїйшлі до тако́и высо́кои сла́вы, що ся ни́ми ма́ло зъ ихъ станꙋ могꙋтъ ся ро́вна́ти, но черезъ честолю́бїе и черезъ стара́нїость о о́вцюе благо. Къ мѣрѣ ѣкъ Вы вѣдете кстꙋна́ти къ слѣдꙋ Ба́шихъ Роди́телѣвъ, не ни́ж же ꙋ́держите ся при наслѣдстве́нной че́сти и благовы́тїю, но прїйде́те ще́ до вольшого!“ По семъ ще́ разъ притиснꙋлъ свою сꙋпрꙋгꙋ и дѣти до ско́и грꙋди проливаючи сле́зы гласно́кого взрꙋше́нїа, повлогословилъ ихъ и поправилъ ся съ всѣми ско́ими принадле́жностями.

Къ товарѣществѣ мно́жащихъ каро́нокъ кѣпракилъ ся мꙋжестве́нный Лавреутъ Гавсбрскїй въ дале́къ свою доро́гꙋ, и прибы́лъ не по цѣлако́мъ спрїя́ючой ѣздѣ до Сирїи, где однакожъ не мо́гъ ѹ́толи́ти своею жа́ждꙋ, коснати за гро́бъ Спаси́теля, поне́же ласнѣ прибы́лъ по той часъ, коли́ христїа́нске во́йско заключи́ло перемирїе съ Сарацинами.

Не долго́ по ско́имъ прибы́тю занедꙋжалъ смерте́льно въ слѣдствїе нездоро́вого кли́матꙋ и закончи́лъ свое́ достохва́льное житье́ р. 1240.

Его́ ова́ молоды́и сыны́ Лавреутъ и Га́ртманъ поме́рли тако́жъ по нѣмъ не за до́лго, про то́е

Рѣдолфъ, сынъ найстáршій, былъ наслѣдникомъ всѣхъ óтцѣвскихъ посѣлостій, зóсталъ р. 1273 вы́браный на нѣмéцкого цѣсаря и сталъ сѧ родоначáльникомъ Дóмѣ ракѣсского.

В. К.

110.

Слезá.

Колй ѣснéньке нéбо почорнѣе,
Чернь хмáръ кипячихъ затьмúтъ сóнце ѣсне,
Цѣлóи природы лúчко засумнѣе
Всúка ей крáса темнѣе и гáсне;
Съ гýкомъ и шýмомъ валúтъ сѧ болвáны,
Грóмъ бїе по грóмѣ, а огнéний стрѣлы
Нóрютъ воздýхи, ѣкъ зъ нéкла шатáны,
Якъ бы сѧ двúгли всѣ небéсни сúлы.
Сúльно трепéтно вихóръ мéче лѣсомъ,
Дубъ сѧ столѣтный лóмитъ въ половúнѣ,
Дúкїй звѣрь ѣкъ бы былъ гонéный бѣсомъ,
Съ рѣкомъ ўхóдитъ до тéмнои ѣскúнѣ,
Нéрунъ гремúчо рве мурѣ, рве скáлы,
Огнѣ небéсни съ зéмными сѧ стéрли,
Стúхїи бóрбу страшну розпочáли,
Якъ бы ўжѐ зéмлю зъ йга óси нéрли.
Облакъ глубóкон тúшины простéръ сѧ,
Хиба где ехо въ воздýсѣ конáе,
Лúчно на гильцѝ листóчокъ трясéси,
Смýтно на вéжи звукъ знóна загрáе.
Въ тóмъ чéрнь хмáръ тѧжкихъ зéмлю прилягáе,
Якъ бы брéменемъ мáла въ пóрохъ стéрти,
Ажь сумъ все плéми живѐ обгортáе,
Якъ бы ўжѐ Ангелъ вѣстýнъ прїйшóлъ смéрти:
Алежь въ тóмъ дóцикъ рясненькїй, тепленькїй
Стúсненый вóздухъ струями прошúе
Трвóжну земленьку ѣкъ брáтчикъ рóднéнькїй,
Якъ мáти доньку нóдъ вѣнóчокъ змúе;

Ѩкъ въ барвѣночокъ ўберѐ и въ цвѣточки,
Ажь ся встыдли́вe ли́чко зрумя́нѣв:
Такъ шкваромъ, бу́рею зъгне́нй рослйночки,
Красо́ю бля́снутъ, всѣ зазеленѣ́ютъ,
Дро́бна́ птапи́нка защебе́че въ бо́рахъ,
Му́шка роями зъ по́дъ листо́чкѡвъ ру́шитъ,
Ходо́бка съ ры́комъ игра́в по го́рахъ,
Пчо́лка брени́тъ ся, моты́ль кри́льцѣ сушитъ;
Бо зъ за хмаръ чо́рныхъ со́нце засія́ло,
Воздухъ тхну́лъ вонью, що цвѣточки въ да́рѣ
Зъ серде́цъ вѣно́чкѡвъ сы́плютъ му не ма́ло,
Бо встри́малъ гро́мы, бо розпу́дилъ хма́ры.
— Ро́вно и ду́шу ѩкъ смутокъ обго́рне,
Студе́ный мо́зокъ огне́мъ запали́тъ ся,
Клубка́ми га́дя ру́шитъ нѣдьмо чо́рне,
Що въ гру́ди нѣжно́й по́дъ се́рцемъ гнѣзди́тъ ся.
Чувства́ то зна́нй, стрѣлы ѣдови́ти!
Що се́рдце по́рютъ, пали́тъ, въ лѣ́дъ стина́ютъ,
Звѣрѣ то встекли́, крви серде́цъ несы́ти!
Зра́къ тьмя́тъ, слу́хъ глу́шатъ и ду́хъ запера́ютъ!!
О! ўжѐ конча́на для тя очеви́ста....
А въ то́мъ изъ зо́рни́чки, що въ го́лову ўпа́ла,
Пу́ститъ ся рѣка́ сле́зъ горя́чихъ чи́ста, —
Лицѐ ўмы́ла, жа́ръ въ се́рдци зальня́ла.
Але у ме́не слезъ жерело́ вы́схло —
Чимже запла́чу? чимъ въ гру́ди бо́ль здушу?
Кобы́ хоть кро́вью о́ко, се́рдце прысло...
Зальяти ву́лканъ, що пали́тъ гру́дь, ду́шу.

Новины.

111.

Два плѕги.

Пе́вный кова́ль ѹ́ковалъ зъ едно́го кава́лка желѣза то́гожъ дня два плѕги. Рово́чій селяни́нъ кѕпи́лъ одинъ зъ тихъ плѕго́къ и ѹ́потребля́лъ то́гожъ до сво́и рово́ты въ по́ли. Дрѕгій плѕгъ ли-

шíлъ сѧ оу̑ мáйстра черéзъ цѣлы́й рôкъ, и лежáлъ въ кѵ̑тѣ гдесь тамъ въ кѵ̑зни, и заржáвѣлъ цѣлкóмъ.

Въ такôмъ состоáнію кѵ̑пíлъ егò ѣкíйсь дрѵ̑гíй селянúнъ и принéслъ слꙋ́чáйно блúзко до егò врáта, дáвного пáѵ̑га, котрóго оу̑потреблáно черéзъ цѣлы́й рôкъ.

„Щкъ то бы́ти мóже!“ клúкнꙋ́лъ заржáвѣлый пáѵ̑гъ, „ты выглꙗдáешь врáте такъ краснò, éсь тáкъ гладóнькíй, и блищúшь сѧ мовь бы то срéбро, та ты прéцѣнь вздꙋ́чи сѧ минóю оу̑ ковалѧ такъ не выглꙗдáлъ есь! Що сѧ менѣ ты́чить,“ продолжáлъ ôнъ, „лежáлъемь спокôйно черéзъ цѣлы́й часъ, мéне никтò не тыркáлъ, вы́лъемь въ пошанóвкѵ̑, а прéцѣнь ржа менѣ такъ безъобразúла.“

„Влáснѣ для тóго, же тебѣ шанóвано,“ сказáлъ полúскꙋ́ючíй сѧ пáѵ̑гъ, „почáла ржà тебѣ ѣсти.“

Лѣнúвство есть всегдà шкодлúве; прáцѧ, вправа и оу̑потреблéнье розвивáе сúлы. Такъ сáмо и дꙋ́хъ нꙋ́дѣе, скóро не дѣлáе — а нáветь и водà псѣ сѧ, скóро стоúтъ и не ôтплывáе! —

В. К.

112.

Чïѣ нынѣ, чïѣ зáвтра?

Спúшь — не знáешь чïѣ нынѣ —
Зáутра мóже не твоѣ.
Цвѣтъ зсыхáе на калúнѣ —
Колúсь скáжешь: „всѣ марнѣ!“

И. Гушалéвичъ.

113.

Лѝстье и цвѣтъ.

(Подля Жеанъ Поля.)

„Якъ промиѣ́ющое, ѣ̃къ тлѣ́нное житьѣ́ ваше!“ шелепотѣ́ли листкѝ до спадáючого на зѣ́млю цвѣ́та. „Лѣ́дво есте сѧ розвѝли, тай днѝвъ одинъ пережѝли, о᷑жѣ́ и конѣ́цъ вáшъ, о᷑жѣ́ въ грóбъ падете! Чомъ то мы, далѣ́ко превосходнѣ́йшїи о᷑тъ вáсъ, скóро лишь снѣгъ о᷑стѫ́питъ, розвивáемъ сѧ, ростѣ́мъ и крáсну нáшу зелѣ́ность о᷑дéржемъ аж въ пóздню óсѣнь. Чуемъ пѣсни весня́ныхъ птѝцъ, въ лѣ́тѣ вáкимъ сѧ съ лѣ́готомъ, и въ чáсъ о᷑палы самъ чоловѣ́къ сѣдáе въ нáшъ тѣ́нь, тай аж въ пóздной осени, колѝскмо сѧ довóльно нажѝли, зстѫпáемъ до гróбъ.“ Цвѣ́тъ спадáючїй такъ на тóе о᷑тповѣдáе: „„И вы жѣ́те и мы жнѣ́мъ: но мѣ́жи житнѣ́мъ нáшимъ захóдитъ розлѝчнѣ не нно що до долготы, но и що до достóйности. Мы одинъ тóлько або двѣ́ днѝны жнѣ́мъ, але въ тóмъ корóткóмъ нашóмъ вѣкѣ́ выгрѣвáемъ óвощъ; подля котрóго господáрь цѣлóе дéрево цѣнѝтъ, и еслѝвы насъ не вúло, вы высте не сѫществовáли, во дéрево, котóрое не выдае цвѣ́та и óвощей, не вáрто, ѣ̃къ лишь авы его зрѫбáти и въ огнь вверечь. Мы падéмъ въ гróбъ, но се сѫдьба всéго жнѣ́чого, але лишáемъ по собѣ́ поколѣ́нье новóе, котóрое по нáшой смертѝ изъ зéрнятъ выколе сѧ, и въ вѫдущи вѣкѝ вúвше въ садъ цвѣтѫ́чїй, и óвощъ приносячїй.““

И чоловѣ́къ жѝти дóлженъ не ѣ̃къ тóе сѣ́тное лѝстье, но ѣ̃къ тóй цвѣ́тъ; авы въ увѝли смéрти исполнéнъ былъ тóю сóвѣстїю, же жѝлъ для чело-

вѣчества, и же выгрѣлъ въ своей жизни овощъ солодкій, вонный, зерністый и плодоносный въ вѣдѣрин8!

Зоря галицка.

114.

Весна.

Solvitur acris hiems grata vice veris et Favoni.
Horatius.

Бачь! бѣлй ризы, що поли укрывали,
Уже на Дажбога росказъ посчезали,
Акъ на смерть вѣчну наша мила мати
Убрана была въ бѣлй, смертній шаты,
Лежала въ гробѣ — лишь не долге время,
А днесь воскресло съ нею родне племя, —
И убираесь — щобъ весну витати —
Въ надѣйній, свѣтлй, зеленёнькй шаты.
Все веселйть ся, же веснонька божа
Назадъ вертае мовь царйця гожа.
Уже безмежне небо голубѣе,
А жизна нива мовь Май зеленѣе,
Що день сильнѣйше сонце припѣкае,
Вѣтрецъ тепленькій зъ юга подуваѳ,
День божій съ кождою днйною прибываѳ,
И до роботы всѣхъ насъ возываѳ. —
Уже селянйна прелюбезній дѣти
Въ хатынѣ тепловй не хотятъ сидѣти,
Ино по лугахъ радостно буюютъ,
И тамъ скваплйво цвѣточкй сбираютъ,
Що такъ скромненько губоньки розняли,
И милый запахъ по лугахъ розляли. —
Скваплйва пчолка домъ свой опускае,
Бренйтъ такъ любо, ажь серденько граѳ,
Домъ опускае, чрезъ луги гуляѳ,
Зъ цвѣтковъ солодкость всяку высысае. —
Небесній птицѣ пѣснь уже голосятъ,
Мовь вдячность Богу за весну заносятъ,

А надъ всѣ птйцѣ соловѣй чудёсный
Щебёче пѣсни — гей пѣвецъ небёсный; —
Погляньь на гóры, що ся тáмка дѣв, —
Черéдъ тамъ полнò, же ся ажь чорнѣв,
Уже не застáнешь товáру въ обóрахъ,
А гдéжь подѣлъ ся? — хóдитъ весь по гóрахъ,
По гóрахъ хóдитъ, тай траву зрывáв,
И зновъ до дóму съ рыкомъ повертáв.
А за нимъ пáстырь на фуйрцѣ грáв,
И пѣсньми свóго Твóрця выславля́в. —
По нôдъ горóю кóтитъ ся тихéнько
Малéнька рѣчка — ѩсне вй личéнько,
И гомонйтъ — що? трýдно ôтгадáти,
Знать ся веселйтъ, же ожйла мáти. —
Колй весновю все ся такъ красýв,
Чижь смéртный тóго лишь одйнъ не чýв?
Чи ѩрь му жáдныхъ ŷтѣхъ не принóситъ?
Чи ôнъ подйки Бóгу не голóситъ? —
Онъ то чувствýв и Бóга величáв,
Тай до робóты жнáво ся хапáв; —
Призвáвши Бóга, ŷжѐ стáлъ орáти,
Щобъ жйзнôй нйвѣ дáрмо не лежáти. —
А поорáвши всяке збôжье сѣв,
За свôй трýдъ бýйныхъ плóдôвъ ся надѣв. —

ІА. Геровскій.

115.

Звѣздáрскїи вѣдомости оу сéльскихъ людїй.

Лю́де прóстїи и неписьмéннїи сдáютъ о розлйчныхъ звѣлéнїяхъ слýчающихъ ся въ природѣ такъ, ѩкъ ся онй очéмъ ихъ представля́ютъ, протò годѣ тамъ глядáти побчáючихъ мнѣнїй и изслѣдовáнїй и въ оумствéнности звѣздáрскôй. И такъ держачй нашъ нарóдъ зéмлю, на котрôй

жїѣ, за недвижи́мѕ, а видимїй пересѣва́ючое сѧ по нѣ́бѣ со́лнце сѫ звѣ́здами, держи́тѫ сѧ систе́матѕ Птоломе́а, и дѕмае, же земла̀ стои́тѫ, а со́лнце и звѣ́зды на около не́и крѫжатѫ. Рѣ́кѫ хотѧ̀ вѫ числе́нїю дѣ́латѫ лю́де на 12 мѣ́сацѣвѫ або 52 тыжднѣвѫ, но колѝвы сѧ рѣ́кѫ на но́во розпочина́лѫ, вѫ то́мѫ держа́тѫ сѧ письме́нныхѫ вѣ́домостїй. Давнѣ́йше розпочина́но но́вое лѣ́то сѫ днёмѫ пе́рвого Ма́рта, но о́тѫ часѣ̀ Кел. Кнѧзя̀ Васи́лїа Дмитро́вича (1389—1425) оу̑важано за почато́кѫ нового́ ро́кѕ мѣ́саць Ве́ресень. Тепе́рь оу̑жѣ̀ на спо́сѣбѫ ри́мского мѣ́сацослова́ чи́слатѫ почато́кѫ ро́кѕ о́тѫ 1. Сѣ́чня. Дѣ́лачи́ рѣ́кѫ на мѣ́сацѣ ва́чатѫ зно́вѕ на нѣ́во и держа́тѫ сѧ все крѫженьѧ мѣ́саца, котры́й настаѣ (но́вый або молоды́й мѣ́саць), ростѐ вѫ свѣ́тлѣ до пе́ршои чве́рти (кваты́ры, перекро́й), да́льше до полови́ны (по́лня), пото́мѕ оу̑быва́е (дрѕга або послѣ́дна кваты́ра), и цораз вѣ́льше, но́ки пере́дѫ человѣ́ческимѫ о́комѫ сѫ всѣ́мѫ незни́кне. Поне́же пере́дѫ наста́ючимѫ нови́мѫ мѣ́сацѣ́мѫ зни́кае чере́зѫ ѥднѕ но́чь не вѣ́де го ви́дно, про то́е гово́рятѫ лю́де, же мѣ́саць о́тбы́вши свою̀ доро́гѕ, все ѥдне́мѫ день спочива́е. А поне́же мѣ́саць свѣ́й обхо́дѫ около землѣ́ вѫ 29 днѣ́хѫ, 12 годи́нахѫ, 44 минѣ́тахѫ и 28 секѣ́ндахѫ соверша́е, то вѫ ро́цѣ со́нѣчно́мѫ захо́дитѫ все ещѐ трина́дцатый мѣ́саць.

Мѣ́сацѣ на́ши называ́емѫ такѫ: Сѣ́чень, Лю́тый, Ма́ртѫ, Цвѣ́тень, Май, Че́рвецѫ, Ли́пецѫ, Се́рпень, Ве́ресень, Жо́лтень, Листопа́дѫ, Грѕдень.

Коли́ со́лнце цо́ день на найвы́шшо́й то́чцѣ не́ба стои́тъ т. е. керу́зе, или́ коли́ есть пра́вди́вое полу́дне, тое ни́нѝ ро́льники на по́ли пра́вным ѡ́комъ до́вре змѣ́рятъ, но и мали́ пастꙋ́шата ве́зъ о́шибки зна́ютъ.

О лѣ́тнѣмъ посто́янію со́лнца тꙋ́ю лишь лю́де ма́ютъ вѣ́домость, же о́тъ Св. Іоа́на (24 Че́рвца день малѣ́ти, а но́чь рости́, а о зимовѣ́мъ, же о́тъ Св. Ѧ́ны (21 Грꙋ́дня) день рости́ а но́чь малѣ́ти почина́е. О сро́вна́нію дня съ но́чію цо до тра́лости зна́ютъ, цо на ѡ̂рꙋ на Св. со́рокъ Мꙋ́ченико́въ (21. Ма́рта), а къ осени на Воздвиже́нье Че́стного Креста́ (26. Ве́реснꙗ — хоть само сро́вна́нье 23. выпада́е) день цо до до́лгости, но́чи съ ро́вна́е. Хоть кръ́га небе́сного не дѣ́лятъ на зѣ́здни́и окръ́зи, то една́ко мно́гимъ свойски́и и дꙋ́же тра́фни́и и́мена нада́ютъ н. пр. вели́кꙋ́ю во́зъ, вла́зна́та, кво́чка, косарѣ́, га́дина, зо́рни́ца. Коме́ты называ́ютъ мѣ́тла́ми, зъ причи́ны ѣ̃сного хвоста́ прилꙋ́че́ного до зѣ́здꙑ, и выкладаю́тъ си ихъ, ѣ̃ко знакы́ предсказꙋ́ючи ѣ̃кы́и вели́кы́и нецна́ста н. пр. го́лодъ, но́мо́ръ, во́йнꙋ и т. п. То́е само́е ма́ютъ предска́зовати тако́жъ затъмне́нꙗ (помраче́нꙗ со́лнца) и мѣ́сяца.

Цо до воздꙋ́шныхъ зѣ̃вле́нꙋ́й (метеороло́гꙗ) не ма́ютъ на пра́вдѣ опе́ртыхъ вѣ́домостꙋ́й и лишь свои́ догадкы́ до нихъ лꙋ́чатъ н. пр. блꙋ́дни́и свѣ́тла ока́зꙋ́ютъ, же гро́ши гора́тъ; дꙋ́га коли́ съ пока́же, то овома́ ко́нцами къ мо́ри стои́тъ и во́дꙋ пѣ́е; зорꙗ сѣ́верна ози́якою крва́вою во́йны; гро́мъ, сли ѹ̃да́ритъ, пꙋ́ска́е пала́цꙋ стрѣлꙋ́, котро́ю лю́ди або зѣ́ра́та забива́е, де́рева лꙋ́па́е, домы

запала́е, а котро́го то огнѧ гаси́ти не годи́тъ сѧ; звѣ́зды сѧ о҃трыва́ютъ и, къ воздꙋ́хꙋ па́дающи гаснꙋ́тъ и т. д.

Но дꙋ́же гꙋ́сто и неоши́вніи сѫ́тъ ихъ предсказа́нїѧ, н. пр. мѣ́сацъ о в г о р о д ж е́ н ы й т. е. маю́чій наоко́ло се́бе свѣ́тлое ко́ло, тако́жъ если при рога́хъ (т. е. сли есть къ се́рпѣ) ви́дно нѣ́бы мѣ́сніи ꙗмарки, предска́зꙋе до́ждж; вѣ́терь ю́жный (о҃тъ середзе́много мо́ра) принѡ́ситъ все до́ждж; — мра́ки сли сѧ къ горꙋ́ по́дносатъ, то до́ждж, если на зе́млю па́даютъ, то погодꙋ́ запокѣда́ютъ, и т. д.

Перемышляни́нъ.

116.

Г а л и ц ї а.

Г а л и́ ц ї ѧ (сѧ Кра́ко́вскимъ обво́домъ и Бꙋковиною) грани́читъ къ сѣверꙋ́ сѧ Прꙋ́ссами и Ро́ссїею, къ востокꙋ́ сѧ Ро́ссїею и Молда́вїею, на юго сѧ Семигра́домъ и Оу́грами а наконе́цъ къ за́падꙋ сѧ Австрїйскимъ Шле́скомъ.

Поземе́лье ей обнима́е про́сторонь 1614 ми́ль четырегра́нныхъ (квадрато́выхъ) — Лю́дно́сть сага́е до 5,000,000 дꙋ́шъ, котрїи ме́шкаютъ къ 20 окрꙋ́гахъ.

Рꙋ́сскій становя́тъ найво́лькшꙋ часть лю́дности, во чи́слатъ близко по́лътре́тѧ ($2^1/_2$) мїллїо́на. По нихъ слѣдꙋ́ютъ: П о л ѧ к ѝ къ числѣ́ ко́ло по́лтора ($1^1/_2$) мїллїо́на; пото́мъ Ж и д ѝ свышь 400,000, Р о м ѧ́ н и (Коло́хи) 150,000; Н ѣ́ м ц ѣ до 100,000; И т а л і я́ н и до 4,000; О́ р м е́ н ѝ надъ 2,000; К а-

р'а́ймн ко́ло 260; а потѡмъ Че́хи, Їтал'а́не, Франц8зи, Мад'а́ри и и́нїи племена́.

Головнѣ́йшими жи́телями Галиці́и сѣ́ть Р8сини́й и Полаки́й.

Р8сини́й займа́ютъ преимѵщественно́ 12 восто́чныхъ окр8го́въ, т. е. Коломы́йскїй, Чорткѡ́вскїй, Терноп'о́льскїй, Станѣсла́ко́вскїй, Бережа́ньскїй, Золочѣ́вскїй, Стры́йскїй, Самбо́рскїй, Сано́цкїй, Перемы́скїй, Жолкѡ́вскїй и Лькѡ́вскїй; потѡмъ сѣ́верн8 и за́падн8 часть Бѣ́ковины (Черновѣ́цкїй); и часть Решѡ́вского, Мсѣ́льского и Сандѣ́цкого. — Помѣ́стнїи имена́ Р8сино́въ сѣ́ть: Г8ц8лы́ въ Коломы́йскѡмъ и Станѣсла́ко́вскѡмъ; Подола́не, Ополя́не въ Чорткѡ́вскѡмъ и Терноп'о́льскѡмъ съ ча́стїю Бережа́ньского и Золочѣ́вского; Покѵта́не надъ Днѣстро́мъ; Бо́йки въ Стры́йскѡмъ и Самбо́рскѡмъ; Ле́мки въ Сано́цкѡмъ, Мсѣ́льскѡмъ и Сандѣ́цкѡмъ. Пѡдго́рье или Пѡдго́рска Кра́йна называ́ется часть Стры́йского, Станѣсла́ковского и Коломы́йского окр8га, протага́ючи съ ѡ́тъ грани́цѣ ѹ̯го́рской до Днѣстра́; Пѡдлѣ́сьемъ называ́ютъ лѣсовїи сто́роны въ Жолкѡ́вскомъ.

Полаки́й жи́ютъ исключно́ въ Кра́ко́вскѡмъ, Кадови́цкѡмъ, Бохе́ньскѡмъ и Тарно́вскѡмъ; по бо́льшо́й ча́сти тако́жъ въ Сандѣ́цкѡмъ, Мсѣ́льскѡмъ и Ре́шо́вскѡмъ а наконе́цъ мѣстца́ми въ про́чихъ 12 восто́чныхъ окр8гахъ. Въ за́падныхъ окр8гахъ называ́ютъ жи́телѣ себѣ́ самы́хъ Маз8ра́ми, а въ го́рахъ Горала́ми.

Коли́ пре́дки нынѣ́шныхъ Р8сино́въ въ свои́ сѣдѣ́лища и пре́дки Полако́въ въ за́падныхъ окр8гахъ са посели́ли, не мо́жъ опредѣли́ти —

они сѫть въ помянѫтыхъ сторонахъ спадь первобытными, домашными.

Два тіи народы были колись самостоятельными, а именно:

Русинъ становили первоначально составнѫ часть великои рѫскои Держави подъ наслѣдниками Рѫрика и Володимѣра; коли однакожь въ продолженіи времене поединокіи Князѣ самодержавіи Княжества основали и междусобіи споры и ворвы межи ними повстали, яко и самодержавіе Великого Князя черезъ тое са встрасло — осмѣлили са дикіи орды Монголовъ и Татаровъ напасти рѫскѫ землю и великѫ ей часть своѫ зверхничествѫ подчинити. Подчасъ того, коли свѣверосточная Русь Татарскими Ханами великѫ дань платила, взнесли са Князѣ Володимѣрскіи и Галицкіи до высокои славы и сили, и тогды то становила малая ная червона Русь великѫ, самостоятельнѫ Державѫ, а предки нынѣшныхъ Русиновъ мали скоихъ Князѣвъ, зъ которыхъ гдекотріи именовали са Королами Галицкими. Галичъ былъ голокимъ мѣстомъ, и отъ того получилъ цѣлый край назвѫ „Галиціи“ яко и отъ Княжества Володимѣрского „Володимѣріи.“ — Русины становили великіи народъ и ихъ то храбрости завдячѫе цѣла Европа, що они изъ грздіи своихъ выставили крѣпости, о котріи розбивали са всѣ замахи и напады лютыхъ Татаръ, хотячихъ гдзбше са до Европы продерти, и жаждячихъ всѣ мечелъ и огнемъ истребити, а наветь просвѣщенье въ токѫ его спиніти.

Сосѣдніи ѡтношенїа и свази покревеньства съ Оу̑грами вы̑ли повóдомъ, що Королѣ Оу̑горскіи ѡкрайнъ часъ на Гáлицкóмъ дрóнѣ сѣдѣли; а пóздн'ѣйше съ корѳна Оу̑горщины такóжъ о тóй дронъ доперáла.

Гáлицка Рѳсь наѣздами неоу̑томи́мыхъ Татáрóвъ ослáблена, ихъ тяжкíмъ мечéмъ пóдтáта и внѣтренными несгóдами взрѳшéна, не моглá р. 1340 сúлою ѡтпéрти Казимїра, королá Пóльского, котрúй прáвомъ силънѣйшого пóдвúлъ и запрáлъ Гáлицкѳ зéмлю и присоковѳпúлъ тѣюжъ пóдъ úменемъ „Воевóдство Рѳске“ къ корѳнѣ Пóльскóй.

Въ тóмъ состоя́нїи оставáла Гáлицка Рѳсь аж до пóдклѳ Пóлщи рóкѳ 1772, а Áвстрїа, пóдъ котрóи скúптромъ Оу̑горщина оу̑жѣ тогды̑ ѡтъ вúзко трéхъ сотъ лѣтъ стоя́ла, прїйшлá въ посѣдáнье Гáлицкои Рѳси сúлою прáва тревокáтелного давнѣйшихъ Оу̑горскихъ Королѣвъ, котрїи съ никóли не зрекли вы̑ли свóго давнѣйшого прáва до Рѳси. Отъ р. 1772 належúтъ Гáлицка Рѳсь рáзомъ съ зáпадными окрѳгами пóдъ úменемъ „Галúцїи и Володимúрїи“ до состáвѳ Áвстрїйскои Держáвы и тѣшитъ съ единáкими правáми и защúтою съ прóчими до тóи Держáвы належáчими крáями.

Полáкú, иль пóдла помѣстного úмени Мазѳры, сѣтъ ѡтрáслю Лáхóвъ, котрїи пóдъ свóими Князáми а пóздн'ѣйше Королáми зъ дóмѳ Пя́ста съ розвúли: повúнóкїи Кнáжества передъ Королёмъ Казимїромъ въ одинѳ цѣлость соковѳпúли; пóдъ Ягайлóнами до найвóльшои высотúвъ свóи сúлы и слáвы прїйшли, а наконéцъ

подъ выбранными Королями черезъ домашнїи несгоды чимъ разъ славѣли. Р. 1772 настѫпилъ первый подѣлъ цѣлой Польскои Державы, а нынѣшнїи Мазѫры прійшли разомъ съ Галицкими Рѫсинами подъ владѣнїе Австрїи. Позднѣйше, т. е. р. 1847 прійшолъ Краковъ съ своимъ овкодомъ, который оужѣ и прежде разъ до Австрїи належалъ, назадъ до нѣи.

Рѫсинй и Полякй сѫть племена славянскїи и вѣроисповѣданїа кадолического, но съ тимъ розличїемъ, що первшїи, т. е. Рѫсинй належатъ по обрадѫ своѫ до косточнои а послѣдшїи, т. е. Полякй до западнои Церкви. Ова тїи народы точно захованютъ свой обряды, и непоколевимо остаютъ при дорожшой спадщинѣ Отецъ свойхъ, вѣрѣ святой. Церквши говорятъ малорѫскимъ азыкомъ, оупотреблаютъ въ письмѣ собственнои славянскои азбѫки и маютъ свою собственѫ словесность — послѣдшїи же говорятъ польскимъ азыкомъ, оупотреблаютъ въ письмѣ бѫквъ латиньскихъ и маютъ свою словесность.

Якъ въ прочемъ цѣла тихъ народовъ їсторїа была розличною, такъ свѣщественно розличшїи сѫть ихъ звычаѣ и обычаѣ до нынѣ, и про тое становатъ они два розличшїи и особшїи народы, якими сѫть и иншїи славянскїи племена: Россїане, Чехи, Хорвати, Серби, Болгари и пр. пр.

Межи прочими жителями Галицїи сѫть численнѣйшїи Жидй. Въ жадной области Австрїйской нема ихъ такъ много, якъ въ Галицїи; и заледво где найдемъ ихъ, хотя сѫть розсѣяни по цѣлой Европѣ, такъ много разомъ, якъ тѫтъ.

Множа́йша ихъ ча́сть выпада́е на Золоче́вскій и Львовскій окрѣгъ и въ сорозмѣрности находя́тъ ся они́ бо́льше въ восто́чныхъ ѣкъ въ за́падныхъ окрѣгахъ. Они́ остаю́тъ тве́рдо при вѣроисповѣда́нію Моисе́а и занима́ютъ ся торго́влею, малопро́дажію и перекупни́чествомъ,

По нихъ сле́дуютъ цо до числа́ Ромы́нн (Коло́хи) на Бу́ковинѣ, кѣда́ они́ зъ дре́вной Да́кіи и столи́цѣ Бере́гском (въ Оу́горщинѣ) по́дъ нача́льствомъ Дра́шка или Богда́на ся посели́ли. Де́ало ся то́е въ само́е кре́ма паде́на Га́лицкого Кня́жества. Ромы́нн прогна́вши Тата́рскы́ о́рдꙋ изъ надъ Молда́вы и Сере́та зана́ли тамо́шнїи долины и сообща́ли ся съ сосѣдными Рѣсна́ми дрѣжески, а то тѣмъ бо́льше, же и они́ але́жатъ до восто́чнои Це́ркве и оу́потребля́ютъ кро́мѣ ромы́ньского, по мѣстцѣвостемъ и церко́вно-словѣньского а́зыка при богослѣженію; они́ прина́ли по́здньѣйше по бо́льшо́й ча́сти и въ горожа́ньскомъ житію рѣскій а́зыкъ, хота задержали при то́мъ и свой ромы́ньскій. Ихъ правителѣ называ́ли ся Воево́дами а по́здньѣйше Господара́ми. Р. 1776 прійшла Бу́ковина ѣко соста́вна ча́сть Королѣвства Галиційского до Австрійскои Держа́вы.

Нѣ́мцѣ, о́тъ да́вна зна́йни ѣко промыслꙋю́чій наро́дъ, о́тъ Кнаѕѣ́въ Рѣскихъ до краю спрока́женіи, жительствꙋю́тъ по бо́льшо́й ча́сти въ мѣста́хъ, ѣкъ и въ окремѣ́шныхъ населе́нїахъ, котрїи слꙋ́жатъ за взо́ръ въ господа́рствѣ, искꙋствѣ и промысло́ваню. Они́ оу́потребля́ли давнѣ́йше пра́ва Магдебꙋрского въ сꙋдѣ и въ оу́радѣ, по́дла котро́го и про́чїи мѣщане хота не Нѣмцѣ, сꙋди́ли ся. Бо́льша ихъ ча́сть сꙋть Ка́до́лика-

ми, прóчіи сѣть исповѣдáнѣ аѵгсвѣрского — а мéжи сéктами сѣть найзначнѣйшіи Менонúти вѣ Стрúйскóмѣ окрѣзѣ.

Пилипóни переселúли сѧ изѣ Цáрства Россíйского и овитáютѣ помéжи Рѣснáми и Ромúнама вѣ Бѣковúнѣ, а найвóльша ихѣ часть вѣ селѣ Бѣлóй Керúйци и тогóжѣ окрéстности. Онúи сѣть сéктою Раскóлникóвѣ, котрúи неухотячúи прúймúти исправлéнїѧ тéкста вѣ книгáхѣ церковúныхѣ óтѣ Соборá р. 1654, себе изѣ общества церковного вúключили, и назывáютѣ сѧ Пилипóнами óтѣ мóнаха Пилúпа, начáлника свóго, котрúй не могѣчúи достигнѣти достóинства Игѣмена, новúй раскóлѣ оучредúлѣ. Сѣть то вѣ прóчемѣ дѣже трѣдолюбúвúи люде, остаютѣ при свóимѣ вѣроисповѣдáнїю твéрдо, называючúи себé „старовѣрцáми,“ захóвѣюютѣ ѣкѣ найстрóгше домовѣ карнóсть, знáютѣ дѣже дóбре плекáти садовúнѣ и оуправлáти огорóды, а вѣ роботáхѣ навóдныхѣ и позéмныхѣ мáло имѣ кто вúрóвнае.

Óрмéни прúйшлúи до Галúцїи за часóвѣ рѣского Кнѧзѧ Лѣва (р. 1062), котрúй имѣ сéверніѣ чáсть вѣ Лѣвóвѣ признáчилѣ на мешкáнье, а по трёхѣ лéтахѣ кóльно имѣ вúло по всéй Гáлицкóй Рѣси сѧ розширúти. — Онúи до нúнѣ провѣдютѣ вѣ слѣдѣючихѣ мéстáхѣ, где и мáютѣ свой прихóдскїи церквúи, а то: вѣ Лѣвóвѣ, Бережáнахѣ, Станѣслáвовѣ, Лúсци, Тúсьменицы, Городéнцѣ, Снáтынѣ, вѣ Кѣтахѣ и Черновцéхѣ, т. е. вѣ самúхѣ востóчныхѣ окрѣгахѣ. — Онúи мáютѣ своѣ собственное письмó, котрѣ вѣ четвéртóмѣ (IV) столѣтїю вúнайшолѣ Мѣзровѣ. Свóго пúтомого язúка по бóльшой чáсти оужѣ забѣли и

лишь въ церко́вныхъ кни́гахъ его́ о҃употребля́ютъ. Мѣстца́ми бесѣ́дуютъ язы́комъ рѣ́скимъ а мѣстца́ми по́льскимъ. До половѝны сѣмна́дцатого (XVII) столѣ́тїя заго́ворили они́ свое́ лѣточи́сленье по о҃ста́вкамъ сино́да Тевѝньского пи҃ Тевѝньского о҃тве́кшого са р. 553 — но почя́кши о҃тъ ихъ Епи́скопа Торосѣ́вича соединѝли са зновъ съ за́падного Це́рквою и зо́стали Кадо́ликами р. 1666. — Ихъ заня́тїемъ есть по во́льшой ча́сти торго́вля.

Карайми нау́дятъ са по во́льшой ча́сти ко́ло Га́лича и Кѣки́зока недале́ко Ирки́чова. Що до ихъ вѣроисповѣда́ня сѣ́ть подо́вни жида́мъ — не прїи́маютъ одна́кожъ Талмѣда. Сѣ́ть то въ про́чемъ дѣ́же ретѣ́лькїи и ти́хїи лю́де.

Про́чїи жи́тель, ѣ́къ то Че́хи, Їтали́ане, Франц҃зи, Мада́ри и пр. пр. сѣ́ть по всѣ́й Галицїи розсѣ́янїи, и ма́ло где ко́лька роди́нъ на́йдешь въ одно́й овринѣ́, кро́мѣ, ко́лька грома́дъ Мада́ро́въ посели́вшихъ са въ Кѣковинѣ. Про́чїи тїи жи́тель безма́ла сѣ́ть всѣ Кадо́ликами.

Изъ о́вшого се́го огла́дъ ви́дно, що во́льша ча́сть жи́тельства есть Кадоли́ческою. Рѣсиѝ ма́ютъ окро́мъ свого́ Митропо́лита въ Льво́вѣ, еще́ Епи́скопа въ Перемы́шли. Въ сл҃дствїе Всевысоча́йшого рѣше́ня на́дѣютъ са тако́жъ и въ Станѣсла́вовѣ ма́ти Епископа; грани́цѣ то́и тре́тои рѣ́скои Епа́рхїи сѣ́ть о҃у́же о҃ста́новле́ни. — Полаки́ ма́ютъ окро́мъ Архїепископа въ Льво́вѣ, Епи́скопо́въ въ Перемышли, Тарно́вѣ и Кра́ковѣ — Орме́ни Архїепи́скопа въ Льво́вѣ — Ромы́ни въ Кѣковинѣ сѣ́ть по на́йвольшой ча́сты вѣроисповѣдана восто́чного съ це́рквою Ри́мскою не сое-

динéного, и мáютъ свóго Влады́кꙋ въ Чернóвцéхъ. — Пилипóни сꙋть такóжь вѣронсповѣдáнѧ костóчного съ Цéрквою Рúмскою не соединéного, но розличáютъ сѧ въ гдéкотрыхъ дóгматахъ сꙋществéнно ôтъ Ромы́нóвъ, и мáютъ ôтъ р. 1847 свóго Влады́кꙋ въ Бѣлóй Керни́ци. Жúтелѣ вѣронсповѣдáнѧ Ѧ8ѓсвѕрского мáютъ свóихъ Пастóрóвъ съ Сꙋперѝнтендéнтомъ въ Львóвѣ. Жидѝ стоáтъ пôдъ свóими Равúнами.

Для воспитáнѧ и образóванѧ юнóшества мáе Галúцїа крóмѣ прихóдскихъ (парохїáльныхъ), тривїáльныхъ, головны́хъ, реáльныхъ, техни́чныхъ и гꙋмназїáльныхъ шкóлъ, всесвѣтлúца въ Львóвѣ и Крáковѣ, съ мнóжанми книгохранúлицами, мꙋзéами и кабѝнéтами; потóмъ мнóго заведéнїй образóванѧ, мéжи котры́ми на пéрве мѣстце засѕгꙋю́тъ семѝнáрїи для пúтомцѣвъ стáнꙋ дꙋхóвного. Новѣйшими часáми, а то ôтъ р. 1848 народнѝи шкóлы знáчно сѧ оꙋмножúли, йменно въ костóчныхъ окрꙋгахъ. Мéжи йными достохвáльными, къ просвѣщéню нарóда ревнꙋю́чими обществáми и народными заведéнїами мáютъ Полакѝ въ Львóвѣ „заведéнїе Оссолѣнского,“ а Рѕсúнъ крóмѣ древнѣйшого „ѝнститꙋта Стауропѝгїйского въ Львóвѣ“ и славнои „школы дакóвъ и сельскихъ оꙋчúтелѣвъ въ Перемы́шли“ основáли р. 1848 заведéнїе Лѝтератꙋрное пôдъ нáзвою „Гáлицко-Рѕска Мáтица.“ Крáснꙋ надѣю для просвѣщéнѧ народного овѣцюе по сóвѣ такóжь „Рѕскѝй Народный Дóмъ въ Львóвѣ“ до котрóго Его апóстольске Велúчество, Цѣсарь Фрáнцъ Ióсифъ I. извóлили дня 18. Жóлтня 1851 краевгóлный кáмѣнь положúти. — — —

Опричь того числить Галиція много еще иных благодѣтельных и человѣколюбезных заведений, как то: заведенье глухо-нѣмых, слѣпых, домы сиротства убогих, питаница немовлят и проч. —

Хотя въ различных округах есть значительные горы, а въ Золочевском, Бережанском, Мѣльском и Бадовицком доволь прикре гористе положенье — то однакожь належить Галицію оказати по большой части за равнинѣ, исключая цѣлъ ей подолье, т. е. конец Карпат вздолжь неомалъ всей Галиціи на югъ. —

Исключивши Подолье, котре терпить недостаток дерева, займают самии лѣсы одинъ четвертъ часть цѣлого краю, въ котрых житель каждого рока звышъ полътрета (2½) миллиона сагонъ дровъ и различного въдова искують. Найбогатѣйший въ тое округ есть Стрыйский, потомъ Золочевский, Жолковский; далъше Станиславовский, Рѣшовский и Самоцкий.

Галицыйскіи рѣки выносят разомъ славный простаг ста четырнадцать (114) миль, но однакожь не приносят они для краю отповѣдных торговельных корыстій. Въ западной части Галиціи есть найголовнѣйшою рѣкою Вісла, котра хотя плыне въ самой уже Галиціи на тридцать и пять миль, но, понеже есть лишь пограничною, не мают житель великого зи неи хосна. Межи прочими западнои части краю рѣками есть знаменитшіи: Скава, Рава, Бѣла, Дѣнѣц, Попрадъ, Веперь, Вислока и иніи помѣншіи рѣчки и потоки. Восточна часть есть о много богатѣйшою въ рѣки, межи котрыми найпершие мѣстце

займáе Днѣстéръ, котрый своѐ жерелò мáе въ гóрахъ Карпáтскихъ, и переплывши шѣстьдесáть двѣ миль къ востóкъ переходитъ въ Россíйско-Подóльскъ гóбернію. Рѣтвы его на прáвомъ бóцѣ сѫть: Быстрица съ Манáвкою и Тысьменíчкою, Колодни́ца, Стрый съ Опѣромъ, Брáжка съ Свѣчéю, Свѣвка, Чéчва съ Лóмницею, Лѫква, Быстрица съ Бороно́ю и прóчіи мѣлкіи потóки. Съ лѣвого бóкъ: Шúрчикъ, Звира, Бóберка, Свѣ́рь, Гнилà Лúпа, Золотà Лúпа, Коропецъ, Стрúпа, Джѫрúнъ, Тѫпа, Серéтъ, Ничлáва, Серѣтна и награнúчна рѣкà Зврѫчъ. Такъ мнóгими рѣкáми засычéный Днѣстéръ есть въ самóй Галúцiи на прóтагъ сорокà и четырéхъ (44) миль сплáвными, мнóго однáкожъ стоúтъ ещѐ томѫ на завáдѣ, абы плаввà поза Галúцiю безъ перéрвы съ на нѣмъ ôтбывáла.

Днѣстрóмъ мóжна, почáвши ôтъ Марiáмполя долôкъ провозúти трúста (300) сотнáрôвъ, и ôнъ есть сплáвнымъ ажь до россíйского мѣстéчка Маáка, до котрóго мóжно съ дôстáти въ двадцатù и óсьми до тридцатù óсьми (28 — 38) днéхъ. Тамъ привúвши трéва товáры изъ стáтка вúложити и провáдити сѫхопѫтемъ ажь до мѣста Одéссы, на ôсьмь миль ôтъ мѣстéчка Маáка ôтстоáчого, а то для тóго, понéже óустье рѣкù до чóрного мóря есть такъ замѫлéне и зарóсле очерéтомъ, що не есть тѫ сплáвною. Помúмо всѣхъ тыхъ непрiáзныхъ овстоáтельствъ прихóдитъ однáкожъ свúшь сто стáтковъ до Маáка, зовóмыхъ галáрами, котрíи тѫ ôтъ властúтелѣвъ продаю́тъ съ, понéже тóю рѣкóю не повертáе съ назáдъ. Якíиже корúсти мóглъбы принéсти Днѣстéръ для

торго́вле Галиці́и и Ро́ссіи, доказа́лъ о́тважный и щастли́вый о́пытъ Льво́вского кѫпца́ Ба́зера, ро́домъ зъ Че́хъ, котры́й вы́ѣздовалъ корабе́лъ съ парѫса́ми подо́бный до ло́дій, ѣки́хъ ѹ́потребля́ютъ Че́хи на рѣце́ Ла́бѣ, и овы́ѣхалъ тимъ кораблёмъ о́тъ дня 25. Цвѣтня до 20. Листопа́да р. 1804 зъ Розва́дова тѫю рѣкѫ въ доли́нѫ ажь до Маа́ка, и пото́мъ повери́лъ до горы́ тимъ самы́мъ кораблёмъ. Ѣдучи въ до́лъ потребѫва́лъ о́тъ погранѣ́чного мѣ́ста Жва́нца не бо́льше ѣкъ одина́дцать днѣй, до горы́ одна́кожъ вла́зко шѣ́стдеса́ть днѣй. Ба́зеръ нача́лъ свою́ ѣздѫ ко́ло Розва́дова, о́тстоя́чого дѣ́вать миль о́тъ Льво́ва и прибы́лъ четвёртого дня до Залѣ́щикъ.

О́прочь Дѣ́стра налѣ́жатъ къ восто́чномѫ водосто́кѫ Пр̀тъ съ вѣ́твами Лѫчкою, Пѣ́стинкою, Ры́бницею, Бѣ́лымъ и Чо́рнымъ Черемо́шомъ; и Се́ретъ, Сѫча́вица и Молда́ва, котры́хъ всѣхъ трёхъ послѣ́дныхъ исто́чники въ Бѫковинѣ.

Головнѣ́йшіи галиційскіи рѣки выливаючіи свои́ во́ды въ Ви́слѫ сѫть Бѫгъ и Са́нъ. Исто́чникъ Бѫга находитъ са въ Подгоре́цкихъ го́рахъ въ селѣ́ Верховѫжъ. Въ стремлѣ́ніи ско́емъ на сѣ́веръ пріймае́ Бѫгъ По́лтвѫ (зъ по́дъ Льво́ва), Ра́тѫ съ Ка́менкою и Голо́кію. — Не далѐко о́тъ исто́чника Бѫга нахо́датъ са рѣки: Сты́ръ, Иква и Горы́нь, котрїи всѣ до Дѣ́пра въ Россійскѫ́й о́бласти впада́ютъ. Са́нъ найбо́льша рѣка́ мѣ́жи Висла́ными вѣ́твами изходитъ въ селѣ́ Санка́хъ, пріймае́ зъ пра́вого бе́рега Бе́ръ, Бы́шенькѫ и Любачёвкѫ а зъ лѣ́вого Стерева́жь и Ви́слокъ.

Галиція такъ вогата въ во́ды и маюча предвѣ́чніи ещѐ бо́ры и лѣ́сы, изъ котры́хъ са ѣкъ

кра́сне вѣдо́вье такъ и потре́бне на́ливо по доста́токъ взыскѣе, маю́ча просторо́нѣ зе́млю, котра́ съ вели́кими о́тсо́тками повертае́ вѣвре́не ей зе́рно и подае́ трѣдолюби́вой пчолѣ кра́сный цвѣтъ, зъ котро́го соло́дкій медъ свира́е, маю́ча просторо́нній оболо́нѣ и полонины, въ котры́хъ тѣчный скотъ съ выхо́вѣе, маю́ча наконе́цъ со́ли до во́лѣ, розли́чній рѣды, гли́ны и мета́ллѣ а такъ маю́ча все, що до земледѣ́лчества, промысло́вана и торго́влѣ потре́ба, хота́ съ еще́ не по́дне́сла до то́го сте́пена въ то́мъ взгля́дѣ, ѣкъ про́чій сосѣ́дній краѣ, то одна́кожъ и она́ не лиши́ла съ цѣлако́мъ на за́дѣ.

Земледѣ́лчество, до найновѣ́йшого часѣ, при вели́кой плодови́тости землѣ не сто́ло такъ высо́ко, ѣкъ бы съ на́дѣати нале́жало. Найкрасивѣ́йшій ланы обро́блано за па́нщинѣ, а ни́ній поединоки́й господа́рѣ ма́ли за на́дто ма́ло рѣкъ и си́лъ, ѣкы́хъ хо́сновйта вымага́ла господа́рка; но при то́мъ всѣ́мъ дава́ла земла́, хота́ дѣ́же недба́ло опра́влана, що ро́кѣ то́лько зво́жа, що пересѣ́чно звышъ по́лъ мїлїо́на ко́рцѣвъ звыва́ло до вы́возѣ за грани́цю. Найвыдатнѣ́йша земла́ есть въ Тернопо́льско́мъ окрѣ́зѣ. Кро́мѣ пшени́цѣ, жи́та, ѣчме́ню и о́вса́ о́у́дае́ съ дѣ́же красно́ гре́чка въ Золочѣ́вско́мъ, Бережа́нько́мъ, Жолкѣ́вско́мъ и Кра́ковско́мъ, ѣкъ и кѣкѣрѣза въ Станѣславо́вско́мъ, Коломы́йско́мъ, Чорткѣ́вско́мъ и на Бѣковинѣ. Въ за́падныхъ окрѣгахъ сада́тъ мно́го карто́флѣ, котра́ тако́жъ и въ всѣ́хъ восто́чныхъ окрѣгахъ съ о́у́дае́, кро́мѣ го́рски́хъ сторо́нъ, въ котры́хъ ко́жда и́на ѣри́на ѣкъ выдатнѣ́йшою такъ и невнѣ́йшою здае́ съ вы́ти.

Въ цѣлой Галиціи свираютъ до 13 миліоновъ корцевъ картофлѣ, котра по большой части спотребляе са въ винокурнахъ (горалькахъ). Лѣнъ управляе са предъ всѣмъ въ округахъ Исѣльскомъ и Тарновскомъ; такожъ и въ Перемискомъ а наветь и въ Коломыйскомъ дѫже красный. Конопѣлъ въ Бережанскомъ и Золочевскомъ удаютъ са дѫже добре; — не мѣньше управляютъ ихъ въ цѣлой восточной Галиціи, а мало инъ где въ западной. Головнѣйшимъ артикломъ земледѣлчества есть такожъ тютюнъ, котрый свютъ въ округахъ Тернопольскомъ, Чортковскомъ, Станіславовскомъ и Коломыйскомъ. Найкрасшій удае са надъ Прутомъ и Черемошомъ. Всѣ сворки отставляютъ са до цѣсарскихъ складовъ въ Игольници, Заволотовѣ и Монастырискахъ, зъ котрыхъ потомъ вывозятъ са до Винникъ подъ Львовомъ, где есть велика фабрика тютюнъ и табаки. Хмѣль, хотя въ многихъ мѣстцахъ са дѫже добре удае, не бывае плеканый; инакше са рѣчь маѣ съ управою вѫраковъ, отколи запроваджено фабрики цукру, котрій зискуютъ изъ кождыхъ 100 фунтовъ вѫраковъ принайменьй по 5 фунтовъ чистого цукру.

Садовины маѣ Галиція подостатокъ; найкрашша есть въ Перемискомъ округѫ — потомъ въ окрестности Белои Керницѣ (на Бѫковинѣ) а коло Сучавы удае са наветь виноградъ.

Осовалівшъ свою увагу почали жителѣ въ новѣйшихъ часахъ звертати на скотоугодъ. Галиційскій волы, коньѣ, овцѣ, козы и свиньѣ становлятъ головный артикълъ торговлѣ.

До нѣ́нѣ еще́ по лѣса́хъ а предъ всѣ́мъ въ го́рахъ нахо́дать ся въ велѝкомъ мно́жествѣ хи́щнїи звѣ́рѣ, ѿкъ: медвѣ́дѣ, во́ртники, волкѝ и лѝсы. Зъ дичинѣ́ ма́е Галѝцїа найвѣ́льше за́ицѣвъ, се́рнъ, дѝкихъ свѝнь а на́вець и о́ленѣ. — Дро́вѣ есть по доста́токъ, ѿкъ и пта́цтва по лѣса́хъ, надъ става́ми, рѣка́ми и въ очере́тахъ. Рѣ́вы нахо́димъ найвѣ́льшїи въ Вѝслѣ, потѣ́мъ въ Днѣ́стрѣ, Са́нѣ, Прѣ́тѣ, Дѣна́йци въ По́прадѣ и по розли́чныхъ става́хъ.

Пчелово́дство осове́нно въ восто́чныхъ погранѝчныхъ окрѣ́гахъ есть знамени́те и цѣлкѝй кра́й въ о́вце ма́е доскѣ́ть мѣ́дѣ и во́скѣ. — Въ восто́чныхъ окрѣ́гахъ свира́ютъ лю́де че́рвень (кошени́лю), доброты́ то́и само́и, що и америка́ньска, котрѣ́ продаю́тъ до Тѣре́ччины до кра́шена шо́лкѣ, во́лны и т. д. тако́жь и майка́ми зна́чнѣ торго́влю дѣ́ютъ.

Ме́жи всѣ́ми произво́дами го́рни́цтва держи́тъ верхъ со́ль ка́мѣнна, котро́и велѝкїи склады́ нахо́дать ся въ не вы́черпаемыхъ копа́лнахъ Вѣлѣ́чки, Бо́хнѣ и Стебника — тако́жь въ Дрого́бичи, Болѣхове́ и Дела́тынѣ сѣть-со́льнїи ванѣ́. Желѣ́зо нахо́дитъ ся въ 250 до́лахъ; сѣ́ркѣ копа́ютъ въ Шко́шовицахъ; мѣ́дь въ Пошори́тѣ; о́лово и сре́вро въ Кирлива́бѣ на Бѣковинѣ; ци́нкъ въ Кре́шовицахъ; то́рфъ нахо́дитъ ся подоста́ткомъ, найкрасне́йшїи въ Коломы́йскомъ; тако́жь и о̃у́гла ка́мѣнного есть доскѣ́ть. Въ Чорткове́скомъ нахо́дать ся краснїи точи́лца и брѣ́ски, котрїи ажь до Пе́рсїи въ торго́вли захо́дать. Камѣ́на въ про́чемъ, гли́ны и пѣ́скѣ нахо́димъ не ома́ль по всю́дѣ

по доста́токъ. Наконе́цъ и же́ре́лъ мїнера́лныхъ, осове́нно се́рчи́стыхъ и желѣ́зныхъ нахо́димъ въ вели́кѡмъ мно́жествѣ, а въ Трꙋска́вци, Роздо́лѣ, Лю́бѣнни, Бѣлѣ́чцѣ, Крыни́ци и Щавни́ци сꙋть мїнера́лнїи кѡпелѣ.

Промысло́вѣ́цтво не вспи́ране ѣ̃къ где и́нде мно́гими фа́вриками, ограничае́ са по найво́льшо́й ча́сти на поединоки́и дѣ́лницѣ. Найпе́рвше належитъ спо́мнѫти о тка́цтвѣ и выро́бахъ зъ пра́жи, котры́ми ма́йже всѣ Го́ра́не са дѫ́же занима́ютъ. На вели́кѡмъ сте́пени нахо́дитъ са тка́цтво и́менно въ Яндры́ховѣ, Дꙋкли, Горли́цахъ, Корчи́нѣ, Пивни́чнѣ, Ярослáвлю ѣ̃къ и въ Глꙋбочкѫ (въ Тернопо́льскѡмъ), где тако́жъ то́нши выро́вы са спорꙗжа́ютъ. — Фа́брики въ Бѣ́лѣ, Ли́пникѫ, Ке́нтахъ, Ланцꙋтѣ, Микѫлинцахъ и Залѣ́зцахъ выпрола́ютъ во́линѫ на сѫкно́, ко́вры, дерги́ и т. п. Найво́льша ча́сть во́лны ꙋпотребла́е са для сѫкна́ села́нъ а и́менно въ Тернопо́льскѡмъ, Бережа́ньскѡмъ, Перемы́скѡмъ и Бадовѣцкѡмъ. Выро́вы вавола́нїи спорꙗжа́ютъ са въ Бѣ́лѣ а шолко́вїи и перка́линъ въ Gѫча́вѣ. Числе́нїи сꙋть тако́жъ поворо́зники, котры́хъ выро́вы конопла́нїи сꙋть и за грани́цею пошѫковани.

Папѣ́ръ найлѫчшого со́рта произво́датъ предъ всѣ́мъ папѣ́рнѣ въ Бѫскѫ и въ Бережа́нахъ.

Винокѫрнѣ (ви́нницѣ, горальнѣ) становла́тъ найзначнѣ́йшѫ о́трасль промысловѣ́цтва. Горѣ́лкѫ пала́тъ по найво́льшо́й ча́сти изъ карто́фель, ма́ло где изъ зво́жа. Бровары не сꙋть тако́го значе́на. Цѫко́ръ въ найво́льшо́мъ коли́чествѣ произво́датъ фа́брики въ Толма́чи и Ланцꙋтѣ, а поташъ выва́рꙋютъ найво́льше на

Бѣковинѣ. Робо́ты водна́рскїи сѣ́ть въ Перемы́ско́мъ найлѣ́пшїи. Выро́бы гарба́рскїи сѣ́ть дѣ́же ва́жнїи, и поча́сти изъ цѣлы́хъ фа́брикъ, по ча́сти изъ поединоки́хъ гарба́рень ѣ́къ въ Лъвове́, Кра́ковѣ, Тарно́вѣ, Самборѣ, Перемышла́нахъ, Станиславовѣ, Залѣщикахъ и т. д. выхо́дятъ. Сѣ́ры кордѣано́вїи спора́жаютъ въ Кѣ́тахъ, сафїано́вїи въ Сѣча́вѣ и Тѣ́сменицы. Бѣ́ски вѣ́лять по найбо́льшой ча́сти въ восто́чныхъ окрѣ́гахъ. Стекла́ по доста́токъ даю́тъ сѣ́ты въ Бѣковинѣ ѣ́къ и въ Станиславо́вскомъ, Самдецкомъ и Ре́шовскомъ. Гѣ́тъ желѣ́зныхъ есть 22; гама́рень 38 а въ Пороси́нѣ ро́ватъ на́вѣть до́брѣ ста́ль. — Въ Кѣ́ткори нахо́дитъ са ц. к. фа́брика по́рохѣ стрѣ́льного — а въ Мо́стахъ Вели́кихъ фа́брика терпенти́ны.

Торго́вля Галицїйска есть тако́жъ въ ко́ждо́мъ взгля́дѣ доскы́ть зна́чна. Опричь торго́вли проходо́вой, котра́ нѣ́нѣ ограничае са лишь на мѣ́ста Кра́ковъ и Бро́ды — нахо́димъ въ мѣста́хъ Лъво́вѣ, Черновцѣ́хъ и Ярослáвлю зна́чный торговѣ́льный оборо́тъ. Сплавными рѣка́ми, ѣ́къ Днѣстро́мъ, Вѣ́сла и Са́нъ, выво́зятъ велѣ́ке мно́жество вѣдо́въ (пѣ́рвою рѣко́ю аж до чо́рного мо́ря, а послѣ́дною аж до мѣ́ста Гда́ньска надъ мо́рѣмъ Балтѣ́цкимъ), звожа, пра́жи и розли́чныхъ ѣ́ныхъ выро́бовъ и робо́тъ. Сухопѣтемъ, ѣ́къ н. пр. до Оу́горъ выво́зятъ: со́ль ка́мѣнно́, лѣнъ, коно́плѣ и полотно́, спѣ́тѣсо́вѣ пла́ны, солонѣ́но́ и т. д. до Шлеска, Чехъ и Мора́вы кро́мѣ со́ли ка́мѣнной, мѣдъ, вѣ́скъ, ко́жи зачѣ́нъ и во́лно́. Опричь ѣ́рмарко́въ вели́кихъ на ко́нѣ,

предвсѣмъ въ Тернополи, Чернобцѣхъ, Мостискахъ, Оу҃лашковцахъ и Дрогобычѣ; а на волы въ Гадячѣ, Войниловѣ; на хлѣбъ въ обще въ Станиславовѣ и въ Лискѣ; на всѣ торговельніи предмѣты въ Оу҃лашковцехъ и въ Оу҃невѣ, женятъ много коловъ на торгы до Голомуца, Бѣрна и Вѣдня.

Изъ за границѣ приказатъ до краю саміи выробы зъ волны, бавольны, шолкъ, зъ металлевъ и предмѣты кимысловіи или збытковіи.

Неуйвне, що скоро желѣзныця гальше ся въ Галиціи розгалѣзитъ, рѣки сплавнѣйшими вздѣтъ и товарыство господарске сильнѣйше свою дѣятельность розвинѣ, розвинятъ ся и больше всѣ отрасли краевого маѣтку; во многіи артыкулы, котріи сѣть въ всѣхъ иныхъ краяхъ дуже пошуковани, ныня въ Галиціи при малом спалузвѣганю ся кунцевъ дуже нызко стоятъ, — а инши артыкулы при заохотѣ и принуцѣ изъ стороны господарского товарыства подаваемой, чымъ разъ лучшими ставати ся вздѣтъ. Наконецъ и тое есть сильною для Галиціи порукою красной ей вздучности, що якъ школы такъ и инши средства ширенію просвѣщенья посоветствуючи отъ дня до дня ся тѣтъ значно оумножаютъ, а тымъ самымъ якъ зъ одной стороны жителямъ благобытіе забезпечаютъ, такъ зъ другой стороны ихъ и многими добродѣтельми оубогатятъ!

В. К.

117.

Нещастный.

Кому Богъ въ груди далъ сердце мягеньке,
И далъ ся въ добру родити годину,

Ща́стье, ѣ́къ лѣ́томъ со́нѣчко тепле́ньке,
Въ житю́ му вся́ку огрѣва́е дни́ну;
И свѣ́тъ му ми́лый и соло́дка но́чка,
Мы́сли весе́лѝ и се́рденько гра́е
Ѣкъ бы въ дубро́вѣ тихе́нька кирни́чка,
Дни́на за дни́ною такъ му сплыва́е. —
Лишь кто въ посе́стру взя́лъ тя́жку недо́лю,
Що да́витъ се́рдце, ѣ́къ вѣ́дьма кща́ва,
Кто вра́жо́й ну́ждѣ попа́лъ ся въ нево́лю,
Кому́ съ журба́ми и со́нъ и заба́ва:
Тому́ нѣтъ мѣ́стця а́нѣ супоко́ю,
Ну́дитъ си свѣ́томъ и ну́дитъ собо́ю,
Туга́ до се́рдця ѣкъ га́дь ся всели́ла,
Зъѣда́е мы́сли ѣкъ ѕмій зоро́чки,
Гру́ди зсуши́ла, здоро́вье знори́ла,
Хлѣ́бъ му не ми́лый, не терпи́тъ соро́чки. —
Ещѐжь кто мо́же изъ се́рдця спла́кати,
Чи то въ куто́чку, чи за у́гломъ ха́ты
Чи въ гру́дь бра́та, або въ жме́ню дру́га,
Хоть на часо́чокъ сплы́не зъ се́рдця туга́:
Лишь коли́ сле́зы въ гру́дѣхъ скаменѣ́ли,
И въ тя́жку скалу́ надъ се́рдцѣмъ ся сби́ли,
Де́сять разо́въ щодень ра́дбысь уме́рти —
Го́дѣ! а го́дѣ!.. потѣ́хи, нѣ́ сме́рти! —

М. Р. Шашкевичъ.

118.

Хо́дъ на О́стрѲ Кѣчи́ркѲ.

(Уры́вокъ.)

Чере́зъ гѣ́сті́и бо́ры на́шои Верхо́вины по надъ пото́ки де́брами, кѣ́да́ лишь хива́ ѕвѣ́рь хо́дитъ, и где о́ко со́нцѧ, ѣ́къ долго́ зво́дъ не́ба дви́житъ, ещѐ никол́и не загла́нѣ́ло, прова́дилъ сто́ронскихъ прово́дни́къ. Чере́зъ зло́мы и о́твѣ́чное гнила́ча

дéрли сѧ зъ прóпасти въ новꙋю прóпасть, зъ оу̑лети въ новꙋю оу̑леть. Що часóчокъ ставáли ѡтдыхáючи зъ ослабáючои грꙋди а не едéнъ оу̑пáлъ безсúльный пѡдъ стрѡмкóю ѭкъ вéжа горóю, тай сказáлъ до своúго провѡдникà: „ѭ оу̑жè дáлéй не могꙋ!“ Но той захвалáючи Óстрꙋ Кѣчúркꙋ, додавáлъ охóты, а такъ собрáвши послѣдніи свои сúлы стáлъ зновъ дéрти сѧ на горꙋ.

Черéзъ гꙋстый ѭлóвый лѣсъ окрывáючій цѣлꙋю востóчнꙋю чáсть горы тóи, трéба бúло ещè пересадúти. Гора не бúла зъ тóи стороны нáдто стрѡмкà, але пꙋть спинáла инáкша перешкóдла. Перéдъ кóлькóма лѣты загостúлъ бúлъ въ тій сúглы знакóмый лѣсовый чéрвъ, що часáми ѭкъ сáранчà на бóры спадáе и обгрызáючи лúстъ, корꙋ и самꙋ нáветь пѡдъ коро́ю плѣвкꙋ, цѣлúи овшáры и лѣсы до послѣдного морúтъ пнà. Однáкожъ изъ всéи краскы, бúсулый ѭкзы на грáдахъ стоáлъ тꙋ лѣсъ тотъ представлáючи сꙋмнúй видъ разорéнїа, ѭкъ бы въ тóмъ зáкꙋтѣ цѣлáа природа завмéрла. Всю нáрость, недóгрызки чётúны и дрѡбнѣйшихъ галꙋзъ, дáже самíи ѡтлáмки пѡдгрызéнои коры, позрывáли вѣтры, и постелúли на зéмлю, посыпáвши едно̀ верхъ дрꙋгого такъ, що тáжко бúло стꙋпúти ногóю, жебы не завáдúти о дрѡбнúй лóмъ, котрúй сꙋхúми вѣтрáми погѡдникои ѭрì ѭкъ кáжꙋть, на пéрець просꙋшéнъ, трѣщáлъ ломачúсь пѡдъ ногáми.

По дóлгóмъ часѣ и съ тáжкúмъ трꙋдомъ довúли сѧ пꙋтники черéзъ тꙋю сы́глꙋ на верхъ. Пѡдъ верхóмъ зазеленѣла сѧ оу̑жè природа. Ѭкзы шандючи верхà, не доходúлъ тꙋ розточáючій зверъ ненасытного чéрва, и лишúлъ на самóмъ вершкꙋ

малéнькій перéлѣсокъ молодúхъ ѣлúцъ не ткнéный. Але въ околѣсѣнко вершкà, котрúй óстрымъ закôнчáлъ сѧ рóгомъ, лежáлъ знóвъ лáкою стáтый въ осенù весь находáчій сѧ тѣтъ зáпѣстъ, призначéнъ на спáль пôдъ насѣянное зéрно. — Проводнúкъ оповѣдáлъ, що майже въ цѣлúхъ Бескидáхъ нáшихъ бывáла и есть еще въ звычáю такъ назвáна спалúнная óтправа землѣ, котрà состóитъ въ тôмъ, що або старúнніи бóры, або молодúй зáпѣстъ цѣлкóмъ зтинáе сѧ, и палúтъ сѧ, скóро вúсухне, и на тôй спáли закóпуе сѧ насѣяна посерéдъ пчёлкà мотúкою. — И такъ представлáла тáм гора òтъ своù подóвы прозвáна „Остра Кéчúрка“ сúмúкій и отражáющій óкъ вúдъ заѣмéрлои або стáтои сухóлѣси.

Въ послѣдныхъ напрѣженíяхъ силъ пресаджáючи черезъ óстéленíи лóмы и рѣвáнь, дóстáли сѧ на сáмъ вершóкъ — и довúвши сѧ на зáпаднѣ стóронѣ, надъ простопáдлую óглеть, котóра сторóю серéдъ самóго селà стоáла, посѣдáли на òтпочúнокъ. Зъ òтты мóжъ вúло шúроко и далéко все вáчити, и чѣти не óмаль кóждое слóво зъ цѣлóго пôдъ нúми лежáчого селà. — И незнáти ѣкъ долгò вúли бы оставáли на тôмъ мѣстци, слúвы нúхъ заходáчое сóнце не пригáдовало сванжáючѣ сѧ нôчь. — Колú сходúли зъ Острои Кéчúрки óгкрашáло сóнце праціáюче всѣ вершкú гóръ золотúмъ вѣнцéмъ рожáного блéскѣ, мовь красúтъ народолюбивый цáрь богатúрóкъ слáвы. И надъ селóмъ долѣ дрожáла полвечéрнаа зорà и пúзала кáплѣ невéсной роскú нѣвы пéрлы на шолкóвѣ пúть, щобъ нúхъ обúльно розсѣяти на лицѣ оскáлои природы. — Изъ блúзкúхъ и далéкúхъ полонúнъ оз-

вáли сѧ трѣмбéты и сопѣлкú, а сѣ нхъ мúлыми звѣкамú мѣшáлъ сѧ звенáцíй соловíевый гóлосъ — то знóвъ ѣкъ вы на перемѣнѣ занѣтúлъ Верховúнецъ свою тѣжлúвѣ пѣсню — а пѣтники то въ единѣ то въ дрѣгѣ стóронѣ напрѣжáючи óухо, сходúли лéгкимъ крóкомъ крѣткúми стежкáми зъ высóкои горы — и самíи незнáли ѣкъ скóро чи ѣкъ пóздно прíйшлú на замовлéный нóчлѣгъ.

——— *И. Усцiяновичъ.*

119.

До Зорѝ.

Крáсна зóре! поднúвѝ сѧ
Íсным ъ лúчкомъ зъ высоты,
Блúжше, нúжше прихилúся,
Тугу зъ сéрдця розженѝ.

Заснитáй ми, ѣкъ свитáлась
Колúмъ въ цáстю мóнмъ жúлъ,
Мúло, цúро все сѣялась,
Нѣжь тя тéмный свѣтъ закрúлъ.

Крáсна зóре, тысь всё знáла
Мой гарáздъ, и клóпотъ всякъ,
Хýткось, прýдкось потѣшáла,
Ѣкъ дѣтúну сóнный зрáкъ,

Й въ надѣи выглядáлъемь,
Лýчщу дóлю цо весны;
Жúти, снúти перестáлъемь
Когдà цáстя цвѣты ýсхлú.

Тепéрь ужѐ свѣтъ не мúлый,
Бо надѣя гдѣжь онà?
Стáну, глúну нещастлúвый
Щáстя мóго гдесь не мà!

——— *И. Гушалéвичъ.*

120.

Похожденье Домъ Габсбургъ.

(Подля хроники А. Циглера.)

Похожденье сіятельнѣйшого княжеского Дому „Габсбургъ“ относятъ ажь до седмого столѣтія и называютъ Князя Лотарингіи Этика, родоначальникомъ Домовъ Габсбурско-Лотарийского и Церийского; но тѣ не дасть са съ докладностію родословіе тихъ Домовъ продолжати зъ причины гдекотрыхъ не ѣсныхъ мѣстцъ и перервъ; и ажь съ Графомъ Альтфридомъ, котрый жилъ еще на початкѣ десатого столѣтія, можно Габсбурскій родовода съ вольшою певностію за неперерваный пріати.

Родинніи посѣлости того Дому находили са въ Алзаціи, Гелвеціи (Швайцаріи) и въ Швавіи. Они были знакомитыми; но помножили са еще вольше черезъ сватьбы съ можными родинами, цѣсарскіи даровизны и черезъ право покровительства надъ сосѣдными кантонами въ Швайцаріи, якъ наконецъ и черезъ множан дховніи заложенія и отказы.

Граф Альтфридъ IV. оставилъ по собѣ трёхъ сыновъ, межи котрыми найстаршій называлъ са Альтфридъ V. а тойже лишилъ сына именемъ „Гунтрамъ богатый,“ котрый сопровождалъ Цѣсара Гайнриха I. въ всѣхъ его походахъ и войнахъ противъ Гунамъ, Аварамъ, Вендамъ, Сорбамъ и Оботритамъ и оставилъ по собѣ слави велікои бодрости и зрѣчности.

Его сынъ Канцелийнъ або инакше названый Конрадъ Смѣшкалъ посередъ своихъ довръ

недалéко Биндиша въ головнóмъ мѣстци рúмскои Биндонúссы.

Тогóже сынъ Рáдводъ посѣдáлъ ґрáфство Клéтґовъ и оженúлъ сѧ съ Іттою, дóчерїю Князá Фрúдрихъа Лотарúнскаго.

Рáдвода брáтъ Бéртолдъ сталъ сѧ родоначáлникомъ Князéвъ Церúнскихъ и Тéцкихъ, а брáтъ Бéрнеръ полъчúлъ епúскопство Стражбýрске.

Той епúскопъ Бéрнеръ былъ такóжъ основáтелёмъ родовóго зáмкъ, котрúй кúбздовано недалéко ôтъ силúкъ рѣки Лáры и Рáйсы на горѣ Бѣлпель, тамъ, где колúсь стоáло рúмское мѣсто Биндонúсса, въ нúнѣшней Ларґóвїи, и подáлъ нóводъ до слѣдъючои кáзки:

„Ітта, жéнка Рáдвода, захотѣла мешкати въ новóмъ зáмкъ, котрúйбы давáлъ крáсный прóзóръ, и на котрúй то зáмокъ кúвано горъ Бѣлпель недалéко ôтъ Алтенбýрґа, повúшше Биндиша. Но понéже Рáдводъ клáснѣ по той часъ малъ мáло грóшїй, абы мóглъ желáньє скóн-любéзнои сънрбги до рáзъ исполнúти, оўдáлъ сѧ въ тôй спрáвѣ до свóго врáта, епúскопа Бéрнера, котрúй охóчо требъемъ съммъ емъ дáлъ.

Въ коротькóмъ часѣ оўкóнчéно зáмокъ, на котрóго бздóвъ епúскопъ не цадúлъ нѣкúкихъ жéртвъ нѣ кóштóвъ, а понéже той „зáмокъ“ (Burg) стоáлъ на клáстности Рáдвода и его „имѣнїе“ (Habe) т. е. землà и дóбра пôдъ роскáзами тóго зáмкъ здавáли сѧ бúти, во зъ него въ самóмъ дѣлѣ на всю окрéстнôсть мóжно было крáсный прóзóръ мáти, то назвáлъ Рáдводъ его „зáмкомъ свóго имѣна“ нлú по нѣмéцки: „die

Burg der Habe" а коротше: „Habsburg = Гавсвръгъ."

Авы дѣло новаго основанѧ видѣти постѣлъ епископъ Вернеръ своего брата Радвода, найшолъ однакожь оукончены замокъ, при простой вздокѣ и малôмъ овчемѣ мърôкъ въ сорозмѣрности до позычено сммы, за скъдный.

Незадоволены зъ того призкалъ Граѳа и овѣвилъ емъ, же ôнъ часть вызычены въ вздовъ грошій признáчити малъ на ѣкъсь йншъ цѣль. Граѳъ однакожь спокôйно слъхалъ сердачого сѧ епископа, а на конецъ просилъ его, авы лишь изкомилъ до вздъчного рана сѧ воздержати, а ôнъ тогды доволно оправдитъ сѧ взгладомъ спотревлены грошій. Епископъ тимъ завеспечѣньемъ задоволены перевылъ конецъ того дня съ скôимъ братомъ и его спризгою весело, и радъ былъ знати, ѣкимъ то спôсобомъ вздѣ сѧ оправдати Радводъ взгладомъ тѣсного овчемъ того нового замкъ.

Но коли епископъ ôтдалъ сѧ на спочинокъ розослалъ Граѳъ Радводъ еще въ ночи мнôжаны посланцѣвъ до свôи шлахты и до прочои ôтъ него зависимои слъжвы, и велѣлъ имъ всѣмъ, авы съ розсвѣтомъ дня ѣвили сѧ въ полôмъ ôзброенію подъ мърами замкъ, и тиже формално обсадили, що и точно захôвано.

Коли потôмъ епископъ рано сѧ провздилъ, закелъ его Граѳъ Радводъ кѣпно съ своею спризгою, не моклачи ани слôва, до ôтвертого ôкна, и вказалъ на военни отрады совранни около замкъ.

Тою несподеванкою епископъ Вернеръ не мало изъмѣлъ сѧ, понеже не мôгъ ôтгадати причины

того осовлйвшого зѫвйска, и дѕмалъ, що его овкрѕжйли непрїятелѣ хотячй взяти его въ полонъ. Радводъ же ѹсмѣхаючи сѧ ѹспокойлъ его и овѣщйлъ, що всѣ подъ мѕрами совранїи не сѣть его ворогами, но найвѣрнѣйшою дрѕжиною, котра въ часѣ потребы его бы больше охоронйла ѣкъ и найбольшїи и найкрѣпчайшїи мѕры. На ню оверѕлъ онъ про тое часть овыхъ вызыченыхъ грошїй и ючерезъ тое ѣковы заквйлъ и до свои слѫжбы сзововазалъ, а черезъ що онъ властйво вѣдовалъ совѣ въ ей сердцю найлѫчшѫ подпорѫ, а наймоцнѣйшїй замокъ про всѣ часы. По той вѣсѣдѣ далъ знакъ своимъ людёмъ, а они всѣ поднесли восканкъ радостный, по чѣмъ и совершѣнно задоволёный епйскопъ не цадйлъ похвалъ для Радвода за розѕмне ѹпотребленье грошїй."

Позднѣйше ровйлъ Ернеръ своѫ братѫ ещѣ мнотїи и значнїи дары; но понеже при томъ дѣлалъ ѹцерквъ епйскопствѫ, былъ овжалованый изъ стороны капйтулы передъ Цѣсарёмъ Конрадомъ, котрый его подъ позоромъ посольства вйслалъ до Царигрàда. По залёдво привйлъ тамъ Ернеръ, ѹказано его ѣко вазнà и отъслано на едёнъ острóвъ, где и ѹмеръ р. 1028.

Межи наслѣдниками Гѕитрама отличйлъ сѧ графъ Албрехтъ зъ Гавсбѕрга, прозвйскомъ богатый, котрый домовѣ господарство Гавсбѕрске скоро и значно помножйлъ и принялъ тйтѫлъ Ландграфа Алзацїи, котрый то тйтѫлъ остáвилъ въ наслѣдїе своей родйнѣ.

По нёмъ слѣдовалъ его сынъ Рѕдолфъ, а по того жъ смертй подѣлйли его ова сынки Албрехтъ IV., отецъ поздньйшого Цѣсара Рѕ-

долфа I. и Рѕдолфъ IV. посѣлости свóго Дóмѕ мéжи сéбе.

Лаврéхтъ IV. задéржалъ крóмѣ зáмкѕ Гавсвѕрґа, велúкѕ часть дóбръ въ Ярґóвїи, Цѕрихґáвѣ, Сѕидґавѣ и Бризґóвїи и оу̑рáдъ Ландґрáфа въ Ярґóвїи. Рѕдолфъ IV. же полѕчúлъ Лáѕфенвѕрґъ, дóбра въ Сисґóвїи, Клéтґовїи, надъ óзеромъ Лѕцернéньскимъ, Сéмпахъ, Гáрпенъ, Глáрѕсъ и покровúтельство надъ дéвичимъ заложéньемъ Сéкингенъ. Покровúтельства надъ заложéнїями Лѕри и Лѕрвахъ и Ландґрáфство Лазáцїи остáли при обóихъ врáтахъ, однáкожь не остáвили онú тúже къ наслѣдство дѣтéмъ Грáфа Рѕдóлфа, стрúя пóздньйшого Цѣсаря тóгоже úмене пéрвшого.

Понéже Рѕдолфъ IV. осѣлъ на Лаѕфенвѕрґѕ, то называлá сѧ молóдша Гавсвѕрска лúнїа „Гавсвѕрско-Лаѕфенвѕрска.“ Тáм новà лúнїа розпáла сѧ пóздньйше знóвъ на двѣ úнїи лúнїи, зъ котрúхъ однáкожь однà сѧ Грáфомъ Іоáннома р. 1408, а дрѕга сѧ Грáфомъ Ѕґґóномъ р. 1415 вúгасла, и такúмъ спóсобомъ прúйшолъ дóмъ Лаѕфенвѕрскúй знóвъ до Ракѕсъ.

Лаврéхтъ IV. прозвáнъ мѕдрый повóльшúлъ свой посѣлости черéзъ сѕпрѕжество сѧ Юдвúгою, дóчерїю Грáфа Оу̑лрúха зъ Кивѕрґа, Ленцвѕрґа и Баденѕ, и стáлъ сѧ родоначáльникомъ „Гавсвѕрско-ракѕсскон лúнїи.“

Рѕдолфъ сынъ Лаврéхта IV, оу̑родúлъ сѧ днѧ 1. Мáя 1218 въ Бризґóвїи и малъ за отцà крéстного, Цѣсаря Фрúдрúха II. (свого крéвного, во походúлъ изъ Грáфа Райнóлда зъ Вúшшон

Бѣрѕндіи), котрый по той часѣ превывалъ въ мѣстѣ Брайсахѣ.

Онъ былъ наслѣдникомъ своего отца Альбрехта IV., и былъ про тое графомъ Габсбурга и Кибурга, Ландграфомъ въ Алзаціи; а отъ р. 1273 выбраный зостался на Нѣмецкого Цѣсара и назвался Рѕдолфъ I., бо первый сего имене польчилъ корбнѕ Цѣсарскѕ. Такимъ дѣломъ прійшолъ Домъ Габсбѕргъ до Цѣсарства, которое по нынѣ при немъ зостаѣ.

В. К.

121.

Ядинаисъ.

Ядинаисъ, дочка Леонтіа, славного Любомѕдрца въ Адинахъ, оуродила са рокѕ 400 по рождествѣ Христовомъ. Отецъ ей много ложилъ старана на образованье вроджёного талантѕ дочки, котра значно въ наѕкахъ постѕпала. — Кто ѣ привёлъ до Царгорода? якимъ свѣтомъ на престолъ стѕпила? тіи подробности передаютъ намъ древніи описы.

Цѣсарь Теодосій молодшій, хотячи са подрѕжити, малъ звычай радити са часто въ томъ взгладѣ своей сестры Пѕлхеріи Августы. Пѕлхерія желаючи оучастайвити врата, постано вила выбрати добродѣтелькѕ и надобнѕ особѕ, котора бы совершённо отвѣствовала ожидано врата.

Теодосій мовлялъ Пѕлхеріи, же его единственно така красота и така лишь добродѣтель оучастайвити може, которой жадна ина не выровнае, и для того готовъ даже са женщиною низкого станѕ са подрѕжити.

Въ тóмъ влáсть врéмени Ядинáисъ óукрашéна талáнтомъ и красóю привы́ла до Царгорóда, а то изъ слѣдꙋючихъ причи́нъ: Отéцъ ей óумираючи вы́рекъ до нéи ты́ми словáми свою послѣдню вóлю: „Ядинáисъ, любéзна дóню, товѣ лишáю тóлько сто черконцѣвъ; понéже твоя краса, несрóвнана добродѣтель и рѣдкій талáнтъ на найвы́шшій стéпень щастли́вости вы́нести тя могꙋтъ.“

Ядинáисъ видячи ся оскорблéною, óудала ся до своихъ двохъ врáтій, которíи цѣлóе имѣнье наслѣдствомъ достáли, авы́ они ей за сдѣланъ чрéзъ отцá несправедли́вость въ подѣлъ маéткꙋ, хотя по чáсти вынагородили.

Але сéрдца скаменѣлíи не выслꙋхали тóи ей прóсьбы, а колí Ядинáисъ чимъ разъ вóльше налагáла на признáнье спадаючои на ню чáсти, такъ строго совѣ съ нéю постꙋпáли, же ей вóльше до своего дóмꙋ не дáли прíстꙋпꙋ.

Нещáстная Ядинáисъ óудáла ся до своéй тéты; тáм выла ей мáтерью, и изъ стороны сестрѣницѣ подáла до сꙋдꙋ жалóвꙋ о сдѣланъ óтъ врáтій крívдꙋ, и авы́ тóй справѣ надáти прꙋдшій нáворотъ, ставила своé прошéнье до Пóлхéріи; малюючи найжывѣйшими красками негодíвость врáтій, а красотꙋ, добродѣтель и высóкое дарóванье нещастли́вои.

Тíи похвáлы сдѣлáли велíкое впечатлѣнье на книгíню, котóра пересвѣдчивши ся о íстинѣ, не залишíла довѣдовати ся зъ óувóчныхъ сторóнъ о нравственности тóи дѣвíцѣ, а óувéривши ся о ей овычáйности взáла ю въ кóло дѣвíць пóдъ ей опѣкою зостаючихъ, и прирекла мáти старáнье за сдѣланъ крívдꙋ.

Пзлуѣ́рїа пересѣ́дѵвши сѧ чимъ разъ бо́льше, же и́дина́йсъ въ всёмъ свои́ товарищки́ перевышша́е, же съ природною красото́ю и наѵ̑тыми вѣ́домостьми соедина́е найдоро́жше сокро́вище довродѣ́тели, не медли́ла донести́ сво́емѵ̑ бра́тѵ̑ о то́й че́стно́й дѣ́вицы, котро́и рѵ̑кѵ̑ о́нъ посѣда́ти есть го́денъ. Θеодо́сїй видѧ́чи исполне́нїи свои́ жела́нїѧ розплыва́лъ сѧ въ ра́дости, а вѣ́рный сво́емѵ̑ постановле́нію подрѵ̑жи́лъ сѧ съ надо́бною Свдо́ксїею. (Тако́е ей на крещє́нїи и́мѧ да́но).

Свдо́ксїа не залиша́ла наѵ̑ки, котро́й зъ молоды́хъ лѣ́тъ прилѣжа́ла. Отлича́лась найбо́льше въ слове́сности пре́чески́й и лати́нски́й, не ме́ньше въ фїлософї́ческихъ а ариѳмети́ческихъ вѣ́домостехъ. Опи́совала стихо́мъ побѣдѵ̑ Θеодо́сїѧ надъ Пе́рсами, толкова́ла парафра́зы пе́рвыхъ о́смїи книгъ письмѧ́ свѧто́го, и їсто́рію мѵ̑ченико́къ Киприа́на и Юсти́на. — Ста́вила Церкви и вы́ла матерїю оу̑во́гихъ — а по смерти сво́го мѵ̑жа посѣ́тила Палести́нѵ̑, где ро́кѵ̑ 460 Бо́гѵ̑ дѵ̑ха о́тда́ла.

Бра́тѧмъ не о́тпла́човала взаймности́ю, въ пре́ки стара́ла сѧ о ихъ добро́ и вы́несла ихъ на найвы́шшїи оу̑ра́ды. Зами́ѣсть закида́ти имъ ихъ стро́гое постѵ̑на́нье съ сестро́ю, мовла́ла она̀ ѣ́къ егу́петскїй Ио́сифъ до сво́ихъ бра́тїй: „Свлй высте менѣ не принѵ̑дили вы́ли опѵ̑сти́ти мою о́тчи́нѵ̑, не вы́лавымъ въ Царгоро́дѣ, и не ма́лавымъ способности оказа́ти любо́вь и прива́занье, которое къ вамъ въ се́рдци мо́емъ но́шѵ̑!“ — Ѩкїй кра́сный примѣ́ръ любви родѝнной!! —

Іѧ. Геро́вскїй.

122.

Водоспадъ Прѣта коло Доры.

Станѣславовскій округъ, который цѣлою до своей природной красоты и своихъ занимательныхъ памятниковъ вѣкалыцины исключительнѣйшое мѣсто между иными округами Галиціи занимаетъ мѣстце, — представляетъ окѣ природолюбца образъ, который природа прелестною красою богато выпосажила, а которой очертати надармо силовалабы са рѣка человѣка. Есть то величавый водоспадъ исторически славного Прѣта. —

До Делятина ведѣ по при село Шевалювка, отъ головного до Черновецъ ведучого гостинца, повочнаа така звана сольнаа дорога. Делятинъ самъ есть то невеличке, но большой части черезъ жидовъ замешкане мѣстечко съ сировичными кѣпелями: выробляютъ тутъ такожъ много деревяного начиня, красно вырѣзованіи лижки, вилки, тарелѣ и иніи вещи. Зъ отты идѣ р. 1826 Фр. Кратеромъ, тогдашнымъ старостою Станѣславовскимъ заведеный головный гостинецъ, ведучій черезъ Дорѣ, Имиѣ, Микълячинъ и Ивлоницю до угорского надграничного мѣстечка Черемошѣ. Оуйшовши тою хорошою чудесно-прекрасній горскій околицѣ перетинаючою дорогою одинъ милю отъ Делятина, привываемъ до гуцълского села Дора, котрого нивы оливаетъ вѣйный Прѣтъ. На крайной граници того села къ Имичѣ взносятъ са скалистый берегъ тои рѣки до значительной высоты, и тутъ спадае вода стиснена скалами съ громовымъ тутномъ и незвычайною быстростію. Росказуютъ, же спадъ той колись былъ надъ 4

сѧжнѣ; но понѣже и тѫтъ загадали были Прѫтъ спалѣнымъ зробити, отже порозстрѣлювано скалѫ. Вода спадае съ цѣлою силою на великій, черезъ выстрѣлъ сдѣланый отломъ скалы, изъ котрого и цѣлый водоспадъ найлѣпше можъ перезрѣти. Его ц. к. Высочество Эрхинязъ Францъ Карль звѣдали къ часъ своего пѫтешествїа по Галичинѣ рокѫ 1823. и тѫю прекраснѫю романтическѫ околицю, а тамка о Нихъ жѣ ещѣ и досы межи вдачнымъ тамошнымъ жительствомъ, дерзкими и моторными Гѫцѫлаши.

Подъ водоспадомъ твориться рѣка обширное сталище, где сѧ быстрымъ спадомъ розгѫканїи воды оусмираютъ, абы свой фалѣ знову поважно дальше къ морю котити. Мостъ 30 сѧжній долгій а 4 широкій ведѣ черезъ рѣкѫ; лѣтомъ привѫваѣ тѫтъ множество природолювцѣвъ, абы пречѫдесное тое зрѣлище оглядати. — Вдачность выставила тѫтъ покойномѫ надворномѫ совѣтникови Францови Кратерови за выѣздованье гостинца, котрый совокѫпляѣ окрѫгъ Станѣславовскій съ Оугорщиною, прекрасный памятникъ.

Цѣла така дико красна околица а именно село Микѫлинчицъ, была найменшымъ провѫвалищемъ славного розвойника, рѫского Фра-Дїавола, Довоша, о котрѫмъ народъ тамошный много анекдотъ и сказокъ любопытнымъ гостѧмъ оповѣдае, якожъ и много оуказѫе рѣчій дотычныхъ того ославленого опрышка.

Зорѧ галицка.

123.

Людске се́рдце и лю́дска воля.

„Лю́дске се́рдце“ есть то найши́ршое мо́ре. Єсть тамъ гдене́кѣда и пѣски и мѣли́зна и на́сыпы и твердя́ скала́, но найво́льшая его́ часть есть незмѣре́нная глѣ́бинь.

„„Лю́дска во́ля“ „есть то и́стинна весна́; ковъ лишь разъ подѣ́лъ на нію тепле́нькій ле́готъ и розгрѣ́лъ въ ней ядро́ жита́, най совѣ́ шѣми́тъ тогда́ зи́мный западо́вецъ тай гѣдѣ́ о́стрый вѣйне́стеръ, — она загрѣ́е свою́ трави́чкѣ и дасть красѣ́ ей ли́чкѣ, а соловѣ́кови дѣ́ти розвѣ́ютъ ей цвѣ́ты.

Гриць Кукуру́дза.

124.

Блаже́нный ка́мѣнь.

Оу́рыкокъ изъ епи́ческого стїхотворе́нїя „Скиїтъ Ма́ндавскїй.“

Въ тыхъ торжествѣ́нныхъ чувствій по́ломѣни
Сплылъ имъ (Черцямъ) остатокъ сѣ́н па́мятнои дни́ны!
Сумра́къ зъ доли́ны пя́лъ ся надъ го́ръ щиты,
Щобъ свѣ́тло со́нця въ о́блакахъ згаси́ти!
Тогды́ ажь Черцѣ́ почя́ли гада́ти:
Що въ тѣ́й пусты́ни — нѣ села́ нѣ ха́ты!
Кобы́ хоть въ корчёхъ, — або́ ко́ло илы́ты
Знужёну на нѣ́чь го́лову склони́ти!
Ты́ми гадка́ми запря́тавши мы́сли
Горѣ́ пото́комъ скро́зь хабня́къ ся ти́сли,
Ажь где ся бо́ки Ски́тского прова́лу,
Чимъ разъ то ужше сближа́ли по ма́лу:
А густи́ корчѣ́ прохо́дъ затыка́ли,
На мху́ — по́дъ со́сною, — нѣ́чляго́мъ ста́ли. —

Мягка̀ мура́ва! и бокла́гъ и сви́та,
Яко́гожь тре́ба подоро́жнымъ ло́жа?
До то́го ра́дость! по́стѣль належи́та! —
Не вде́нъ бы имъ за́здростилъ вельмо́жа! —
Отда́ли Бо́гу вече́рнй похва́лы:
Легли́ и булѣ́бъ солоде́нько спа́ли;
Но я́кійсь ше́лестъ надъ ни́ми въ обочи́
Не да́лъ ихъ тве́рдо сну уколыса́ти:
Цѣлу́ но́чь мрѣ́ли, и жмури́ли о́чи!
И но́чь мину́ла, — лишь го́дѣ заспа́ти!

Ско́ро вѣступы́ молодо́и дни́ны
Но́чныхъ маръ ре́шту въ гу́щъ позаганя́ли;
Чере́зъ верши́очки въ затѣ́ни доли́ны
Цѣка́вымъ о́комъ туй туй загляда́ли;
За́разъ Инокн опусти́ли ло́же,
И повита́ли пѣ́сньми свѣ́тло Бо́же!
Потомъ къ обочи́ поступи́ли смѣ́ло;
Що тамъ надъ ни́ми скро́зь но́чь шелестѣ́ло?
Кто имъ по́дъ бо́комъ таку́ псо́ту пра́вилъ?
Не далъ засну́ти, — и но́чи позба́вилъ?
Гадо́къ бога́то! а мала̀ дивни́ця! —
Жа́дного Черицѣ не знайшли́ страши́ла:
Скала̀ въ обочи́, по́дъ нею керни́ця,
Съ котро́и струи́ по кам'ѣ́ню плы́ла!
Хо́тьбы ся въ жме́ню змѣсти́ла води́ця,
Ско́ро ѣ Черицѣ́въ здыба́ла зѣни́ця,
Но́ва утѣ́ха гру́дь ихъ наполни́ла.
Бо скалы́ про́странъ, — въ споко́йно́и затѣ́ни
Твори́ла въ глу́бѣнь и по́бо́чь три сте́ны;
А на нихъ плы́та нѣ́бы сте́ля спе́рта;
Сподо́мъ по́длога ка́мѣнна просте́рта;
Але зъ пере́ду, где стѣ́на четве́рта
Ма́ла стоя́ти, — тамъ про́странъ о́тве́рта!

Чи тоту̀ ха́тку на́чинёмъ изъ ста́ли
Въ скалѣ́ то́и лю́дскй ру́ки выковали?

Чи для чїёгось спочи́нку, выго́ды,
Такъ изъ ру́къ вы́йшла вѣчнои природы?
Надъ ти́мъ ся въ у́мѣ ро́зна га́дка бу́дитъ,
Мина́в пра́ву, — и въ домы́слахъ блу́дитъ!
Але певнѣйше ѥсть свѣдо́цтво о́ка:
Що цѣла́ ха́тка, то ѥдна́ опо́ка!
Не дро́бни плы́ты, — а́нѣ гру́бши бры́лы
Въ ѥдну ся цѣло́сть шту́чно излѣпи́ли!
Посере́дъ ха́тки, — при само́мъ поро́зѣ,
Або прина́ймнѣй о́тъ поро́га зъ бли́зка,
Въ твердо́и зъ приро́ды и гла́дко́и по́дло́зѣ
Стои́тъ керни́чка кругле́нька я̀къ мы́ска:
Ро́вно и гла́дко вы́точена въ бры́лѣ,
Гейбы тока́рь ю вы́кружлялъ въ точи́лѣ!
Безъ скалуби́ны, — на днѣ безъ норы;
А вода́ пре́цѣнь сычи́тъ до горы!
Такъ, що студе́на, керни́чка чудо́вна
Хоть пїи и че́рпаи, — завсѣ воды по́лна!

Притъ Блокъ Черицѣкъ въ блаже́нно́мъ ка́мени.

Чужосторо́ннымъ го́стямъ въ то́и пусты́ни,
Блу́днымъ Ино́камъ, безъ ха́ты, безъ стрѣхи,
Щожь могло́ бо́льше принести потѣхи
Я̀къ сухїи ку́тикъ то́и скалуби́ны?
Хотъ ся по́дъ дре́вомъ сма́чно спа́ло до́ты,
Но гдѣжь си дѣютъ, я̀къ наста́нутъ сло́ты?
Туть цѣль гости́ны, — тутъ доро́ги ме́та,
Да́лѣи ступа́ти, — о́тсы у́жѣ не лзя!
Я̀къбы не та́л въ ка́мени прикме́та,
Въ цѣло́и доли́нѣ, притулку не ма́!
Отжежь! въ скалѣ, тои тѣсны́и закама́рокъ
Собѣ обра́ли на смирне́ньку ха́ту!
И я̀къ за свѣтлыи, небе́сныи пода́рокъ,
Я̀къ за выго́дну, конто́вну пала́ту
О́тъ се́рдця Бо́гу поблагодари́ли,
И сере́дъ ѥи стѣнъ ся розгости́ли,

А на пáмятку, тихъ чудóвныхъ знáменъ,
Имѝ надáли ей: „Блажéнный Кáмень!“

Первый початóкъ ґаздóвствà новóго,
Ѧкъ то за звы́чай, — тýтка былъ ўбóгїй:
Въ цѣлóй печéрѣ не бы́ло ничóго;
Лишь: тверда́ пóстѣль посерéдъ пóдлóги!
Нѣ стола́, — лáвы, — жáднои судúны:
Лишь: бóклагъ, книга, костýръ подорóжный!
Съ водóю керни́чка, — и три гóлѝ стѣны,
А въ прóчемъ пýстка! кóждый кутъ порóжный!
И въ хáтцѣ хóлодъ, сли зъ надвóру дýло!
Бо стѣны зъ прéду, и дверїй не бýло!

Кóждый зъ насъ нáгїй на сей свѣтъ прихóдитъ,
И тои́ былъ бѣдный, що ни́нѣ всё мáє;
Прáця зъ ничóго маéтки розвóдитъ:
Живы́й працю́є, и живѐ гадáє!
Ѧкъбы въ пусты́ни мóжно проглипѣти?
Яли ся черницѣ ґаздóвствóмъ журúти!
„Щожь за спочúнокъ — хати́на безъ лáвы?
Прéцѣнь по трýдахъ здáлобы ся сѣсти!
Дýхъ жїѣ прáвдою! Но тѣло безъ стрáвы
Нѣщò не вáрто! кóнче хóче ѣсти!
Ѧкъ прїйде óсѣнь, и зимà несы́та
Въ хáтѣ безъ дверій, ци загрѣе свúта?
Хоть дýхъ Инóковъ спочúває въ Бóзѣ,
Толчи́ ци схóчутъ кóсти по пóдлóзѣ?
Безъ тихъ то потрéбъ и житьѐ Инóче,
Долгò такъ въ нýждѣ ци вытрвати схóче?
Лѣто богáте, гóстьбу мáє швы́дку, —
Же óсѣнь блúзко, даѐ хóлодъ знáти;
Сли зимà дóлга не знáйде забы́тку,
Щожь за хосéнъ имъ зъ кáменнои хáты?
Черницѣ хоть Бóжѝ, — але зéмскѝ лю́де!
Сли на часъ прúкрый несложúли спрáтку
Сли не бýде ся къ чóму розъгнáти,
Щожь тогды́ бѣднѝ мáютъ починáти?“

Бо кто́ ли́шь ве́сну въ часъ обгарува́ти
Не ўсти́гъ, — и зе́рномъ ни́ву не засѣе,
Кому́ стебло́ ся не зазеленѣе;
Золоты́й ко́лосъ, по́лный не жолтѣе;
Якъ прїйде жни́во, — щожь о́нъ бу́де жа́ти?
Въ гумно́ по́дъ о́сѣнь, що буде сбира́ти?
Где ди́ка пу́ща, глухи́ тёмни́ го́ры,
Чимъ наполни́ть о́нъ стодо́лы, — комо́ры?

Но! газда́ лѣнши́й жіе́ гдѣ́сь та́мъ въ Не́бѣ!
Притомный ко́ждо́й, сво́ихъ слу́гъ потре́бѣ,
Той! що про́мысломъ до́лю всѣхъ керу́е,
Той! що дро́бо́ньки птички́ по́днебе́сни́,
Хотяй не о́рютъ, — не сѣютъ на пе́снѣ,
Приодѣва́е и чи́мъсь году́е!
Той! що на по́ли самаро́дни́ цвѣты,
Хоть неумѣютъ нѣ прясти, — нѣ тка́ти
Въ бога́то кра́сшй — и свѣтлѣ́йший ша́ты
Якъ Соломо́нъ ма́лъ — зна́е приодѣти!
Той свой слу́ги въ глубо́ко́й пусты́ни,
Где росночали дѣло Его́ сла́вы,
Въ зимѣ не ли́шитъ ихъ безъ одежи́ны,
А въ при́кры́й го́лодъ, безъ хлѣба и стра́вы!
Для ихъ потре́бы, пожи́тку, выго́ды
Сама́ пусты́ни не пуста́, не го́ла,
Бо и на ло́нѣ ма́тери — приро́ды
Хлѣбъ и оде́жа мно́жатъ ся до вко́ла!
Такъ надѣею скрѣпле́ни́й Иноки
Цѣлко́мъ на Бо́жій про́мыслъ ся изда́ли;
И въ той пече́рѣ бо́льше якъ три ро́ки
Такъ ся живи́ли и такъ одѣва́ли:
„Въ бока́хъ о́тсо́ня сбира́ли суни́цѣ
Кра́сни́й, — румя́ни́й, — ажь имъ за́пахъ ми́лый!
Въ гу́щахъ, затѣ́нихъ, — ожи́ны, черни́цѣ,
Не разъ по корча́хъ прохо́дъ загати́ли!
По надъ пото́ки, мали́ны якъ пло́тъ!
Вкуси́!.. соло́дка, въ ўста́хъ ся розпла́ыла;
По по́дъ смере́ки тма яфи́нъ лежи́тъ,

Що ажь ôтъ нихъ ся земля́ заси́нѣла.
Мѣстця́ми зъ гру́шки, зъ ди́кои ѣ́блôни
Натрясу́тъ гу́сто о́вочей ѣ́къ рѣ́ни,
Орѣ́хъ да́сть лѣ́ска здоро́вый, смачны́й,
А букъ доста́ткомъ жи́ру на олѣ́й!
Съ дождже́мъ тепле́нькимъ прозяба́ѣ гри́бъ,
Рѣка́ и по́тôкъ достарча́ютъ ры́бъ,
И скота́рь ча́сомъ, ѣ́къ зачу́е чу́тку,
Що въ тôй доли́нѣ ма́ютъ Черцѣ жи́ти,
Принесе́ ву́рды, або сы́ра гру́дку,
И свѣ́жои ся женти́цѣ напи́ти."
Тимъ на́шй Черцѣ го́лодъ поко́или,
Жа́жду гаси́ла зъ керни́цѣ вода́,
Ре́шту добы́тку на зи́му суши́ли,
И щожь имъ зро́бить въ пусты́ни бѣ́да?
Въ кôмъ чи́сте се́рдце и со́вѣсть споко́йна,
Тому́ и пу́ща въ поживлѣ́нье го́йна;
А радъ зъ мало́го, — бога́то не ба́гне,
Бере́ съ поди́кою, що рука́ да́сть Бо́жа,
Що не ỳзри́ть о́комъ, се́рдцемъ не запра́гне,
Щастли́вшій въ пу́щи, ѣ́къ и́нде Вельмо́жа!

Вн8тренне о8порядко́ванье блаже́нного ка́мена.

На сушени́ну и вся́кій добы́токъ
Ма́ли при ха́тцѣ саморо́дный спря́токъ:
Глубо́ку ѣ́му въ плы́ты скалуби́нѣ
Мно́го певнѣ́йшу ѣ́къ богачѣ́въ скри́нѣ.
Ужѐбы ѣ́ко́сь ся пе́ребу́ло го́лодъ;
Але що бу́де, ѣ́къ прiйде зима?
Якъ до хати́ны завита́є хо́лодъ,
А ту нѣ дверій, — нѣ пе́чи не ма́!
Ба, и стѣна ещѐ четве́рта бракує,
А о́сѣнь ỳжѐ ся до зимы́ хили́ть,
Щожь, — ѣ́къ нару́га съ моро́зомъ поду́е,
И снѣжни́цею день бѣ́лый затьми́ть?
Кто Бо́га про́сить, зъ розу́ма не збо́чить

Помогу́тъ ру́ки, до́кн ещѐ живи́,
Тутъ ю̑рвѐ тро́хи, — тамъ зновъ надторо́читъ,
Пре́цѣ да́сть ро́звѡдъ сво́ей головѣ́;
Нема́ли бѣдни́ Иноки соки́ры,
Щобы ѝкъ нибу́дь захисти́ти дѣ́ры,
И поробѝти о̑тъ вѣ́тра зага́ты,
При то̑мъ нѣ́ све́рла, долота́ нѣ́ пи́лки,
Щобы при во̑льно̑мъ прохо́дѣ на дво̑ръ
Поприбива́ти зъ кѣма́чя одво̑рки,
И приписти́ти хоть ле́да запо̑ръ;
Але въ приго́дахъ, — где бѣда́ доку́читъ,
Сама́ потре́ба насъ розу́му ю̑читъ;
А где ся на́вѣть нѣко́му не сни́ло,
Мала́ причи́на зро́дитъ на́жне дѣ́ло.

Ма́лъ Іоанни́кій но́жикъ на припо́нѣ —
Пра́вда, — мале́нькій, скры́лъ бы ся въ доло́нн,
Тупы́й на о̑стрю, и не здо́бный, хиба́
Ча́сомъ мягко́го ю̑кройти хлѣ́ба,
Ти́мъ, для потре́бы, потя́гши на бру́сѣ,
Рѣ́зали пру́тье зарѣнико́ве въ лу́зѣ,
Ко̑лье, лѣщи́ну, где мо́жна лома́ли,
А свидопа́те сподо́мъ по̑дтиша́ли,
Зъ то́го днѣ́ лѣ́ски, сплѣ́вши на зага́ту,
Отъ простого́ну захисти́ли ха́ту;
По середи́нѣ ю̑зо́ньки воро́та
Примкли́, гей две́рми зату́локъ изъ пло́та,
Же пло̑тъ не го́денъ вѣ́теръ студе́нъ спе́рти,
Му́сѣли лу́бя зъ ли́пъ и смере́къ де́рти,
Зъ и́вы, лози́ны ю̑же́лки крути́ти,
И ѝкъ шко̑рою зага́ту обши́ти.
Мхомъ, що ю̑крыва́е береги́ и ѝры,
Позамыка́ли щели́ны и шпа́ры:
А же ко̑лъ въ ка́мень не да́сть ся заби́ти,
Да́ли по̑дпо́ры зъ спо́рыхъ ку́снѣвъ плы́ты!
Ещѐ доробѝли за́мокъ до запо́ру,
Завязку зъ лы́ка и ко̑ло́къ зъ запру́ти,

Щобы хоть трóхи двéри прищепнýти
А такъ ўжѐ хáта готóва зъ надвóру.

А въ середи́нѣжь? Всё то безъ чóго
Анѣ Чернéцъ си обънтѝ не мóже . . .
Зъ матерїя́лу зробúли едúного:
Стóлъ, пѣчь и лáвы, полúцѣ и лóже,
Зъ самородного, Бóжого створѣния:
Зъ кýснѣвъ опóки, зъ твердóго камѣня.
Стóлъ — спóрый кáмень въ самóй середúнѣ. —
Пѣчь, — чтыри плúты, при самóй керни́ци,
И лáвы зъ тóгожь, вышь нихъ въ скалубúнѣ,
На кóждый спря́токъ, выгóдний полúцѣ.
Зъ шунáра перóвъ попле́ли рогóжи,
Сѣтни́къ мочáрный повязáли въ мáты,
Твердѐ рогóжею застелúли лóже,
Мáтами ўкрúли стѣны ôтъ загáты.
А щобы змúкли твердíи скáлъ брúлы
Мхомъ и сухúмъ нихъ лúстёмъ пристелúли!

На столѣ крéстикъ, знáмя оборóны,
Що го Пахóмій тутъ принéслъ на шúи,
На стѣнѣ пóбочь чудóвний нкóны,
Тутъ Спасúтели, — тамъ Дѣвы Марíи,
А я̃ко знáмя вѣрного звычáя,
При нихъ ещѐ óбразъ Отцà Никола́я.
Всё въ пошанóвку — и бóклагъ и книги,
Рáсно зъ васúльку связáне кропúло,
Щобъ нимъ прогнáти рыбака *) набѣги,
И посвятúти кóжде новѐ дѣло.
Щобы прагнучи зъ чудóвного здрóю —
Не прúгорцами чéрпали напóю,
Где зъ стклà и глúны нáчиня не вúдко
Черпáчка зъ тыквы бúла піяньётко!
А щобъ въ потрéбѣ огéнь розложúти,
На чтырёхъ брúлахъ широ́кон плúты
Сухи́ дерéвця одно́ въ другe тёрли,

*) Слóво дýха нечúстого сѧ въ вúдѣ рыбакà.

Потомъ зъ порохнѣ губки си надерли,
Зъ старого бука наломавши чиру,
Скалку кремѣнну злупали подъ мѣру,
А тупымъ бокомъ ножика изъ стали
Въ кождой потребѣ огнй си кресали.
А при той ватрѣ щоденній приравы
Пекли на грани, на каменномъ кружѣ,
Або немавши варенои страви,
Замѣсть въ горнйти — пражили що въ снузѣ.

Тимъ могли прикрый голодъ покойти;
Але йкъ люта потйсне зима,
Чимъ тогды грѣшне тѣло приодѣти,
Колй кромъ свйты — нѣ руба не ма?
Але той Промыслъ, що живйлъ ихъ щодень,
Щобы котрый зъ нихъ голоду не згйнулъ,
На тверду зиму и на люту студень
Приобрѣлъ нагимъ тѣплу одежйну.

Анш. Л. Могильницкій.

125.

Житьѣ Іоанна Снѣгирского.

Іоаннъ Снѣгирскій родйлъ ся дня 18. Мая 1784 года, въ селѣ Берестанахъ округа Самборского — зъ отца Ивана Снѣгирского, пароха руского тамошного и зъ матери Єфросйны зъ Верѣщкихъ. До школъ нѣмецкихъ отданый былъ 1792 г. до Самбора, въ 8 годѣ житя свого, и скончйлъ ихъ 1795 г. съ прекосходною первшою классою, давши зразомъ доказы йкъ найлѣпшихъ обычаёвъ. Тамъ зачалъ также и до гимназіи ходйти, но помочію отца свого не долго ся тѣшилъ, во отецъ померъ 23. Марта 1799 г. Такъ осиротѣвши завчасъ рекъбысь, же загйне Іоаннъ и не дасть собѣ жадной рады, но провѣ-

дѣніе Бо́жое чꙋвае и надъ сиротáми — и ôнъ по чáсти ôтъ родúны воспомáганый, а по чáсти влáстнымъ трꙋдомъ (навчáючи дѣти чꙋжíи ꙗко домовúй навчúтель) оꙋтрúмꙋючи ся, скôнчилъ такóжъ и гúмназію г. 1800 и то ꙗко пéрвшій нагорóдою оꙋвѣнчáный. Оꙋжè тогдꙋ пôзнано ся на егò талáнтахъ и держáно егò за молодцà найлѣпшои надѣи и найчемнѣйшихъ обычáевъ, що мꙋ и въ свѣдóцтвѣ вúписано. Изъ тóи то причúны оꙋжè егò товáришѣ ꙗкбы предскáзꙋючи егò пôздньéйшꙋ сꙋдьбꙋ, называли Кладúкою. На Любомꙋдрїе оꙋдáлъ ся до Львóва, где ся по чáсти изъ стипéндіи ꙗко искáтель стáнꙋ дꙋхóвного, по чáсти чéрезъ дáванье корренетúцій въ предмéтахъ фїлософíйныхъ, оꙋдéржовалъ, житьè скрóмное провáдилъ и на малôмъ престáвалъ. Въ вúшшихъ шкóлахъ розвúнꙋвали ся егò талáнты ещè бôльше, а егò обычáйность бúла всѣмъ знакóма, про що ôтъ свóихъ товáришѣвъ шкôльныхъ дꙋже былъ повáжаный и люблéный. Въ гóдѣ 1803 скôнчúлъ трилѣтный кꙋрсъ Любомꙋдрїа. Потóмꙋ оꙋдáлъ ся на Богослóвїе. Оꙋкôнчúвши г. 1804 съ прекрáсным ъ постꙋпомъ пéрвшій рôкъ Богослóвїа въ всеꙋчúлищи Львôвскôмъ, подáлъ прóсьбꙋ до Консисторíи рꙋскои Перемúскои, абы мôгъ бúти послáнымъ до цѣсáрского конвúкту въ Вѣдни на Богослóвїе для бôльшого выдосконалéня ся. Позыскáвши отвѣтъ пôдля свóго желáня, поѣхалъ до Вѣдня и тамъ 19 Листопáда 1804 г. въ кнúгꙋ всеꙋчúлища Вѣдéньского вúписаный зôстáлъ. Тамъ скóнмъ навкамъ прилѣжáлъ и на пôвалúчныхъ úспытахъ найкрасшéйше ся выкáзовалъ, во всѣ предмéты ся превосхóдным ъ оꙋспѣхомъ поздá-

вáлъ. Въ конвúктѣ ѿличúлъ сѧ зáразъ пéрвшого гóда черéзъ строгѕ обычáйность, чéмное захованье сѧ и тóчное выкóнѕванье прéдписовъ конвúктѕ такъ дѯже, що мѕ ѩко пóдпрефéктѕ нáдзоръ надъ одúмъ ѿтдѣломъ молóдшихъ пúтомцѣвъ сѧ всéю довкрéпностїю порѯчéный былъ и котóрый ѻнъ черéзъ всѣ три лѣта ажь до вúстѯпленѧ свóго изъ конвúктѕ сѧ совершéнымъ задоволéнькемъ свóихъ настоáтелѣвъ прокáдалъ.

Оу́жѣ ѩко пúтомецъ цѣсáрского конвúктѕ по оу́кончéномъ трéтемъ рóцѣ Богослóвїѧ р. 1807 черéзъ Перемúского Владúкѕ Антóнїѧ Ангелóвича, котóрый тогдѣ слѯчайно въ Вѣдни находúлъ сѧ, на Пóдъ-Дїáкона и Дїáкона а пекáвомъ на Пресвúтера посвящéный зостáлъ. По оу́кончéномъ четвéртомъ рóцѣ Богослóвїѧ р. 1808 зостáлъ дѯхóвнымъ сотрѯдникомъ при рѯскóй цéркви св. Варвáры въ Вѣдни. Тѕ крóмѣ свóихъ дóлжностїй дѯшнъ пастúрства занимáлъ сѧ наѯкáми богослóвскими и поздавáвши зъ тúже строгїй íспыты вѣнцéмъ Дóктора Богослóвїѧ оу́вѣнчáный зостáлъ. Ѩко сотрѯдникъ посвящáлъ кóждого тúждня шпитáлъ не тылькѕ цивúлькный но и головúкій войскóвый и оу́дѣлáлъ потѣхѕ и оу́слугѕ дѯхóвнѕ ўóркимъ зъ ласкавои охóты и безъ домагáня сѧ ѩкóй вынагорóды за тóе. Подчасъ войны р. 1809 доглядáлъ всѣхъ седми серéдъ чéрть Вѣдня оу́становленыхъ войскóвыхъ шпиталѣвъ, и тамъ ўóрымъ и ранéнымъ жолнѣрамъ сѧ велúкимъ сúлъ напряженéмъ и пожертвовáнѣмъ потѣхѕ вѣры и дѯхóвнои оу́слугѕ нѣсъ. Тóе дѣлáлъ и подчасъ войны въ р. 1813 и 1814 оу́жѣ ѩко пáрохъ. Зъ Вѣдня вспирáлъ свою мáтерь и

посылáлъ ей чáсто грóши, хотъ самъ не многó малъ.

Его́ крóткое, повóжное и тúхое житьѣ не дáло его́ вóльше никóмъ пóзнáти нiò Бóгъ, котóрый скрúтости и тáйны вѣдае и покóрныхъ вúкышшáе, а котóрый такъ óучтúвого, трѣдолюбúвого и óучёного мѣжа для вúкышшúхъ стёпеней присѣдáлъ. Нко сотрѣдникъ и пáрохъ працюкáлъ также съ прилѣжностiю и съ дóбрымъ пожúткомъ при канцелáрiи Архiепúскопа Вѣдéньского. Колú за старáньемъ Мúхаила Левúцкого, Владúки Перемúского заведёное вúло овщество для выдáкання книгъ катехитúчныхъ и омилетúчныхъ для шúренья прáвдъ вѣры христiáнской мéжи людóмъ и для образóвання обычáёвъ, вúлъ и Сиѣгѣрскúй на члéна того́жъ овщества возвáный. Въ р. 1817 вúлъ черéзъ профессóровъ Вѣдéньского богослóвского óтдѣла на Декáна того́жъ óтдѣла вúбраный а дня 19. Листопáда 1817 р. вúпесеный зóстáлъ на достóйнóсть почéстного крилошанúна епáрхiи Перемúскои. Р. 1818 знóвъ вúбранный дѣухомъ Свáтúмъ на Спúскопа, зóстáлъ черéзъ австрiйского Цѣсаря Фрáнца I. именóваный Владúкою рѣскимъ Перемúскимъ, Самбóрскимъ и Самóцкимъ за свою справúвóсть, розвáжнóсть, рéвнóсть въ слѣжбѣ, взорóное житьѣ и такъ въ школьнóмъ вúкъ и дѣухóвнóмъ закóдѣ навúтiи хвалéнiи заслѣги.

При захован̃ю звúканыхъ торжествéныхъ обрáдóвъ въ престóльнóй Цéркви св. Iоáнна Крестúтеля на Владúкѣ посвящёный, помáзаный и на Сѝ престóлъ впрокаджёный овлáлъ зарáдъ Спáрхiи вóльше 800,000 дѣшъ числáчон и позыскáлъ для

свои дѣлательности просторо́нное по́ле, а престо́лъ его́ окри́лъ съ нева́комъ лу́чами блестя́чои сла́вы. До его́ осо́бы никомо́ъ прїстꙋ́пъ не бы́лъ зворонёный. Ко́ждого занима́ла за́разъ его́ поверхо́вность. Взро́стъ былъ серёдньго, тѣла по́лного, о́ка сѝвого, го́ловꙋ покрыва́ло сѣдо́е коло́сье а въ че́ртахъ лица́ его́ ви́дно было́ такъ прїёмность и довротъ, же ни́ми ко́ждого до се́бе осмѣла́лъ и притага́лъ; до то́го несходи́ла зъ лица́ его́ николи весе́лость, котора́ была́ дока́зомъ чи́стои и споко́йнои со́вѣсти. Весе́лость, мо́жна сказа́ти, была́ на́вѣть приро́дными да́ромъ его́! и где съ въ токари́шествѣ появи́лъ, гнеть было́ по́лно оу̑тѣхи, во люби́лъ и самъ заба́вляти рѣчи роска́зовати и дрꙋгихъ до то́го побꙋжда́лъ, и про то́е люби́ли всѣ его́ токари́шество. Оу̑же въ молодыхъ лѣта́хъ люби́лъ дꙋже пѣсни, а зостави́вши Влады́кою запрова́дилъ спѣвако́въ при це́ркви престо́льнои, тихъ опла́чѣвалъ, и искꙋсного для ни́хъ оу̑чи́теля спрова́дилъ, и авы той їстити́ть ни́коли не оу̑ста́лъ, кꙋпи́лъ село́ Новоспа́съ (двѣ мили́ о̑тъ Перемы́шля коло́ Калькарїи) и то́е на оу̑держанье то́го їстити́ства записа́лъ. — Отъ не́го ко́ждый о̑тходи́лъ оу̑доволе́ный, во о̑нъ о ко́ждомъ до́брѣ сꙋди́лъ, никомꙋ не оу̑вайжилъ, ко́ждого че́стно прїи́мала́лъ, а го́рдостїю, котороп его́ се́рдце не зна́ло, никого́ не зразила́лъ, проте ко́ждый, хо́тьвы и не позыска́лъ то́го, чого́ совѣ́ желала́лъ, одна́ко прїёмнымъ его́ прина́тїемъ оу̑ма́тый, опѣска́лъ задоволе́ный поро́гъ пала́ты его́. Кто свѣтли́цѣ и спара́дье его́ пала́ты огляда́лъ, николи не мо́гъ вы по цхъ видꙋ о̑тгада́ти ѣ̈къ досто́йна

осо́ба тамъ ме́шкала. Онъ не люби́лъ зби́тка и выста́вности, ѣкъ также и въ оде́жахъ и стра́вахъ найскромне́йшій бы́лъ. Но хотъ въ до́ма рѣчьми марны́ми велича́ти ся не люби́лъ, одна́ко ѣкъ заходи́ла потре́ба выстѫпити съ оказа́лостїю, то не бы́лъ послѣднимъ въ то́мъ взгляда́ть и трима́лъ пара́дній карѣты и краснїй ко́нѣ, а слѫги выстѫпа́ли въ лїве́рїи. Вступа́ючи на епи́скопство такъ былъ о҃бо́гимъ, же а́нѣ одно́й сре́бриной ла́жки не ма́лъ, а кре́стъ, зна́ма пастырское, кото́рый на грѫдѣхъ носи́лъ, былъ зъ початкѫ зъ по́длого мета́лла и лишь позолоче́ный.

Але въ чѣмъ былъ несрѣбна́ный, то въ доброте́ се́рдца свое́го, кото́рѫ о҃тъ ра́зѫ въ его́ приро́дныхъ, не неволе́ныхъ и не оваѫ́дныхъ че́ртахъ лица́ чита́ти мо́жна было́. Онъ радъ былъ ко́ждомѫ догоди́ти, а безъ надѣи нико́го о҃тъ се́бе не пѫсти́ти; если не да́ткомъ, то вода́й сло́вомъ хотѣлъ ко́ждого задоволи́ти, а ча́сто волѣлъ изъ свои́хъ правъ для дрѫгихъ о҃стѫпи́ти. Если кого́ малъ поправля́ти, то гляда́лъ на то́е найлагодне́йшихъ и найприличне́йшихъ сре́дствъ. То́ю доброто́ю по́дбилъ собѣ се́рдца всѣхъ людїй безъ взгля́дѫ на обра́докъ або и вѣрѫ, всѣ его́ одногла́сно Д҃о́брымъ называ́ли, а если кто, то о҃нъ собѣ заслужи́лъ на и́мя О҃тца́ всѣмъ пра́вомъ. Що бо́льше, тота́ доброта́ се́рдца въ такъ высо́ко́мъ о҃тъ не́го нахо́дила ся сте́пени, же его́ гдѣ́которїи о надмѣрно́сть доброты́ а про то́е и о недоста́токъ енѣргїи обвиня́ли, не могѫчи ему́ ничъ и́ного закиѫ́ти. Но́ддани не ки́дѣли въ нѣмъ свое́го На́на, но свое́го О҃тца́, и не называ́ли его́

никóли йнши́мъ именемъ, лишь Панъóтецъ, а ôнъ послѢ́дною свóею вóлею даровáлъ имъ всѣ́ долги́ и залáглости ци то въ чинша́хъ, ци въ звôжю, ци въ нáницахъ, ци въ йнши́хъ данúнахъ. Особли́во милосéрдными вы́лъ на оу҃бóгихъ и непластли́выхъ. Всѣ́ сѧ до нéго горѣ́ли, не лишь такíи, що по оу҃лицáхъ слѢ́дôвъ егò шукáли, но и такíи, що сѧ ѣ́вно жéврати встыдáли. Кóждый спластливѢ́лый, кóжда вдовá, кóжда сротà мáла до нéго прúстѣнъ вôльный, а ôнъ всѣ́хъ потѣ́шáлъ и цéдрою рѣкóю вспомагáлъ. (Замѣчéнѣ есть достóйными, же колú на пóгревѣ егò ѣ́кáсь невѣ́ста перéдъ дрѣгою сѧ жáловала, що не моглà и кѣснúка сѣкнà изъ трѣ́мны егò на пáматкѣ полѣ́чúти, сказáла ей тáм: на що ти йной пáматки — скóро ти сѧ колú ѣ́сти схóче, прúйдè ти невôжчикъ не гáдкѣ! . . .) Яко óвúе знáный довродѣ́тель зôстáлъ р. 1839 вы́браный на предсѣдáтелъ комíссíи заведéнѣ҃ оу҃бóгихъ въ Перемы́шли, котóрого новúностьми рѣ́вно сѧ занимáлъ и котóрого фóндъ великими даткáми помножáлъ, а нáветь послѢ́дною вóлею свóею много на оу҃множéнье капíтáлъ тóгожъ фóнда ôтказáлъ. Колú шпóлъ до цéркви на набожéньство, а дѣ́ало сѧ тóе кóждой недѢ́лѣ и кóждого скáта, все всуóды ведѣ́чúи до цéркви жевракáми гѣ́сто обсаджéнúи вы́ли. Повертáючи изъ цéркви благословúлъ оу҃бóгихъ, а за нúмъ постѣпáлъ слѣ́дà роздаючú мúлостúню кóждомѣ зъ осôбна. Въ р. 1846, колú велúкúй гóлодъ былъ, собирáло сѧ въ полѣ́дни велúкое мнóжество жевракôвъ кóло егò палáты, где всѣ́ тéплою страво́ю кормлéнúи вы́ли. — Онъ то запровáдлъ такóжъ комíссíю заведéнѣ҃ вдовúцъ и сиротъ по

Свящéнникахъ рѣскихъ въ епáрхіи Перемы́ской и оу̑становúлъ стіпéндіа для 15 оу̑бóгихъ оу̑ченикóвъ съ дóврымъ пóстомъ до шкóлы головнóи въ Перемы́шли ходáчихъ.

Но не шнó пáствѣ егó дýхóвной пóдчиненіи чтúли и любúли егó, óнъ вы́лъ от всѣхъ, котóрїи егó лишь знáли, ꙗкои вздь онúи вы́ли вѣры, высóко пожáжаным и любленым.

Гóстей оу̑ негó полнó бывáло, а значнѣйшіи осóбы переѣзджáючіи черéзъ Премы́шль не опúскали способности пóзнáти тóго всѣми любленого Влады́ку и сложúти емъ своё почтéнье. При кóждóмъ бóльшомъ торжествѣ запрóшъвалъ до сéбе мнóгихъ осóвъ на гостúнъ — оу̑гощáлъ чáсть свóихъ крылошáновъ оу̑ сéбе, и кóждого, кто шнó прúйшóлъ до негó на огладины, чи то былъ пáнъ дóвръ, чи оу̑рáдникъ, чи ꙗкúй заслýжéный свящéнникъ задéржовалъ оу̑ сéбе на обѣдъ. Дúвна рѣчь, же той мъ́жъ при свóемъ почáткóвомъ оу̑кóжествѣ и при не великихъ прихóдахъ а при великóй щедротѣ для оу̑бóгихъ, при знáчнóмъ спомáганю крéвныхъ, при непереставáючóй гостúнности, при великóмъ засúланю фóндóвъ и выдáткахъ на потрéбнїи рѣчи и. п. на свóй книгосбóръ, на запомóгъ писáтелѣвъ, на розлúчнїи складкú и т. п. и наконéцъ при мнóгихъ непрáстныхъ выпáдкахъ и понесéныхъ жéртвахъ мóгъ ещѣ остáвити такъ знáчнъ óтъзмéрившъ, ꙗкъ то по тóлько добродѣйныхъ зáписахъ и óтказахъ вúдно.

Дóлжности свóего пастúрского звáнїа споднáлъ сóвѣстно и съ великою рéвностїю, а пéрвшою, що на нѣмъ, ꙗко на Ярхіерéю въ óчи впадáло,

бы́ла его́ побо́жность: не щади́лъ о́нъ жа́дного выда́тькъ, кото́рымъ бы мо́гъ къ увя́лѣ Бо́жьей са причини́ти, окраша́лъ и бѣнова́лъ церкви, стро́го заво́бзвалъ церко́вни обра́ды, наблюда́лъ и оу̑правляна́лъ пора́докъ Богослу́же́нїа и два́лъ о полъ́чшенье до́лѣ Свящєнничества, во увя́ла Бо́жа и добро́ всѣхъ его́ па́ствѣ врѣ́ченыхъ лежа́ли емъ̀ предъ̀всѣ́мъ на се́рдци. Правле́нїемъ свои́ епа́рхїи ре́вно са занима́лъ, працю́ючи день и но́чь надъ ей справа́ми и выдаючи всѣ потре́вни роспоряже́нїа. Отправля́ючи канони́ческій посѣще́нїа не ба́чилъ а́нѣ на зась увя́лю, а́нѣ на зась доре́гъ — ко́ждъ це́ркокъ, не шно́ ма́терню но и до́черню огляда́лъ, въ всѣ потре́вы ихъ и ¹залѣ́житости зазира́лъ, приложа́нокъ высъ̀гова́лъ, до́брыхъ па́стырей ували́лъ, злы́хъ оу̑поминя́лъ, карта́лъ а въ потребѣ и кара́лъ; на обычайность приложа́нъ дъ̀же ба́чилъ, дѣтїй катихи́змъ сазгалъ, школа́рѣвъ выпытова́лъ, до́брыхъ то гро́шми то образка́ми нагорожа́лъ; всѣ́, чого́ была́ потре́ба, роспоряжа́лъ, ра́ды оу̑дава́лъ, сло́вомъ, всѣ́ покійности свя́таго зва́нїа со́вѣстно исполна́лъ.

Самъ на́вки и нескъ̀ства дъ̀же любилъ, и ско́ро лиш часъ ма́лъ, чита́лъ пи́сьма повременны и йни книги пожито́чни, скъ̀новалъ цѣка́вни книжки особли́во оукодя́чни рѣскїй наро́ду, краснописы, образы, моне́ты и т. д. собра́лъ велїкїй и кра́сный книгосво́ръ, кото́рый на бїбліо́текъ сово́ра Крилоша́нъ запеса́лъ и оу̑чредилъ фо́нду на поволъ́шенье того́ книгосво́ра. Оу̑чени горнъ́ли са до не́го, и надсыла́ли емъ̀ свой рово́ты: о́нъ къ̀новалъ и почѣ́стни датки щедрою рѣко́ю оу̑дава́лъ, всѣмъ оуго́ты додава́лъ, нѣкото́рїи пи́сьма власти́мъ

выдáткомъ печатáти давáлъ, и былъ для писáтелѣвъ правдúвымъ а на той часъ едúнымъ меценáтомъ! . . . Говорúлъ язы́комъ рⷭскимъ, пóльскимъ, нѣмéцкимъ, латúньскимъ и францⷭзскимъ, а въ грéческóмъ и въ такúхъ звáныхъ костóчныхъ язы́кахъ, ѿкъ и въ старослове́нскóмъ дⷭже вирáвный былъ. Не опⷭскáлъ такóжъ жáдной спосóбности пожитóчной для просвѣщéнія нарóднаго и для тóго съ оутóтою кнúлъ прáко на книготискáрню. Яко любúтель наукъ прiáлъ на сéве Дúректорáтъ фiлософúческаго наукóваго заведéнія въ Перемы́шли. Съ оучéными и знакомúтыми мⷭжáми зостававáлъ въ писéмныхъ сношéнiяхъ.

Цѣсарю былъ вѣрнымъ и Его правúтельствⷭ прихúльнымъ, про тóе ѿкожъ и для скóнчъ заслⷭгъ рóкⷭ 1843 полⷭчúлъ санъ тáйного совѣтника Его Величества и одержáлъ тúтⷭлъ Преосуводúтельства съ великою рáдостiю цѣлóго рⷭского нарóда; самъ далéкiй былъ отъ всякого величáнія, все въ покóрѣ оставáлъ, и мúмо своего достóинства и чéсти, ѿкⷭ оу всѣхъ мáлъ, часто чⷭжóй гордости оустⷭнáлъ; но такóжъ за тóе отъ всѣхъ высóко чтéный и úскренно любléный былъ.

Ѿкъ сáмъ былъ Рⷭсиномъ дⷭшéю и сéрдцемъ такъ и орⷭскⷭ нарóдностъ ѿкъ найбóльше дбалъ. Всё, що рⷭское, найбóльше го оуводúло и наймúлшимъ мⷭ былó, для того рⷭскихъ писáтелѣвъ дⷭже любúлъ, оутóты имъ додавáлъ а за поскащéнiй совѣ дбла, все пéдро имъ дарúлъ. Цѣлкúй Двóръ Его и вся слⷭжба съ нимъ и мéжи собóю по рⷭски говорúли; по рⷭски розмовлáлъ съ свóими всѣми слⷭгáми, гдѣ та где въ гостúнѣ на дворáхъ пóльскихъ панóвъ находúлъ.

О своéй родúнѣ дѣже тáмилъ, мáтери вкъ зъ Кѣдна, вѣдѣчй ещѣ сотрѣдникомъ а потóмъ парóхомъ, грóшй посылáлъ, такъ ю вѣдѣчй и епúскопомъ не шю спомагáлъ, но и до сéве ю взáвши велúкѣ о нéй малъ старáнностъ. Всѣ крéвнїи, хотя и найдáльшїи, находúли оу нéго притѣлокъ и помочь.

Съ славáми лáгодно и ласкáво са обходúлъ; но и тїи вкúли до нéго дѣже привáзанымй и весенчéнства его всегда шильновáли. Якъ о всѣхъ, такъ и о нúхъ не завкúлъ онъ при нúсанiю свóи послѣдной волѣ.

Зякúло мéшкалъ въ Перемúшли; а прáцами свóго звáнїя такъ рéвно са занимáлъ, що часóмъ хоть недѣжúй, не оухúлялъ са отъ свóихъ повúнностїй, а и на постели грáммоты консúсторскїи подúписовалъ и посвящéнїя въ справахъ епáрхїальныхъ прїймáлъ. Для здоровя и розрывки выѣздúлъ повозомъ за мѣсто, а тамъ вúсѣвши, трóха пѣшки похóжѣвалъ.

Цѣлé его житькé вúло везъ змáзы, пóлное трѣда, богáтое въ заслѣги и довродѣянїя, слѣчене съ всáкимъ пожертвóванькемъ са для повúнностїй стáнъ свóго. На оудостовѣрéнье сего лúшь одúнъ примѣръ най послѣжитъ: Колú въ р. 1831 холéра по пéркшїй разъ въ Перемúшли са появúла, и жúтелей мѣста такúмъ страхóмъ навáвила, же кто шю мóгъ, изъ Перемúшля оутякáлъ, що и пѣкотрїи зъ кáпра дякáли, онъ везъ вóязни остáлъ са на свóемъ мѣстци, оукоряючй дѣже тихъ сващéнникóвъ, котрїи въ увúлахъ пожертвóвана такъ славóго оказáли са дѣха, а додаючй отвáги тымъ, ко-

трїи сѧ поспо́лꙋ съ нимъ на сво́ихъ оста́ли мѣ́стцахъ.

Вносячи зъ его́ здоро́вѧ и силъ и зъ его́ крѣ́пкости, во рѣ́дко коли́ славова́лъ, мо́жна сѧ бы́ло ѣ́къ найдо́лшого житѧ на́дѣѧти; тимъ ча́сомъ Богъ шя́кше сꙋдилъ! Въ 63 ро́цѣ житѧ сво́го мꙋ́сѣлъ лишити винограда́ Христо́въ и праща́ти сѧ съ лю́бымы овечка́ми свойми. Дня 24. Ве́ресня 1847 по недо́лго́мъ але волѣ́стно́мъ терпѣ́нїю зако́нчилъ свое́ по́лное че́стности и дѣ́ятельности житьѣ́. Вѣсть найсꙋмнѣ́йша розлетѣ́ла сѧ шкѣ́дкостїю мо́литви по мѣ́стѣ и цѣлой окре́стности; а не бы́ло се́рдца (безъ взгля́дꙋ на вѣ́рꙋ, ста́нъ или и́нши свойства осо́бъ) кото́рое бы сѧ тимъ смертѣ́лнымъ гро́момъ не чꙋ́ло ражѣ́нымъ, кото́рое бы цирого не почꙋ́ло жалю́ и хоть одно́и не оу́рони́ло слезы . . . вожь то и о́нъ ко́ждомꙋ осꙋша́лъ сле́зы, кто сѧ лишь сплакнѣ́лъ до не́го. Незава́комъ зо́йкнꙋли всѣ зво́ны це́ркви престо́лькои и всѣхъ про́чихъ церко́въ Перемы́скихъ найплачли́кшимъ зꙋ́комъ и рознесли́ по возду́сѣ найволестнѣ́йшꙋ вѣсть для се́рдца рꙋ́ского. Гꙋкъ зво́но́въ розлага́ючїй сѧ серѣ́дъ оу́лицъ мѣ́ста всѣ́ прилꙋша́лъ, но жалю́ и то́ски се́рдецъ чꙋ́ствѣ́нныхъ не мо́гъ прилꙋ́шити. Жа́денъ еще́ по́хороно́въ въ Перемы́шли не склика́лъ тако́го мно́жества досто́йнико́въ дꙋхо́вныхъ, цивїльныхъ и войско́выхъ, обыва́телѣвъ горо́дскихъ и се́льскихъ всѣ́кого вѣроисповѣда́нѧ и овра́да ѣ́къ по́хороно́въ Іоа́нна. — Овїй розлага́лъ сѧ го́лосъ изъ всѣ́хъ оу́стъ: Ахъ, велика шко́да того́ челове́ка!

Тѣло тóго велíкого мѫ́жа слóжено посерéдъ его̀ овéцъ на всеóбщемъ клáдвищи, бо такà вы́ла вóлѧ его̀.

Долго̀ вспоминáли его̀ всѣ и жáловали за нúмъ, — но дѣлà его̀ въ найпóздиѣйшiи часы́ промóвлятъ и вѣдѣ́тъ славúти его̀ — а благодáрне сéрдце рѣске зачовáе пáмять о нѣмъ о̂тъ рóда въ рóдъ.

Іосифъ Лозиньскiй.

126.

Іóсифъ II. яко орáчъ.

Дáвными часы́ бráно то за жáртъ
Ежли кто мóвилъ: „рáбникъ мнóго вартъ.“
Хоть жúли зъ пóту всѣ его̀ чолà
Но уважáли лúшь якъбы волà,

Котрúй до нóчи о̂тъ сѣрого рáнку
Тя́гне и двúгатъ ярмо̀ безъ устáнку;
И такъ то всю́да немаль кóждый рóльникъ
Давно̀ колúсьто былъ úстый невóльникъ!

Ажъ Мáрья Терéса, слáвна царúця
Якъбы тенлéнька, небéсна росúця
Згнетéныхъ селя́нъ житьѐ пóдкрѣпила
И цáрскимъ слóвомъ зъ рáбства увóльнúла.
А хотячи всѣмъ я́вно показáти
Якъ то рóльника трéба оцѣнúти,
Воспúтовала такъ всѣ свои́ дѣти,
Абы завсегдà за найкрáсшiи цвѣты
На нúвѣ Цáрства рольникóвъ держáли,
И такъ, якъ дóлжно, стáнъ ихъ почитáли.

Іóсифъ, наслѣ́дникъ дѣлъ Ѥго велúкихъ —
Той истребúтель спустúзнъ времéнъ дúкихъ —

Говори́лъ зъ ча́ста: „що и селянинъ
Не сто́итъ ме́ньше, я́къ вся́къ дворянинъ,
А чимъ з б р о́ я для ца́рскои коро́ны
Тимъ есть и плу́гъ для житя́ захоро́ны!“
Но дѣломъ вще́ хотячи ствердити,
Якъ ду́же зна́е ро́льництво цѣни́ти,
Дворя́намъ свою́ разъ объявилъ во́лю:
Щобы́ съшилѝ ся ра́но въ чи́стомъ по́лю
Всѣ князѣ, граѳы, ры́царѣ, маґна́ты
И нѣжни́ да́мы зъ ца́рскои нала́ты. —
Су́нутъ цѣка́ви роёмъ туда́ лю́де,
Ко́ждый пыта́е: що то такѐ бу́де?

Но хви́ли Цѣсарь самъ нѣшки прихо́дитъ,
Где плу́гъ уже́ съ всемъ запря́гомъ находитъ —
На всѣ ся бо́ки склони́вши мили́нько
Гне́ть приступа́е до плу́га живе́нько,
И ста́лъ ора́ти . . . и орѐ безъ хи́бы . . .
Єдну́ я́къ дру́гу — кладѐ ро́вно ски́бы —
Потому́ сѣе зе́рно золоти́сте,
Весны́ надѣю — ме́че въ по́ле чи́сте!!
И тѣмъ да́лъ смо́трцямъ зъумѣлымъ нау́ку:
Що че́стне дѣло, на кото́ре ру́ку
Не погнуша́лъ ся самъ Ца́рь положи́ти,
И такъ я́къ ски́петромъ — и́стикомъ владѣти.

Сѣяни́ зерна́ ца́рскою руко́ю
Въ се́рдцяхъ наро́да чу́диною поро́ю
На вѣчни часы́ ко́рѣнь запусти́ли,
И ди́вно кра́сну цвѣтку у́роди́ли,
Котру́ нѣ моро́зъ, нѣ спе́ка, нѣ ту́ча,
Бу́ря, нѣ полна́ жесто́ко ревуча
Не зничитъ, а́нѣ вы́рве изъ ко́рѣня;
Бо на зажи́вокъ т а к о́ г о насѣня
Нема́ нѣ сре́дства, нема́ нѣ спосо́бу;
Бо цвѣтка та́а ростѐ изъ за гро́бу!

„Безсмéртникъ“ нáзва éсть ей властúва,
А ей вонú: „Благодáрнóсть живá.“

В. К.

127.

Чарвючíй господáрь.

На старóго госпóдаря, котрúй изъ свóихъ малúхъ загóновъ вóльше свирáлъ, ѣкъ мнóгіи úнші изъ великúхъ, просторóшныхъ лановъ, занеслú лъкáкій сосѣды жáловъ, що úхъ всѣ звóжке изъ úхъ лановъ на своѐ пóле чарѣе.

Старúй госпóдарь стáлъ перéдъ сѣдомъ, но не завѣлъ съ совóю взáти своїо сúлъ, здорóвъ и дóвро приодѣтъ чéлядь, свой дéрзкій воронакúй и толстúй волú, свой мóцній плúги, тáжкій мотúки и всѣ прóчій до óбрáвы пóля слúжачій орѣдя и сказáлъ: „То сѣть мой чáры, а-еслú хóчете вúдѣти ѣкъ ѣ чарвю, то вставáйте до всходу сóлнца и придивлáйте съ черéзъ цѣлúй день до пóзднои нóчи, ѣкій пóти изъ мóго чола менѣ съ завѣдно лѣ, ѣкъ ѣ обходжъ моїо чéлядь и моїо ходóвъ, то чейже не вѣдете менѣ сюдá вóльше позывáти и менѣ часъ дорогій гайти.“

Óдя похвалúлъ трѣдолюбúкого госпóдаря а лѣнúвій сосѣды лишúвши съ свóго лѣнúвства лишúли съ такóжъ завовóвъ и клеветáня.

В. К.

128.

Иванъ Швыдкій.

Ой робивъ то Иванъ Швыдкій отъ рана до ночи,
На корчмиска, пятыку не змерцулъ онъ очи:
Гнойлъ, копалъ, садилъ, сушилъ колько силъ му стало,
За то у него чимъ разъ больше добра прибувало.
Поле его якъ огородъ справленое красненько,
Хата садомъ обведена якъ вѣнцёмъ миленько:
Комашцѣ тожъ достаткомъ мала ходобина
За то красно выглядала якъ въ дѣсѣ зверина.
А у него скриня була полна якъ набита,
Була одѣжъ, було шматье и всяка монета:
Всѣ го чтили, понажали, всѣ го величали,
И многій господарѣ въ слѣдъ его вступали.
Давно уже Иванъ Швыдкій розсталъ ся съ симъ свѣтомъ,
Но все память о нѣмъ цвите, а все краснимъ цвѣтомъ;
Бо днесь кажуть господарѣ: „ще такъ може бути,
Кто но щиро до роботы хоче ся нагнути!“

Левъ Трещаковскій.

129.

„Псалмы Рѣславскій“.

I.

Кто съ Богомъ, Богъ съ нимъ, моляхъ людѣ нашій и добре моляхъ; бо кто, яко Богъ? — Бо цѣрати съ тобою бѣдятъ люде и станятъ тя сѣдйти сосѣды, и братъ твой скаже: „нѣтъ менѣ брата!“ и отецъ твой скаже: „не маю сына!“ а матерь твоя назвѣ тя гадиною, сынъ

твой двигне рѣкѣ на тебе, а своякй твой кыречѣтъ са тебѣ и вержѣтъ на та сором, и неславйти та станѣтъ далеко и широко, во не оугодйлъ есь ихъ лихой воли . . . але ты не жърй са, не вдавай са въ розпѣкѣ, во кто ѣко Богъ? — Той, що велѣлъ нечомѣ зродити свѣтъ, велйчное сонце и мѣсяць и тьмы звѣздъ, що велѣлъ темноте перекйнѣти са въ свѣтло, зъ котрого долонѣ сверкнѣли огнѣ и оударили воды, котрого невйдоме око видитъ гадкй дѣшъ нашихъ, котрый спрагъ совою безначатокъ и безконецъ, котрого сердце всемѣ свѣтѣ сердце, а воля гаразд всѣхъ вѣковъ и всѣхъ сторонъ щастье, той съ тобою — Богъ съ тобою

II.

Велйкйй есть Богъ и велйке йма Его! Зъ небесъ на землю, отъ конца до конца свѣта простираѣ са воля Его; все, що подъ солнцемъ и кышше солнца, въ свѣтѣ и за свѣтами, розгомоное мѣдрость безначальнѣ и безконечнѣ Его; а передъ сею мѣдростйю маринца всѣ мѣдрости нашйи, ѣкъ крапля передъ морем, ѣкъ червйна передъ велитомъ, ѣкъ годйнка передъ вѣками. Мѣдрость и воля Его сѣть двое и едно, ѣкъ дѣша и мысль ей, поломѣнь и огень. Мѣдрость та съ свѣтови то, що вода рывѣ, що воздѣхъ людемъ, що надѣа сердцю человѣческомѣ, возьмй то е и погйвне сіе. Гордйшь са, человѣче оумомъ твойм и розѣмомъ твойм, ѣкъ день свѣтломъ завѣвши на солнце, ѣкъ въ подѣвѣ корона пакшымъ пѣркемъ; гордйшь са и кажешь: нѣтъ Бога! — то и тебѣ нѣтъ!! — сонъ

есь и мáра, а твоѐ и́мя вѣ́терь на степáхъ Оу́краины, а мы́сль твоѝ дымъ и зáворотъ, а житьѐ твоѐ житьѐ камѣ́ня въ земли́ глубо́ко, а надѣ́я твоѝ и́мъ пѣ́на на во́дахъ, и не ли́шитъ ся по днѣ́хъ тво́ихъ слѣ́дъ. Мракѝ огорта́ли та по сѣ́мъ, и темнотà го́рькà налáже на та по то́мъ во́цѣ, во Богъ хотѣ́лъ, щовы́сь свѣ́тъ ви́дѣлъ; а ты въ по́тьмѣ влюви́лъ есь ся — и въволи́тъ ся ти ко́ля твоѝ.

III.

Вѣ́ра сердца мо́го и́къ Бескы́дъ твердо постановúла ся на любвѝ. — Смѣ́токъ твóй зны́дѣе, а рáдость слѣ́дъ его́ позмѣтáе, а сѣ́мнà по́лнóчь вѣ́де и́нымъ полудня́мъ, и возвеселúшь ся, а о́ко твоѐ завлыщúтъ зо́рничкою въ вѣ́рнóй по́тьмѣ житà твóго и огóрнешь ся зорéкою сви́тою ти́хомúра и лѣ́нае надъ товóю ми́лость Бóжа, во надѣ́я изъ сердца твóго не оу́текла — во кто и́ко Бóгъ!

Сполóшишь ми дóлю и проженешь щáстье, день ми споморочишь и свѣ́тъ ми запáде, нѣ́ждою ма оу́дáришь и нашлéшь ми злы́ дни, свѣ́тъ ми снѣ́стѣе и имѣ́ ворогвáти, зны́дѣе рáдость и плáчъ ма огóрне, тѣгà ми рáнкомъ и кечерóмъ жѣ́рвà, и нóчь ми несонна и горювáньe съ сóлнцемъ, вы́ркешь ми óчи и дѣ́шѣ ми вы́ркешь: а не вóзьмешь мúлости и вѣ́ры не вóзьмешь, а не вы́дрешь любвѐ и вѣ́ры не вы́дрешь. . . .

Вѣнóкъ.

130.

Два скѵпцѣ.

Одинъ скѵпе́цъ въ мѣстѣ К$фѣ довѣдалъ сѧ, що въ Бассо́рѣ находитъ сѧ такій скиѵра, до котро́го емѵ вы еще́ до шко́лы ходи́ти. Идѣ про́сто до Бассо́ры и ѹ речѐного скиѵры-ѹчи́телѧ представлѧе себѣ ѩко ѹчнѧ въ искѵствѣ скиѵрства оказѵвающій своѐ желанїе стати сѧ подъ его рѣководствомъ совершѐнным. „Добре!“ сказалъ скиѵра Бассо́рскій, „пойдѣмъ за́разъ на то́ргъ кѵпова́ти жи́ностїй, во трева́тебѣ ѩко́сь ѹгости́ти.“ Пойшлй ова́ до пекаря и пыта́ютъ сѧ: „А ма́ете до́брый хлѣбъ?“ „„До ва́шихъ ѹслу́гъ есмъ гото́въ,““ сказа́лъ пекарь, додаючій: „„ѹме́не хлѣбъ свѣжій и мягки́й ѩкъ ма́сло!““ — „Самъ ви́дишь, дрѣже!“ сказа́лъ Бассоржиніи до К$фїанина, „що ма́сло есть лѣпше ѩкъ хлѣбъ, и мы про то́е сдѣла́емъ лѣпше, сли накѵпимо ма́сла мѣсто хлѣба“ — Пойшлй до крамни́цѣ и запыта́ли сѧ: „ци мо́жъ тѣ до́стати до́брого ма́сла?“ — „„До ва́шихъ ѹслу́гъ мой пано́не!““ сказа́лъ кра́марь, „„моѐ ма́сло свѣже и вкѵсне моѣ олйва найлѣпшого со́рта!““ — „Ѣшь“ сказа́лъ госпо́дарь до го́ста, „найлѣпше ма́сло рѣзни́ѧе сѧ олйвѣ, котра́ о мно́го ма́е превосходи́ти ма́сло — цижъ не лѣпше кѵпи́ти олйвы?“ — Тепе́рь пойшлй до олѣйшика: „Есть ли ѹ ва́съ до́вра олйва?“ вопроси́ли. „„Ѩкъ найлѣпша; чистѣсѣнька гейбы водйца!““ ѿтповѣлъ олѣйшикъ. — „Я! а! сказа́лъ скиѵра Бассо́рскій до скиѵры К$фскаго, то такйм способомъ есть вода́ найлѣпша стра́ва . . . . И ма́ю въ до́мѣ по́лный

стака́нъ, свѣ́жа и чи́ста мовь кришта́лъ, о́тожъ тебѣ́ почестю́ и о҃тцю́!!!“

И въ йстѣ повери́вши домо́въ не поста́вилъ пере́дъ ско́го го́стя ничъ и́ного, ѣ́къ рече́ный стака́нъ съ водо́ю, поне́же, ѣ́къ са переск҃дчи́ли, кода́ лу҃чшою и бо́льше заукале́ною была́ ѣ́къ оли́ва, оли́ва ѣ́къ ма́сло, ма́сло ѣ́къ хлѣ́бъ. Отходячи́ сказа́лъ скиѵ́ра Кѕ҃фскій: „Бо́гъ да́кокати, цо не дарѣ́мно ходи́лъемъ до Бассо́ры, вомъ са научи́лъ чого́сь осно́вно;“ — а повери́вши до Кѕ҃фы жи́лъ по всѣ́мъ прави́лямъ совершѣ́нного скиѵ́ры.

Лю́де роска́зовали, цо хотя́ коро́тко былъ на пра́ктицѣ, превосходи́лъ одна́кожъ сво́го о҃чи́теля скиѵ́рꙋ зъ Бассо́ры.

В. К.

131.

О лу҃нѣ (мѣсяцѣ).

Лу҃на́ обхо́дитъ зе́млю по повѣ́йшемꙋ числе́нїи въ 29 днеу҃ъ, 12 годи́наъ и 42 мину҃тъ и то о҃тъ за́пада къ восто́кꙋ. Сѣ́ мини́мое движе́нье о҃тъ восто́ка къ за́падꙋ произхо́дитъ о҃тъ оборо́тꙋ землѣ́ около́ сво́ѣ о́си. Лу҃на́ есть те́мнымъ шаро́мъ и освѣча́е са со́лнцемъ и землёю, такъ ѣ́къ о҃тъ не́ѣ отража́ючое са свѣ́тло со́лнца освѣча́е но́чїю на́шꙋ зе́млю. Земла́ на́ша представа́е са жи́телямъ лу҃ны 16 разъ бо́льшимъ свѣта́чнымъ са кръ҃жко́мъ ѣ́къ намъ лу҃на́. Лу҃на́ представа́е са намъ въ розли́чныхъ перемѣ́наъ. Мы ви́димъ лу҃нꙋ то въ ви́дѣ „се́рпа“ то въ ви́дѣ „по́лного окръ҃га.“ Тїи ви́ды лу҃ны произхо́дятъ о҃тъ

того, же она при оборотѣ около землѣ бываѣ къ розныхъ мѣстцахъ относительно солнца, то передъ землею, то по за землею, то по сторонамъ. На „новю“ бываѣ ей сторона освѣщена солнцемъ невидна, а къ земли обернена только темна ей сторона, котра полъчаѣ свѣтло свое отражаючое съ отъ землѣ. Постѣпаючи далше къ лѣво лъна мало помалъ обертаѣ намъ свою свѣтлъ сторонъ и черезъ 5 дней начинаѣ видѣти съ на подобїе „серпа.“ Тогда говорятъ, що „мѣсяць настал.“ Съ кождымъ днёмъ серпъ грѣбѣе. Въ 7. дней идѣ лъна о только, що намъ видна ѣстъ полокйна ей свѣтлои стороны, и тогда она есть къ „перкой четверти“ свои пѣти. Потомъ лъна обертаѣ къ намъ ещѣ четвертъ часть свои свѣтлои стороны и представлаѣ съ „съ горбомъ къ костокъ.“ — По 15 днёхъ посла нока приходитъ она на половинъ свои пѣти, и тогда вся свѣтлая сторона обернена къ земли или „подполна“ — Посла подполна начинаѣ „оу̃перва“ лъны. Она оттертаѣ отъ землѣ свѣтлъ свою сторонъ, котора все оу̃меншаѣ съ, ѫкъ къ перкои 15 дней повольшала съ И посла „подполна“ становитъ съ „съ горбомъ къ западъ“, потомъ бываѣ къ „послѣдной четверти“ свои пѣти — и все оу̃тончаѣ и представлаѣ съ ѫкъ серпъ, а когда прїйде къ прежномъ мѣстцю, отъ котрого начала свою пѣть, то стаѣ съ невидимою (новолъніе или нокъ.) —

Отъ землѣ на противной солнцъ сторонѣ всегда падаѣ тѣнь и тагне съ за землею, ѫкъ и наша тѣнь. Такъ и оу̃ лъны. Одна сторона свѣтла, а по дрѣгой сторонѣ тагнесъ отъ неи тѣнь. Если лъна видѣ въ земнюю тѣнь то пронзходитъ

„затмѣніе лѣтнее.“ Оно бываетъ тогда, когда земля проходитъ прямо между солнцемъ и луною заслоняетъ отъ луны солнце. Если же земля проходитъ сквозь тѣнь падающую отъ луны, тогда бываетъ „затмѣніе солнечное“ — понеже луна заслоняетъ намъ солнце. Лѣтнія затмѣнія бываютъ чаще. Рѣдко бываютъ затмѣнія „полныя“—частѣйше же „частковыя.“ Затмѣнія солнечныя случаются сначала къ времени новолунія а тамтыя (лѣтнія) къ времени полнолунія. Когда произойдетъ „полное затмѣніе солнца“ то среди дня бываетъ темнота и на небѣ видно звѣзды. Луна затмѣваетъ съ востока стороны. Полное затмѣніе солнца можетъ продолжатися только черезъ $7^1/_2$ минутъ.

Луна есть спутникомъ нашей землѣ, движется около нея и съ нею къ сгу солнца. Она есть кълею $49^1/_{10}$ разъ меншою отъ земной кълы. Къ поперечницѣ маетъ 474 мили, или 4 разъ меньше яко земля. Ей поверхность выноситъ 706,000 квадратныхъ милъ или третью часть сыши нашей землѣ. Поровнявши съ солнцемъ, то вылобы изъ того 63 миллионовъ лунъ. Однако она видается такъ великою яко солнце по близости своей къ землѣ. Она отдалена отъ средоточія нашей землѣ на 52,000 миль. Паровый возъ съ 4 милевою скоростію къ годинѣ потревожалъ бы летѣти къ ней 500 дней. Между нею и землею помѣстилобы съ 30 земныхъ кълъ. Солнце же занято бы все сіе пространьство и еще оно по за луну и по за землю сагалобы за кождой стороны премногими тысячами миль дальше. Къ своему обороту около землѣ летитъ луна къ годинѣ 500 миль и то къ одномъ годѣ 13 разъ. Къ обороту же своему съ

землéю въ крꙋгъ сóлнца летúтъ онà въ годúнѣ 14,800 мúль.

На лицѣ сѣть прекрáсныи гóры и прострáнныи долúны и такóжъ мóже бúти водà, хотáй нѣсть океáновъ.

М. Малиновскій.

132.

Танный обѣдъ.

Дáвна то есть прúповѣдка: „же кто пóдъ дрꙋгимъ ꙗмꙋ копáе, самъ найчастѣйше въ тꙋю впадáе“ — однáкожъ Налúвайко, гостúнникъ мѣста И. былъ оу́жѐ прéжде въ нéй. Бúло то въ самꙋ обѣдꙋ порꙋ, колú прúйшолъ ꙗкúйсь дóвре оу́прáный гóсть до егò гостúнницѣ и жадáлъ дóброго росóлꙋ за свóю грóши. Пóслъ тóго жадáе дóброго мáса и ꙗрúнки за свóи грóши. — Гостúнникъ вопросúлъ свóго гóстя, ци не роскáже совѣ дáти дóброго вúна? „И для чóгожъ нѣ“ отвѣтúлъ незнакóмый гóсть, „скóро морꙋ за мою грóши чогò дóстáти бóльше! а сли чогò лꙋчшого, то тѣмъ рáдше!!“ — Нашúвши съ по обѣдѣ подáного совѣ вúна вытягнꙋлъ изъ кешéнѣ вúтертого шестакà и кáже: „Пáне, гостúнникꙋ! тꙋ вáшии грóши!!“ — Гостúнникъ: „„Я тóжъ цо мáе значúти? Тáже вы нагѣлисте и напúлисте за цѣлóго тáлара!““ — Гóсть: „И прéцѣнь не жадáлъ за тáлара ѣсти и пúти, но за мою грóши. Хóчете, то вертѣтъ совѣ мою грóши. Бóльше не мáю; а сли за мою грóши за мнóго менѣ дáлисте, то въ тóмъ есть Вáша винà.“ — Такà бѣсѣда не моглà никóго дивовáти, кто пóзналъ въ тóмъ гостú безвстыдного обмáнщика, котрый не дꙋже дбалъ, ꙗкъ сь

емꙋ его̀ штꙋка вꙑплатитъ. — Но що сѧ ста́ло да́льше? „„Вы естѐ скрꙋтна́вый прои́дискѣтъ““ сказа́лъ гости́нникъ до го́ста, „„и заслꙋжи́листе на до́бре поче́стне; но и̃ Вамъ дарꙋю цѣлы́й овѣ́дъ а до того̀ въ додато́къ ещѐ два́дцать четы́ри кра́йцаро́въ, авꙑсте сѧ такъ са́мо спра́вили и оу̃ мо́го сѣсѣда Заливайка.““ — Тоѐ для того̀ мо́кнулъ, поне́же сѧ свои́мъ сосѣдою жилъ въ несго́дѣ, и за́видовалъ емꙋ ко́ждого ше́люга — а ско́ро сѧ ѥ̃ка̀ спосо́бность приключи́ла, дѣла́лъ оди́нъ дрꙋгомꙋ всѧки́и нсо́ты. — Но хи́трый го́сть взялъ одно́ю рꙋко́ю гро́ши, а дрꙋгою смотри́лъ кла́мки оу̃ две́рій, попрацѣ́лъ красне́нько гости́нника и ста́вши въ две́рѣхъ сказа́лъ: „Па́не гости́нниче! до Ва́шого сѣсѣда Заливайка не ма́ю потре́бы итѝ, во кла́сно ѣ̂нъ а не кто и̑ншій менѐ до вася̀ спра́вилъ!“ — Таки́мъ дѣ́ломъ вꙑвелъ овохъ въ по́ле, зыска́вши изъ овохъ.

Наливайко оу̃ви́дѣлъ, ци за́висть и нена́висть ближнѣ́го не прино́ситъ правди́кого пожи́ткꙋ, но за́всѣды шко́дꙋ. Помири́лъ сѧ сѧ свои́мъ сопе́рникомъ Заливайкомъ, и ова̀ до́бре на то̂мъ вы́йшли: во сго́да кре́питъ и оживля́е, а несго́да слави́тъ и разоря́е.

В. К.

133.

Домовѐ житьѐ Граничаре́въ.

(По́для Гиценгера.)

Въ войско́во́мъ Пограни́чю жи́ютъ ча́сто мно́жаи поколѣ́нѧ ра́зомъ въ одно́мъ и то̂мже домꙋ, дѣ́дъ, оте́цъ, сы́нъ и внꙋкъ въ многора́ко́мъ повѣ́чно́мъ розгалꙋзе́нію. Цѣла̀ родина (домова̀ ов-

щина) есть непосредственно подчинена господарев; однакожь и полнолѣтніи мужчины въ домѣ маютъ голосъ при овладѣ надъ кажными родинными залежитостьми. Окромъ господаря веде господиня внутренное господарство и маѣ надзоръ надъ женьскими членами родины. Такимъ способомъ откреплаѣ са межи часто численными жителями домѣ порадокъ и согласіе, а патріархалніи обычаѣ и звычаѣ отвеспечаютъ старости почитанье и послушеньство. Не въ всѣхъ однакожь граничарскихъ домахъ есть спокой и добра сода — а дже часто, особенно, сли не каже вилзке покревеньство, може лишь роздѣленье родины привернути спокой.

Тагаръ домокого господарства лежитъ преимущественно на женщинахъ, межи которими молодшіи найтажшіи роботы справлютъ. Земледѣльство, скотокодство, пѣлична и громадска робота занимаѣ мужчинъ, однакожь не безъ помочи изъ стороны женщинъ, которіи въ часѣ войны часто такожь и того труда са подшимаютъ. Въ домѣ однакожь радятъ всюды оніи саміи; тѣ варятъ оніи, молотятъ, прядутъ, ткаютъ, шиютъ, красятъ и гафтюютъ; выправлаютъ кожи и роблятъ всю одежь для мужчинъ, дѣтій и для себе такъ що до матеріи йихъ и що до крою. Въ Славонїи опредѣлаѣ са на загонахъ лѣнаныхъ кождой женщинѣ и дорослой дѣвчинѣ особна часть поземіла, изъ котрого позыскати маютъ лѣнъ на полотно. Тѣ власнѣ дѣлятъ помежи себе женьскіи особы подла чѣрги роботы днѣвнїи. Там, котрои тыжденъ (радъша) варитъ, доитъ, кормитъ и т. д. Въ заможнѣйшихъ ро-

дѝнахъ мáе кóжда радѕша свою окремѣшнѕ льнáнѕ вѣлѝзнѕ, котрóю стóлъ накрывáе. Кáжною ровóтою дѣвчáтъ есть къ прóчемъ прилагоджѕвати совѣ вѣно (носáгъ). Не оу̑томѝмо оу̑потреблáютъ женщинѣ къ Погранѝчю кóждѕ увѝлю къ полéзномѕ занáтїо, и чáсто оповѣдáютъ съ келѝкою похвáлою, ѣкъ не однá мáти идѕчи къ пóле или къ винограду, пóдчасъ найвóлышои спекотѣ, несѐ немовлáтко на головѣ или закѝнене къ пеленáхъ на плечи, и при тóмъ ещѐ прадѣ. Я хотя той жéньскій пóлъ къ Погранѝчю такъ есть богáтый къ домовѝи довродѣтели, и такъ мнóго причинáе са до народного блáга, то однáкожъ не выкáе ѳнъ къ мѣрѕ заслѕгъ своѝхъ зъ стороны мѕжéй цѣнéный и почитáный.

Ѣкъ прóстое есть строéньке домѳ̑къ, такъ прóстое есть такóжъ и домокóе снарáдье. Келѝка пѣчъ завирáе знáчнѕ чáсть свѣтлѝцѣ. Прóчое мѣстце заполнáютъ по вóлышои чáсти высóкіи лóжка, котрїи сѣть кѝстеленїи сѣнникáми и кóцами, а оу̑ заможнѣйшихъ такóжъ подѕшкáми и перѝнами. Къ мѣстцахъ, где кóло дóмѕ нахóдатъ са вѣды до спáня, мáютъ лишь госпóдарь и господиня лóжко къ свѣтлѝци, къ зимовѝхъ однáкожъ нóчѣхъ спáтъ такóжъ и прочїи домовнѝкіи тáмже. Прóстїи сѣть столѝ, стóлцѣ, ослóны, оу̑ православныхъ къ Хоркáцїи дѕже нѝзкїи. Окрѝнѣ слѕжáчїи къ захованю трóха снарáдя и грóшїй сѣть чáсто помалькованїи. Орѕжье вѝсить на стѣнѣ; а образы Свáтыхъ, освѣтлéнїи лáмпою сѣть однóю тыхже окрáсою. Къ Карловáцкóмъ и Банáтскóмъ Погранѝчю и мéжи Колóхами не выглядáе онó нáкеть и такъ. Тѕ чáсто мѣстáтъ

сѧ въ одно҃й свѣтлѝци лю́де ра́зомъ съ ско́томъ; ло́жка сѣ́ть вы́стеленїи соло́мою и кожа́ми; ча́сто нема́ и тыхъ, а ц҃вла́ родѝна спитъ на голо́й землѝ.

Чере́зъ лѣ́то ма́ло ви́дно че́лѧди въ свѣтлѝцахъ; на подво́рю, въ по́ли, въ лѣ́сѣ нахо́дитъ сѧ и стары́й и молоды́й. На́вечь по́здно въ ве́черъ зо́стаю́тъ всѣ при погодно́мъ не́вѣ на во́льно́мъ воздусѣ, найчастѣ́йше пере́дъ дверьмѝ до́мъ сѣ́дятъ на лавка́хъ въ прилѝчно́й тишинѣ́, сли не заохо́титъ прїѧ́зный мѣ́саць дѣвча́тъ до весе́лыхъ пѣ́сенъ, котрїи онѝ въ хо́рѣ о҃тспѣвю́тъ. Ина́кше сѧ оно̀ дѣ́е въ зимѣ́. Тогды̀ то всѣ тѝсне сѧ до ха́ты, въ котро́й велѝка задуха, котра̀ дла̀ чужѝнца̀ о то́лько е́сть незноснѣ́йшою, же сѧ съ нею при лихо́й вздо́хѣ домо́ства̀, слу́чае дуже ча́сто велѝкїй ды́мъ, но она̀ здае́ сѧ служѝти дла̀ то́го наро́да къ ожи́вленю. Мужчины̀, съ свои́ми лю́бе́зными люлька́ми въ о҃у́стахъ, и съ щѐ дорогоцѣ́ннѣ́йшою чѣ́торою (ча́ркою до пита̀) при бокъ, сѣдя́тъ ко́ло само́й пе́чи, а по при нихъ ихъ жены̀, котрїи и тогды̀ безъ о҃у́стави҃ „свои́ми пи́льными рѣка́ми рѣ́ку́ютъ.“ На землѝ лежа́тъ або̀ ла́зятъ посере́дъ дорослѣ́йшими малїи дѣ́ти. Часо́мъ оповѣда́е опы́тный стари́къ байкѝ сво́го наро́да, то́гожъ сла́вны̀ и велѝкїи дѣла̀ и казкѝ о рыцарахъ, исто́рїю сво́ихъ часо́въ, сво́ихъ молоды́хъ лѣ́тъ, що то о҃нъ до́зна́лъ, запамата́лъ въ оте́чествѣ и ви́дѣлъ въ чужинѣ́, а осо́бе́нно въ во́йнѣ́, чо́го о҃нъ сѧ надѣе а чого̀ сѧ опаса́е про вздучно́сть. Съ о҃у́вагою и съ дове́рїемъ прислу́хаю́тъ сѧ ему̀ всѣ его̀ окружа́ючїи, и зале́дво кто сѧ о҃тва́житъ перерва́ти его̀ рѣчь ци то о҃ки́мъ

вопросомъ, ци междузгокоромъ. Въ такой почести сѣть старшіи оу молодшихъ!

В. К.

134.

Загадка *)

Ѧ не воронъ, не воробецъ,
Хоть и крила маю;
Теплымъ лѣтомъ по воздусѣ
Весело лѣтаю;
Живу въ домѣ, въ поли, въ лѣсѣ,
Съ людьми и скотами;
Питанъ сокомъ и молокомъ,
Кровью и плодами;
Зимою сплю, а ѩвлюся
Коль лудитъ погода,
Хоть ѩ мужикъ, вице про то
Все женьского рода.
Ѧ есмь птиця, но вся створа
Гнушаесь мя страшно;
Птицѣ птички не узнаютъ,
Хватаютъ мя въ брашно;
Ѧ нещастна, лиха створа
Маленького духа.
Знаете мя, лишь придайте
Мыслѣте на уха.

А. Духновичь

135.

Старикъ.

О старикѣ говорити намѣраю, котрый прожилъ на свѣтѣ девятьдесать лѣтъ, и если менѣ

*) Рѣшиня слѣдѣв на послѣднѣмъ листѣ.

тепе́рь не о҃у́да́сть сѧ превознести҃ его҃ похвала́ми, то вѣ́чно о не́мъ спомина́ти не вѣ́дѧ. О старикѣ́ хо́чѹ́ роспра́вла́ти и овшви́ти, ѩ҃кїи дѣла́ о҃тъ не́го происходи́ли; скажѹ́ вамъ, що о немъ въ їсто́рїи чита́ѥмъ. — Спѣва́йте стихотво́рцѣ съ пла́менним҃ водхновѣ́нїемъ и прослава́йте севѣ́ пѣ́снопѣ́нїемъ о вїнѣ́ и любо́цахъ; ѩ҃ оставла́ю вамъ все вїно́ и любо́ци, оди́нъ то́лько стари́къ вѣ́де предме́томъ мо́его пѣ́нїѧ. Спѣва́йте о защи́тникахъ ц҃ѣла́хъ Держа́въ, прослава́йте севѣ́ и ихъ попече́нье! ѩ҃ не вѣ́дѧ спѣва́ти о пройческихъ дѣла́хъ; по стари́къ то́лько вѣ́де предме́томъ мо́и рѣ́чи. Натага́йте стрѣ́ны золоти́стїи на вандѣ́рки҃ и чарѹ́йте ихъ пречѹ́дѣ́сными то́нами всѣхъ се́рдца — ѩ҃ про́стымъ го́лосомъ изъ тѣ́сно́и мо́и грѹ́ди загремлю́, во о славнѣ́йшихъ да́рахъ мо́го старика́ спѣва́ти вѣ́дѧ. О сла́ко! гремѝжь въ о҃у́шехъ потомства — сла́ко приокрѣтѣ́нам сивоволо́сымъ старико́мъ! Послѹ́хайте времена́! послѹ́хайте, що ска́жѹ́:

„Стари́къ мо́й — — роди́лъ сѧ... жилъ... ма́лъ жѣ́нкѹ́... и... о҃у́мѣ́ръ.“

——— *В. Волянъ.*

136.

Особли́вша хоро́ба.

Оди́нъ знакоми́тый мѹ́жъ оповѣда́лъ такѹ́ при́ключкѹ́: „Сидѣ́лъмъ,“ ка́же, „разъ съ мно́гими осо́бами пере́дъ дверьмѝ ра́дной пала́ты въ мѣ́стѣ Б. — и розмовля́лисьмо о розли́чныхъ предме́тахъ, ѩ҃къ наразъ пере́дъ на́ми ста́лъ ѩ҃кїйсь жевра́къ, котрый проси́лъ насъ о ми́лостиню ока́зѹ́-

ючи розли́чными спосо́бами свою́ крайнѣ́йшу нѫ́жду и отчаа́нїе. Ко́ждый зъ насъ дари́лъ его́ чи́мъ-сь, по чѣ́мъ о́нъ и о́тъ-нишо́лъ.. Той нѫ́жде́нникъ мови́лъ намъ ме́жи про́чими, що его́ опану́вала о с о в л и́ к ш а х о р о́ в а, котру́ одна́кожъ намъ вы́крыти не дозволя́е ему́ встыдъ. Нара́зъ взя́ла насъ охо́та дов'ѣдати ся, що́бы то могла́ бы́ти за осовли́кша хоро́ва, котру́ на́мъ вы́крыти не см'ѣлъ той жевра́къ; посла́лисьмо про то́е за нимъ на́шого слу́гу съ поручѣ́ньемъ дов'ѣдати ся о всѣ́мъ. Той догна́вши его́ по хви́ли, осмотри́лъ его́ изъ всѣ́хъ бо́ко́въ, а не найшо́вши на не́мъ жа́дной о́у-ло́мности а́нѣ ра́ны сказа́лъ: „Дружже! менѣ ся не ки́дитъ, а прина́ймнѣй не по́знаю по то́бѣ, абы́сь малъ причи́ну до такъ вели́кого нарѣка́нья.“ „„Ахъ!“ о́тповѣ́лъ жевра́къ, „„моя́ хоро́ва есть тако́го ро́да, що ей а́нѣ ки́дѣти а́нѣ о́у-гада́ти не мо́жно; а одна́кожъ опану́вала менѣ о́тъ головы́ до но́гъ. Она́ повыкрѫ́чувала всѣ чле́ны мо́го тѣ́ла и не дозволя́е менѣ на хлѣ́бъ робы́ти хо́тьбы и найлѣ́кшою пра́цею. Хо́чешъ ли зна́ти, я́къ ся она́ называ́е? Называ́ютъ ю: л ѣ н и в с т в о м ъ!“ Отъ смѣ́ху вы́ло намъ го́дѣ ся вздержати зъ того́ осовли́вшого оправда́нья ся; но оно́ да́ло намъ по́кой не до одно́го достопа́матного примѣчѣ́нья. Я на́вѣть найшли́ ся мно́гїи, котрїи загада́ли безпла́тно того́ нѫ́жде́нника лѣчи́ти, но о́нъ зна́ти почувши письмо́ но́сомъ не пока́зовалъ ся намъ я́кось бо́льше.

В. К.

137.

Єврéйскїи мелóдїи.

(Изъ Лóрда Байрóна).

Цить! — Царь — Бандурúста, áрфу стройтиме, —
Царь надъ чоловѣки, и Нéбомъ любúмый;
Ужѐ по струнахъ вѣщй заплясáли рýки,
Пѣснь плынѐ изъ грýди — и золотíи звýки
Плáчутъ, а óчи въ слезáхъ тонýтъ,
Сéрдце пýкае — а струны ся рвýтъ.

Мýжѣ мрамóрнои душй дѣтинѣютъ,
Егдà тй святíи умны ихъ овѣютъ. —
Гдежь ýхо тóе — душà зледенѣла,
Щобъ не учýло — щобъ не розгорѣла,
Царй слышачй и съ áрфою въ рущѣ —
Бóльшого йкъ съ скúптромъ — въ божествéннóмъ звýцѣ?

Егдà Ісрáиля побѣды загрáе,
Егдà Іегóвѣ Вышнёму спѣвáе,
Гудьбý побóжну рáйскїи долúны,
Кéдры Ливáньскй, святй верхóвины
Бóжои землѣ скрóзь óтгомонúютъ,
А мúсли пѣвця? . . . въ Небесѣхъ буúютъ.

Тякíй на земли ужѐ не чувáный
Молéбенъ съ дóчерію любвóю,
Йкъ духъ ревнúвый въ тóпы перебрáный,
Розчущáлъ псáльмы небéсъ высотóю;
И дрѣмотà душй людскои съ гудьбóю
Йкъ бы нóчь рѣдѣла йсною зорóю.

И. П. Бужанéнько.

138.

Прогулка по Семерингу.

По десятимѣсячномъ напряженію духа попрацáли ся музы съ питомцами своими, и отпустíли ихъ на праздничны, авы покрѣпивши ся на духъ и тѣло по нѣкомъ крéмени знокъ до сватки свóихъ покайкати, и тутъ знóкъ пúщею духóвною питáти. Все воспитáючое ся юношество опустíло столúчный гóродъ и лéдво съ свѣщою въ рукѣ можъ бы где котóрого здѣсь придыбати. Одни повхали до родúчевъ, други до сродникóвъ, йни до пріятелевъ свóихъ; словомъ, где тóлько кто мóгъ оулетáлъ спѣшно, давы городскій шумъ на сельскóе тишинъ перемѣнúти. Но комъ жестокосéрдна судьба выслышила всѣ истóчники подóбныхъ оутѣхъ, отнáвши емъ предвчáсно смéртію любéзныхъ рóдичевъ, сродникóвъ и пріятелевъ, и лишúвши его самóго на свѣтѣ безъ всякихъ срéдствъ, той не спѣшúтъ ся оузрѣти свóй рóдный кутокъ, где кóждое покáнке дéрева, кóждый птúчки щевéтъ, найчежчúйша цвѣтка, найтúхшое жóрчанке потóчка, приломшáло бы на нóко лéдво цо застрóкáти ґазы сéрдца его. Такúй непáстный скитáе ся по чужинѣ, глядáе потѣхи самъ въ сóбѣ — въ наукахъ — въ природѣ.

Извѣстно есть кóждомъ, кто тóлько коротúкое врéмя въ Вѣдни прожúлъ, цо за прекрáсни окóлицѣ тую стародáвнюю столúцю въ розлúчнóмъ отстоáнію окружáють. Но если любопúтный посцiатель кóлька рáзъ ихъ вúдѣлъ, подносúтъ ся въ его грудь желáнке, велúки черезъ тумáны нóрохъ провиваючи ся Норúйскúи Алпы, до два-

на́дцать ми́ль о́тъ Вѣ́дня на полу́день о́тдале́нїи, такожъ ближе осмотри́ти, а то тимъ бо́льше, я́къ о́тъ о́ного часу́ великаньскїи строе́нїа желѣзни́цѣ чере́зъ тїи го́ры вниманье цѣло́и Стро́пы, ва цѣло́го свѣ́та на сѣ́ве ста́ютъ. И въ и́стинѫ, але́житъ то до найкра́сшихъ о҃у҃спѣ́ховъ їсто́рїи человѣ́ка, що о́нъ дерзну́лъ чере́зъ одно́ изъ найвы́шшихъ пасмъ го́ръ Стро́пы перетягну́ти такъ великолѣ́пною доро́гу, я́кою есть желѣзни́ца, и на вѣ́чность соедини́ти два дале́кїи мо́ря, кото́рїи тую часть свѣ́та ограничаю́тъ. Прише́дши ме́жи тїи го́ры зазмѣ́лѣлъ са надъ ихъ высото́ю и величино́ю, и загну́лъ са мовъ мгла по ме́жду велича́во строе́ными дома́ми го́рода. Стреми́стїи мрамо́рнїи и гранито́вїи ска́лы взноса́тъ са го́рдо къ тве́рди невѣ́сно́й, а о ихъ вѣ́ками вы́тертое чоло́ розвива́ютъ са гу́стїи хма́ры; ихъ сѣ́до́и головы́ не вѣнча́е жа́дная рослина, и лишь гдѣ́сь не гдѣ́сь прикрыва́е ихъ наготу́ дрѣвне́нькїй мо́хъ, и вра́нами та пти́цами засѣ́лїи, во́зростомъ карлова́тїи со́сны. Но сѣ́ть тако́ж по ме́жи ними помѣ́шанїи мо́же еще́ вы́шшїи го́ры, котрїи вы́посаженїи о́тъ ма́тери приро́ды всемъ изъяви́лѣмъ, винта́ютъ пристрое́нїи въ праздни́чную оде́жу косуще́ного пу́тника, и подаю́тъ въ розсмо́тру́ванїю го́лыхъ ска́лъ о҃у҃томле́нымъ его́ очемъ свѣ́жую пожа́дану́ пу́ству́. Кто пере́дъ колько́ма го́дами тїи ска́лы ви́дѣлъ, то́му́ и до головы́ не прїи́шло́, аны тамъ на то́й скалисто́й сте́нѣ, где о́тъ ей сѫществова́нна нога́ человѣ́ческа не покоста́ла, где сайгы́ и ди́кїи ко́зы лишь вожлѣво шага́ли, и неразъ дерзо́сть свою́ жи́знїю плати́ли, где хи́щнїи выводи́лисъ пти́цѣ, и где о҃гна́тникъ о҃у҃лета́лъ са свое́ю до-

вѣчею; — авы тамтъдѣ по надъ вѣздиъ и пропасть вѣчній мо́гли колись локомотивъ, и сво́имъ шъмомъ и свистанкемъ до тепе́рь безпе́чно живъщихъ тътъ хи́щныхъ звѣре́въ перепъдживалъ. — Но въ и́стинъ такъ есть! Єсли́ где, то тътъ челове́къ найбо́льше о́ъпотребилъ пра́ва надано́го емъ Всевы́шнымъ, кото́рый подве́рглъ цѣлъ вселе́ннъ влады́нію его́. Цѣло́е розстоя́нье поко́и желѣзни́цѣ чере́зъ тїи го́ры досяга́е 28,000 Вѣдѣнскихъ са́жней, а такъ есть 7 нѣмѣцкихъ ми́ль до́лге. Нова́ желѣзни́ца та́гне са́ отъ Гло́гницъ къ за́падъ по надъ лѣвый бе́регъ рѣки Шва́рцы, чере́зъ Шлѣ́ѣльмиль до Баерва́ха, и помиъвши нѣскóлько хоро́шо и искъсно строе́ныхъ мостóвъ и про́пъстóвъ для водъ, не пойвля́е са потоль жа́денъ предме́тъ достойнѣ́йшій вóлькшого вниманя. Яжъ кóло Баерва́ха посере́дъ велико-лѣпнои Райхена́вскои доли́ны подпиля́е пътешествѣ́нникъ одно́ изъ найискъсснѣ́йшихъ строе́ній найно́вшого вре́мене, т. е. велика́нскій 150 са́жней долгїй, а до 20 са́жней высо́кій мо́стъ надъ рѣко́ю Шва́рцою. Онъ опира́е са на 13 столпа́хъ и прова́дитъ желѣзнъ ко́лею на пра́вый бе́регъ рѣки Шва́рцы. Отсы начина́еся ко́ля возкышпа́ти и къ восто́къ подава́ти са, где перетиснъвши са чере́зъ два тъне́ля (чере́зъ горъ и скалы сково́зь передо́лавши сводны переходы) 60 — 80 са́жней до́лгїи, зновъ чере́зъ Пе́тенвахъ къ за́падъ стреми́тъ, и до замко́выхъ розвали́нъ Кламъ наверта́е са. Ме́ждъ Баерва́хомъ и Ки́вомъ застига́е пътешествѣ́нника нечака́нный видъ 6,577 Вѣдѣнскихъ сто́ихъ высо́кои горы, котро́и го́ловъ вѣчнїи покрыва́ютъ снѣгы. Ко́ло Кла́мъ зника́е

ра́птомъ изъ о҃чій желѣзнúцы и прова́дитъ до тре́тёго 100 са́жней до́лгого тѳнéлъ, изъ кото́рого вы́шедши идѣ́ до дико-сѣмно́и ѿрѣзи зва́ной Атлицґравенъ, и сѣдѣ́ са вóльше ѿкъ мúлю по ґале́рiи въ скалѣ вы́кованóй, и вóльше ѿкъ 100 са́жней зъ до́лъ о҃тъ землѣ́ до горы́ о҃тдале́нóй, переѯодячи въ тóмъ о҃тстоя́нiю знови́ чере́зъ два въ скалѣ вы́долванiи тѳнéлѣ. Тѣ́тъ кр҃титъ са ко́лей вескма́ знаменúто, и по́дно́ситъ са цо 35 са́жней до́лгости о҃ди́нъ са́жень до горы́, о҃тно-ше́нье ѿко́е до тепе́рь неслы́ха́не бы́ло, поне́же на дотепер҃е́шнiихъ желѣзнúцахъ ле́дво на 200 са́жней о҃ди́нъ са́жень желѣза ко́лѣа са по́дноси́ла. Про тое призначи́ло высо́кое правúтельство 20,000 дѣкатёвъ зо́лотомъ за изъовр҃тене́нье тако́го локомоти́ва, цовы́ такъ прúкрый нѣ́тъ преодолѣ́лъ — и локомоти́въ Ґакарта́ полѣ́чилъ тѳю нагоро́дѣ.

Ле́дво цо достижúмiи сѣ́тъ для о́ка нѣ́тешествéнника помешка́нiа ровѣ́тнико́въ поксо́дѣ по пече́рахъ скалъ построе́нiи, и ѿкъ ла́стовичи гнѣ́зда надъ тúсячь-са́жне́вою про́пастiю писа́цiи, до кото́рыхъ найчастѣ́йше жа́дной йной доро́ги нѣ́тъ, ѿкъ лишь нѣ́жно изъ мотѣ́зъ о҃тле́тена драви́на. Изъ всѣ́хъ сторо́нъ даю́тъ са чѣ́ти гро́мы, а по́слъ нихъ представа́е са страше́нное зр҃ѣлище, цѣлаи во скалы принѣ́ждéнiи си́лою по́роховъ розтр҃ѣскаю́тъ са, и огро́мными кѣсами въ вездно́ кала́тъ са, опѣ́скаючи ма́терное ло́но, на кото́ромъ о҃тъ сотворе́нъ свѣ́та недвижúмо сночива́ли, по чѣмъ лишь стокро́тный о҃тголосъ о҃ѯа́сно до о҃ши́й изъмлаю́чого са нѣ́тешествéнника провива́е са. — Одна́кожъ сей видъ великолѣ́пной приро́ды, и тѳю велúкъ мысль человѣ́ческой по-

вѣды надъ такъ чрезвычайными силами природы, огорчае обувидѣніе той то такъ великой цѣли пожертвованыхъ сократій. Коло замкъ Кламъ находитъ ся покоотворение мѣстце, на которомъ уже надъ 200 свѣжихъ могилъ взноситъ ся. По части холера, по части инши неправста и припадки позвавши жизни тихъ вѣдныхъ людій. Въ зимѣ года 1850 заскшало отъ разъ 15 роботниковъ обсѣвшое ся камѣнье. — Постѣмъ на помянутомъ пути далыше, а онъ заведе насъ по многихъ прикрыхъ зворотахъ и постепеннымъ подношею ся до горы, по при мало не одну милю долгъ скалистъ стѣнъ звинъ Кайнцетель-кандъ послѣдно на конецъ Ятанцграбенъ до Талькофъ. — Тутъ представлае ся очемъ величество того предпринатія въ цѣломъ своемъ объемѣ. Тутъ надъ поточкомъ, въ которомъ бы лѣдво качка ногу замочила, есть мостъ не меньше якъ 75 сажней долгій а 25 высокій; онъ въде простое два разы вышшій, нежели велика четырехвершна каменница. Потомъ слѣдзютъ четыри тунелѣ, два перши выдолбанши въ горѣ Вербергель выносатъ по 100 сажней, а два послѣдніи проходачи гору Гартенкогель по 110 сажней. Дальше есть тунель на Волчой Горѣ надъ Гайдбахграбеномъ, котрый мае 105 сажней. Они есть дуже скривленымъ. Оттудъ мае путшественниковъ пречудесный видъ въ сторонѣ Снѣжной Горы и пр. — Прамо изъ тунела отъ Волчой Горы приходитъ ся зноу на поштовъ дорогу, котору путшественниковъ въ Глоґницъ зостависъ, а зараз тутъ лѣдво изъ тунела прамо провадитъ желѣзницъ до найвольшого изъ

всѣхъ тѣнѣлевъ, котóрый 60 сáжней глубóко пóдъ горóю Семерúнгомъ лежúтъ, и 755 сáжней, мáло що не чéрть мúлѣ дóлгимъ есть. Онъ самъ мáе стоáти 1.275,203 зол. рейскихъ сребрóмъ. Где далéке розстоáнье робóтникóвъ óтъ вхóда тѣнéлю, тамъ выкопáнїи сѣтъ сквóзь гóры простопáлїи и óбкóснїи шáхты, а такъ 7 изъ южнои а 3 изъ сѣвернои стороны Семерúнга, котóрыми посрéдствомъ паровúхъ мáшинъ изъ внѣтрю зéмлю и непотрéбное камѣнье на вéрхъ выдобывáютъ, а на мѣсто тóго розлúчнїи матерїáлы въ 60 сажéнъ глубинѣ для вздóвы спѣскáютъ, и свѣжій воздухъ для робóтникóвъ вномúбываютъ. Повсюдѣ, где съ мнúмъ человѣкъ оглáне, изъ всѣхъ сторóнъ и въ всѣмъ отбывáе съ величествéнный характéръ, въ окóлицѣ, въ строéнїи, въ заботлúвой дѣятельности робóтникóвъ, котрúхъ 1851 року до 18,000 въ одно невелúкое мѣстце съ поселúло. — Порóвнавши попередúвшое óтстоáнїе желѣзнúцъ съ тепéръ слѣдующимъ, то не находúтъ съ нѣчóго примѣчáтельного въ ей строéнїю, зачáвши óтъ Семерúнга аж до Мирцшлагъ, крóмѣ нѣсколько горóшихъ мостóвъ строéныхъ по новѣйшой систéмѣ. — Цѣле тóе велúкое предпрúнятїе въ розстоáнїю 7. мнлъ, рáзомъ съ 10 тѣнéлями и мнóгими мостáми и прóпастями, котóрїи желѣзнúцю за Норїйскїи Алпы перенóсятъ, залúцитóване есть за сúммъ 7.382,525 зол. рейскихъ сребрóмъ въ конвенцїйной монéтѣ óтъ розлúчныхъ зóдцѣвъ.

Насладúвши съ тимъ великолѣпнымъ вúдомъ попрацáлемъ съ съ величествéнною прирóдою и повернѣмемъ назáдъ въ гóродъ, а отрáсши съ

трóха ôтъ пѣвíвшихъ мнѣ впечатлѣнíй, собрáлъ-емъ въ кúтицю по Íлпахъ посвíранíи цвѣткú, и подаю тíи цастлúвшимъ ôтъ мéне нóдрѕгамъ въ отéчествѣ, для котóрыхъ посерéдъ дорогóи родúны цодéнно истóчники новúхъ рáдостíй и ôутѣхъ выпывáютъ.

В. Вóлянъ.

139.

Пѣснь житá.

Легѣсенько, тихѣсенько
Мóвбы вѣтрéцъ по долúнѣ,
Рóдна мáти сонъ дѣтúнѣ
Прикликýе щирѣсенько;

А надѣвю пѣсня вѣе
Рáдощаво и милéнько,
Ажь ся душà веселѣе!
Малúй áнгелъ зновъ радненько

Ручения́та витягáе,
Мáбуть нéньцѣ отвѣчáе:
Спѣвáй нéню пѣсню тýю
Íкъ й собѣ въ ней любую!

* * *

Отъ такъ нáше житьѐ въ цвѣтѣ
Колúсане спѣванкáми
И рáйскими щáстя снáми.
Розвивáесь въ Бóжôмъ свѣтѣ; —

Розвивáесь — а всѐ лúхо:
Журбà, клóпôтъ, ненокóѣ
Глядúтъ зúрцемъ и жде тúхо
Добы́ íншои, добы́ свóи.

Ив. Гушалевичь.

140.

Лéвъ и Лисъ.

(Байка.)

„Господи́не льве'" говоро́лъ ли́съ, „мене́ го́дѣ вздержати сѧ, що́въ тобѣ не сказа́ти, ѭкъ о́селъ зъ те́бе шѣти́тъ. Онъ гово́ритъ, що въ то́бѣ нѣтъ нѣчо́го похва́льного, жо твоѭ о҃тва́га сомнѣ́тельна, що ты не пока́зуешь нѣ великодꙋшїа, нѣ справедли́вости, що ино́ о҃у҃мертвля́ешь ко́ждого безъ вся́кого взгля́дꙋ."

„„Най о҃нъ гово́ритъ, що хо́че,"" отвѣчя́лъ пока́жный левъ, „„мене́ то́е ва и дꙋ́же ово́дитъ, що и ѭкъ о́селъ о мнѣ дꙋ́мае,— а́ле кто осмѣля́е сѧ пагово́рювати предъ мно́ю на дрꙋгихъ и менѣ сѧ лести́тъ къ о́чи, того не могꙋ ѭ терпѣти. Вонъ! негѡ́дникꙋ о҃тъ ме́не, бо ина́кше къ сей ча́съ тобѣ коне́цъ.""

Лисъ приля́женый пока́жнымъ отцѣтомъ ско́го короля́, склони́лъ сѧ низе́нько и радъ былъ найти́ хотьбы где ѭкꙋ мы́шꙋ дꙋрꙋ́ля ско́го беспеченьства.

В. Во́лянъ.

141.

Бо҃йтъ Подо҃льскїй.

Дрѣма́ютъ, дрѣма́ютъ подо́льскїй ни́вы
И по се́лищу сонъ ꙋ҃жѐ засѣда́въ,
И всю́да ꙋ҃ти́хло, ли́шь бро́докъ сварли́вый
Да́лѣй текучи́ чого́сь не ꙋ҃тиха́въ,
Ой не гара́здъ то, бо и псы незаспꙋ́ли
Вы́ютъ и вы́ютъ, а нее голосне́йше,
Ба́чу лихо́е щось они́ зачꙋ́ли
Бо не утиха́ютъ, ли́шь вы́ютъ сумне́йше.
Въ цѣло́мъ се́лищу свѣ́тло посгаса́ло
Лишь на горбо́чку въ бѣдне́ньковѣ хати́нѣ
Згаса́ло... зновъ бли́сло... ни́дко догара́ло....
Ой догара́ло въ оста́тнѣй годи́нѣ

Такъ то изъ сéрдця житьѐ выгасáе,
  Но котрѐ нýжда ѩкъ гáдина сáгне,
Тúсне го тúсне, ôттáкъ заѣдáе,
  Пóкнажь въ зúмнôй землúци не лúгне.
Кýрна хатúна и стѣны низéнькй
  Котрй ýпасти туй, туй ýжѐ гадáли
Велúкй болѣ и мýки тяжéнькй,
  Дáвного вôйта въ сóбѣ обънимáли;
Старúй Никóла — такъ го звáли лю́де —
  Бúлъ колúсь богáть, бо двóма плугáми
Орáлъ на нúвѣ. Кто́жь тóе забýде,
  Ѩкъ ôнъ и рáдилъ щúрими словáми?
А тепéрь лежúтъ на соломѣ гóлôй
  Лúшь верéтою грýбою прикрúтый,
Тúжко вздыхнýвши згадáлъ о недóли —
  На двéрёхъ óчи стоя́ли ѩкъ врúти. —
Когóсь здавáлъ ся тепéрь ожидáти —
  Шéпнулъ щось зъ тúха и плéснулъ въ долóнѣ,
И знóвъ до сéбе начáлъ промовлúти;
  То щось о свúтахъ, то щóсь и о звóнѣ.
Лúце потúгле, вúсхле и блѣдóе
  Рáзомъ слабéнько хвúльку запалѣло,
И ѩкéсь чýвство, охъ! чýнство снятóе
  Въ очёхъ и грýдёхъ тепéрь заяснѣло.
Два хлопчúнята, сыны єгò рôдний
  Голóвъ спустúвши ý ногáхъ стоя́ли.
„Отче!“ реклй му, „ѩкйже мы бѣдний!
  Щóжь самй бýдемъ на свѣтѣ дѣлáли?
Самй безъ тéбе — бо мáти насъ мúла
  Єщѐ мáлыми и дýже малы́ми
Вѣчне, ѩкъ знáешь óтче! опустúла,
  Тепéрь и ты насъ остáвишь самы́ми?
Не ýмерáй, óтче, ахъ óтче любéнькій!
  Мы тебѐ щúро изъ сéрдця любúли
Не ýмерáй óтче, óтче солодéнькій!
  Щожь мы безъ тéбе бýдемо чинúли?““
Уклáкли и взнéсши въ горý рученя́та

Съ твердóю вѣ́рою, щобъ нéбо розби́ла,
Мóлятъ ся: „Бóже! мы Твой дѣти́та;
Всѣхъ людій дóля и нáша ти ми́ла.“
Тепéрь замóлкли, слéзы заліяли
Дáльшіи словá плынучи рѣкóю,
А они-отцà ногти обънимáли
Съ велúкимъ бóлёмъ, жáлёмъ и тугóю

— — — — — — — — — — —

Стары́й Никóла ще разъ слáбй сúлы
Собрáвши мóвилъ такúми словáми:
„Не плáчте дѣти! Гóсподь мúлостивый
Надъ цѣлúмъ свѣ́томъ и надъ сиротáми.“ —

— — — — — — — — — — —

Трúчи щастлúвый, кто всéю душéю
Въ пóмóчь и крѣпость вы́шню ўпонáв,
Въ тéмный гробъ лéгко и весéло съ нéю
Тѣло зболѣ́ле по смéрти склада́в.

— — — — — — — — — — —

„Менѣ не долгò на семъ свѣтѣ жúти,““
Дáлѣй промóвилъ до дѣтій Никóла,
„Скóрѣ прiйдè ся мýки закóнчúти —
Слухайте дѣти òтцѣвского слóва:
Щосьте не чýли, хóчу вамъ повѣ́сти,
Най тóе въ пáмять дли васъ позостáне,
Най о тôмъ хóдитъ въ Бóжôмъ свѣтѣ вѣсти,
Най тáи пóвѣсть по ва мóре сúгне.
Тúмлю кáкъ нынѣ, хоть ўжè лѣ́тъ не мáло,
Єщè небóжка мáти нáша жúла,
Òтъ! въ сей хатúнѣ, тýтка ся то стáло....
Чомýжь непáмять тóе не ўхóпила?
Ахъ! по що сéрдце на нóво назвúти;
И вамъ гôрькiи слéзы вытискáти.
Лýчше бы бы́ло тóе залишúти,
И вамъ нiчóго о тôмъ не казáти.“
„„Òтче скажи́ намъ, мы знáти желáемъ,““
Крúкнули дѣти и слéзы отерáли,
„„Òтче скажи́ намъ рéвно ўпрашáемъ

Мы тóѳ въ пáмять будéмо хова́ли“
„Ой такъ, такъ дѣти!“ рéклъ стары́й сумнéнько
И чолò змóрщилъ и плéснулъ въ долóнѣ —
„Ѧ ужѐ не могу́, ѩкъ же мнѣ тяжéнько!!“ —
И знóвъ щось шéпнулъ о свя́тахъ, о звóнѣ —
„Ой та́къ, та́къ дѣти! дóбре тѝмю тóѳ,
Бы́ло то ра́но въ зеле́нiи свя́та —
Такъ — здѣ былъ пра́здникъ, а селò цѣло́ѳ
Щи́ро прiйма́ло ко́ждого ѩкъ бра́та.
Ужѐ до це́ркви лю́де ся сбера́ли,
Бо на всенóчне звóнъ кли́кавъ вели́кiй,
А вы моли́тву съ ма́мою домовля́ли;
Въ тóмъ посѣна́ка ѩкъ во́лчице ди́кiй
Присла́нъ ôтъ па́на, до ха́ты вбѣга́ѳ
Принóсѝ на́казъ; до двора́ става́ти —
А дру́гiй ждучiй нôдъ ôкно́мъ зѣпаѳ:
Ско́ро не хóче, до темницѣ бра́ти!“

— — — — — — — — — — —

Зновъ ўмóлкъ стары́й, а́ле не на дóлго;
Щось ѩкъ за се́рдце тепе́рь го схвати́ло,
Зóйкнулъ и стря́слъ ся и боля́лъ премно́го
Бóжъ спомина́ти о ну́ждѣ не ми́ло!
И знóвъ стиши́лъ ся, а мовь по лотóкахъ
Одна́я га́дка за дру́гою плы́ла
Хотя́ и ста́нешь въ смерте́льныхъ воро́тахъ
Ну́жду вспомне́шь си, котра́ ти пили́ла,
Жела́ешь съ не́ю вѣчнесь' попраща́ти
Она́ ся тако́й все тебѣ трима́ѳ
И ѩкъ нôчь те́мна ôкóнцёмъ до ха́ты
На па́мять сама́ — ой! сама́ ся пха́ѳ.
Кобы́ можь се́рдце Нико́лы ôткры́ти,
Ѧкiнѣжь му́ки въ не́мъ перебува́ли,
Не мóжнабъ ра́зомъ пхъ всѣхъ исчисли́ти —
Ди́во! ѩкъ въ се́рдцю одно́мъ ся смѣща́ли.

— — — — — — — — — — —

„Дѣти,“ рекъ стары́й — „дѣти мой бѣдны́й
И моѳ се́рдце гара́здъ коли́сь зна́ло,

Але неда́ли въ немъ жи́ти него́дній,
А моѣ ща́стье на свѣтѣ пропа́ло.
Тогда́ най разъ ся повёрну до сло́ва,
Мою́ и ва́шу до́лю зопсува́ли,
Що въ ха́тѣ бы́ло — по що та́ка мо́ва?
О́тъ на́й не ка́жу, все въ грабѣжь забра́ли!
Чи на то́мъ коне́цъ? Ни, то лишь нача́ло.
Ѣ... ѣ... хотѣлъвмь тому́ ся опёрти."
(Тутъ му ещѣ разъ лицѣ запала́ло —
Бы́ла то борба́ во годи́нѣ смерти!)
„Ѣ... ѣ... хотѣлъвмь, а́ле мой сы́лы
Ско́ромъ ỳвидѣлъ, ѣ̃къ ся ва́ша ма́ти
Зъ но́гъ повали́ла, гнеть ми опусти́ли,
И го́дѣ бы́ло зно́ва ихъ собра́ти."

— — — — — — — — — —

Сыны́ Нико́лы ѣ̃къ кра́сни цвѣты
По зи́мно́мъ вѣтрѣ го́рько заболѣли —
А по и́хъ ли́чку ле́гко бы́ло зрѣти,
Ѣкъ мягкѣ се́рдце сỳмъ и жа́ль присѣли.
Бо ся двоа́кй чỳвства пра́зъ срѣча́ли —
Котрѣ зъ ни́хъ ти́жше? го́дѣ бы́ло зна́ти:
Пе́рве и вто́ре го́рёмъ о̂тдыха́ли. —
Богда́й то въ жито̂ таки́хъ хви́ль не ма́ти!
Тутъ ся ỳжѣ вѣко гробо́не схили́е,
Бы вѣчне отца́ предъ ни́ми замкну́ти
А зъ о̂ттамъ го́лосъ да́вный промовля́в
О любо́й не́ньцѣ не да́в забу́ти.

— — — — — — — — — —

„„Дорогій о́тче!"" — щось хтѣли повѣсти,
Але и то́в зъ жалю́ незмага́ли —
Такъ ихъ проши́бли попере́дній вѣсти
Що и слова́ имъ въ ỳстахъ зaỳмера́ли. —
Стары́й Нико́ла, ѣ̃къбы зъ сна́ збуди́ль ся,
Въ котро́мъ кощаві вѣдьмы ли́шь снyю́ть ся
И круго́мъ се́бе жа́лко подиви́ль ся,
И ỳзрѣлъ стра́сти ѣ̃къ на стра́сти шлю́ть ся.

„Не пла́чте дѣ́ти прійде и ва́мъ годи́на,
Бы зну́жи свѣта се́го зако́нчи́ти,
Житьѐ коро́тке, як ъ бы одна дни́на —
Але и ту́ю ти́жко пережи́ти!
Що колись бы́ло, о всемъ забува́йте
И о то́мъ, щомь вамъ напо́мкну́лъ не да́вно,
А въ любви́ Бо́га и бли́жныхъ взраста́йте —
Пре́дъ лице́мъ свѣта поступа́йте я́вно.
Благословлю́ васъ . . . . благословлю́ дѣ́ти
То́ю руко́ю, котра́ васъ корми́ла;
Благословлю́ васъ . , . . мой ми́лй цвѣ́ты!“
И въ то́мъ си бо́лѣзнь его́ зако́нчи́ла. —

— — — — — — — — — —

„„„„Уме́ръ Нико́ла, нашъ ба́тько старе́нькій““ —
За́разъ си чу́тка по селѣ́ розбѣ́гла;
„„„„Уме́ръ нашъ го́лубъ, охъ! у́ме́ръ сиве́нькій! —
Не да́рмо зо́рка се́н но́чи зблѣ́дла,
Не да́рмо и псы такъ сумне́нько вы́ли,
Що не мо́жь бы́ло о́ка прижмури́ти.
Не да́рмо мнѣ ся чаро́вни́цѣ сни́ли —
Отъ! — мой ровѐсникъ переста́лъ у́жѐ жи́ти!““““
Такъ мо́вилъ ста́рецъ къ ха́тѣ доходя́чи,
Въ кото́рой мо́щи Нико́ли лежа́ли,
Ступа́лъ та става́лъ, щось ду́же мысля́чи
Въ одну́ ся га́дку всѣ гадки скупля́ли;
Бо тепе́рь ви́дѣлъ лѣта́ молоди́н,
Когда́ ся ра́зомъ съ Нико́лцёмъ пляса́ло,
Зновъ перегля́нулъ и часы́ повни —
Но ко́лькожь жалъ ся въ ни́хъ не у́крыва́ло?!
„„„Бѣ́дный Нико́ла съ роди́ною всёю!““
Проре́къ до се́бе, „„„у́жѐ о́тъ часу́ то́го,
Отколи́ ре́вно, душёю цѣло́ю
Хороши́лъ бра́тій о́тъ пра́га лихо́го,
Нема́лъ часи́нки одно́й спочи́ти —
Бо всяке сре́дство врагу́ бы́ло ми́лымъ,
И не поки́нулъ на нёго трови́ти,
Ажь го на лавцѣ оба́чилъ засты́лымъ. —

Менѣ ся ви́дитъ, що и не менѣ ся
На чѣмъ бу́дь, — Го́сподь кара́ти умѣ́е!
Бо́рше, по́здньйше все то́е найдѣ ся
Якъ кто собѣ тутъ на свѣтѣ посѣе!!""
То́е сказа́вши пово́ли сближа́лъ ся
Къ ха́тѣ речѐно́й — со́нце выходи́ло;
А его́ про́мень не такъ простира́лъ ся
Якъ давно́ я́сно, но чому́сь ўны́ло.
Вы́крикнулъ ста́рецъ: ""О, красото́ свѣта!
Ци долго́ бу́деш такъ менѣ сходи́ти?
Разъ то послѣдный мабу́ть се́го лѣта;
За́утра ўжѐ бу́деш не менѣ свѣти́ти.
Прійшо́лъ до ха́ты на колѣна впа́вши
Мо́литъ ся щи́ро за ду́шу Нико́лы.....
Потомъ сближи́лъ ся, и тѣло обійшши
Съ пла́чемъ ре́клъ: ""Коне́цъ ўжѐ тво́ій недо́ли.
Ско́рѣ до те́бе и я́ перенесу́ся.....
Намъ лишѐ ра́зомъ ци ту, ци тамъ жи́ти...
Усо́пшій дру́же! я́ незаба́влю ся
Съ суето́ю свѣта се́го розлучи́ти"".....

* * *

Хоть въ ра́нцѣ со́нце сходи́ло я́сне́ньке,
Да́рмо и да́рмо ўжѐ ста́рци буди́ло;
Бо его́ се́рдце якъ лѣто тепле́ньке
Зи́мнымъ ся ле́домъ на вѣки покри́ло —
Двомъ мертвцямъ су́мно ра́зомъ зазвони́ли...
Одного́ въ вѣчну пу́ть днесь выправли́ли,
О дру́гомъ вѣсти въ селѣ розноси́ли —
Ми́лости Бо́га для души́ блага́ли. —
Бы́ли то старцѣ, щобъ въ не́кло само́е
За добро́ бли́жныхъ гото́вісь усти́ти,
Темни́цю, го́лодъ, хоть житьѐ цѣло́е
Ле́гко имъ бы́ло для бра́тій зноси́ти.
Тому́ не ди́во, що лю́де толпа́ми
Изъ се́лъ сторо́нныхъ тепе́рь прибыва́ли

И ихъ могилу рѣвными слезами
За любовь братню зливали й зливали.

Зоря галицка.

142.

Благодарность.

Изъ Рихтера.

Бандзгій, Сасанидскій Князь причинилъ сѧ найвольше своимъ краснорѣчіемъ подчасъ совора Перскихъ Сатраповъ, котрій отсѣдили Королѧ Оромаза отъ дрона, що корѣнь перскѣ полѣчилъ молодкый Хозроій. — Коли молодкый Король былъ принѣжденый вѣгствомъ спасати сѧ передъ звѣнтованымъ Багрѧмомъ, то знокъ былъ Бандзгій первымъ, котрый своею мѣдростію и дѣломъ благородного пожертвованя сѧ выбавилъ Хозроа изъ рѣкъ его гонячого ворога. Онъ замѣнилъ свою одѣжь за одѣжь Хозроа, остѧлъ сѧ назмыслно по дорозѣ въ одномъ ѯторѣ и стоѧлъ въ окнѣ, аби могъ быти отъ всѣхъ видимымъ. Войско Багрѧма выслане за Хозроемъ дѣмало, що видитъ его самого, и овсадило въ сей часъ цѣлый вздынокъ. Тепѣръ вздячій въ ихъ рѣкахъ просилъ миймый Хозрой, аби ѣмъ, ѣко сынови ихъ давнѣйшого Королѧ позволили увилю отпочинкъ, понѣже онъ дѣже вѣгствомъ ѯтомилъ сѧ. На тое призволили вожкій и овсадили цѣлѣ домоство стражію. Но Бандзгій дѣмаючи, що Хозрой довольно выпередилъ ѯже своихъ гонителѣвъ, поддалъ сѧ стражи, котрѧ его отпровадила до Багрѧма. Тойже однакожъ знаюги зъ лицѧ такъ Бандзгіѧ ѣкъ Хозроа открылъ скоро

зашéдшое ошѕкáньство; но цѣнячй высóко благородúность нáветь и въ сопротúвниках, пѕстúлъ Бандѕгїа на вóлю — Але цúжь мóгль Бандѕгїй того сл нáдѣати? Цúжь не вúставилъ ôнъ себѣ на невеспечéньство смéрти? Его дѣло не мóжно про тое назвати инáкшимъ, ѣкъ великодѕшнымъ пожертвованїемъ себѣ самóго, — и про тóе достóйнымъ ѣкъ оўзинá такъ и нагорóды, до котрóи мóгль зáвсѣды мáти нáветь прáко. Но ѣкже нагородúлъ его Хозрóй, котрóмѕ ôнъ такъ велúкѕ зровúлъ присáгѕ? Чимъ оказáлъ свою благодáрность? За пóмочїю мóжныхъ Римлáнъ, до котрúхъ Хозрóй оўтѣкъ, вернúлъ сл ôнъ знокъ на дрóнъ Пéрсїи, — а готячй позвѕти сл тóго, котрóмѕ безпосредственно зауóванье своóго житъ былъ вúненъ, велѣлъ вѣдного Бандѕгїа оўтонúти въ волнáхъ рѣки Тúгра. Цо мáлъ Хозрóй сéрдце человѣческе? Нѣтъ! во и дúкій звéрь оўмѣютъ вúти благодáрными. Изъ многúхъ примѣрóвъ лишь одúнъ тѕ приточúти довóльно:

Одного рáзѕ прúйшóлъ зранéный лéвъ передъ кéлїю пѕстúнника, Герасúма. Ласкаючй сл и скавлячй, подносúлъ до горы свою окрвавлéнѕ лáвѕ. Пѕстúнникъ вúмылъ рáнѕ, приложúлъ на тѕю зѣлля и завязáлъ лáвѕ — а лéвъ въ колькóхъ днáхъ вúздоровѣлъ совершéнно. Отъ тóго часѕ не онстúлъ вѣрный звéрь никóли отшéльника, ухà колй вúйшолъ до сѣсѣдного лѣса за жúромъ. Въ ночй спалъ ôнъ передъ кéлїею своóго довродѣя, и где сл тóй постѕпúлъ, былъ ôнъ его неразлѫчнымъ товáришемъ. Я колй Герасúмъ померъ, сопроваждáлъ вдáчный лéвъ его до грóвѕ, и неразлѫчúлъ сл ôтъ тóгожь нѣ въ день нѣ въ ночй, ажъ

по́ки не скончáлъ са самъ. Его́ то́лѣкъ прикры́лъ мо́щи ско́го довро́дѣа.

Въ и́стѣ! Звѣрѣ встыдáютъ сво́ею благодáрностїю не разъ розу́много чолов'ѣка.

Лишь благодáрность гру́дь че́стну здобúла;
Бо крáснымъ се́рдця всѣмъ кнúжúтъ зарóдамъ!
Во слáву всегдà онá ся числúла
И въ честь мóжнымъ, велúчным Народамъ!!

В. К.

143.

Лакомство.

I.

Царь Никифóръ.

Цáрь Никифóръ былъ óбще знáный ѩко дуже лукáвый чолов'ѣкъ. Скóро óувúдѣлъ себѣ на дрóнѣ, не знáлъ нúчъ важнѣйшого и нагалѣйшого ѩкъ предвсѣмъ забрáти всѣ гро́шы и дорогоцѣнности Ірúны, давнѣйшои Царúцѣ. Зáразъ на дрýгúй день посѣтúлъ ю̃, — мóвилъ, ѩкъ то великúмъ есть грѣхóмъ въ такъ тяжкúхъ часáхъ ховáти скáрвы по пивнúцахъ и заклáлъ ю̃, абы ему̀ пóдъ присáгою сказáла, мнóго онà пóдчасъ ско́го правлéня присвирáла погáтства. Ірúна подáла ему̀ доклáдный спúсъ всѣго и заклáла ся крестóмъ Спасúтела, що нúчъ не затайла, — и лишь просúла, абы Никифóръ за тóе, що онà добровóльно дрóна ся зрекла, съ нéю ся належúто и прилúчно овуходúлъ и позволúлъ, абы въ палáтѣ óтъ нéи на óувережѣ Пропóнта звóдованóй, моглà въ спокóю дни свóго житà закóнчúти. Пóдъ присáгою, котрý на вѣтеръ го-

вори́лъ, прире́клъ Никифо́ръ, що тїи справедли́вїи и оу҃мѣре́нїи жела́нїа Ірі́ины всѣ сѧ совреме́нно испо́лнатъ. Безъ про́волоки о҆тда́ла Ірі́на всѣ свої имѣ́нїа сребролю́бцѣви; но о҆нъ не що́ же всё емꙋ҃ о҆тда́не завра́лъ, но и привласти́лъ собѣ́ ко́ждꙋ найме́ншꙋ рѣ́чь, котра́ пале́жала до давнѣ́йшои Цари́цѣ, и велѣ́лъ на послѣ́докъ ю҆ самꙋ҃ замкнꙋ́ти въ монастырѣ́, о҆тдале́нôмъ о҆тъ Цариграда́, а потôмъ перенести́ на остро́въ Ле́свъ, где нико́мꙋ҃ не бы́ло позволе́но сѧ не́ю сообща́ти сѧ. О ней оу҃три́маню не хотѣ́лъ ничъ и зна́ти, а Ірі́на, непрастли́ва Кнагі́нѧ и колиś Цари́ца гре́ческа, бы́ла принꙋ҃жде́на пра́деньемъ совѣ́ на хлѣ́бъ насꙋ҃щный зарабла́ти. Она оу҃мёрла изъ грызоты́ ро́кꙋ҃ 803 въ 42 р. ско́го житѧ.

Но не былъ ненасы́тный Никифо́ръ довóленъ тимъ рабꙋ҃ником; о҆нъ такъ са́мо постꙋ҃пáлъ и съ ско́ними по҆дда́ными, котры́хъ здира́лъ всѧ́кими спосо́бами, абы́ що҆ своѐ сокро́вище повольши́ти. Зимнѣ́йше о҆тъ зóлота бы́ло его́ се́рдце, а его́ жа́жда не зна́ла нѣ́ конца́ нѣ́ мѣ́ры. Такъ н. пр. довѣ́далъ сѧ о҆нъ разъ слꙋ҃чáйно, що одни́хъ мѣщани́нъ въ Цариграда́ѣ полꙋ҃чи́лъ зна́чнꙋ҃ сꙋ҃ммꙋ҃ гро́шій. Хотя́чи тóю совѣ́ присвои́ти, велѣ́лъ, абы́ речёный мѣщани́нъ по҆дъ прися́гою оу҃казова́лъ, мно́го всѣ́хъ гро́шій въ свое́й пѣна́зници ма́ѣ. Перестра́шеный сознáлъ, що ма́ѣ сто фꙋ҃нтôвъ зóлота. Никифо́ръ росказа́лъ въ сей часъ то́е емꙋ҃ показа́ти. Такъ сѧ ста́ло. Оу҃вíдѣвши ла́комый Царь кра́снꙋ҃ кꙋ҃шкꙋ҃ вынича́чого сѧ зóлота сказа́лъ: „Непоним а́ю, на що мѣщани́нови, стоя́чомꙋ҃ по҆дъ защи́тою мóихъ зако́новъ, такъ мно́го зóлота тре́ба“ и далъ изъ цѣлóи сꙋ҃ммы

властúтелеви дéсать фѣнтôвъ назáдъ, а за дéкатьдесáть фѣнтôвъ запросúлъ зравóканого до сéбе на пúръ, и не соромúлъ сѧ овѫкúти: „що длѧ прóстого мѣщанúна повúнно тóе бúти бóльшимъ цáстьемъ, що рáзомъ съ скóнмъ Царёмъ пúрѣе, ѫкъ слúвы и дáльше зôставáлъ въ посѣдáнїю цѣлóи сѣммы."

На представлéньe свóихъ мѵнїстрôвъ: авѣ ласкавѣйше, съ свóими постѣпáлъ пôддáными, ôтповѣлъ жестокосéрдый Цáрь: „И мôй нарóдъ повúненъ мáти свóго Фараóна, во инáкше не вѣде знáти, що есть злóе!"

Но вúбила на конéцъ послѣдна годúна и длѧ Никифóра. Въ вôйнѣ протúвъ Болгáрамъ прошúбла стрѣлà егò каменнотвердóе сéрдце а всѣ егò имѣнїѧ, цѣлà воéнна пѣнáзница, цѣлé вóйско и все орѫжье попáло сѧ непрїятелеви въ рѫки. Царигрáдъ и всѣ провúнцїи до Грéцїи належáчїи воскликáли ôтъ рáдости почѫвши тѫю вѣсть — а хотѧ до 100.000 мѫжа зôстáло по чáсти на повоéвницы а прóчїи въ плѣнъ запрáвїи, то однáкожъ всѣ Грéки дѫмали достатóчно бúти вынагороджéными смéртїю самóю свóго гновúтелѧ. Егò гóловѫ стырчáчѫ на кóпїи вúставили Болгáри въ свóемъ тáборѣ черéзъ три дни; а потôмъ Корóль Болгáрôвъ, Хрóмъ велѣлъ ю здоймúти и зъ еи чéрепа вúдѣлати длѧ сéбе богáто позолочéный пѫгáръ, изъ котрóго при пировáнїѧхъ свóихъ достóйниковъ и цѣлóго свóго Двора пúлъ на погúбель Грéкамъ.

В. К.

II.

Коро́ль Ариперт.

Ариперт, Коро́ль Лонгова́рдовъ, отта́гнувъ съ во́йскомъ до Павіи, не могучи отпе́рти напа́ду Бава́ровъ втиснувшихъ ся до Іта́лїи. Зъ тои́ причи́ны повста́ло въ цѣло́мъ во́йскѣ велике неудово́льство. Ариперт подозрѣва́въ головнѣ зра́ду и рѣши́въ ся въ свое́й крайнѣйшои́ опа́сности утека́ти до Фра́нцїи. Къ тои́ цѣли забра́въ ся совои́ изъ ска́рбницы такъ мно́го зо́лота, якъ ниде́ было возмо́жно коло се́бе помѣсти́ти — и но́чїю утѣкъ зъ та́бору. Трѣба ему́ было предъсѣмъ переплы́сти рѣкъ Тесїнъ — но въ пре́кы всѣмъ его́ усїлїямъ не уда́ла ся ему́ та́ма перепра́ва, бо тягари́ зо́лота тягну́ли его́ ся совои́ на спо́дъ. Охо́та до житъ промовля́ла до не́го го́лосно: лиша́й ся зо́лота а спаса́й себе́! но по́хоть лъка́ва казала: шко́да зо́лота, чимъ бо и есть житье́ безъ не́го?! Ще́ разъ сильнѣйше промо́кнула охо́та до житъ: спаса́й себе́ а зо́лота ще́ на́йдешь до во́лѣ! но по́хоть лъка́ва примѣти́ла: верже́не зо́лото въ во́дѣ не выплыва́е на ве́рхъ! И такъ поне́же ему́ жа́ль было лиши́ти ся того́ ма́ѣтку, отъ́же найшо́лъ вра́зъ съ зо́лотомъ гро́бъ въ волна́хъ рѣки. На Ариперта́ справедливо ся то́е, що ла́комый ра́дше тра́титъ свое́ житье́, якъ еслибы ма́лъ розста́ти ся съ свои́ею мамо́ною.

В. К.

144.

Паукъ, муха и синица.

(Изъ Зорѣ галицкой.)

Коль почáло сóнце грѣти
Вы́йшолъ паýкъ зъ дóму,
Позаставля́лъ свой сѣти
Не рéкши никóму.

Самъ до шпáры знóва влѣзши
Скóро выглядáе
Ци до егò сѣти блúжше
Щóсь не присунáе.

Ажь ту мýха нещáстная
Въ летý ся спинúла,
И на зрáду небáчная
Жúтй ся збáвила.

Бо такъ дýже тóнко ткáнй
Сѣткй наукóвй,
Що ихъ трýдно розпóзнáти
Бачнѣйшóй головѣ.

Коль такъ мýха въ прóпасть впáла
Паýкъ потѣшилъ ся,
И крóвь зъ нéи высысáти
Зáразъ поспѣшúлъ ся.

Такъ то й людемъ ихъ вóроги
Сѣти заставля́ютъ,
Та невúннымъ средъ дорóги
Дыбы накладáютъ.

Тому́ трéба брáтьи мои
Остróжными бытй;
Щобъ такъ мýха нещáстнои
Дóлѣ не дожúти.

Хоть не вы́йшла паукóви
Гладко тáка зрáда;

Бо на обо́ихъ голо́вы,
Ста́ла та́йна ра́да.

Бо о̑тъ да́вна ся дивѝла
Синѝця на то́в:
Ꙗкъ до́бру хвѝлю у̑зрѣ́ла,
Лѝкнула обо́в.

Такъ! где одѝнъ на дру́гого
Сварѝтъ, вызыва́в;
Тре́тій прійдѣ, и зъ ко́ждого
Корысть потяга́в.

Е. Г.

145.

Кѣрно́сть слѣги.

Бертарѝдъ, сы́нъ Прибе́рта, короля́ Лонгова́рдовъ, за котры́мъ всю́да слѣ́дженo, повза́лъ рѣшѝтельнѣ и о̑тва́жнѣ га́дкѣ, ста́вити ся осовѝсто пере́дъ сво́имъ сопротѝвникомъ, королѣ́мъ Гримоа́лдомъ и проси́ти его̀ о оборо́нѣ. Гримоа́лдъ взрѣше́ный тимъ неограниче́нымъ довѣ́рїемъ, по̑дне́слъ о̑упа́вшого емѣ до но́гъ Бертарѝда, простѝлъ его̀ и назва́лъ его̀ сво́имъ бра́томъ. Потѣ́мъ велѣ́лъ емѣ просторо́нѣ пала́тѣ вы́значити на помешка́нье, о̑упорядкова́лъ его̀ домовѐ господа́рство и опредѣлѝлъ для не́го зна́чнѣ ро́чнѣ пла́тѣ. Чере́зъ скѣпленье ся мно́гихъ достоѝнико́въ и розлѝчныхъ обыва́телѣвъ въ пала́тѣ Бертарѝда повста́ла наконе́цъ за́висть въ Гримоа́лдѣ, и о̑нъ о̑ухвалѝлъ сво́го невеспе́чного сопротѝвника позва́вити житѣ. О̑ужѐ вы́значена бы́ла и но́чь, въ котро́й ма́ло ся то́е зло́вное дѣ-

ло исполнíти. Вечерóмъ послáлъ корóль Бертарíдови мнóжество ѿкъ найлѣчше припрáвленыхъ стрáкъ и ещѐ бóлыше колíчество найвкѹснѣйшого вїнà — и велѣлъ емѹ казáти, аѣ̀ весéло сѧ съ свóими дрѹгáми тóго вéчера забавлáлъ. Ґримоáлдъ дѹмалъ, що Бертарíдъ сѧ оупíѣ, а потóмъ твéрдо заснѐ, где вѣде мóжно безъ гáласѹ и крíкѹ и безъ наймéншого слѣдѹ вишíшного насíлїѧ егò спрáтати. Но хотѧ на всѐ вáчилъ, завѣлъ однáкожь, же и óко вѣрного и прозорлúвого слѹгú не есть слѣпѐ. Óтъ колькóхъ оужѐ днíй передъ тимъ ôткрúлъ чéстный Óнѹлфъ, слѹгà Бертарíда, ковáрство на своéго пáна; про тóе оуважáлъ ôнъ на найдрóвнѣйшїи рѣчи, котрíи бы емѹ моглú вúкѹснити всѣ обстоáтельства грозáчого невеспечéньства. Въ тóмъ послѣднóмъ чрезвычáйно приготовлéнóмъ оугощéню и широ́ванію пѹзнáлъ ôнъ сѣти, котрíи непосредствéнно застáвлено на пожадáемѹю жéртвѹ, и завѣдомилъ своéго пáна о всѣмъ подозрѣню. Бертарíдъ, аѣ̀ не дáти пѹзнáти королéви, що вѣсть, кѹдà то идѐ, вúдалъ замóвлене широ́канье, áле не пилъ пóдчасъ тóго вїнà, но чúстѹ вóдѹ, котрѹ Óнѹлфъ подавáлъ емѹ въ срѣбрнóмъ пѹгарí. Скóро гóстѣ сѧ розжúлú въ свожсí, загадáли такóжь Бертарíдъ и Óнѹлфъ съ однúмъ ещѐ не мéньше вѣрнымъ слѹгóю оутѣкáти, и оужѐ хотѣли опѹстúти помешкáнье, ѿкъ тóнжь самóи хвúлѣ стрáжи королéвскїи обкрѹжúли палáтѹ.

Но и въ тóй хвúли найопаснѣйшóй не лишúлъ сѧ ôтважный Óнѹлфъ притóмности дѹха; оубрáлъ въ сей часъ своéго пáна въ одéжѹ невóльницкѹ, понакладáлъ простúралъ на егò гóловѹ,

вложи́лъ матера́цъ и сѣнни́къ на пле́чи, взялъ кей до рѣкъ, и гналъ его́ пред собо́ю мовь то ѣко́го некольнника. Стра́жи конроси́ли, що то ма́е значи́ти? „Сей ледаи́цо," о҃тповѣлъ Онѣлфъ, „хотѣлъ менѣ стели́ти къ комна́тѣ Бертари́да, а емъ тре́ба вѣде мо́и о҃сѣзги на и дѣже, коли́ такъ са о҃тра́чилъ, що хива́ къ полѣдни продрѣуае са; о҃нъ спи́тъ, ѣкъ завѝтый! а ѝ хо́чъ выгодне́йше къ мо́емъ до́мъ переночева́ти. Ни҃ дальше, дальше," кли́кнѣлъ до перепра́ного некольника, о҃тдара́ючи его́ кеѣмъ ко́лька ра́зы зъ колька. Кожкй смѣя́ли са, а они́ она́ пойшли́ свое́ю доро́гою. Онѣлфъ поскори́лъ ся сво́имъ па́номъ къ о́къ дѣльницю мѣста, где плыне́ рѣка́ Тесси́нъ, и спѣсти́лъ его́ по шнѣрѣ чере́зъ мѣръ мѣстский. Бертари́дъ перепла́лъ рѣкѣ, взя́лъ сонѣ одного́ зъ пасѣчныхъ са на оволо́ню ко́ни́ и не спини́лъ са ажь къ Фра́нцїи.

Коли́ одна́кожъ офѣциръ, по́дъ котро́го роскда́зами зо́ставала вкѝслана стра́жъ, дѣмалъ, що клаcинѣ вкѝлавы сама́ до́вра пора́, исполни́ти королѣвское велѣнїе, жада́лъ, авы его́ принѣ́шено до спа́линѣ Бертари́да. Но одни́хъ изъ слѣгъ Бертари́да замкнѣлъ са къ спа́лни, и авы для сво́го па́на позыска́ти кольше вре́мене, не о҃тмыка́лъ то́и, по́ки возмо́жно вкѝло. Стра́жъ наконе́цъ зъ нетерпли́вости пасѝаѣмъ вкѝломала две́ри — но не найшо́вши Бертари́да принѣ́дила слѣгъ вкѝзнати, що са съ его́ па́номъ ста́ло. Вете́кло вергли́ са кожкй на слѣгъ и о҃ткели́ по́то́мъ его́ до Короля́. Безъ во́язни и съ всѣми подро́бностями оповѣлъ о҃нъ цѣлѣю рѣчь Мона́рхови, ѣкимъ спо́сомъ его́ панъ лиши́лъ пала́тъ. Гримоа́лдъ

вѣсл8ха8ши тое вопроси́лъ вс҃ѣхъ присѵ̀тств8ю-
щихъ, на ѿкѣ ка́рѣ засл8ж8е тотъ, котры́й далъ са
ѻ҃ржи́ти за сре́дство, абы пош8ти́ти сове́ зъ его́
роска́з8? „Смерть!“ кли́кн8ли вс҃ѣ, ѿкрывы од-
ны́мъ го́лосомъ. „Нагоро́дѣ!“ ѿтповѣ́лъ Мона́рхъ
и продолжа́лъ: „вели́кѣ и зна́менитѣ нагоро́дѣ за-
сл8ж8е вѣ́рный сл8га́, котры́й, абы свои́мъ па́нови
житье́ ѻ҃братова́ти, самъ себе́ принѣ́ситъ въ же́р-
тв8. Отъ ны́нѣ прїе́млю ѿ тако́го сл8гѣ въ мою́
сл8жбѣ и нада́мъ ем8 поса́дѣ ѿтповѣда́ючи его́
пра́ведности и доврод҃ѣтели — и над҃ѣю са, що
о҃нъ и менѣ вѣдѣ сл8жи́ти съ то́ю само́ю прида́н-
ностїю и вѣ́рностїю, ѿкъ свои́мъ дотепер҃ѣшнимъ
па́новн.“ Коро́лъ попы́товалъ са по́тѣмъ за Он8лфомъ.
Ска́зано: онъ сохрани́лъ са въ це́ркви свято́го Ярха́нгела Михаи́ла. Коро́лъ овѣ҃вѣ́лъ,
що о҃нъ ѻ҃пова́лъ на королѣ́вское сло́во, най са
ѿвѣ́ритъ безъ бо́язни пере́дъ не́го. Он8лфъ прїе́-
шо́лъ и росповѣ́лъ ем8, що са да́льше съ Бер-
тари́домъ ста́ло. Тако́жъ и вѣ́рность Он8лфа
похвали́лъ Гримоа́лдъ, дари́лъ его́ дорогоцѣ́н-
ностьми и сказа́лъ: що съ вели́кимъ задоволе́-
нїемъ вѣдѣ и нада́лъ его́ въ сво́ихъ по́чтѣ дво-
ра́нъ ви́дѣти. Но че́стный Он8лфъ пода́ковалъ
за всё и овѣ҃вѣ́лъ, що ра́дше хо́че дѣ́лити съ
сво́имъ па́номъ всю́ недо́лю и недоста́тки непѣ́в-
ного житъ, ѿкъ безъ не́го тѣ въ изъ́ловѝлъ про-
жива́ти. Гримоа́лдъ назва́лъ Бертари́да цластай-
вымъ, що таки́хъ сл8гъ або властѝко таки́хъ
прїе҃телѣвъ найшо́лъ — и наказа́лъ вы́дати для
Он8лфа найкра́шшїи ко́нѣ изъ королѣ́вского ста́-
да, гро́ши и все въ далѣ́кой по́дорожи потре́бне

снарядье, по чемъ Онъдфъ выправилъ см въ сей часъ въ дорогѣ за своимъ паномъ.

В. К.

146.

До здоровъ.

(Подля Коханóвского.)

Кто здоровье маѣ,
Такъ долго не знаѣ,
Якъ оно смакуѣ. —
Докись не попсуѣ.
Кождый такожъ чоловѣкъ
Се давно беспечно рѣкъ.
Що богатство, та весь свѣтъ
За здоровье не стойтъ;
Бо срѣбро, имѣнье,
Дорогѣ камѣнье,
Урóды доброта
Ей вся красота,
Вышше достóинство
Такóжъ чиновъ мнóжество
Суть добрыми нио;
А здоровье надъ всё!
Бо если нѣтъ силы
То весь свѣтъ не милый!

Іос. Лѣвицкій.

147.

Границѣ гостинности.

Много примѣровъ въ Св. Бѣблїи маемъ, якъ гостинными сѣтъ люде на Востóцѣ. До такихъ гостелюбивыхъ належатъ такожъ Арабы, котрїи пришедшого до нихъ нѣколи см не пыта-

ютъ: зъ ôтки прихóдитъ и кѣдà идѐ, а то лúшь дла тóго, во рáди оу̑ сéве кóждого гости́ти. Но одúнъ Єуропéйчикъ почѣвши о тôмъ гостелю́вïю Ярáвôвъ загадáлъ кóлька лѣ́тъ помéжи Ярáвами сѧ гости́ти, абы́ опрадúти совѣ́ выдáткôвъ на оу̑дéржанье житà; надывáлъ однáкожъ зáразъ зъ початкѣ́ на Ярáва, котрúй не чúслилъ сѧ до особлúво гостелювúвыхъ. Но звычáи Ярáвôвъ прïймúлъ речéный Ярáвъ чѣжинцà и гости́лъ егò черéзъ трй дни оу̑ сéве; но чѣжинéцъ дѣмаючи, цо то чимъ дáльше, то емѣ́ господáрь радѣ́йшúй вѣде, нелáгодилъ сѧ до дáльшого пѣтешéствïа. Дня однáкожъ четвéртого осѣдлáлъ самъ господáрь вельблю́да чѣжинцéви, котрúй не зважáѧ на тóе остáлъ сѧ на гости́нѣ. Ярáвъ не могъ́чи сѧ свóго гóстя лáгоднымъ спóсобомъ позвы́ти написáлъ до нéго кáртѣ такóго содержáнѧ:

„Ци ты дрѣ́же не чѣвáлъ есь, же гôсть есть дня пéрвшого зóлото; дрѣ́гого срѣ́бро; трéтого цúна? Дня четвéртого стаѣ́ сѧ ôнъ óловомъ; пáтого дéревомъ; а шéстого огнѣ́мъ, котрúй дня сéмого розпадáе сѧ въ пóпѣлъ; а съ тимъ не мóжъ нúчъ úного почáти, ѩкъ рáзомъ съ смѣтьéмъ вымести не дворъ.“

В. К.

148.

Пóвѣстка старóго Сáвы зъ Подгóрѧ, австрïйского вóяка.

Колú Ирой, сынъ Кóрсики
Вѣкôвъ нáшихъ вождь велúкій
Пôдвалúны свѣта стрясъ;

А всѣ наро́ды Евро́пы
По́дъ его́ звале́нй сто́пы
Застогна́ли въ оди́нъ часъ:

Коли́ кня́зѣ и престо́ли
Змѣня́лися зъ его́ во́лѣ
И не оди́нъ въ гру́зы впа́лъ;
Онъ о́рдами зъ надъ Секва́ны,
Въ долголѣтно́й тяжко́й бра́ни,
Кра́й Австрійскій залива́лъ:

Тогды́ въ ро́венихъ Веро́ны,
Для Ломба́рдо́въ охоро́ны,
Ка́роль, Архикня́зь стоя́лъ;
По́дъ нимъ мно́гихъ ро́до́въ дѣти,
Якъ собра́нй песны́ цвѣты
Стерегли́ Мона́рха пра́въ.

Ме́жи ни́ми — ру́ска сла́ва,
Го́жй хло́пцѣ зъ Станѣсла́ва,
Зъ Коломыи легѣнѣ:
Полкъ Бу́лiи съ хоругво́ю
Розпростира́лъ си́лу свою
Въ перозорна́но́й стѣнѣ.

Ужь не ти́млю — якъ го звано:
Ци Арколе — ци Леньа́но,
Ци котрѣ зъ Ита́льскихъ мѣстъ:
Тамъ точи́лъ си бо́й керна́вый
А ско́нчилъ для на́шихъ сла́вы,
Якъ на́мъ ко́ждый оповѣстъ.

День былъ кра́сный, весна́ ми́ла
Цвѣтомъ зе́млю пристели́ла,
И пора́нокъ золоты́й,
Мы гото́вй у́жѣ до бо́ю
Ко́ждый зла́дилъ шаснy збро́ю
И о́тмо́вилъ па́цѣрь спо́й!

Въ рядáхъ тúхо, глýхо, сýмно;
Гéйбы кóждый въ своѐ трýмно,
Отворéне поглядáлъ;
Разъ морóзъ пóйдѐ по тѣлѣ
Кровъ ýдáритъ въ лúцѣ смѣлй
Ажь стрясѐ ся весь состáвъ!

Товáрищѣ шéпчутъ прóщи;
„Сли врáгъ кýлею нáшй мóщи,
„Въ сырý зéмлю повалúтъ,
„Кого сей разъ не досúгне
„Най на гробъ нáшъ землѣ кúне,
„И родúнѣ ознаймúтъ,

„Що въ тузѣ за свóнмъ крáемъ,
„Въ чужóй землй ýмирáемъ,
„Якъ ся вóяку годúтъ:
„И съ собóю той знакъ чýлый:
„Щóсьмо вѣрнй Цáрю бýли,
„Понесéмъ на тамтóй свѣтъ!

Офіцúры зъ вóжда вóлѣ
Роздаючй нáмъ парóлѣ,
Додавáли дýха всѣмъ:
А вóждъ хráбрый перéдъ нами,
Оточéный старшинáми
На кóнику воронóмъ:

Такъ промóвилъ: „Мой дѣти!
„Нынѣ бýдемъ врагóвъ бúти
„Европы рыцаря;
„Вáша храбрóсть, свѣту ѩвна,
„Стрáхъ гетъ на бóкъ! бо смéрть слáвна
„За Отчúну и Царя!

Нѣбы мóря шýмнй фáлѣ,
Всѣ ся грóмко отъзвáли,
Блысли збрóею и мечéмъ!

„Жéсьмо вѣрнѣ! днéсь докáжемъ,
„Бóрше въ бóю всѣ поляжемъ,
„Но зъ мѣстця не утечéмъ!

Ци то бóры съ вѣтромъ грáютъ,
Ци ся съ шýмомъ посувáютъ?
И вершкáми миготятъ?
Ци ся хмáры гдесь урвáли
Зъ берегóвъ повыливáли,
Валóмъ грýбымъ къ намъ летятъ?

Ци сигли ся запалúли,
Густúмъ дúмомъ свѣтъ затьмúли
Въ очерéтахъ горúтъ лóмъ!
Ци воздушнѣ Алпóвъ щúты
Хóче въ прóпасть повалúти,
Зъ чóрнои хмáры мéсный грóмъ?

Нѣ! то Фрáнкóвъ оборóты,
Нѣбы въ танéцъ до охóты
Смѣлый вождъ складáе въ рядъ:
Рýчна збрóя и армáты
Зачинáютъ провидáти
Густѣ кýлѣ, нѣбы грáдъ.

Улицáми середъ пóля
Кукурузы, рыжъ, топóля
По надъ рѣчки береги:
По сѣмъ бóцѣ нáшѣ рóты,
А зъ тамтóго — нѣбы плóты
Розставлéнѣ вороги. —

„Гýрра!“ „хлóпцѣ!“ загремѣло
„Въ имя Боже!“ „лише смѣло!“
Гóмонъ въ хмáрѣ ся отбúлъ!
Курки блúсли — кýльки свúсли,
Пушóкъ пáщя пожáръ прúсли,
Дúмъ ся клýбомъ повотúлъ!

Бы́стрй ко́нѣ чвало́мъ го́нятъ,
Ща́блѣ ѣасній и́скры ро́нятъ,
Въ похо́дъ гу́чно ба́нды тнутъ:
Гу́чно — а вамъ не до то́го:
Бо по́дъ бо́комъ не зъ одно́го
Пѣскй те́плу кро́вцю пьютъ!

Кри́къ, — зо́йкъ, гро́момъ глушйтъ уха,
Видъ тьми́тъ ды́му завору́ха,
Середу́дня надѣ змрокъ:
Мы обля́нй тяжки́мъ зно́вмъ
Премъ Францу́зо́въ си́льнымъ бо́вмъ,
Плати́мъ кро́вю ко́ждый кро́къ.

Уже́ о́лова сме́ртна си́ла
Густй ла́вы прорѣди́ла,
Акъ поко́съ мертве́цъ лежи́тъ:
Зъ обо́хъ сторо́нъ мно́гй стра́ты,
Мы бье́мъ жва́во, — лишь не зна́ти,
Кто зъ насъ по́ле удержи́тъ?

Въ то́мъ адъю́тантъ даѣ зна́ти:
„Хло́пцѣ! мо́ста добува́ти!
„Що на ре́чцѣ ни́жше — ге́тъ!
„Во́рогъ ху́тко зача́лъ кла́сти,
„Щобы зъ бо́ку на на́съ впа́сти·
„Ступа́й Бу́лья на пере́дъ!“

„Набо́й о́стрый! — а багне́ты,
„Въ стрѣльбы сто́рцомъ застроми́ти!
„Жва́во! кро́ки подвойтъ!“
Нѣмъ ско́ньчи́лъ, — а мы въ то́й хви́лн
Густо́ю ла́вою повали́ли
Ворого́ви на сосре́тъ!

Тужь! на ре́чки бо́цѣ лѣво́мъ
Уже́ ся Фра́нкамъ въ о́чи ди́вимъ,
И при́ступомъ бере́мъ мо́стъ;

Рясни́й ку́лѣ и баґне́ты
Вали́тъ му́жѣвъ — я́къ зъ трепе́ты
Си́лна бу́ря жо́лтый ли́стъ!

Уже́сьмо тру́помъ загати́ли
Бы́стру рѣ́чку — мо́ста взя́ли
Кра́вымъ бо́вмъ бо́льшу ча́сть,
Силъ оста́тныхъ добыва́вмъ,
Тяжкій на́падъ о̂тпира́вмъ,
Чей ся ре́шта ща́стно у̂да́сть!

Але! ци ихъ чорто́въ си́ла
Принесла̀? — ци пта́хо́въ кри́ла?
Я́къ ся взя́ли въ ро̂вниѣ?
Гдѣ́сь тамъ ни́жше шваліе́ры
Чвало́мъ рѣ́чку перебро́дили
И взялѝ насъ въ два̀ огнѣ!

Сме́рть! поги́бель! бра́тья всю́ды!
Шаблѣ въ пле́чи; — ку́лѣ въ гру́ды,
Мно́гій во́якъ зъ мо́ста — мя́къ!
Мутна̀ рѣ́чка зъ ру́ском крвй,
А изъ на́шои хору́гви
Не оста́лъ ся ли́шь паты́къ!

Мы пере́дній ослабле́ній,
И о̂тъ На́шихъ о̂тътне́ній
Сло́во: „На́рдонъ!“ — не рекли́!
Въ ряда́хъ за́дныхъ бо́льшій си́лы,
Врагово̂въ сте́ны проломи́ли,
И — — до сво́ихъ утекли́!

Насъ на мо́стѣ — го̂рька̀ бѣда̀!
Обско́чили я́къ псы дѣда
Ворогй — и го́рнутъ въ пле́нь!
О̂тъбра́ли, где що бу́ло
Ґве́ръ, баґне́ты, по́рохъ, ку́лю,
Нѣчи́мъ би́ти; — ану́ ги́нь!

Мы голѣру́чь — съ ору́жиною
Праца́вмъсь, я̃къ съ друзи́ною —
Слеза̀ ка́пле доло̂въ ли́ць;
Такъ сто му́жа зъ батальо́ну
Гетъ займи́ли до призо́ну
Якъ теля́та до рѣзни́ць!

А въ то̂мъ зъ за́ду — що за ди́во?
Ци зо̂рна́лъ ся ви́хоръ жи́во?
И тумано́мъ копоти́тъ;
Ахъ! то намъ на оборо́ну,
Кираси́ро̂въ по̂лъ шивадро́ну
Чере́зъ по́ле въ чва́лъ лети́тъ.

Нѣ́бы зъ хма́ры ра́зомъ вна́ли,
Зъ ру́къ чужи́хъ насъ о̂тъбра́ли,
Го́рдый во́рогъ ху́тко зни́къ:
Бо тельмо́мъ, я̃къ вода̀ зъ спу́сту,
Всѣхъ посѣ́кли на кану́сту!
Лишь съ ору́жіемъ во̂зъ у̂тѣ́къ!

„А! сла́важь Ти Бо́же ми́лый!
„Ще живцемъ насъ хоть не съѣ́ли!
„Же верта́емъ хоть такѝ!
„Че́сть войцку чеѝ не стра́тимъ,
„И Францу́замъ ся о̂тпла́тимъ!
„Ще здоро́вѝ кулакѝ!

А коме́ндантъ насъ въ двѣ́ ла́вы
Гѣтъ за фро́итомъ тамъ поста́вилъ:
„Вы беззрбо́инѝ сто̂йте тутъ,
„Щобы во́рогъ не взрѣ́лъ лю́ки!“
А мы поспуска́вши ру́ки,
Ди́вимо ся, я̃къ насъ бю́тъ!

Осина̀ му! Фра́нцузъ лю́тый,
И ту́тъ не да́сть о̂тътхну́ти!
Такъ насъ ду́же полюби́лъ!

Не до́сть! же намъ побѝлъ му́жье, —
И забра́вши всё ору́жье,
Ще зъ насъ ду́рнѣвъ поробѝлъ.

Ско́ро зазрѣ́лъ — сюда̀ — туда̀; —
Що ко́ло на́съ гру́бше лю́да,
Вы́цѣлилъ на на́съ пушкѝ:
Цѣлѣсенька бате́рія,
Зарыча́ла нѣ́бы змія,
Лети́тъ ку́лѣ ѝкъ грушкѝ!

Лѣ́дво ко̂лька хвиль мина́ѣ,
Оге́нь ду́жше докуча́ѣ;
Ви́димъ бли́зко нашъ коне́цъ:
Ку́ли ку́лю постига́ѣ,
Мужъ по му́жу поляга́ѣ
Нѣ́бы Сѣчни пластове́цъ!

Адъюта́нта слова̀ чу́ти:
„Тамти́хъ тре́ба въ бо̂къ цофну́ти!
„Бо цѣль взя́ли порогѝ!
„Онѝ зъ збро́и обголе́нѝ,
„Стоя́тъ нѣ́бы осу́дже́нѝ,
„И поги́нутъ до ногѝ!“

Ста́ршѝ и́нѝ надбѣга́ютъ,
Бриґади́рю предлага́ютъ:
„Ко́нче насъ взя́ти хоти́тъ!
А бриґа́диръ — ца́пу — ля́пу!
Розклада́ѣ ѝкусь ма́пу:
„Такъ пля́нъ ка́же: най стои́тъ!!“

Па́доньку нашъ нещастли́вый!
Чого́жь мы ще ту дожи́ли!
Такій пля́нъ! — ай! го̂рькій свѣ́тъ!
Ѝкъ о̂вцѝ по̂дъ но̂жъ ляга́ти,
И безъ по̂мсты умира́ти!
А цижь то ся такъ годи́тъ?

Єщѐ насъ ôсьмдесѧ́ть чты́ри
Ѧкъ быдля́та на офѣ́ры,
Стонмò безъ оружи́нъ:
Въ тôмъ ны́скочилъ зъ пе́ршои ла́вы,
Нôдъôфіциръ, легѣнь жва́ный,
Гдесь зъ нôдъ гôръ попôвскій сы́нъ:

„Ану́ хло́пцѣ! — намъ то зна́ти,
„Ци сѧ́къ — ци та́къ — умера́ти!
„Разъ умрѐ — ктось разъ роди́лъ!!
„Пришомнѣ́тъ си ѧ̃къ то до́ма:
„Где чупры́на гей соло́ма
„Круго́мъ лежи́тъ по нôдъ стôлъ!

„Або́ въ лѣ́сѣ, где суть зру́бы
„Кто зъ нечи́стои лишь гу́бы
„Вы́пустилъ ѧ̃ку зъ оби́дъ;
„Вы свѣ́домѝ то́и робо́ты
„Съ медве́демъ ся побороти,
„Въ полони́нѣ вамъ не встыдъ!

„А ту ру́ки поспуска́ти;
„И споко́йно сме́рти жда́ти
„Цижь то сла́ва для жолнѣ́рь!
„Щобы́ Францу́зы — псѣ жи́лы!
„До одно́го подуси́ли,
„Нѣбы зъ ба́нтôвъ ку́ры тхôрь!!

„Ану́ хло́пцѣ! такъ по свóму,
„Че́стну вѣ́сть пôшле́мъ до до́му —
„Наи́ Гуцу́лôвъ зна́ѥ свѣтъ!
„Дивѣ́тъ! о́нде въ виногра́дѣ,
„Гру́бе ты́чье стои́тъ въ рядѣ́,
„Съ кра́сным ъ кôльёмъ до́лгій плôтъ!

„Ану́“ — а са́мъ плю́нулъ въ жме́нѣ!
А мы роёмъ гей шерше́нѣ,
Повали́ли за нимъ въ чва́лъ;

Ко́ждый вы́рвалъ, що мо́гъ ско́ро;
Ты́чку, ко́лъ — або по́дпо́ру,
Абы́ въ ру́ки щось до́ста́лъ!

„Те́перь да́лѣй, въ и́мя Бо́га!
„На Францу́за намъ доро́га,
„Що насъ лю́то до́сы би́лъ!
„Мы ся всѣ перекрести́ли,
„Съ вѣ́тромъ на вздого́нъсь пусти́ли
Ажь ся по́рохъ закури́лъ!

Уже́сьмо бли́зко — а въ то́й хви́ли,
Исни́ лю́нты засвѣти́ли,
Ивна — але сла́вна сме́рть!
Они́ мы́слятъ, що варьи́ты
Бѣ́жатъ съ ко́льёмъ на арма́ты
И ще собѣ строи́тъ жа́ртъ!

Въ бо́йцѣ жа́рту мы не зна́емъ!
Чимъ разъ бли́жше по́дбѣга́емъ,
Уже́сьмо ко́лье по́днесли́:
Ахъ! я́къ сы́пнутъ зъ пушо́къ ра́зомъ!
Де́сять на́шихъ сте́литъ пла́зомъ —
Ажь земле́ю потрисли́!

А мы ско́комъ на ливе́ты:
Я́къ зачне́мъ ко́льемъ вали́ти,
Кого́сьмо ли́шь засигли́!
Хоть намъ кли́ли и кинча́ли,
Но пушо́къ не набива́ли!
Всѣ до ногы́ полягли́!!

„Такъ ва́мъ тре́ба лю́ти дѣ́ти!
„Зна́йте я́къ кровь ру́ску пи́ти!
„Тепе́рь земле́ю закусѣ́тъ!!
„Мно́ги зъ ва́шихъ ру́къ поме́рли,
„И намъ есте́ честь вы́дерли,
„Такъ ся по́якъ кри́вды мсти́тъ!“

Ско́рше ко́нѣ припряга́ємъ,
И съ пушка́ми о̂тбѣга́ємъ
А Францу́зо̂въ гу́стый ро̂й,
Ту́жь за на́ми, а мы да́лѣй
Ѩкъ ма́ртовй съ ви́хромъ фа́лѣ
Забѣга́ємъ за фро́нтъ сво̂й.

Хоть мале́ньке на́ше дѣ́ло:
Цѣлѐ войско покрѣпи́ло,
Въ сумны́хъ свѣ́жій ду́хъ вступи́лъ;
„Вразъ до бо́ю!“ закрича́ли
Цѣлы́мъ го́ромъ енера́лы;
„Непрія́тель по̂дступи́лъ!“

Ту зача́лъ ся на баґне́ты
Бо̂й керва́вый и завзя́тый
Ѩкъ сгада́ю, ще ми стра́хъ!
Со́нця лу́ци у̂жѐ згаса́ли,
Нѣмъ на́шй прагво̂въ прогна́ли
И поби́ли, гетъ на пра́хъ!

Мы тимъча́сомъ ѩкъ на гра́ни
Обвива́ємъ свѣ́жй ра́ны
Лахмана́ми на́шихъ ша́тъ:
Бо францу́скй канонѣ́ры
Шабля́ми насъ гу́сто зры́ли,
Нѣмъ пота́хли о̂тъ арма́тъ!

Супочи́нокъ на́шъ мина́є,
Бо полко́вникъ надлѣта́є
Сопѐ, ѩкъ въ ку́зни мѣшо́къ;
Кричи́тъ, свари́тъ, що му си́лы,
А не ви́дитъ, же́смо взя́ли
Отъ Францу́зо̂въ шѣ́сть пушо́къ?

„Ѩкъ вы смѣ́ли безъ веле́ня
„Ити́ зъ мѣ́стця, въ смерти тѣ́ня!
„Чу́вши: „сто̂й! на ко́ждый кро́къ?

„Те́перь ко́ждому куі́ону
„Ка́жу да́ти безъ пардо́ну
„Тугі́хъ пятьдеся́ть пало́къ!

„А фелве́бель зухова́тый
„Що сме́лъ дру́гихъ бунтова́ти,
„Зуфа́льствомъ сп ско́палъ гро́бъ:
„Ауди́тора су́дъ вое́нный
„Осу́дитъ его́ прови́ны
„И до́ста́не ку́лею въ ло́бъ!

„Тутъ ма́вте рядо́мъ ста́ти,
„Що ся ста́не мо́лчки жда́ти,
„Су́дъ вамъ за́разъ обнѣсти́тъ."
Отъ та́къ же! За на́ше жи́то,
Якъ то ка́жутъ — вще́ насъ би́то!
Го́рькій же вашъ, те́мный свѣтъ!!

И у́же́ бу́бны, зъ плечі́й зня́ли,
И капра́лѣвъ поскыка́ли
Ко́нче би́ти, тай въ сей ча́съ!
Въ то́мъ лети́тъ шта́бъ енера́льный,
Въ середи́нѣ Вождъ нача́льный,
Зъ боёвища въ про́стъ на насъ!

И пыта́ютъ: „Що ново́го?
„За що въ су́дѣ лю́да мно́го?
„Кто зъ ни́хъ и що провини́лъ?"
А полко́вникъ — стра́хъ сгада́ти
Якъ начне́ имъ повѣда́ти,
Ажь ко́ждый зъ насъ остолпѣлъ!

Тутъ фелве́бель припни́лъ бо́рту,
И про́ситъ ся до рапо́рту,
Кладе́ ру́ку на чоло́:
Всѣ цѣка́вй, що принесе́тъ,
А о́нъ сме́ло всё голо́ситъ,
Такъ до кры́хты якъ було́!

Въ ре́штѣ мо́вивъ: „Такъ зухва́ло
„Се́рдце на́ше не жада́ло:
„Зъ мѣ́стця бо́ю утечи́:
„Але гна́лъ насъ жа́ль роспу́ки
„Що нема́ що взя́ти въ ру́ки
„Абы бра́тьимъ помочи́

„Отъ! стоя́тъ тоты́ арма́ты
„Що уда́ло ся намъ взя́ти,
„Осьде ра́ны, весь на́шъ блу́дъ!
„Мы послу́шний для старшины́
„Оте́чества вѣрни́ сыны́,
„Прійме́мъ вда́чно пра́вый су́дъ!

Въ то́мъ прискочи́лъ къ на́мъ близе́ньно
И промо́вилъ лагоднёнько
Ка́роль, Во́ждъ нашъ, Архикня́зь:
„Послушёньство здоби́ть зброю́,
„Покрѣпля́е си́лы въ бо́ю
„Заруча́е намъ звыти́зь!

„Сли́бысьте то въ йиной цѣли
„Въ тако́мъ ра́зѣ учини́ли
„Стро́гій судъ бы на насъ вна́лъ;
„Але взя́вши на розва́гу
„Ва́шу вѣрно́сть и о́тва́гу
„И той чи́нъ, що ся уда́лъ;

„Верта́емъ вамъ че́сть повы́шну,
„Отпуска́емъ всю провы́ну:
„Слава́на ва́ша хра́бро́сть бу́дь!
„На па́мятку то́и хы́ли,
„Гдѣсьте врагово́ъ побѣди́ли
„Крѣстъ оздо́бить ва́шу гру́дь!

„Всѣхъ о сте́пень посува́ю
„Надгоро́ду прирѣкаю,
„А же со́тникъ вашъ упа́лъ;

„Сей фелвéбель, що провáдилъ
„Васъ до слáвы и не зрадúлъ,
„Сгò мѣстце днесь занúлъ!'

„Вѣватъ! Úрой нáшъ най-жíвѣ!
„Що каráти, такъ умѣв
„Слáва! Чéсть Му! Гýрра! га!"
Такъ мы грóмко закричáли,
Бо пóдъ Нéмъ лúшь нéвúй хвáлы,
Всюда ишлúсьмо на врагà!

Цн прáвда? Не небылúця!
Кáжутъ, що самà Царúця
Вышывáла хоругóвъ,
Котрóю, по тóмъ страшнóмъ бóю
Дополнéнну сúлу свою
Бýлію здобúла знóвъ!

Такъ мн Сáва изъ Пóдгóря,
Старый вóякъ, гóденъ вѣры,
Росповѣдáлъ дáвну вѣсть:
Кто зъ книжóкъ бóльше читáв,
Або óткись лýчше знáв
Най Вамъ лѣпше оповѣсть.

Антóнъ Л. Могúльницкій.

149.

Сѣверно-костóчна Оугóрщина.

Пóдъ сѣверно-костóчною Оугóрщиною розумѣемъ óвѣю часть тóго австрíйского корвнного краю, котрà лежúтъ внóтрь грaнúць почáвши óтъ Семигрáда, Бúковины, южного хребтà Галицíйскихъ Карпáтъ, по рѣкѣ Пóпрадъ и Замóша.

Поземелье тóи чáсти Королéвства Оу̀гóръ есть по вóльшóй чáсти горúсте, а почáвши вздóлжъ пóдножïа сѣверныхъ Карпáтъ покрывáютъ отвѣчнïи лѣсы тïи стóроны. — Мéжи рѣкáми заслýжье Тúса на первéньство. Онà мáе свóи истóчники въ самóмъ оу̀глѣ творúмóмъ Карпáтами и Семиградскими гóрами назвáнïи Бѣлою и Чóрною Тúсою; и прïймáе въ свóемъ южно-зáпаднóмъ течéнïю изъ сѣвера Бúшовъ, Мáрмарошъ, Бертáньскыо рѣкъ, Рѣнъ, Талабóръ, Ягъ, Боржáвъ, Крáснъ, Чарóдъ, Латорúцю, Оу̀гъ съ Тѣрьею, Тѣрúцею, Лютою, Лавóрцею, Ондáкою, Орúкомъ и мнóго úныхъ мѣлкúхъ потóковъ а завернýвши сѧ на югъ черéзъ стéпы впадáе въ Дýнáй.

Превáжнѣйшъ множáйшóсть жúтельства тóи чáсти становáтъ Рѣсинú, по нúхъ слѣдýютъ Ромы́нии (Волóхи), потóмъ Мадáри, Нѣмцѣ, Словакú, Ормéни и Жидú.

Рѣсинú займáютъ неóмаль цѣлïи столúцѣ (жупáньства) Марморóшскыо, Берéжскыо, Оу̀гóчскыо, Оу̀жгорóдскыо и Сатмáрскыо съ сѣверными сторонáми Земнéньскон и Шарúшскон; нахóдатъ сѧ такóжъ въ велúкóмъ числѣ въ столúцахъ Спúжскóй, Яславáрскóй, Торнáнскóй; по чáсти въ Боршóдскóй, Гемéрскóй и Запóлчскóй, но мнóгïи зъ тúхъ Рѣсинóвъ вéсѣдýютъ мѣстцáми по словáцки — наконéцъ въ Бѣгáрскóй и въ Чонградскóй столúцахъ нахóдимъ Рѣсинóвъ чúсленно. Числó всѣхъ Рѣсинóвъ въ Оу̀горщинѣ выносúтъ свышъ пóлъ мúлïóна.

Въ óвыхъ столúцахъ, въ котрúхъ Рѣсинú становáтъ мéншóсть, тамъ Ромы́нии (Волóхи) становáтъ перевѣсъ, а то предвсѣмъ въ южныхъ

столѝцахъ и по надъ рѣкѣ Замо́шѣ, котры́хъ (безъ обита́ющихъ въ Семигра́дѣ) приближи́тельно до 400,000 можъ чи́слити.

Мада́ри сѣ́ть по всѣ́хъ вы́ше помянѣ́тыхъ столѝцахъ порозсы́пованіи и станова́тъ то бо́льшіи то ме́ньшіи чи́сто мада́рскіи гр̃шны.

Нѣ́мцѣ жи́тельствѣ́ютъ по бо́льшо́й части въ мѣста́хъ и занима́ютъ сѧ торго́влею и промысло́ванъемъ.

Словакы́ обита́ютъ почы́вши о́тъ Попра́дскои долѝны къ за́падѣ.

О́рмени находя́тъ сѧ въ Мармаро́шѣ.

Жидо́ве поселѝли сѧ повѣ́йшими часа́ми въ зна́чно́мъ количествѣ въ сѣверны́хъ столѝцахъ.

Пре́дки нынѣ́шныхъ Оу̃горскихъ Р̃сино́въ належа́ли до скѝптра осно́ваного Ростисла́вомъ Велѝко-Мора́вского Кня́жества, и въ IX. оу̃жѐ столѣ́тїо о́тъ Апо́столо́въ Славянъ Кѷрѝла и Меѳо́дїа прїѝмѝли Христїа́нство по́дле о́брѧда восто́чнои Цѣ́ркве. Колѝ же чере́зъ сѝлынїи, о́тъ р. 890 — 907 продолжа́ючїи сѧ оу̃да́ры Мада́ро́въ Велѝко-Мора́вске Кня́жество сѧ розвѝло — переселѝла сѧ велѝка часть жи́тельства въ Карпа́тскїи го́ры, и переходѝла къ сво́имъ одноплеме́нникамъ, съ котры́ми о́тъ се́го часа́ въ тѣ́снѣ́йшо́й свя́зи по́дъ о́бщимъ ѝменемъ „Р̃сино́въ“ остава́ла. Зна́чна одна́кожъ ча́сть не перемѣни́ла сво́го сѣдѣ́лища, но оста́ла по́двласъ пришѣ́ствїа Мада́ро́въ по́дъ сво́имъ Кнѧзе́мъ р̃скимъ (Дѫ́ка — Влади́ка) Лаво́рцемъ при дома́шно́й ва́трѣ — а оу̃множе́на Р̃сина́ми прише́дшими по́здне́йше съ Мада́рами, пото́мъ попо́лнена Р̃сина́ми поселѝвшими сѧ въ тѣ́и сто́роны

подъ Царями Арпадового племене: Андреемъ I. и Коломаномъ, а пóздн'Ейше знóвъ пóдъ Б'Елою IV. и Ладислáвомъ Кзмáномъ, кр'Епила сѧ въ внѣтрiи скóемъ и изъ внѣ. Имѧ рѣское всклавило сѧ еще вóльше въ пéрвой половúнѣ XIV. столѣтiѧ, колú Кнáзь Подóльскiй Θеодóръ Корѣтóвичъ лишéный свóихъ óтц'Евскихъ земéль прiйшóлъ въ Оу̑гóрщинѣ и полъчúлъ óтъ Царѧ Лздовúка Велúкого домúнiи Мзкачéвскзю и Маковúцкзю а назвáвши сѧ Князéмъ Рзскимъ, построúлъ мнóго Церквéй, позакладáлъ и в'новáлъ мнóгiи монастúри, позаводúлъ шкóли и сталъ сѧ защúтникомъ и покровúтелемъ нарóднаго просв'Ещенiѧ.

Оу̑гóрскаѧ Рѣсь розпространúла сѧ еще вóльше на востóкъ въ кóнцú XIV. столѣтiѧ, колú Гáлицкiй Рѣсинъ пéртiи óрдами дúкихъ Татáръ вúгнанъ прин'Ждéнiи оу̑ свóихъ совратúй Оу̑гóрскихъ прив'Ежúща искáти — онú займúли онѣстоп'Ещи м'Естцѧ мéжи Карпáтами и гор'Ешною Тúсою.

Земленúсное положéнье с'Ед'Ещихъ Рѣсинóвъ вúло то найвóльшою изъ мнóгихъ причúнъ томѣ, що онú въ XV. и XVI. столѣтiѧхъ могли вúти нѣмúми лúшь св'Едками волéнiй пристрáстныхъ Мадáрскихъ Магнатóвъ, котрiи неóмаль всю южнѣ и зáпаднѣ чáсть Оу̑гóрщины черéзъ безкоу̑стáнныи войны то съ Нѣмцями то съ Тѣрками въ згáрище и нѣстопóлицю оверúли. Рѣсинъ найшóвши въ недостѣпныхъ свóихъ л'Есáхъ и горáхъ прирóднѣю кр'Епость, зас'Ели сѧ въ тѣю — и лишь съ сос'Ѣдными гóродами сообщáли сѧ въ м'Ерѣ свóи потрéбы. Такóжъ и религiйнiи пр'Енiѧ приверженц'Евъ Реформáцiи Лютра и Калвúна не мáли найм'Ешшого вплúву на Рѣсинóвъ, котрiи при-

лагнѹвши цѣлкѡмъ сéрдцéмъ до прáдѣднаго свóго óбрада востóчнои Цéркве жáдною человѣческою сѝлою не дáли сѧ ôтвестѝ ôтъ свóего Богочéстїа áнѣ ôтъ свóихъ народныхъ звычáевъ и обычáевъ. Дарéмнїи вѡли всѣ оу̑сѝлїа Запóлїи, Бóчкаа и Бéтлена, хотѣвшихъ корѹнѹ Оу̑гóрщины на своѝ гóловѹ вложѝти, а нáкеть хѝтростїю ихъ сдѣланое пôдчинéнїе Рѣсинóвъ и Ромѡнóвъ (Волохóвъ) пôдъ влáсть Трéцкои Пóрты, за котрóи пóмочїю дѧмали своѝ цѣль осагнѹти, не потагнѹло ничъ бóльше за совóю, ѩкъ, що Невѣрники безъ милосéрдїа выпераáли черéзъ не дóлгїй часъ дань ôтъ свóихъ пôддáныхъ рѣскихъ и ромѡньскихъ; — во оу̑жѣ д. 31. Жóлтня р. 1687. прїймѝли Оу̑гóрскїи Стáны предложéньє Цѣсара Леопóлда I, взглáдомъ оногóшенѧ Оу̑гóрщины за наслѣдственный корѹнный крáй Áвстрїи. Орѹжїе Áвстрїйское вѡперло пóлки Сѹлтáна мáло помáлѹ изъ предѣлóвъ Оу̑гóрщины, освободѝло оу̑гнетéныхъ ôтъ тѧжкого ѝга, положѝло гáть безправїю и своевóльствѹ, привернѹло порáдокъ въ цѣлóмъ краю и завеспéчило кóждомѹ жѝтелеви законнѹ оборóнѹ.

Про тѣснотѹ велѝкѹ въ горѝстыхъ сторонáхъ переселѝли сѧ мнóжаи рѣскїи родѝны р. 1749 зъ ôтсы въ нѡнѣшнюю Сéрвскѹ Боснóдинѹ, въ котрóй числóмъ 8,612 въ Бáчскóй и Срѣмскóй столѝцахъ а ѝменно въ сéлахъ Кéрестѹрѣ и Кѹцурѣ мéшкаютъ. Онѝ, що до вѣроисповѣдáнїа, налéжатъ до Сѝархїи Крижéвскои и мѝмо малóго числа своéго не слїáли сѧ съ окрѹжáючими ихъ народностьми, но розличáючи ихъ совствéнно познáки задéржѹютъ вѣрно.

Ромѡни (Волóхи) сѹть похождéнїа Романьского и II. оу̑жѣ столѣтїа пôдъ Трáяномъ Імперá-

тором҃ Ри́мскимъ изъ Іта́ліи посели́лися въ Да́кію и Пано́нію (Оу҃го́рщинѣ) — а смѣша́вши ся въ продолже́нїи вре́мене съ Слава́нами прїи́ми́ли о҃тъ тѝхже мно́гїи въ общежи́тїю о҃у҃жи́ванїи слова, котры́хъ до ны́нѣ въ бе́сѣдѣ и письмѣ о҃у҃потребля́ютъ. Ихъ соверше́нное къ вѣ́рѣ Христїа́нскоѝ обраще́нїе належитъ около 940 го́да прїи́ми́ти, о҃тъ котро́го то часъ они́ при о́брядѣ восто́чнои Це́ркве непоколеби́мо остаю́тъ. Хотѧ они́ бы́ти мо́же ны́нѣшнїи сѣ́дѣлщпа въ сѣ́верно восто́чныхъ сторона́хъ не задо́лго зразъ по пе́рвшо́мъ ихъ прише́ствїи займи́ли, то одна́кожъ ста́ло съ то́е числе́нѣйше и значи́тѣйше р. 1285 по́дъ Царе́мъ Ладисла́вомъ Кѵма́номъ, коли́ Татары по разъ вто́рый въ Оу҃го́рщинѣ съ вдѣ́рли. Сей Царь призва́вши Ромы́но́къ на Восто́цѣ въ Держа́вѣ Імпера́тора Андро́ника посели́вшихъ ся, побѣди́лъ за ихъ помочїю напа́стныхъ Татаръ, а прогна́вши тихъ послѣ́дныхъ изъ предѣ́ловъ сво́ихъ земе́ль, опредѣли́лъ приспѣ́вшимъ емѹ̀ къ по́мочи Ромы́намъ (Воло́хамъ) жи́лища въ столи́цахъ Бере́гскоѝ, Оу҃го́чскоѝ и Мара́моро́шскоѝ, изъ котры́хъ вѣроя́тно они́ да́льше на за́падъ и ю́гъ ся розшири́ли. Въ слѣ́дствїе безпреры́вныхъ непокоє́нїй о҃тъ иноплеме́нниковъ вы́йшла бо́льша зъ нихъ ча́сть по́дъ нача́льствомъ Богда́на изъ Бере́гскои столи́цѣ въ Молда́вїю и въ ны́нѣшнюю Бѹ̀ковинѹ̀ — про́чїи же Ромы́нїи то́и столи́цѣ слїа́ли ся съ Рѹ̀сина́ми.

Ромы́нїи въ про́чемъ хотѧ бли́жшїи бы́ли злопа́матныхъ новоє́вицъ, на котры́хъ чере́зъ два неѡ́маль столѣ́тїѧ широ́кїи стрѹ̀ѣ крви ся проливали, стара́ли ся одна́кожъ зо́стати безсторо́нными и лишь въ оборо́нѣ сво́ихъ правъ

сѝлько выстѣпáли — а находячѝ достатóчнѣ потѣхѣ въ своéмъ вѣроисповѣдáнію не дáли сѧ ѿтъ тóго жáдными ѹ҆сѝлïями Реформáторѡвъ ѿтвестѝ.

Мадáри (Ѹ҆гри), котрúхъ отéчество вѣроáтно есть нúжнúшна крáйна Казáнъ въ Азïи, захвачéнïи волнáми проходáчихъ нарóдѡвъ, онѣстúли свой сѣдáлища и кáко кочѣючïй нарóдъ черéзъ дóлгïй часъ мѣнúли тúже. Передъ пришéствïемъ въ Панóнïю (нúжнúшнѣ Ѹ҆гóрцúнѣ) мéшкали онѝ три послѣднïи лѣтà (ѿтъ р. 930) мéжи Славянáми зовóмыми Хазáрами, окóло нúжнúшнюю Молдáвïи; по зъ ѿтсы Пацинáцитами вúцертïи, потомъ въ Валáхïю и Бессарáвïю, а тѣ зновъ тúми самúми нарóдомъ пóзднѣйше тúсненïи вергли сѧ на Панóнïю и пóдвúли тѣю двомà ѿтрáдами, изъ котрúхъ одúнъ пóдъ вóждомъ Ирнáдомъ черéзъ Семиградъ и крáй надднáйскïй, а дрѣгïй пóдъ Ламáномъ черéзъ Хровáцïю (Галúцïю) и крáй рѣскïй Ѹ҆жскïй въ предѣлы Ѹ҆гóрцúны прïйнúли. Недолгò стоáло Велúко-Моравское Кнѧжество, но ѹ҆жè р. 980 черéзъ ѹ҆дáры пришéлцѣвъ встрясло сѧ тóе въ своúхъ пóдвалúнахъ и стáло сѧ нúхъ здобúчею. Щастлúвïи вóйны съ сосѣдúмыми Держáвами ещè вóлюше ѹ҆твердúли дрóнъ Мадáрѡвъ, котрïи зашúвши своè кочѣюшее житьè мáло помáлѣ прúсвоïли совѣ звúчáѣ и обúчáѣ тúхъ, которúхъ стáли сѧ владѣтелми. Свѣтло Христïáнства прогнáло тьмѣ таготáчѣ на нúхъ ѹ҆мѣ, а такъ зъ Ѹ҆грáлскон дúчи стáлъ сѧ по не дóлгóмъ часѣ земледѣлческïй нарóдъ. Нéрвое сѣмя Христïáнства керженó помéжи тѣй нарóды р. 940, колú онѝ провѣáючи мéжи Хазáрами стáли сѧ сообщáти съ Царигрáдомъ, где нúхъ два

вóжды Бѣлчѣ и Дѣла дáли сѧ окрестúти и сѧ союóю Епúскопа Ѥ е р о д é а сѧ мнóгими грéческими свящéнниками для проповѣдáнія вѣры Христóвой мéждѹ свóими соплемéнниками привелú. Бóльша сиѣ чáсть Мадáрóвъ лишúла сѧ поганьства пришéдши къ Оугóрщинѣ, къ котрóй óужѣ Ромúнóвъ, Рѣсинóвъ, Словáкóвъ и Болгáръ сѧ 7 Епúскопствами застáли. Численнѣйшое залúшенїе поганьства послѣдовáло пóдъ Оугóрскимъ Воевóдою Гéйзою, котрúй оженúвши сѧ сѧ Христiáнкою Шарóлтою, дóчерїю Семиградского Воевóды Дюли, склонúлъ сѧ къ принáтїю Христiáнства и повѣдúлъ свóимъ примѣромъ мнóгихъ къ послѣдованїю емѹ. — Наконéцъ пóдъ скúпомъ егò Бóйкомъ, къ свáтомъ крещенїи назвáнымъ Стефáномъ послѣдовáло совершéнное обращéнїе Мадáрóвъ къ вѣрѣ Христóвой. Всѣ Мадáри вѣроáтно исповѣдáли зъ начáла вѣрѣ Христóвѣ по óбрядѹ костóчной Цéркве и лжи за посóбїемъ свúрѣли Стефáна, Гизéллѣ, Бавáрскои Княгúнѣ, пришéдшiи сѧ нéю нѣмéцкiи и чéшскiи свящéнники розширúли мáло по мáлѹ óбрядъ западнои Цéркве такъ, що всѣ неóмалъ Мадáри тóйже óбрядъ прїáли. Стефáнъ óучредúлъ мнóгiи тóгожъ óбряда Епúскопства и вѣнокáлъ тúже цéдро, но при тóмъ не позавúлъ и на остáвшихъ сѧ при древнѣйшомъ óбрядѣ костóчной Цéркве, котрiи мáвши óужѣ давнѣйше свóихъ Епúскопóвъ, пóдъ тимъ Царёмъ вѣно для мнóжащихъ монастúрей и церквéй полѹчúли.

Сѧ Андрéемъ III. вúгасъ (р. 1301) родъ Королѣвъ Оугóрскихъ плéмене Ариáдова (Ламáссóвъ), изъ котрóго мáла Оугóрщина 24 благорóдныхъ, а гдѣкотрúхъ изъ нихъ преслáвныхъ

Королѣвъ. Корѣна Оу҃горщины прїйшла за посредничествомъ Рѵ́мѣ до До́мѣ Индеґавского въ Неа́полю; а по́здн҃ѣйше оставáли Мадáри при прáвѣ обы́рана сво́ихъ Королѣвъ и давáли корѣнѣ Оу҃гóрщины, котóра властúво спадáла къ наслѣ́дїе Áвстрїи, то По́льщи, то Мадїю, сы́нови Гѣнѝáда, то знóвъ родúнѣ Ѭайло́новъ. — По смертѝ Людвúка I., послѣ́днего Ѭайло́на (р. 1526 погúбъ по́дъ Мо́гачомъ протúвъ Тѣ́ркамъ) по́днесли сѧ сúльно розлúчнїи стороннúцтва въ краю́ и розгорѣ́ла оу҃жáснаѧ война́ мѣ́жи Нѣмéцкимъ Царёмъ и могѣ́чними родúнами Запо́лúи, Веселúнихъ, Текéлúхъ и úныхъ. Крóмѣ тóго и Тѣ́рки полѣ́чúвши влады́нье въ Оу҃гóрщинѣ жесто́ко тóе испóлнáли. Въ тоже самóе врéмѧ начáли такóжъ и прихержéнцѣ Реформáцїи Лю́тра и Калвúна своюю́ повѣ́ наѣ́ки ширúти, и найшóвши мéжи Мадáрами, Нѣмцáми и Iталiáнцáми велúке соѣ́частїе, допѣ́скáли сѧ неслы́хáныхъ безчеловѣ́чїй. Всѣмъ несго́дамъ и оу҃сóвицамъ положúла кóнéцъ щастáйка о҃тмѣ́на въ Оу҃гóрщинѣ по́дъ Царёмъ Леопóлдомъ I., на котóго предложéнїе, ѣ́къ вы́шше оу҃жѣ́ скáзано, Оу҃гóрскїи Стáны обголосúли дрóнъ Оу҃гóрщины за наслѣ́дственный въ Нѣмéцко-Áвстрїйскóмъ мѣ́жескóмъ поколѣ́нию а по вы́гасненю тóгожъ въ Шпáньско-Áвстрїйскóмъ. При кóнцѝ р. 1687. корѣнóвано найстáршого цѣсáрского Прúнца Ióсифа I., и обголошéно ѣ́ко пéркшого наслѣ́дственного Королѧ Оу҃гóрщины. Велúка часть Ма҃гнáтóвъ, ѣ́ко отечестволюбныхъ сынóвъ соединúла сѧ съ мѣ́жественными сúлами Áвстрїйского вóйска, котрѣ́ по́дъ сво́имъ преслáвнымъ вóждомъ, Прúнцомъ Ѳгенїемъ Савáѳдскимъ

подъ Зе́нтою (р. 1697) и Петрокарадѝномъ (р. 1716) повѣдѝло и прогна́ло изъ краю Тѣрко́въ, тихъ то ненасытныхъ нѣако́къ Оу҃го́рщины, котрà о҃тъ то́го часѣ́ подъ правительстве́нною ла́стїю къ всѧко́мъ о҃тноше́нїи ѣ҃кклы ся о҃тродѝла.

Мнożа́йшость жи́тельства сѣ́верно-восто́чной Оу҃го́рщины есть кадолѝческого вѣ́роспове́да́нїа по о́брядѣ восто́чной Це́ркве; а и́менно Рѣ́сины сѣ́ть подъ 3 Епѝскопами: Мѣ́кача́вскимъ, Пра́шо́вскимъ и Велѝко-Вара́дскимъ; подъ двома́ послѣ́дными сѣ́ть тако́жь и Ромы́ни, котры́хъ одна́кожь преважнѣ́йша часть наѯо́дитъ ся подъ Велѝко-Вара́дскимъ. Про́чїи сѐи ча́сти Ромы́нии не сѣ́ть соединѐными съ за́падною Це́рквою. Мада́ри, Сло́вакы ѣ҃кы и Нѣ́мцѣ въ тихъ сторона́хъ обита́ючїи сѣ́ть по ча́сти Кадо́ликами по о́брядѣ латѝскомъ, по ча́сти Протеста́нтами Авгсвѣ́рского и Гелвѣ́цкого вѣ́роспове́да́нїа.

Юно́шество всѣ́хъ наро́дностїй ма́е спо́льнїи вы́шнїи оу҃чѝлища, а о́причь то́го и свої ла́снїи исклю́чно кадолѝческїи або исклю́чно протеста́нтскїи прихо́дскїи шко́лы, ѣ҃кы и искáтелѣ ста́нѣ дъхо́вного свої сѣ́менища.

Мада́ри пере́дъ колько́ма еще́ десѧтка́ми лѣ́тъ не ма́ли свої́ собственно́и лїтератъ́ры, — Латѝнщина ѣ҃кы въ це́ркви тако́ и въ шко́лѣ и оу҃ра́дѣ бы́ла неóмаль одно́кимъ сре́дствомъ сообща́ня ся. Наро́дный ихъ ѧзы́къ былъ ограничѐный лишь на непросвѣще́нѣ вертвѣ́ наро́да. Недавными одна́кожь часа́ми провѣ́дѝли ся и въ нихъ дъ́хъ наро́дный, а при велѝкихъ ихъ вещественны́хъ сре́дствахъ ста́ло просвѣще́нье и оу҃ нихъ на наро́дномъ пѣ́ти сѝльно розвива́ти ся.

Но и прочїи народности тогото краю, именно Рѣсиний и Словакиї какъ и Ромыни, не остаютъ на задѣ, и, по великъ имъ ихъ дѣховїи и вещественїи силы выстарчаютъ, ожившаютъ межи собою народно-дѣховное житїе и просвѣщеніе, къ чомѣ стремити основане р. 1850 „рѣское літературное заведеніе Пражовское“ за найголовнѣйшѣ задачѣ маѣ.

Земледѣлчество, промышленность и торговля къ тої части краю стоатъ неомалъ на рознѣмъ степени какъ въ Галиції.

В. К.

150.

Смерть на Празднику.

Ктось, якъ онъ зналъ ся, що намъ по тому,
Узрѣлъ въ самъ праздникъ смерть въ сновомъ дому;
Якъ припадало, просилъ сѣдати —
Не сѣла; а онъ: ступай ми зъ хаты!
Мѣсто наною, тай мѣсто страны,
Кидалъ онъ въ очи лихї ей справы.
Тай здѣлалъ чудо: смерть ся змѣшала,
И якъ могла, такъ ся извинила:
Господинъ въ дому добравши злости
Завзялъ ся стерти струнѣхлї кости,
Тай якъ то въ праздникъ давно бывало,
Взялъ смерть носити, що силы стало. —
Хватилъ ю въ руки якъ мотовило,
Ажь въ головахъ ся всѣмъ закрутило;
То въ задъ то въ передъ ялъ смерть крутити,
Нѣ ей дыхнути, нѣ то спочити;
Тай не лишилъ ся плохого дѣла,
Ажь ся засапалъ, а смерть умлѣла! —
Но такої гульцѣ анѣ му въ гадцѣ,
Що гостѣ зъ тиха шепчутъ си въ кратцѣ:

Же не красно́ такъ го́стёмъ крути́ти!
Ще ка́же сме́рти въ гру́ди ся бѣ́ти;
Тай дивѣ́тъ, въ всѣ́мъ ся повинова́ла
Хоть жена̀, му́жемъ зъ страху́ ся зва́ла!
За такѣ̀ дѣ́ло честь му та сла́ва!
Лише чи щи́ра сме́рти попра́ва?
Кто зна́ѳ, мо́же ле́да годи́на
Вы́веде въ по́ле сме́рть Господи́на!

Лука̀ зъ Ра́кова.

151.

Красота̀ Верхо́вины.

Ахъ ѣ́кже то красно̀, ѣ́кже то напове́дно въ нашо́й Верхо́винѣ! Не вѣ́повѣсь, не вѣ́пишешь, хо́тьвысь говори́лъ велича́вымъ шѣ́момъ мо́ря, ше́пталъ мя́гки́ми грѣ́дьмѝ ле́гота, леведѣ́лъ цвето́мъ соловѣ́я, писа́лъ всѣ́мѝ краска́ми свѣ́та. Кѣ́да̀ о́комъ верже́шь, всю́да непагля́дна ра́дость, неовмежи́ма величина̀! — Дивѝ ся! тамъ по пра́вой рѣцѣ́ широ́кій лѣ́съ, а въ ко́ло не́го по́дневе́сніи сте́ны, а въ ко́ло сте́нъ тыхъ кѣ́ка́ми лѣ́сочкѝ, въ ко́ло лѣ́сочко́въ ходо́вка, а ко́ло ходо́вки сонѣ́лка. Но лѣ́зѣ гне ся сребе́рнам рѣ́чка, въ рѣ́чцѣ истрѣ́жо́къ свобо́дно гѣ́ле, а по надъ рѣ́чкѣ́ шолко́вѝ цвѣ́ты, поме́жь цвѣтка́ми дѣ́тѝна. Я да́лѣй ха́тка на мало́мъ верѣ́жкѣ́, а въ ко́ло ха́тки высо́кій ѣ́лѝцѣ, а на ѣ́лѝци го́лѣ́вка. Я все кесе́ле, все ла́дне, все ле́гке, всю́да житїѐ вїѐ по́лными жи́лами, кити́тъ, гѣ́ле ра́достно, свобо́дно, ѣ́къ зъ по́ръ жива̀ водѝчка. Я если совѣ́ не вда́чишь тѣ́да̀ о́ко па́сти, то гла́нь на лѣ́во. Тѣ гля́во́ка де́вра, чорна́м везѝдна, въ ней дрѣ́мла́тъ ма́ры о̂тъ початкѣ́ свѣ́та; тамъ сѣ́мъ розложи́лъ чо́рнѣ́ю

колѣвѣ, и по первовѣчныхъ лѣсовыхъ конáрахъ розвѣсилъ дѫмы. Тѣ птúчка мúлѣ не зазвóнитъ пѣсню, тóскна сопѣлка воздѫхъ не провѣдитъ; хивà лишь вѣрх завúе стогнáми, та звѣрь кѣдлáтый зареве надъ жúромъ. Но внáть надъ тúми вездéнными смѣги, кзнóситъ сѧ новúй свѣтъ. Ершóкъ надъ ершкóмъ, горà надъ горóю пнѣ сѧ, врывáе до нéба. Чолóмъ ѣкъ безмéжнóмъ мóри на воздѫсѣхъ, стоно́ю ѣкъ безóдни розвалúцъ зéмныхъ, стоáтъ о колько óко сагнѫти козмóже, чимъ разъ ѣкъ синѣйшóй мрáцѣ свѣта, вéлити землѣ. Єдúнъ вúшшúй надъ дрѫгого, едúнъ синѣйшúй надъ дрѫгого. Я всѣ ѣкъ зóлотѣ, сѣ весéлымъ ѫкъ нéво лицéмъ. Часáми нѣвы призадѫмáютъ сѧ и сребéрнúи хмаркú облáжѫтъ имъ чолó, тогдáжъ не надѣйсѧ, анú и сóнце розвеселáло свѣтъ скóнмъ лúчкомъ, и онó закрúе сѧ хмарáми. Часáми зашѫмáтъ стрáшно, загдáтъ пѣснь разорéна и громáми розговóрятъ сѧ сѣ совóю; а оу́жáсъ прилáже все, цо живóе, птúчка ховáе сѧ ѣкъ гнѣздó оу́крúте, медвѣдь за гáрѫ нытáе. Часáми знов розсмѣвѣ сѧ сѣ нúми природа; воздѫхъ ѫкъ медомъ розлúе сѧ межь нúми, и ѫкáсь рáдость, ѫкáсь незнáна весéлóсть оу́дáритъ по всѣхъ ти жúлахъ. И шúрше стáнешъ грѫдьмú óтдыхáти и спóрше зачнѣ вúти сéрденько, ѫснѣйше блúснѫтъ зѣнúцѣ. Я ѫкъ ещѣ стáнешъ на найвúшшóмъ верхѫ, и глáнешъ ѣкъ окóло на тúи красóты, и змѣрúшъ óкомъ безóдню при тóвѣ, а надъ товóю безмéжностúй мóре, тогдáжъ взнесѣ сѧ дѫшà твоà къ горѣ, ѫкъ óный вéлитъ, цось на нѣмъ стопáми, и нѣвы тѣломъ влúзшúй нéвѫ, чолóмъ оу́дáришъ предъ престóломъ тóго, цо

го́ры и бо́ры, и зе́млю и мо́ре, и всю безме́жность держи́тъ въ сво́ей доло́ни. — Ахъ ѣкже то красно̀, ѣкъ наповѝдно, ѣкъ велича́во въ на́шой Верхо́винѣ!

И. Устїяно́вичъ.

152.

Графъ на Габсбургъ.

Балла́да — изъ Шилле́ра.

Въ Царско́й столи́ци, въ мѣстѣ Аквисгра́нѣ
Престо́лъ Монархо́въ Гра́фъ Ру́долфъ засѣ́лъ,
И та́мъ въ свѣтли́ци че́стно́й — старода́вно́й
Гу́чно день сво́го вѣнча́нїя чти́лъ:
Розноси́лъ страны Ре́на Палати́нъ,
Чехъ лїи́лъ добо́рныхъ по доста́ткомъ ви́нъ;
А Електо́ры: се́дмъ въ по́лно̀мъ числѣ
Ѣкъ ко́ло со́лнца ѣсни́ звѣ́здъ окру́ги
Ста́вши гото́вй Царю̀ до услу́ги,
Ура́дъ сво́й че́стный исполня́ли всѣ!

По̀дсѣнь окру́жна, по́лна ѣкъ набита́, —
Го́стей охо́чихъ наполня́лъ ю̀ ли́къ:
Ра́достнй пѣ́сни, — и „мно́гая лѣта!“
Мѣшали ся гу́чно съ хо́рами музи́къ;
Бо по укончѐню безцарствїя зва́дъ
Засїя́лъ у̀же ми́ръ и пожада́ный ладъ;
Судїй жезло́мъ скрѣпле́нои вла́сти,
И сло́вомъ пра́вды на землѝ влади́лъ,
А охоро́ну о̀тъ го́рдыхъ на́пасти
Сла́бшїй и ти́хїй дово́льну имѣ́лъ!

Тогды̀ по̀днѐсши золоты́й пуга́ръ,
Съ лицѐмъ весѐлымъ такъ промо́вилъ Ца́рь:
„Кра́сный сей пра́здникъ и учта премы́ла,
Чу́вствомъ утѣхи се́рдце наполни́ла,

Но вщéмь пѣвця óкомъ не дозрѣлъ,
Щобъ грýдь струéю небéсъ напóйлъ,
На крúлахъ пѣсни пóдиѣслъ мя до ráю!
Бо щомь зъ дѣтúнныхъ лѣтъ ще полюбúлъ,
Чимъ скрáнь рыцáрску при учтахъ здобúлъ,
Тóго въ цáрскóй днесь палáтѣ желáю!“

Тутъ! мéжи князéй всесвѣтлый совѣтъ
Выступилъ пѣвецъ въ новáжнóй сукмáнѣ,
Сúвый кáкъ гóлубъ, — зъ числа мнóгихъ лѣтъ,
Но вщѐ съ сúлою молодцú въ орхáнѣ. —
„„Знáю, що въ струнахъ звýкъ солóдкій спúтъ
Пѣвецъ утѣхи — и любóвци чтúтъ,
И выхвалúе, — що крáсне и гóйне;
Що сéрдце прáгне, чогò умъ желáе;
Но най твой пѣснь нúнѣ òтгадáе,
Що въ день вѣнчáня, Царй есть достóйне?““

„Но, — и ктóжь пѣвцю пѣти повелúтъ?“
Рече Цáрь ýсты пóлными весѣля, —
„Пѣвцемъ, Пáнъ бóльшій òтъ мéне рядúтъ:
Несподѣвана вотхновéній хвúля!
Бо кáкъ не знáемъ, изъ òтки сй взúлъ
Вúхоръ, що тúхій прáдухъ зволновáлъ,
Òтки водъ нóры въ глубинáхъ повстáли,
Такъ вѣтíи пѣснь зъ внýтръ похóдитъ вся,
Чýствія сóнній бýдитъ до житй,
Що дóсы въ сéрдцю непонúтно спáли!“

А пѣвецъ взúвши солóдкій ручáй,
Зачáлъ звукъ пѣсни съ струнами мѣшáти:
„„Зъ дворй на лóвы ѣхалъ рúцярь въ гáй,
Щобы нивúдкон дичины дóстáти;
За нúмъ нѣсъ хлонáкъ сайдакъ пóлный стрѣлъ;
А скóро бúстрымъ кóникомъ вступúлъ
На замаéнй цвѣтомъ оболóнѣ:
Гóлосъ звóнка ся о слухъ му òтбúлъ

Съ тѣломъ Христо́вымъ іере́и срѣти́лъ,
Церко́вникъ пре́домъ сѣчу нѣсъ въ доло́ни.““

„„А гра́фъ низо́нько къ земли́ ся схили́лъ,
Склони́лъ поко́рно го́лову о̂ткры́ту,
Що́бъ пра́вою ві́рою досто́йно почти́лъ
Того́, що спра́вилъ спасе́ніе сѣ́ту!
Но по́то̂къ бы́стрый, що тѣкъ сере́дъ ни́въ,
Зъ берего́въ вы́лилъ о̂тъ вчера́шнихъ зли́въ,
И подоро́жнымъ кла́лъ вели́кі та́мы;
Но іере́и Та́йны сложи́въ на обло́гъ,
Зача́лъ обу́вье изъува́ти зъ но́гъ,
Щобъ перебры́сти бо́сыми стопа́ми!““

„Що хо́чь чини́ти?“ гра́фъ му на сосрѣ́тъ;
А о̂нъ зъумѣ́лый такъ му повѣда́е:
„„Спѣшу́ до му́жа, що хо́рый лежи́тъ,
Душі посы́лку усе́рдно жада́е;
Але пріїшо́вши надъ пото́ка бро́дъ
Где бу́ла кла́дка, ле́дво ви́жю слѣ́дъ,
Съ но́води во́лною му́сѣла поплы́сти,
Но щобы́мъ ещѐ спасе́нія ча́сть
Запѣсъ слабо́му, нѣмъ ду́ха о̂тда́сть,
Спѣшу́ чимъ бо́рше бо́со перебры́сти.““

„„Ту́жь гра́фъ всади́лъ го на сво́го коня́,
Пода́вши въ ру́ки злоти́сті зуби́ла,
Щобъ нѣсъ слабо́му хлѣ́бъ спасе́нія,
До́ки спосо́бна хви́ля не упы́ла;
А са́мъ на слу́жки ко́нника у̂сѣ́лъ
И ху́тко далѣ́й на ло́вы займи́лъ.
Іере́й щастли́во дополни́вши хо́ду
Ти́хо, смирне́нько, лишь свѣтъ зазорѣ́лъ
Красно̀ съ подя́кою за таку́ выго́ду,
Гра́фови наза́дъ ко́нника привѣ́лъ.““

„А сохра́нь Бо́же! какъже бы я смѣлъ?“
Рече́ му Ры́царь поко́рными сло́вы;

„Коня, що Твóрца мóго ýжѐ носúлъ,
Знóвъ сѣдлáти на бóѣ и на лóвы!
Сли па свôй хосéнъ не вóзьмешь гó Ты,
То го услýгамъ Цéркви посвятѝ!
Бо я тóму го въ жéртву ôтступáю
Ôтъ Котрóго слáву и добрò все,
Дýшу и тѣло, — и самó житьѐ
Въ незаслужéнôй даровúзнѣ мáю!“

„„Нáйже Вáмъ Гóсподь стóкроть заплатúтъ!
Той, що немóщныхъ молúтвы пріймáѣ,
Такъ Вáсъ въ сѣмъ житю и въ будýщôмъ чтúтъ,
Якý честь нúнѣ ôтъ Васъ отбирáѣ!
Кóждый Вáшъ крáсный и рыцарскій чúнъ,
Голосный свѣту, зъ Швайцáрскихъ крайнъ;
Шѣсть дочóкъ гóжихъ, як цвѣты весняни,
Найже úмъ крáсна бýде дóля всѣмъ,
И процвѣтáютъ въ сóтне поколѣнье!
Най цáрскихъ вѣнцѣвъ шѣсть внесýтъ Вамъ въ дôмъ!““

Царь ся на тóѣ задýмалъ глубóко
Спôмнýлъ на слýчай промúнувшихъ лѣтъ;
И погля́нувши пѣвцю блúжше въ óко
Ôтгадáлъ зáразъ, що та пѣснь значúтъ:
Бо зъ лицá ýзрѣвши, що той сáмъ Їерéй
Въ рáдостнôмъ óцѣ слезъ рясненькій здрôй,
Закрылъ полáми багрянои шáты;
Всѣ погля́нули на лицѐ Царя,
А въ Нѣмъ познáвши тóго рыцаря
Зачáли прóмыслъ Бóжій величáти!

* * *

Вѣцого пѣвця натхнéнй слова
Шéсте столѣтіѣ слáвно дополня́я.
Бо вѣнцéмъ Цáрскимъ стрôйна голова
Ужѐ въ поколѣню десáтомъ сія́ѣ:

Габсбургъ, той соколъ, подъ солнце ся взбилъ,
И многи роды обилъ тѣнью крилъ;
А въ лютой бури, въ волнованію строгомъ,
Акъ середъ моря крѣпость зъ твердихъ скалъ
Неоскорбленый въ побѣдѣ стоялъ,
Доки, якъ Рудолфъ, поступав съ Богомъ!
Уже уста пѣвця шесть сотъ лѣтъ молчатъ,
Котри пророчимъ духомъ пѣснь спѣвали,
А цѣлый вице стоитъ союзъ святъ,
Хоть люти волны на него вставали;
А сли жезлъ правды, щиросты съ любвою
И надалъ сваже Народы съ собою;
Незадавнѣли права зъ рукъ природы
Удѣлитъ щиро, якъ дѣтемъ Отецъ
И въплете въ честный Прадѣдовъ вѣнецъ
Цвѣтки свѣженьки розумной свободы:
Тогды най бури въ кругъ скалы кипятъ,
Пѣна розирсне, — скала цѣла буде!
Бо Престолъ любовь людовъ укрѣпитъ
А найсильнѣйша крѣпость, — вѣрни груди!

Антонъ Л. Могильницкій.

153.

Псаломъ CIII.

Благослови душе моя Господа.

Іегова, Боже мой, колика слава, коликое Величество окрыжае Тебе! Ты облекъ ся светомъ; яко одежею.

Ты роспростеръ есь небо, яко шатро; Ты покрылъ есь чертоги Твои водою. Ты восходишь на облаки, якъ на колесници и носишь ся на крилахъ ветровъ. Бѣрь идутъ передъ Тобою а поломѣнь огненни спроводжаютъ Тебе.

Ты основа́лъ есь кѣ́лію зе́мнѣю на нёй само́й, и вѣ́рѣнкы ей не поколеба́тъ са. Ты покры́лъ есь ѩ̃ мо́рёмъ, ѩ̃ко свѣ́тою.

Во́лны шѣ́мѣли надъ гора́ми. Ты есь нагрозѝлъ имъ, а они́ оверѣ́ли са наза́дъ къ низинѣ, ѹ̃тоа́вши са гро́ма го́лосъ Тво́его. Го́ры возвышша́ютъ са; долины спѣска́ютъ са на мѣ́сто призначе́ное имъ Тобо́ю. Нѣко́ли бо́лыше не обе́рнѣ́тъ са во́ды покры́ти зе́млю; Ты положи́лъ есь пред'ѣ́лъ, которо́го они́ не перестѣ́пятъ.

Ты есь сопровождаю́чій исто́чники въ доли́ны; ихъ во́ды прохо́дятъ скро́зь го́ры. По́лкіи зѣ́рѣ́ приходя́тъ тѣ́да пи́ти и вельблю́ды ждѣ́ тамъ, авы ѹ̃толи́ти жа́ждъ свою́. На ихъ бере́га́хъ сѣда́ютъ пти́цѣ́ небе́сніи и спѣва́ютъ въ зеле́ни. Вершины го́ръ напа́ешь о́блаками. Вса земла́ насыче́на Тво́ею благода́тію стаѣ́ са плодоро́дною.

Ты повел'ѣва́ешь рости́ траѣ́ на ко́рмъ ско́тѣ́мъ, и расли́намъ, изъ кото́рыхъ произхо́дитъ хл'ѣ́бъ потре́бный до жита́ человѣ́кови и вѣ́но розвеселя́ючое се́рдце его́ и олѣ́й роспространя́ючій ра́дость по чол'ѣ́ его́. Насыче́ній стоя́тъ де́рева гаю́, ке́дри ливанскіи насажде́нніи рѣ́кою Тво́ею. На ни́хъ гнѣзда́тъ са пти́цѣ́; на высо́кихъ ѣ̃лицахъ овитае родъ ча́пль; се́рны ма́ютъ прибѣжи́ще своѣ́ на скала́хъ, кро́лики въ каме́нныхъ щели́нахъ.

Онъ сотвори́вшій лѣ́нь для розд'ѣле́нія вре́мени и со́лнце знаю́чое цѣ́ль тече́нія сво́его; Онъ возво́дитъ темноть и быва́е нѣ́чь. Тогды зѣ́рѣ́ дѣврове́нніи выхо́дятъ на по́ле; молодіи львы рыча́тъ за добы́чею и про́сятъ пожива́нія о̃тъ

Бо́га. Но ско́ро со́лнце засіа́е, они́ о҃у́же совра́нї лежа́тъ въ свои́хъ лего́вискахъ. Тогда́ выхо́дитъ челове́къ до дѣла свое́го а҃жъ до ве́чера. Го́споди, ѩ҃къ же то превосхо́дня сѣ҃тъ дѣла́ Твоя́! Ты всѣ рѣ́чи о҃у́строилъ еси́ съ безконе́чною премѫ́дростїю. Всѧ земля́ переполне́на есть благодѣ́ніями Твои́ми.

Не измѣри́мое мо́ре кишѝтъ мно́жествомъ живо́тенъ малы́хъ и бо́лшихъ. Тамъ пла́ваютъ корабле́й, тамъ ды́ры обита́ютъ и игра́ютъ съ колина́ми.

Всѣ о҃у́повая́тъ на Те́бе, а Ты дае́шь и́мъ ко́рмъ въ то́е вре́мя, коли́ потребѫ́ютъ. Ты дае́шь, они́ собира́ютъ ѧ; Ты простира́ешь рѫ́кѫ Твою́: они́ всѣ напола́ютъ ся благослове́нїя.

Отвре́нешь ли лицѣ́ Твое́: они́ о҃у́страша́ютъ ся, о҃тъ́ймешь ли и́мъ дыха́ніе: они́ изчеза́ютъ и обрета́ютъ ся зновъ въ по́рохъ. Дасѝ ли и́мъ зно́въ дыха́ніе Твое́: они́ ожи́вотвора́ютъ ся и лицѣ́ земли́ѣ обновля́е ся.

Въ вѣ́ки на́й вѫ́де благослове́нно и́мя Іегѡ́вы! Онъ ся́мъ на́й ра́дѫе ся о сотворе́нїяхъ свои́хъ. Онъ, о҃тъ кото́рого взо́рѫ земля́ содрога́е ся, о҃тъ кото́рого доткновѣ́нїя го́ры ды́момъ конто́тятъ. Чере́зъ всю жи́знь мою́ спѣва́ти вѫ́дѫ Іегѡ́вѣ, хвали́ти Бо́га мо́его, до́ки живѫ́. О вѫ́дь Емѫ́ о҃у́годною бѣ́сѣдо моя́! Онъ оди́нъ есть моя́ ра́дость, онъ оди́нъ есть моѣ́ пра́стке. Пропа́дьте ся шѫ́момъ всѣ оскорбля́ючїи Его́ и заги́нькте; ты́же дѫ́шѣ моя́, благослови́ Го́спода!

В. Во́лянъ.

Содержаніе.

Число		Страница.
1.	Правило житѣ. — *Василій Ковальскій* . .	3
2.	Добра мати (подлѣ Гевлѣ). — *В. К.* . .	—
3.	Пчолки и ихъ мати. — *Чарнянъ Маковицкій*	7
4.	Байки *Лессинга*:	
	I. Добродѣтельства — *В. К.*	8
	II. Левъ и заецъ. „	—
	III. Конь и быкъ. „	9
	IV. Орелъ и гѣска. „	—
	V. Волкъ и овчарь. „	—
	VI. Хлопчина и гадина „	10
	VII. Лисъ „	11
5.	Яка страва, така заплата. — *В. К.* . .	—
6.	Загадка. — *А. Духновичъ*	13
7.	Байки. — *ІА. Балагура*:	
	I. Ракъ и корона	—
	II. Волкъ и телята	14
	III. Пчола	—
	IV. Жмѣль и пчола.	15
8.	Овца и Газда (Байка). — *Лука зъ Ракова*	—
9.	Приповѣдка народна	16
10.	Шпоньска родина (Изъ Цимермана).—*В. К.*	—
11.	Прапоръ. — *В. К.*	18
12.	Два спѣвакы. — *В. Зборовскій*	19
13.	Лисъ и корѣтъ. (Байка). — *В. К.* . . .	20
14.	Повѣжденье зла. — *В. Волянъ*	21
15.	Споръ звѣрѣвъ о первенствѣ (подлѣ Лессинга). — *В. К.*	22
16.	Молодый заецъ. — *В. К.*	24
17.	Левъ. — *В. Волянъ*	25
18.	Найденый ослы. — *В. К.*	27

Число Сторона.
19. Самохва́льство. — *В. К.* 27
20. Го́рдая гѣска. „ 28
21. Сре́дство проти́въ смерти. — *В. К.* . . —
22. Кре́пкый человѣкъ. „ . . 29
23. Во́лъ и оселъ. (Ба́йка) . . . . . —
24. Штѣчка. — *В. К.* 30
25. Лю́ова дити́на. — *И. Наумо́вичъ* 31
26. Богъ зна́е, чимъ чоловѣка кара́ти ма́е. — *Мих. Тимя́къ* 32
27. Весно́вка. — *М. Р. Шашке́вичъ* 36
28. Деревце́. (Ба́йка). — *Вас. Зборо́вскій* . . . —
29. Молоды́й вѣкасо́вичъ. — *В. К.* 38
30. За́гадка. — *А. Духно́вичъ* 39
31. Ива́сь въ щастю (по́для Гри́мма). — *В. К.* 40
32. Ко́минъ и коро́на (Байка). — *Лука́ зъ Ра́кова* 47
33. Хо́дъ до пи́санои кирии́цѣ. (Оӱрывокъ). — *И. Усціяновичъ* . . . . . —
34. Надгро́вникъ сварли́вой женѣ. — *М. Козано́вичъ* 49
35. Стари́й песъ (по́для Гри́мма). — *В. К.* . —
36. Знамена́ погоды. — Перемышляни́нъ . . 51
37. Цвѣткы до вѣника че́сти и вра́тнѣи любвѣ. — *В. К.* 57
38. Слонъ. — *В. Во́лянъ* 58
39. По́то́къ, ставъ, со́нце. — *Лука́ зъ Ра́кова* 63
40. Казка: „Такъ свѣтъ плати́тъ.“ — Перемышляни́нъ 64
41. Що есть лѣчше? — *И. Гушале́вичъ* . . 69
42. Прите́ча о вавилоцѣ. — Вѣстникъ 70
43. Скита́лецъ. — *В. К.* 72
44. Два товарищѣ. — *И. Усціяновичъ* . . . —
45. Крещенье Володимі́ра Велі́кого и Кіевля́нъ. — *Анш. Добря́ньскій* 76
46. Си́ла дѣха человѣческого. — *И. Гушале́вичъ* 80
47. Мале́ и велике. — *В. К.* 81
48. Свѣтъ надзе́мный. — *М. Малино́вскій* . 82

Число. Страница.
49. Образъ смéрти. *Г. Вóлянъ.* 85
50. Кто достойнѣйшій? — *Лукà съ Рáкова* . 86
51. Пáѣкъ (изъ Гéвлѧ). — *В. К.* 87
52. Кúтицѧ розноцвéта. — Новины, — *И. Гушалéвичъ.* — *В. К.* 89
53. Зéрна длѧ родúнной нúвы. — *В. Зборóвскій* 90
54. Пóвѣстка изъ Ѧзлѧ Гéллїѧ. — *В. К.* . . 92
55. Бандѓрúстъ. — *Маркіянъ Р. Шашкéвичъ* . 93
56. Человѣколюбúе. — *В. К.* 95
57. „Колú вѣда éсть найвóльша
Быва́е пóмочь найвлúжша:“
I. Мáркъ Ѧгрелúй. — *В. К.* 96
II. Описѣдѣнїе мѣста Писвúи. — *В. К.* . 97
58. Корабéль воéнный. — *В. К.* 98
59. Лéгко прúйшло, лéгко и пóйшло. (Казка). — *Влад. Даль* . . . . . —
60. Мáти и дѣти. — *Чарнянъ Маковúцкій* . 104
61. Песъ зъ горы Св. Бернáрда (пóдлѧ Бакернаґлѧ). — *В. К.* 105
62. Пригóда въ лѣсѣ. — *Марк. Р. Шашкéвичъ* 107
63. Рѣчка. — *ІА. Головáцкій* 110
64. Ошúбка въ розчетѣ. — *В. Вóлянъ* . . . 111
65. Дóбра рецéпта. — *В. К.* 112
66. О благодáрности. — *В. Вóлянъ* 114
67. Дрѯжеска гостьвà. — *В. К.* 116
68. Зáгадка. — *А. Духновичъ* 117
69. О звѣздахъ. — *М. Малúновскій.* . . . —
70. Богъ надѣѧ! — *В. К.* 123
71. Рóдство и слѯжба (Казка). — *Влад. Даль.* —
72. Любовь дѣтúй къ мáтери. — *Чарнянъ Маковицкій* 131
73. Пештúньскій кальный торгъ (ѿрмарокъ). (пóдлѧ Кóла). — *В. К.* 132
74. Зáгадка. — *А. Духновичъ* 154
75. О солнци. — *М. Малúновскій* 155
76. Моисéй Мéнделсонъ. — *В. К.* 156

Число		Сторона.
77.	Подоро́жный. — Пчола̀	158
78.	Проценье овѝдъ. — *В. Во́лянъ*. . . .	160
79.	Ла́стовка и коровѐцъ. — Пчола̀ . . .	161
80.	Дро́хва (изъ Фогла). — *В. К.*	—
81.	Ѣ́рла́къ. — *И. Гушале́вичь*	163
82.	Ког^{ѣ}тъ (изъ Ленца). — *В. К.* . . .	165
83.	Пчола̀ и мотѣ́ль. — *Лука̀ зъ Ра́кова* . .	168
84.	Оу^{ѣ} те́бе са́мого есть сво́й ро́зумъ — *IA. Головацкій*	169
85.	Хмарола́мъ. — *М. Козано́вичь*	171
86.	Смерть. — *В. К.*	178
87.	Ико́въ Гро́вскій (Сказка посмертна). — Зорѝ га́лицка	—
88.	О Венерѣ или Зо́рницы. — *М. Малиновскій*	183
89.	Мѣ́дрый сѣдѝ. — *В. К.*	184
90.	Ко́тъ сѣ́лъ четы́ри волы́. — *М. Козано́вичь*	185
91.	О́тказъ	189
92.	Камѣнь. — *В. К.*	194
93.	За́воды съ волка́ми. — Вѣстникъ . . .	195
94.	Мѣ́дрый быкъ. — *Лука̀ зъ Ра́кова* . .	201
95.	Сомнѣ́тельное взгля́домъ терпѝвости. — *В. К.*	—
96.	Ле́ршикъ и волкѝ (по́д. Шѣверта). — *В. К.*	202
97.	Велѝкій снѣ́жный гря́ды. — *В. К.* . . .	204
98.	Дождь сѣрко́вый. — *В. К.*	205
99.	Дождь жа́вчій. „	206
100.	Дождь кра́вый. „	207
101.	Оу^{ѣ}ченый панъ и про́стый Иванъ. — *М. Козано́вичь*	208
102.	Іоа́нъ ми́лостивый. — *В. К.*	209
103.	Ѣ́дь це́дрый. „	210
104.	Щедрота̀ (изъ Ри́хтера): I. Іоа́нъ ми́лостивый. — *В. К.* . . .	211
	II. Серапіо́нъ Сѵнодѝтъ. „ . . .	212
105.	Житьѐ (Казка). — Пчола̀	213
106.	Кво́ка и кѣ́ратко. — *В. К.*	215

Число		Сторона.
107.	Оцѣненье по слѣшности. — *В. Волянъ* .	217
108.	Бѣра. — *И. Гушалéвичь*	—
109.	Яврехтъ (IV.) Графъ Гавсбѣрскій праща́е са съ свое́ю роди́ною въ гро́бници въ Мѣри (по́дла Цигле́ра). — *В. К.* . .	221
110.	Слеза́. — Новины	224
111.	Два пазгй. — *В. К.*	225
112.	Чіе́ ни́нѣ, чіе́ за́втра?.— *И. Гушалéвичь*	226
113.	Ли́стье и цвѣтъ (по́дла Жеанъ Пола).— Зорй га́лицка	227
114.	Весна́. — *ІА. Геровскій*	228
115.	Звѣзда́рскій вѣдомости оу́ сельскихъ люді́й. — Перемышляни́нъ	229
116.	Галиці́а. — *В. К.*	232
117.	Нерна́стный. — *М. Р. Шашкéвичь* . . .	249
118.	Хо́дъ на Острѣ Кѣчи́ркѣ (Оу́рывокъ). — *И. Усціяновичь*	250
119.	До Зорй. — *И. Гушалéвичь*	253
120.	Похожде́нье До́мѣ Га́всбѣргъ (по́дла хро́ники Я. Цигле́ра) — *В. К.*	254
121.	Ядинаисъ. — *ІА. Геровскій*	259
122.	Водоспадъ Пръта ко́ло До́ры. — Зорй га́лицка	262
123.	Людске се́рдце и людска ко́ла. — *Гриць Кукурудза*	264
124.	Блаженный камень (Оу́рывокъ изъ епическо́го стїхотворенїа „Скитъ Ма́навскій“). — *Анш. Л. Могильницкій* . . .	—
125.	Житье Іоа́нна Сне́гѣрского — *Іо́сифъ Лозиньскій*	272
126.	Іо́сифъ II., ѣко ора́чь. — *В. К.* . . .	284
127.	Чарѣючій господа́рь. „ . . .	286
128.	Ива́нъ Шкы́дкій. — *Левъ Трещаковскій*	287
129.	Псалмы Рѣслановй: I.	—
	„ „ II.	288
	„ „ III. Вѣно́къ	289

Число		Сторона
130.	Два скѣцѣ. — *В. К.*	290
131.	О лѣнѣ (мѣсяцы). — *М. Малиновскій*	291
132.	Тайный овѣдъ. — *В. К.*	294
133.	Домовѣ житьѣ Граничарѣвъ (подлъ Гицентера). — *В. К.*	295
134.	Загадка — *А. Духновичь*	299
135.	Старикъ. — *В. Волянь*	—
136.	Осовлившa хороба. — *В. К.*	300
137.	Єврейскіи мелодіи (изъ Лорда Байрона) *И. И. Бужанѣнько*	302
138.	Прогълька по Семеринѣ. — *В. Волянь*	303
139.	Пѣснь житъ. — *Ив. Гушалевичь*	309
140.	Левъ и лисъ. — *В. Волянь*	310
141.	Бойтъ Подольскій. — Зорѣ галицка	—
142.	Благодарность (изъ Рихтера). — *В. К.*	317
143.	Лакомство:	
	I. Царь Никифоръ. — *В. К.*	319
	II. Король Яршертъ. „	322
144.	Назкъ, мѣха и синицѣ. Зорѣ галицка. *Е. Г.*	323
145.	Вѣрность слѣгѣ. — *В. К.*	324
146.	До здорова (подлѣ Кохановского). — *Іос. Левицкій*	328
147.	Границѣ гостинности. — *В. К.*	—
148.	Повѣстка старого Сабы зъ Подгорѣ, австрійского вожа. — *Анш. Л. Могильницкій*	329
149.	Сѣверо — восточна Угорщина. — *В. К.*	342
150.	Смерть на Праздникъ. — *Лукà зъ Ракова*	352
151.	Красотà Верховины. — *И. Усціяновичь*	353
152.	Графъ на Габсбргъ (Баллада изъ Шилера). — *Анш. Л. Могильницкій*	355
153.	Псаломъ CIII. „Благослови дѣшѣ моя Господа“ — *В. Волянь*	359

Рѣше́нїѧ загадо́къ:

Число	Сторона	
6.	13.	*Звонъ.*
30.	39.	*Ли́стъ.*
68.	117.	*Плу́гъ.*
74.	154.	*Пра́ва и ле́ва рука́.*
134.	299.	*Му́ха.*

BINDING SLIP FEB 3 1966

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

PG
3826
K65
1852a

Koval's'kyi, Vasyl'
Ruska chytanka dlia nyzhshoi gymnazii

27